

экономические и социальные перемены

№ 1 (179)
январь — февраль 2024

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

СОЦИОЛОГИЯ
СТАРЕНИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2024. — № 1 (179). — 283 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

А. А. Зудина

Субъективная отдача от некогнитивных навыков на российском рынке труда:
на примере удовлетворенности работой..... 3

Л. А. Видясова, И. А. Григорьева, А. С. Кривошапкина

Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме
с портала Роструда «Работа России» 26

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Я. Н. Крупец, Е. С. Балацук, А. Н. Кравцова

«Потому что я не могу сидеть на месте»: анализ агентности современной
российской молодежи на примере крафтовых предпринимателей
Санкт-Петербурга 48

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Д. М. Логинов

Россияне в период «коронакризиса»: как изменилась жизнь
за пределами мегаполисов? 71

Е. А. Ходжаева

Оценка достоверности официальной статистики преступности посредством
независимых виктимизационных опросов (RCVS 2018, 2021):
случай «удаленных» имущественных преступлений 93

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ

Н. А. Скобелина

Система долговременного ухода в представлениях и оценках студентов
и получателей услуг в форме надомного обслуживания
в Волгоградской области 115

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: январь — февраль 2024 137

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

М. Г. Колосницына, А. Золотарёва

Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19
и потребление алкоголя..... 148

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Е. А. Варшавер, А. М. Хабибуллин, А. Д. Самосудова, А. В. Шульц

«По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации десцентного
классификаторного правила, регулирующего членство
в этнических категориях в современном Дагестане 176

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

A. V. Kim, D. V. Maltseva

Structural Stability of the Russian Sociologists' Online Community:
2011—2018 202

О. Р. Михайлова, П. А. Гавриленко, А. С. Струкова, К. Н. Поливанова

Разработка и оценка качества опросника учебно-организационной
самостоятельности школьников на выборке родителей в России..... 229

М. Н. Желизнык

Опыт использования метода неоконченных предложений
в изучении образов «героя» и «антигероя» нашего времени 257

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

С. Г. Ушкин

Левиафан 2.0: как Томас Гоббс предугадал революцию искусственного
интеллекта и больших данных?
Рец. на кн.: Runciman D. The Handover: How We Gave Control of Our Lives
to Corporations, States and AIs. London: Profile Books, 2023 276

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2493](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2493)

А. А. Зудина

**СУБЪЕКТИВНАЯ ОТДАЧА ОТ НЕКОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА:
НА ПРИМЕРЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ**

Правильная ссылка на статью:

Зудина А. А. Субъективная отдача от некогнитивных навыков на российском рынке труда: на примере удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 3—25. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2493>.

For citation:

Zudina A. A. (2024) Subjective Returns to Non-cognitive Skills in the Russian Labor Market: the Case of Job Satisfaction. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3–25. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2493>. (In Russ.)

Получено: 19.09.2023. Принято к публикации: 05.02.2024.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОТДАЧА ОТ НЕКОГНИТИВНЫХ НАВЫКОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: НА ПРИМЕРЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ РАБОТОЙ

ЗУДИНА Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: azudina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9004-0107>

Аннотация. Статья представляет альтернативную оценку отдачи от некогнитивных навыков на российском рынке труда, анализируя их взаимосвязь с показателями удовлетворенности работой. Данная тема ранее подробно не рассматривалась в специализированных российских экономических исследованиях и впервые изучена в настоящей работе на данных общенационального выборочного обследования домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2016 г. Анализ основан на оценивании порядковых пробит-моделей отдельно для мужчин и женщин. Проблема эндогенности решалась с помощью процедуры коррекции Хекмана для порядкового пробита. Полученные результаты свидетельствуют, что российский рынок труда предъявляет «универсальный» спрос на занятых с выраженной склонностью к добросовестности, экстраверсии и эмоциональной устойчивости, которая вознаграждается более комфортными (с точки зрения восприятия работников) характеристиками рабочих мест, что согласуется с результатами зарубежных исследований. Ориентация на познание и творчество в целом не приносит значимой отдачи в виде

SUBJECTIVE RETURNS TO NON-COGNITIVE SKILLS IN THE RUSSIAN LABOR MARKET: THE CASE OF JOB SATISFACTION

Anna A. ZUDINA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Centre for Labour Market Studies
E-MAIL: azudina@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9004-0107>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper analyzes the relationships between non-cognitive skills and various measures of job satisfaction, providing an alternative assessment of the returns to non-cognitive skills in the Russian labor market. This topic has not previously been considered in Russian economic studies and, within this study, was investigated for the first time using a nationally representative data of Russia Longitudinal Monitoring Survey Higher School of Economics (RLMS HSE) for 2016. Econometric analysis was based on the estimation of ordered probit regression models separately for men and women, with Heckman correction procedure performed to combat endogeneity. The results obtained indicate that the Russian labor market provides a “universal” demand for workers with a pronounced conscientiousness, extraversion, and emotional stability, which is rewarded with more comfortable jobs (based on subjective assessments), which is consistent with the results of existing research. Orientation toward cognition and creativity, however, does not lead to higher self-esteem, moreover, openness is strongly associated with lower levels of satisfaction with pay among both men and women, emerging

более высокой самооценки. Кроме того, склонность к открытости значимо связана с более низкими оценками удовлетворенности оплатой труда как среди мужчин, так и среди женщин. Полученный результат сигнализирует о воспринимаемом несоответствии характеристик рабочего места и структуры человеческого капитала работников на российском рынке труда.

Ключевые слова: некогнитивные навыки, человеческий капитал, удовлетворенность работой, РМЭЗ НИУ ВШЭ

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325). Автор выражает признательность за ценные комментарии Н. Т. Вишневской.

Введение

Удовлетворенность работой выступает важнейшим фактором оборота рабочей силы [Lee, Sabharwal, 2014] и производительности труда на рабочем месте [Vichet, 2018], поэтому находится в фокусе постоянного внимания исследователей экономики персонала, экономики и социологии труда, а также организационной психологии¹. Это надежный показатель характеристик труда и условий занятости, позволяющий получить важную информацию о положении работника, которая не исчерпывается заработной платой и материальным благополучием [Freeman, 1978]. В зарубежных странах изучение удовлетворенности работой приобретает особую актуальность в контексте возрастания показателей соотношения наймов и увольнений на предприятиях в бюджетных и некоммерческих секторах экономики [Lewis, Cho, 2011]. Среди факторов удовлетворенности работой рассматриваются как характеристики самого работника и рабочего места [Kalleberg, 1977; Монусова, 2008; Поплавская, Соболева, 2017; Smirnykh, 2023; Котырло, 2023] и региональные макропоказатели [Вередюк, 2018], так и степень соответствия (так называемый мэтчинг) параметров рабочего места полученному работниками образованию и навыкам [Allen, van der Velden, 2001; Varshavskaya, Podverbnykh, 2023]. При успешном мэтчинге эффективность использования полученных навы-

as a possible signal of a perceived mismatch between jobs requirements and human capital structure.

Keywords: non-cognitive skills, human capital, job satisfaction, RLMS HSE

Acknowledgments. The article was prepared within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2022-325). The author expresses special gratitude to Nina Vishnevskaya for her helpful comments.

¹ Обзор исследований о влиянии удовлетворенности работой на поведение см. в [Judge, Klinger, 2008].

ков и знаний увеличивается, способствуя, при прочих равных условиях, повышению производительности труда и заработной платы, удовлетворенности работой и показателей субъективного благополучия, а также снижению числа увольнений². Таким образом, удовлетворенность работой, то есть комплексная оценка монетарных и немонетарных параметров рабочих мест, может выступать еще одним показателем отдачи от человеческого капитала, позволяющим выйти за рамки обсуждения исключительно заработных плат (см. экономические исследования на эту тему, например, в [Fabra, Camisón, 2009; Altonji, Humphries, Zhong, 2022; Pita, Torregrosa, 2023]).

Современный этап развития экономической теории человеческого капитала предполагает переход от изучения влияния уровня образования к анализу эффектов ненаблюдаемых напрямую индивидуальных способностей. Среди них отдельное, активно развивающееся направление составляет изучение черт личности, или некогнитивных навыков, и особенностей отдачи от них на рабочих местах [Heckman, Stixrud, Urzua, 2006]. Согласно результатам исследований, некогнитивные навыки формируются в раннем детстве под влиянием целенаправленных усилий родительской семьи и обладают значительной устойчивостью в старших возрастах, что позволяет с определенными допущениями включать их в качестве независимых переменных при изучении их влияния на человеческое поведение в различных сферах [Cobb-Clark, Schurer, 2012; Bleidorn et al., 2021]. Многочисленные работы психологов и экономистов демонстрируют, что разнообразные некогнитивные навыки представляют собой значимые факторы достижений при получении образования и в трудовой карьере, определяя размер заработной платы, склонность к дополнительному обучению, выбор профессии, трудовую мобильность [Heckman, Stixrud, Urzua, 2006].

Изучение некогнитивных навыков работников и их влияния на различные показатели рынка труда и образовательные достижения становится все более популярным направлением и российских экономических исследований. Однако до сих пор соответствующие работы ограничивались обсуждением эффекта некогнитивных навыков для заработной платы, типа занятости, выбывания с рынка труда (см., например, [Рожкова, 2019; Зудина, 2023]). При этом изучение субъективной отдачи от некогнитивных навыков в виде удовлетворенности работой находилось вне фокуса внимания исследователей рынка труда. Данная тематика в течение длительного времени рассматривалась в специализированных психологических исследованиях с использованием небольших выборок. Однако в настоящей работе она будет впервые рассмотрена на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ³ — ежегодного панельного обследования российских домохозяйств, которое собирает информацию

² Исследования влияния несоответствия в образовании и навыках на удовлетворенность работой в России момент немногочисленны: см. пионерное по своей постановке задач, методологии и используемым российским данным исследование на тему влияния образовательного и квалификационного несоответствия на различные показатели удовлетворенности работой и потенциальный оборот рабочей силы в [Varshavskaya, Podverbnykh, 2023].

³ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS HSE), проводимый НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и ИС ФНИСЦ РАН. Сайты обследования RLMS HSE — URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 18.09.2023).

по широкому кругу показателей, в том числе по тематике занятости и образования. В анкету 2016 г. был включен блок из 24 вопросов, представляющих собой валидный и надежный инструмент для операционализации одной из наиболее известных классификаций черт личности — «Большой пятерки». Изучение взаимосвязи между некогнитивными навыками и показателями удовлетворенности работой позволит уточнить исследовательские представления о степени соответствия характеристик работников и рабочих мест на российском рынке труда и предоставить альтернативную оценку отдачи от некогнитивных навыков на рабочих местах.

Обзор исследований

Удовлетворенность работой выступает важным индикатором субъективного благополучия работника и может использоваться в качестве значимого прогностического показателя его поведения [Freeman, 1978; Akerlof, Rose, Yellen, 1988]. Согласно одному из наиболее часто используемых в психологических исследованиях определений, удовлетворенность работой представляет собой позитивное эмоциональное состояние или удовольствие, испытываемое в результате оценки собственной работы или связанного с ней опыта [Locke, 1976]. Психологические реакции на различные аспекты занятости, составляющие оценку удовлетворенности работой, обладают когнитивным (оценочным), аффективным (эмоциональным) и поведенческим компонентами [Hulin, Judge, 2003]. При этом «итоговая» оценка складывается из восприятия многочисленных аспектов занятости [Hamermesh, 1999], таких как оплата труда, возможности продвижения по службе, отношения с коллегами и руководителем, содержание работы. Это функция от различных «удовлетворенностей» и «неудовлетворенностей», испытываемых работником, которые могут усиливать или ослаблять друг друга при расчете обобщенной оценки. Также важны восприятие предшествующего опыта на текущем рабочем месте, ожидания и перспективы, связанные с ним в будущем [Lévy-Garboua, Montmarquette, Simonnet, 2007].

Несоответствие характеристик человеческого капитала работника (под которым первоначально понимались только образование, опыт работы, дополнительное обучение) требованиям рабочего места — один из основных факторов низкой удовлетворенности работой [Allen, Van der Velden, 2001]⁴. Оно может отрицательно влиять на показатели удовлетворенности работой, так как ожидания работника по поводу текущих профессиональных обязанностей и связанного с ними социального положения не соответствуют представлениям о получаемой отдаче [Capsada-Munsech, 2017]. Работники также испытывают сильные негативные эмоции на рабочем месте и, соответственно, неудовлетворенность работой в тех

⁴ Отметим, что в исследовательской литературе выделяют три теории, анализирующие влияние образования на удовлетворенность работой: 1) теория человеческого капитала, согласно которой работники с наиболее высоким уровнем накопленного капитала имеют наибольшую производительность труда и могут успешно конкурировать за наиболее подходящие рабочие места с высокой оплатой и более высоким уровнем удовлетворенности работой; 2) теория сигналов, согласно которой образование само по себе не является детерминантой заработной платы и удовлетворенности работой, выступая для работодателя лишь своеобразным сигналом будущей производительности труда; 3) теория соответствия рабочему месту, критикующая теорию человеческого капитала и теорию сигналов; ее представители полагают, что именно достижение соответствия характеристик образования работника рабочему месту приводит к возникновению чувства пользы от своей работы, выражающегося в более высоких показателях удовлетворенности работой [Lee, Sabharwal, 2014].

случаях, когда, по их мнению, их навыки и знания используются в недостаточной степени [Green, Zhu 2010]⁵. Соответствующие результаты подтверждены многочисленными эмпирическими исследованиями [Verhaest, Omev, 2006; Fleming, Kler, 2008; Congregado et al., 2016].

В некоторых работах выраженное влияние несоответствия в образовании на удовлетворенность работой обнаружить не удалось [Green, Zhu, 2010; Sloane, Mavromaras, 2020], либо оно значимо слабее аналогичного эффекта для заработной платы [Allen, Van der Velden, 2001]. Одним из возможных объяснений может быть своеобразный компенсационный механизм, согласно которому занятые соглашаются на рабочее место, формально не соответствующее их уровню образования, так как оно сопряжено с предпочитаемым меньшим уровнем стресса [McGuinness, Sloane, 2011], позволяет сохранять желаемый баланс между работой и личной жизнью или обеспечивает дополнительную защиту занятости (см. обсуждение в [Lisi, 2018]). Другое объяснение отсутствия выраженной связи — ненаблюдаемое напрямую в рамках многих обследований влияние (не)соответствия в разнообразных индивидуальных навыках, которое «зашумляет» эффект образования. К примеру, работникам, обладающим недостаточно развитыми когнитивными способностями, приходится прикладывать значительно больше усилий для выполнения должностных обязанностей, чем их коллегам с таким же уровнем образования, но более развитыми навыками, что выражается в умственных перегрузках, стрессе и, как результат, в низкой удовлетворенности работой, а также последующей смене работы с меньшей заработной платой [Vieira, 2005]. При этом работники с более развитыми навыками, как правило, в целом характеризуются более высоким уровнем удовлетворенности своей работой. Это объясняется тем, что навыки позволяют им претендовать на рабочие места лучшего качества, и, соответственно, их самооценка оказывается выше [Allen, Van der Velden, 2001].

Изучение связи между некогнитивными навыками и удовлетворенностью работой в течение нескольких десятилетий оставалось прерогативой психологических исследований [Judge, Heller, Mount, 2002], продемонстрировавших неоднозначные и относительно неустойчивые результаты. Соответственно, отличается и предлагаемая теоретическая интерпретация. Согласно одному из подходов, черты личности полностью детерминируют восприятие характеристик рабочего места и работы в целом. Таким образом, показатели удовлетворенности работой остаются неизменными во времени вне зависимости от характеристик рабочих мест и их смены (см. обзор исследований на эту тему, например, в [Judge, Klinger, 2008]). Согласно другому подходу, главным фактором самооценки выступают объективные условия труда (к примеру, количество рабочих часов, возможность продвижения по службе, степень специализации труда), а роль личностных черт, напротив, невелика (к данному подходу относится двухфакторная теория Херцберга [Herzberg, 1959]). Наконец, третий, так называемый интерактивный, подход отражает комплексное восприятие процесса оценки рабочего места. При формировании оценки удовлетворенности работой характеристики занятости воспринимаются через

⁵ Это имеет особую важность в тех случаях, когда на рынке труда наблюдается значительная доля занятых (в особенности с высшим профессиональным образованием), работающих «не по специальности», и молодежь с недостаточным опытом работы традиционно находится в группе риска [Lee, Sabharwal, 2014].

призму индивидуальных мотивов и ожиданий сотрудника от рабочего места, а также смыслов, которые он связывает со своей трудовой деятельностью [Kalleberg, 1977]. Таким образом, здесь исследователи психологии труда, по сути, также обсуждают проблемы «мэтчинга» индивидуальных потребностей и мотивов с одной стороны, и особенностей занимаемых рабочих мест — с другой, то есть взаимодействия личностных особенностей и характеристик рабочей среды (*person-job fit*, см. [Kristof-Brown, Zimmerman, Johnson, 2005]).

Концептуальное осмысление связи между чертами личности и удовлетворенностью работой, затрудняет и отсутствие строгой теоретической рамки анализа личности: выделяется множество разрозненных показателей ее отдельных черт, мало сопоставимых между собой. Значимое продвижение в данной теме связано с использованием различных типологий, систематизирующих отдельные черты личности в рамках общего подхода. Одна из них — классификация «Большая пятерка», предполагающая выделение пяти относительно независимых друг от друга личностных черт: открытости новому опыту, добросовестности, экстраверсии, доброжелательности и эмоциональной (не)устойчивости (невротизма). Она зарекомендовала себя в исследованиях в разных странах с использованием различной методологии и признана наиболее надежным и валидным инструментом для комплексного описания человеческой личности [McCrae, John, 1992]⁶.

В соответствии с описанным выше «интерактивным» подходом к анализу влияния некогнитивных навыков на удовлетворенность работой, исследователи отмечают, что «Большая пятерка» навыков в целом может влиять на удовлетворенность работой при помощи когнитивного, аффективного и поведенческого механизмов [Judge, Heller, Mount, 2002]. Например, черты личности определяют, как работники воспринимают условия своего труда, их текущее настроение и эмоциональное состояние, влияющее на самооценку, а также позволяют добиваться существенных достижений на рабочих местах, то есть способствуют поведению, приносящему высоко оцениваемую отдачу. Последние эффекты могут объясняться как ростом производительности труда, так и самоотбором в определенные, «вознаграждаемые» ситуации. Склонные к эмоциональной нестабильности индивиды чаще переживают негативные жизненные события, отчасти из-за латентного самоотбора в ситуации, сопряженные с отрицательными эмоциями. Подобная закономерность может воспроизводиться и на рабочих местах, в связи с чем невротики будут чаще демонстрировать низкий уровень удовлетворенности работой. В противоположность невротизму экстраверсия предполагает предрасположенность к положительным эмоциям и событиям, связанным с ними, что может транслироваться в более высокие показатели удовлетворенности работой. У экстравертов также больше друзей, они чаще проводят время за общением, что может принести разнообразную отдачу, в том числе на рабочем месте. Открытость новому опыту сопряжена с развитым научным мышлением и творчеством, предполагает общую ориентацию на активное восприятие окружающего мира, однако это может приносить как положительный, так и отрицательный опыт, потому потен-

⁶ При этом, еще до выделения типологии «Большая пятерка», удовлетворенность работой часто рассматривалась в контексте ее связи с невротизмом (эмоциональной нестабильности) — одной из черт личности, позднее включенной в данную классификацию.

циальное влияние данной черты личности на удовлетворенность работой с точки зрения результатов исследований неоднозначно. Доброжелательность как склонность к поддержанию сбалансированных и органичных отношений с другими людьми, как правило, значимо связана с более высокими оценками удовлетворенности жизнью в целом, что может отражаться и на восприятии работы и отношений на рабочем месте. Наконец, добросовестность должна оказывать ключевое влияние на самооценку удовлетворенности работой, так как данная черта личности формирует общую ориентацию на вовлеченность в работу и отношение к рабочим обязанностям, и потому добросовестные работники должны значимо чаще оказываться в ситуациях, сопряженных с вознаграждением как формального (рост заработка, повышение по службе), так и неформального характера (уважение окружающих, чувство собственной значимости) [ibid.].

Метаанализ исследований связи между некогнитивными навыками, описываемыми «Большой пятеркой» и удовлетворенностью работой, показывает, что наиболее значимые личностные факторы — невротизм, добросовестность и экстраверсия, в то время как доброжелательность и открытость новому опыту, напротив, демонстрируют относительно слабую связь с удовлетворенностью работой [ibid.].

Вместе с тем результаты исследований не позволяют сделать однозначных выводов о наличии и значимости связей, а также о степени отдачи от некогнитивных навыков для представителей отдельных профессий [ibid.]. Так, некоторые обнаруживают влияние экстраверсии и эмоциональной (не)стабильности [Furnham, Zacherl, 1986; Tokar, Subich, 1997], в то время как эффект остальных трех характеристик (добросовестности, доброжелательности и открытости) оценивается как менее выраженный и устойчивый. Другие, напротив, выявляют значимое влияние на самооценки удовлетворенности работой добросовестности и открытости, в то время как эффект невротизма и экстраверсии оказывается незначимым [Furnham et al., 2002]. Добросовестность сопряжена с наиболее высокими показателями удовлетворенности работой среди занятых рутинным трудом, предполагающим четкие отношения субординации, а также применение физической ловкости, координации и профессиональных навыков. Однако результаты, касающиеся связи между открытостью, доброжелательностью и экстраверсией контринтуитивны и противоречивы [Judge, Heller, Mount, 2002].

Результаты отдельных исследований зачастую трудно сопоставимы между собой из-за различий в методологии, особенностях формирования выборки⁷ и используемых индикаторах «Большой пятерки», с одной стороны, и удовлетворенности работой — с другой [ibid.]. Поэтому проведение анализа на базе данных обследования домохозяйств с большой репрезентативной выборкой, составляющее основу настоящей работы, представляет особый исследовательский интерес.

Данные и методология

Объектом исследования выступают некогнитивные навыки российских работников, выделенные в соответствии с классификацией «Большая пятерка», а методом — их возможное влияние на показатели удовлетворенности работой.

⁷ К примеру, влияние экстраверсии может быть более выражено в том случае, если в выборку включены работники, чья занятость предполагает активные контакты с коллегами и клиентами [Furnham et al., 2002].

Эмпирический анализ основан на изучении микроданных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2016 г. Для измерения некогнитивных навыков был использован специальный модуль вопросов, включенный в анкету обследования в 2016—2021 гг., но представленные ниже результаты основываются исключительно на данных за 2016 г. из-за особенностей процедуры сбора информации. В 2017—2019 гг. вопросы о некогнитивных навыках задавались только тем, кто не принимал участие в волне 2016 г., а значительный внешний шок, связанный с последствиями пандемии COVID-19 (повторяющиеся локдауны, перевод на дистанционную занятость, ограничение и приостановление деятельности предприятий), в 2020 и 2021 гг. мог вызвать существенное смещение в оценках удовлетворенности работой.

Блок вопросов, включенный в анкету РМЭЗ НИУ ВШЭ, состоит из 24 утверждений, ранее использовавшихся в тематических исследованиях Всемирного банка о некогнитивных навыках (см., например, [Pierre et al., 2014]). Схема отнесения вопросов к конкретным навыкам представлена в таблице 1 ниже. Оригинальное кодирование шкальной оценки степени согласия (от 1 до 4) было изменено на этапе обработки данных так, чтобы значение «4» соответствовало максимальному согласию⁸. Итоговая оценка каждой из пяти некогнитивных характеристик представляла собой простое среднее по сумме баллов, набранных при выражении степени согласия с соответствующими этой характеристике высказываниями анкеты. В российских исследованиях аналогичная методология на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ была ранее использована, например, в работах [Рожкова, 2019; Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020; Зудина, 2023].

Таблица 1. Отнесение вопросов анкеты 9 РМЭЗ НИУ ВШЭ 2016 г. к некогнитивным навыкам типологии «Большая пятерка»

<i>Люди отличаются друг от друга. Отвечая на следующие вопросы, сравните себя с другими людьми. Мы понимаем, что некоторые вопросы могут казаться похожими, но на самом деле они разные. Не думайте долго, а дайте первый ответ, который приходит Вам в голову. Здесь нет правильных или неправильных ответов</i>	
Вам приходят в голову идеи, до которых другие не додумались раньше? (j445.3) Вам очень интересно узнавать что-то новое? (j445.11) Вы получаете удовольствие от красивого, например, природы, искусства и музыки? (j445.14)	Открытость новому опыту
Выполняя какое-то задание, Вы очень аккуратны? (j445.2) Вы заканчиваете то, что начали? (j445.6) Вы очень усердно трудитесь? Например, Вы продолжаете работать, когда другие делают перерыв? (j445.8) *Вам больше нравится расслабляться, чем усердно трудиться? (j445.12) Вам нравится работать над задачами, выполнение которых требует очень длительного времени — как минимум нескольких месяцев? (j445.13) Вы работаете очень хорошо и быстро? (j445.17) Вы тщательно все обдумываете перед принятием важного решения? (j445.21)	Добросовестность

⁸ За исключением утверждений, отмеченных в таблице 1 звездочкой, в соответствии с формулировкой которых наибольшая степень выраженности интересующего признака соответствовала наименьшей степени согласия с данным утверждением.

⁹ Анкета обследования 2016 г. // РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2022/09/02/1169536982/r25a_user_0822.pdf (дата обращения: 18.09.2023).

<i>Люди отличаются друг от друга. Отвечая на следующие вопросы, сравнивайте себя с другими людьми. Мы понимаем, что некоторые вопросы могут казаться похожими, но на самом деле они разные. Не думайте долго, а дайте первый ответ, который приходит Вам в голову. Здесь нет правильных или неправильных ответов</i>	
Вы разговорчивы? (j445.1) *Вы предпочитаете держать свое мнение при себе? (j445.4) Вы открыты и общительны, например, Вы очень легко заводите друзей? (j445.20)	Экстраверсия
Вы легко прощаете других людей? (j445.9) Вы очень вежливы с другими людьми? (j445.16) Вы щедро делитесь с другими людьми своим временем и деньгами? (j445.19) Вы обращаетесь за помощью, когда не понимаете чего-то? (j445.23)	Способность прийти к согласию с другими
*Вы спокойны в стрессовых ситуациях? (j445.5) Люди используют Вас в своих интересах? (j445.7) Вы склонны к беспокойству? (j445.10) *Вы задумываетесь о том, как Ваши поступки повлияют на Ваше будущее? (j445.15) Вас легко заставить нервничать? (j445.18) Люди не очень хорошо к Вам относятся? (j445.22) *Вы задумываетесь о том, как Ваши поступки повлияют на других? (j445.24)	Невротизм

Понятие «удовлетворенность работой» операционализировалось при помощи четырех вопросов постоянного блока анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ, направленных на выявление общей удовлетворенности работой респондента¹⁰, а также удовлетворенности ее различными аспектами — условиями труда, оплатой труда, возможностями для профессионального роста. Кодирование ответов на эти вопросы в анкете — шкала от «1»: «Полностью удовлетворены» до «5»: «Совсем не удовлетворены», — было также изменено, чтобы максимальная степень удовлетворенности соответствовала значению «5».

На основе представленного выше обзора исследований была выдвинута базовая исследовательская гипотеза¹¹ о том, что выраженная добросовестность, экстраверсия, доброжелательность и открытость будут значимо связаны с более высокими значениями удовлетворенности работой, в то время как склонность к невротизму будет сопряжена с более низкими значениями удовлетворенности работой.

Анализ данных был основан на оценивании порядковых пробит-моделей¹² отдельно для мужчин и женщин (так как женщины зачастую оценивают удовлетворенность работой выше, чем мужчины, вне зависимости от профессии [Hodson, 1989]), в которых зависимой переменной выступали последовательно разные показатели удовлетворенности работой, принимающие пять различных значений в зависимости от степени удовлетворенности. Набор контролируемых переменных включал

¹⁰ Точная формулировка вопроса j1.1: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены 1. Вашей работой в целом; 2. Условиями Вашего труда; 3. Оплатой Вашего труда; 4. Возможностями для Вашего профессионального роста».

¹¹ Гипотеза основывалась на результатах метаанализа, представленного в [Judge, Heller, Mount, 2002]. Как отмечалось выше, указанные закономерности удавалось обнаружить не во всех предшествующих исследованиях по теме, однако их трудно напрямую сопоставлять между собой из-за различий в методологии, особенностях операционализации некогнитивных навыков «Большой пятерки» и выборке.

¹² Оценивание порядковых пробит-моделей является стандартной эконометрической техникой при анализе упорядоченных зависимых переменных субъективных оценок, таких как субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность работой и субъективный социальный статус (см., например, [Litchfield, Reilly, Veneziani, 2012; Altonji, Humphries, Zhong, 2022]).

некогнитивные навыки по классификации «Большая пятерка», а также — возрастную группу, уровень образования, семейное положение¹³, наличие детей до 18 лет, натуральный логарифм заработной платы и иных доходов респондента от трудовой деятельности за последние 30 дней, профессию, натуральный логарифм продолжительности «обычной» рабочей недели в часах, тип поселения, федеральный округ, что соответствует стандартному набору индивидуальных характеристик при изучении удовлетворенности работой (так как они являются ее факторами наряду с некогнитивными навыками) с точностью до возможностей конкретной базы данных (см., например, обзоры в [Hodson, 1989; Izverciana, Potra, Ivascu, 2016]).

Отметим, что оценивание уравнения удовлетворенности работой только на занятых сопряжено с возможными смещениями, вызванными эндогенностью. Источником эндогенности в данном случае выступает неучет потенциальных показателей удовлетворенности работой у не имеющих работу, возникающий из-за самоотбора респондентов в состояние занятости [Vichet, 2018]. Поэтому проводилась коррекция Хекмана для порядкового пробита (то есть дополнительно оценивалось уравнение участия в занятости), которая является распространением стандартной процедуры коррекции Хекмана (применяемой в эмпирических исследованиях рынка труда для устранения смещений при оценке отдачи от образования в виде заработных плат) на случай порядковой зависимой переменной¹⁴.

Результаты анализа

В таблице 2 ниже представлены результаты, полученные в рамках оценивания спецификации регрессионной модели для различных показателей удовлетворенности работой среди мужчин.

Таблица 2. **Результаты оценивания порядковых пробит-регрессий показателей удовлетворенности работой с коррекцией Хекмана, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., мужчины**

Контролируемые переменные	Общая удовлетворенность работой		Удовлетворенность условиями труда		Удовлетворенность оплатой труда		Удовлетворенность возможностями проф. роста	
	Козф.	СО	Козф.	СО	Козф.	СО	Козф.	СО
<i>Уровень образования</i>								
— неполное среднее и ниже	-0,12	0,084	-0,143*	0,087	-0,126	0,082	-0,055	0,088
— неполное среднее + ПТУ	-0,086	0,107	-0,173	0,109	-0,144	0,106	-0,177	0,111
— полное среднее образование	база							
— полное среднее + ПТУ	0,079	0,067	-0,017	0,069	0,013	0,066	-0,022	0,071

¹³ Дамми-переменная состояния в браке. Находящиеся в официальном или гражданском браке были отнесены в категорию состоящих в браке, а разведенные и вдовы респонденты, а также те, кто состоял в зарегистрированном браке, но вместе с супругом/супругой не проживал, — в категорию не состоящих в браке.

¹⁴ Использовалась команда heckprobit статистического пакета Stata. См. подробнее URL: <https://www.stata.com/features/overview/sample-selection-for-ordered-probit/> (дата обращения: 15.02.2024).

Контролируемые переменные	Общая удовлетворенность работой		Удовлетворенность условиями труда		Удовлетворенность оплатой труда		Удовлетворенность возможностями проф. роста	
	Коеф.	СО	Коеф.	СО	Коеф.	СО	Коеф.	СО
— среднее профессиональное образование	0,02	0,069	-0,047	0,07	-0,018	0,068	0,014	0,072
— высшее профессиональное	-0,009	0,07	-0,107	0,071	-0,032	0,069	-0,094	0,073
<i>Натуральный логарифм заработной платы</i>	0,234***	0,036	0,151***	0,034	0,497***	0,036	0,230***	0,035
<i>Натуральный логарифм часов работы</i>	0,022	0,072	-0,102	0,072	-0,058	0,071	-0,07	0,074
<i>Профессиональная группа</i>								
— руководители	0,587***	0,117	0,753***	0,119	0,189	0,115	0,808***	0,12
— специалисты высшего уровня квалификации	0,626***	0,109	0,794***	0,111	0,121	0,107	0,639***	0,111
— специалисты среднего уровня квалификации	0,336***	0,098	0,456***	0,099	0,037	0,097	0,419***	0,101
— служащие	0,14	0,139	0,293**	0,142	0,008	0,138	0,011	0,144
— работники сферы торговли и услуг	0,240**	0,095	0,358***	0,097	0,079	0,095	0,261***	0,099
— квалифицированные работники сельского, лесного хоз-ва	0,866*	0,505	1,054**	0,507	0,208	0,527	0,698	0,531
— квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	0,182**	0,087	0,143	0,089	-0,043	0,087	0,252***	0,091
— квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	0,190**	0,087	0,159*	0,088	-0,108	0,087	0,209**	0,09
— неквалифицированные рабочие всех отраслей	база							
<i>Некогнитивные навыки</i>								
— открытость	-0,002	0,042	0,02256	0,041	-0,112***	0,04	-0,068	0,042
— добросовестность	0,274***	0,059	0,211***	0,062	0,222***	0,058	0,175***	0,063
— экстраверсия	0,116***	0,034	0,102***	0,034	0,140***	0,034	0,109***	0,035
— доброжелательность	0,067	0,049	0,04	0,05	0,003	0,048	0,064	0,049
— невротизм	-0,165***	0,053	-0,169***	0,054	-0,145***	0,053	-0,222***	0,056

Контролируемые переменные	Общая удовлетворенность работой		Удовлетворенность условиями труда		Удовлетворенность оплатой труда		Удовлетворенность возможностями проф. роста	
	Козф.	СО	Козф.	СО	Козф.	СО	Козф.	СО
Число наблюдений	4895		4889		4881		4768	
Wald chi2(36)	367,57		334,68		472,44		309,34	
Prob > chi2	0,0000		0,0000		0,0000		0,0000	

Примечание. Также контролируются возрастная группа, семейное положение, наличие детей до 18 лет, тип поселения, самооценка здоровья, федеральный округ. Значимость коэффициентов: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Результаты оценивания показывают, что наиболее значимыми факторами удовлетворенности работой в целом (ожидаемо) являются профессия¹⁵ и заработная плата, при этом уровень образования — незначимая характеристика. Это противоречит результатам предшествующих исследований, согласно которым высшее профессиональное образование способно приносить отдачу не только в виде заработной платы, но и в виде более высоких самооценок, выступая сигналом качества «мэтчинга» между образованием и требованиями к рабочему месту. Однако в число контролируемых переменных были включены и другие производительные характеристики человеческого капитала — показатели некогнитивных навыков, которые, согласно результатам проведенных исследований, сами по себе значимо влияют на получение образования. Добросовестность, экстраверсия и эмоциональная стабильность (как противоположность невротизма) — значимые факторы роста удовлетворенности работой, поэтому можно предположить, что потенциальное влияние различий в уровне образования на удовлетворенность работой, отмеченное в предыдущих исследованиях, объясняется различиями в некогнитивных навыках работников.

В свою очередь, различия в открытости и доброжелательности при прочих равных условиях не оказывают значимого влияния на степень удовлетворенности работой среди мужчин.

Зарплата, профессия и такие некогнитивные навыки, как добросовестность, экстраверсия и невротизм, значимо влияют на различия в уровне удовлетворенности условиями труда среди мужчин. При этом чем выше уровень добросовестности, экстраверсии и эмоциональной стабильности, тем выше субъективная оценка условий труда при прочих равных условиях. В свою очередь, уровень образования и количество отработанных часов не влияют на показатели удовлетворенности условиями труда¹⁶.

¹⁵ Согласно результатам представленного регрессионного оценивания различия в удовлетворенности работой и ее различными аспектами в России зачастую значимо различаются в зависимости от профессии респондента (наиболее низкие оценки характерны для неквалифицированных рабочих и служащих). Это позволило предположить, что размер отдачи от некогнитивных навыков может варьироваться в зависимости от конкретных профессий. К примеру, выраженная экстраверсия и ориентация на сотрудничество и эмпатию более востребованы в профессиях, предполагающих личный контакт и общение с покупателями или клиентами, и будут сопровождаться более высоким уровнем удовлетворенности работой среди работников сферы торговли и услуг. Однако дополнительное изучение эффекта взаимодействия некогнитивных навыков и профессии показало отсутствие значимости подавляющего числа эффектов пересечения.

¹⁶ За исключением значений переменной уровня образования «неполное среднее и ниже», которая имеет статистическую значимость только на 10-процентном уровне значимости.

В числе значимых факторов различий в удовлетворенности оплатой труда ожидаемо оказалась заработная плата, а также такие некогнитивные навыки, как открытость, добросовестность, экстраверсия и эмоциональная (не)стабильность. При этом более высокие значения добросовестности, экстраверсии и эмоциональной устойчивости сопряжены с более высоким уровнем удовлетворенности оплатой труда, а развитая склонность к открытости, напротив, снижает самооценку оплаты труда. Различия в уровне доброжелательности, в свою очередь, при прочих равных условиях не влияют на субъективную оценку удовлетворенности вознаграждением за труд. Также можно отметить, что различия в профессии и уровне образования незначимы. Таким образом, при одинаковом уровне некогнитивных навыков (или заработной платы) занятые будут демонстрировать сходный уровень удовлетворенности оплатой труда вне зависимости от различий в своем образовании и профессии.

Значимые различия в самооценках удовлетворенности возможностями профессионального роста связаны с заработной платой, профессией, а также такими некогнитивными навыками, как добросовестность, экстраверсия и невротизм. Количество часов работы и уровень образования вновь оказываются незначимы с точки зрения влияния на вариацию в восприятии возможностей карьерного продвижения.

Рассмотрим теперь результаты оценивания порядковых пробит-моделей среди женщин.

Значимыми характеристиками общей удовлетворенности работой являются заработная плата, профессия и такие некогнитивные навыки, как открытость, добросовестность, экстраверсия и невротизм (см. табл. 3). Склонность к эмпатии оказалась незначима с точки зрения вариации в оценках удовлетворенности работой.

Сопоставляя данные выводы с результатами, полученными для мужчин, можно отметить, что различия в уровне ориентации на познание нового и творчество при прочих равных условиях приносят значимую отдачу на рабочих местах в виде более высоких оценок удовлетворенности работой только среди женщин. При этом уровень образования и количество часов работы незначимы для определения уровня удовлетворенности работой в целом. Последнее не согласуется с результатами исследований, согласно которым из-за необходимости совмещать профессиональные и семейные роли важным фактором удовлетворенности работой для женщины становится возможность поддерживать баланс между работой и личной жизнью, на который влияют как состояние в браке и наличие детей, так и продолжительность рабочего времени. Согласно исследованиям других авторов, значительный эффект на женскую занятость оказывает самоотбор на рабочие места определенного типа (с удобным местоположением или графиком работы, гибкой занятостью, возможностью работать на дому), благодаря которому женщины, как правило, оценивают удовлетворенность работой выше мужчин [Redmond, McGuinness, 2020]. Можно предположить, что незначимость данной характеристики среди женщин связана с ненаблюдаемыми напрямую в рамках РМЭЗ НИУ ВШЭ благоприятными параметрами рабочих мест, которые при прочих равных условиях нивелируют возможные негативные эффекты продолжительности рабочего времени и брачно-семейного статуса.

Таблица 3. Результаты оценивания порядковых пробит-регрессий показателей удовлетворенности работой с коррекцией Хекмана, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2016 г., женщины

Контролируемые переменные	Общая удовлетворенность работой		Удовлетворенность условиями труда		Удовлетворенность оплатой труда		Удовлетворенность возможностями проф. роста	
	Коеф.	СО	Коеф.	СО	Коеф.	СО	Коеф.	СО
<i>Уровень образования</i>								
неполное среднее и ниже	-0,175	0,126	-0,162	0,119	-0,155	0,171	-0,178	0,122
неполное среднее + ПТУ	0,04	0,156	-0,026	0,153	-0,156	0,161	-0,067	0,159
полное среднее образование	База							
полное среднее + ПТУ	0,11	0,088	0,124	0,09	-0,022	0,112	0,133	0,081
среднее профессиональное образование	0,105	0,095	0,187*	0,098	-0,004	0,133	0,187**	0,08
высшее профессиональное	0,084	0,116	0,277**	0,117	0,079	0,17	0,159*	0,095
<i>Натуральный логарифм заработной платы</i>	0,131***	0,029	0,069*	0,04	0,272***	0,027	0,148***	0,03
<i>Натуральный логарифм часов работы</i>	-0,063	0,065	-0,08	0,071	-0,054	0,061	-0,029	0,067
<i>Профессиональная группа</i>								
руководители	0,598***	0,116	0,541***	0,114	0,429***	0,111	0,914***	0,115
специалисты высшего уровня квалификации	0,582***	0,087	0,523***	0,085	0,175**	0,085	0,741***	0,087
специалисты среднего уровня квалификации	0,447***	0,083	0,396***	0,082	0,186**	0,081	0,528***	0,083
служащие	0,275***	0,093	0,311***	0,091	0,085	0,093	0,344***	0,093
работники сферы торговли и услуг	0,252***	0,081	0,302***	0,078	0,160**	0,079	0,413***	0,08
квалифицированные работники сельского, лесного хоз-ва	0,263	0,63	0,79	0,615	0,806	0,617	0,488	0,608
квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	0,194*	0,117	0,129	0,113	0,266**	0,115	0,330***	0,118
квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	0,146	0,124	0,091	0,123	0,043	0,123	0,221**	0,122

неквалифицированные рабочие всех отраслей	база							
<i>Некогнитивные навыки</i>								
открытость	0,100**	0,042	0,017	0,041	-0,093**	0,04	-0,0165	0,04
добросовестность	0,281***	0,067	0,276***	0,062	0,188*	0,104	0,225***	0,062
экстраверсия	0,163***	0,034	0,112***	0,033	0,142***	0,033	0,135***	0,033
доброжелательность	-0,022	0,047	0,017	0,05	-0,001	0,048	-0,011	0,044
невротизм	-0,255***	0,054	-0,231***	0,057	-0,238***	0,053	-0,306***	0,052
Число наблюдений	7145		7131		7116		6996	
Wald chi2(36)	393,11		347,67		394,16		435,13	
Prob > chi2	0,0000		0,0000		0,0000		0,0000	

Примечание. Также контролируются возрастная группа, семейное положение, наличие детей до 18 лет, тип поселения, самооценка здоровья, федеральный округ. Значимость коэффициентов: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Различия в заработной плате, профессии и таких некогнитивных навыках, как добросовестность, экстраверсия и эмоциональная (не)стабильность, также значимо дифференцируют женщин по уровню удовлетворенности условиями труда на рабочем месте. Значимость одного из ключевых параметров восприятия рабочего места — переменной заработной платы — по сравнению с результатами, представленными выше для регрессий общей удовлетворенности работой, снизилась, она значима только на 10-процентном уровне¹⁷, количество часов работы оказалось вовсе незначимым, при этом более высокие значения удовлетворенности условиями труда характерны для занятых со средним и высшим профессиональным образованием, однако значимость этих коэффициентов составляет всего 5—10%.

Восприятие оплаты труда на рабочем месте среди женщин дифференцируют такие факторы, как заработная плата, профессия, открытость, добросовестность, экстраверсия и эмоциональная (не)стабильность. Чем больше развита ориентация на новое, тем ниже самооценка удовлетворенности оплаты труда. Аналогичные результаты получены и при оценивании соответствующих регрессионных моделей среди мужчин — с точки зрения восприятия работников выраженная ориентация на новое и творческий подход в работе сопровождаются воспринимаемым зарплатным «штрафом» на рабочем месте. Различия в уровне образования и количестве часов работы оказались незначимы для определения самооценки удовлетворенности оплатой труда среди женщин. Также обращает на себя внимание тот факт, что показатель добросовестности значим только на уровне 10%, между тем добросовестность, согласно результатам российских и зарубежных исследований, является одним из важнейших факторов достижений на рын-

¹⁷ Важным фактором удовлетворенности условиями труда для женщин выступает сочетание зарплатных и незарплатных характеристик, воспринимающихся как преимущества при найме и определяющих принятие решения о самоотборе на определенные рабочие места, что может объяснять относительно слабую значимость переменной зарплаты при прочих равных условиях.

ке труда и в сфере образования [Furnham et al., 2002; Judge, Heller, Mount, 2002; Рожкова, 2019; Гимпельсон, Зудина, Капелюшников, 2020; Зудина, 2023]. Отсутствие выраженных значимых различий с точки зрения удовлетворенности оплатой труда среди женщин может свидетельствовать о том, что ориентация на дисциплинированность и организованность не сопровождается соответствующим уровнем вознаграждения.

Среди характеристик работников, связанных со значимыми различиями в воспринимаемых возможностях карьерного продвижения, оказались заработная плата, профессия, наличие среднего и высшего профессионального образования (только на 5- и 10-процентном уровне соответственно), а также добросовестность, экстраверсия и эмоциональная устойчивость.

Подводя итог, можно отметить, что оценивание порядковых пробит-регрессий позволило подтвердить значимость показателей некогнитивных навыков с точки зрения отдачи в виде более высоких значений различных индикаторов удовлетворенности работой. К ним относятся добросовестность, экстраверсия и эмоциональная устойчивость, что согласуется с результатами существующих исследований, демонстрирующих ключевое значение данных некогнитивных параметров человеческого капитала для разнообразных достижений в сфере рынка труда и образования. Различия в доброжелательности, то есть склонности к поддержанию согласия с другими и эмпатии, напротив, не сопровождаются значимой вариацией в уровне удовлетворенности работой. Важно, что ориентация на познание и творчество, согласно результатам регрессионного анализа, либо не приводит к значимой отдаче в виде более высоких субъективных оценок (исключение составляет показатель общей удовлетворенности работой среди женщин), либо сопряжена с воспринимаемым субъективным «штрафом»: выраженная склонность к открытости значимо связана с более низкими оценками удовлетворенностью оплатой труда (при равном фактическом уровне заработных плат) как среди мужчин, так и среди женщин. Подобное рассогласование может свидетельствовать о воспринимаемом несоответствии зарплатных характеристик рабочего места и структуры человеческого капитала работников по показателю открытости к новому при прочих равных условиях. Также необходимо отметить низкий уровень значимости показателя добросовестности при оценивании регрессионных моделей уровня удовлетворенности оплатой труда среди женщин, что может свидетельствовать о недостаточном уровне вознаграждения.

Заключение

Изучение некогнитивных навыков как производительных составляющих человеческого капитала представляет собой активно развивающееся направление экономических исследований. Настоящая работа посвящена анализу взаимосвязи между некогнитивными навыками и различными показателями удовлетворенности работой, характеризующей степень соответствия параметров работников и рабочих мест, и представляет альтернативную оценку отдачи от некогнитивных навыков на российском рынке труда. Данная тема ранее подробно не рассматривалась в специализированных российских экономических исследованиях и была впервые изучена в настоящей работе на основе данных регулярного общенацио-

нального выборочного обследования домохозяйств РМЭЗ НИУ ВШЭ при помощи специального блока из 24 вопросов, посвященного некогнитивным навыкам, который представлял собой операционализацию наиболее авторитетной типологии черт личности «Большая пятерка».

Полученные результаты свидетельствуют о том, что некогнитивные навыки на российском рынке труда при прочих равных условиях действительно сопряжены с так называемой субъективной отдачей, проявляющейся в виде более высоких оценок удовлетворенности работой, и ее отдельными аспектами (условиями труда, оплатой труда, возможностям профессионального роста). При этом такие некогнитивные навыки, как добросовестность, экстраверсия и эмоциональная стабильность, являются «универсальными», то есть сопровождаются более высокой самооценкой вне зависимости от анализируемого показателя удовлетворенности работой. Это согласуется с результатами предшествующих зарубежных исследований, подчеркивающих принципиальное значение добросовестности, экстраверсии и невротизма в образовательных успехах и достижениях на рынке труда, а также в определении уровня удовлетворенности работой [Judge, Heller, Mount, 2002]. Наше исследование также расширяет и уточняет эмпирические результаты, касающиеся особенностей отдачи от некогнитивных навыков на российском рынке труда с точки зрения заработной платы, которые ранее свидетельствовали о значимости характеристик открытости и невротизма [Рожкова, 2019].

В соответствии с проведенными ранее зарубежными исследованиями было также установлено, что такие черты личности, как открытость и доброжелательность, не имеют выраженной отдачи в виде более высоких самооценок удовлетворенности работой. Исключение составляет значимость показателя открытости для определения общей удовлетворенности работой среди женщин. При этом склонность к открытости также оказалась значимо связана с более низкими оценками удовлетворенностью оплатой труда как среди мужчин, так и среди женщин, что может свидетельствовать о воспринимаемом несоответствии зарплатных характеристик рабочего места и структуры человеческого капитала работников по показателю открытости к новому при прочих равных условиях — расходящимся либо с представлениями работника о характере выполняемых задач, либо с желаемой отдачей от располагаемых навыков открытости.

Анализируя полученные результаты в целом и отмечая «универсальную» важность развития значительной части рассмотренных некогнитивных навыков с точки зрения удовлетворенности работников на российском рынке труда, следует отметить, что возможное улучшение качества «мэтчинга» характеристик занятых и рабочих мест также сопряжено с рядом серьезных ограничений. Во-первых, уровень некогнитивных навыков закладывается в раннем детстве и отличается значительной стабильностью во взрослом возрасте, хотя целенаправленные усилия по их развитию также могут демонстрировать определенную эффективность в долгосрочной перспективе. Во-вторых, информация о некогнитивных навыках, требующихся для выполнения конкретных профессиональных задач, зачастую недоступна для соискателя в момент поиска работы и определяется уже непосредственно на рабочем месте. Помимо этого, некогнитивные навыки работников гораздо сложнее измерить, чем когнитивные, и это может приводить к тому, что

обеспечение эффективного «мэтчинга» по показателям некогнитивных навыков окажется чересчур сложным и дорогостоящим процессом как для работника, так и для работодателя [DeLoach, Kurt, Sansale, 2022].

К ограничениям настоящего исследования можно отнести невозможность определения конкретных механизмов влияния некогнитивных навыков (когнитивного, аффективного и/или поведенческого) на показатели удовлетворенности работой на анализируемых количественных эмпирических данных, что может стать темой дальнейших исследований с использованием качественного инструментария. Помимо этого, некогнитивные навыки могут влиять и на особенности предшествующей трудовой мобильности и карьерной траектории работников, что может оказывать самостоятельный эффект на показатели удовлетворенности работой и заслуживает отдельного изучения.

Список литературы (References)

Вередюк О. В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>.

Veredyuk O. V. (2018) Quality of Youth Employment in Russia: Analysis of Job Satisfaction Assessments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 306—323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16> (In Russ.)

Гимпельсон В. Е., Зудина А. А., Капелюшников Р. И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5—31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31>.

Gimpelson V. E., Zudina A. A., Kapeliushnikov R. I. (2020) Non-Cognitive Components of Human Capital: Evidence from Russian Data. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. P. 5—31. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-11-5-31>. (In Russ.)

Зудина А. А. Человеческий капитал неформальных работников в России: о чем говорят некогнитивные навыки // Мир России. 2023. Т. 32. № 1. С. 37—60. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60>.

Zudina A. A. (2023) The Human Capital of Russian Informal Workers: A Non-Cognitive Skills Perspective. *Universe of Russia*. Vol. 32. No 1. P. 37—60. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60>. (In Russ.)

Котырло Е. С. Не хлебом единым: удовлетворенность работой бюджетников в сравнении с работниками частного сектора // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 57—74. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-57-74>.

Kotyrla E. S. (2023) Not by Bread Alone: Public—Private Intersectoral Gap in Job Satisfaction. *Voprosy Ekonomiki*. No. 8. P. 57—74. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-8-57-74>. (In Russ.)

Монусова Г. А. Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 74—83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-12-74-83>.

Monusova G. A. (2008) Satisfaction of Labour: International Comparisons. *World Economy and International Relations*. No. 12. P. 74—83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2008-12-74-83>. (In Russ.)

Поплавская А. А., Соболева Н. Э. Удовлетворенность различными аспектами работы мужчин и женщин в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 271—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>.

Poplavskaya A. A., Soboleva N. E. (2017) Men's and Women's Satisfaction with Various Job Aspects in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 271—288. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.15>. (In Russ.)

Рожкова К. В. Отдача от некогнитивных характеристик на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 81—107. <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-81-107>.

Rozhkova K. V. (2019) The Return to Noncognitive Characteristics in the Russian Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. P. 81—107. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-11-81-107>. (In Russ.)

Akerlof G. A., Rose A. K., Yellen J. L. (1988) Job Switching and Job Satisfaction in the U. S. Labor Market. *Brookings Papers on Economic Activity*. Vol. 2. P. 495—594. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/1988/06/1988b_bpea_akerlof_rose_yellen_ball_hall.pdf (accessed: 16.02.2024).

Allen J., van der Velden R. (2001) Educational Mismatches versus Skill Mismatches: Effects on Wages, Job Satisfaction, and On-the-Job Search. *Oxford Economic Papers*. Vol. 53. No. 3. P. 434—452. <https://cris.maastrichtuniversity.nl/ws/portalfiles/portal/606099/guid-d259b85a-2cc2-49ae-b321-38b3b43fe817-ASSET1.0.pdf> (accessed: 16.02.2024).

Altonji J. G., Humphries J. E., Zhong L. (2022) The Effects of Advanced Degrees on the Wage Rates, Hours, Earnings and Job Satisfaction of Women and Men. *NBER Working Paper Series*. No. w30105. <https://ssrn.com/abstract=4128595> (accessed: 18.01.2024).

Bleidorn W., Hopwood C. J., Back M. D., Denissen J. J. A., Hennecke M., Hill P. L., Jokeila M., Kandler C., Lucas R. E., Luhmann M., Orth U., Roberts B. W., Wagner J., Wrzus C., Zimmermann J. (2021) Personality Trait Stability and Change. *Personality Science*. Vol. 2. P. 1—20. <https://doi.org/10.5964/ps.6009>.

Capsada-Munsech Q. (2017) Overeducation: Concept, Theories, and Empirical Evidence. *Sociology Compass*. Vol. 11. No. 10. Art. e12518. <https://doi.org/10.1111/soc4.12518>.

Cobb-Clark D. A., Schurer S. (2012) The Stability of Big-Five Personality Traits. *Economics Letters*. Vol. 115. No. 1. P. 11—15. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2011.11.015>.

Congregado E., Iglesias J., Millan J. M., Roman C. (2016) Incidence, Effects, Dynamics and Routes out of Overqualification in Europe: A Comprehensive Analysis Distinguish-

- ing by Employment Status. *Applied Economics*. Vol. 48. No. 5. P. 411—445. <https://doi.org/10.1080/00036846.2015.1083080>.
- DeLoach S. B., Kurt M., Sansale R. (2022) Non-Cognitive Mismatch and Occupational Switching. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. Vol. 97. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2022.101846>.
- Fabra M. E., Camisón C. (2009) Direct and Indirect Effects of Education on Job Satisfaction: A Structural Equation Model for the Spanish Case. *Economics of Education Review*. Vol. 28. No. 5. P. 600—610. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2008.12.002>.
- Fleming C. M., Kler P. (2008) I'm Too Clever for This Job: A Bivariate Probit Analysis on Overeducation and Job Satisfaction in Australia. *Applied Economics*. Vol. 40. No. 9. P. 1123—1138. <https://doi.org/10.1080/00036840600771254>.
- Freeman R. B. (1978) Job Satisfaction as an Economic Variable. *The American Economic Review*. Vol. 68. No. 2. P. 135—141. URL: <https://www.jstor.org/stable/1816677> (accessed: 18.09.2023).
- Furnham A., Petrides K. V., Jackson C. J., Cotter T. (2002) Do Personality Factors Predict Job Satisfaction? *Personality and Individual Differences*. Vol. 33. No. 8. P. 1325—1342. [http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869\(02\)00016-8](http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869(02)00016-8).
- Furnham A., Zacherl M. (1986) Personality and Job Satisfaction. *Personality and Individual Differences*. Vol. 7. No. 4. P. 453—459. [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(86\)90123-6](https://doi.org/10.1016/0191-8869(86)90123-6).
- Green F., Zhu Y. (2010) Overqualification, Job Dissatisfaction, and Increasing Dispersion in the Returns to Graduate Education. *Oxford Economic Papers*. Vol. 62. No. 4. P. 740—763. <https://doi.org/10.1093/oeq/gpq002>.
- Hamermesh D. S. (1999) The Changing Distribution of Job Satisfaction. *NBER Working Papers*. No. 7332. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w7332/w7332.pdf (accessed: 18.09.2023).
- Heckman J. J., Stixrud J., Urzua S. (2006) The Effects of Cognitive and Non-Cognitive Abilities on Labour Market Outcomes and Social Behavior. *Journal of Labour Economics*. Vol. 24. No. 3. P. 411—482. <https://doi.org/10.1086/504455>.
- Herzberg F. (1959) *The Motivation to Work* (2nd ed.). New York, NY: John Wiley.
- Hodson R. (1989) Gender Differences in Job Satisfaction: Why Aren't Women More Dissatisfied? *The Sociological Quarterly*. Vol. 30. No. 3. P. 385—399. <http://www.jstor.org/stable/4120848> (accessed: 18.01.2024).
- Hulin C. L., Judge T. A. (2003) Job Attitudes. In: Borman W. C., Ligen D. R., Klimoski R. J. (eds.) *Handbook of Psychology. Industrial and Organizational Psychology*. Hoboken, NJ: Wiley. P. 255—276.
- Izverciana M., Potra S., Ivascu L. (2016) Job Satisfaction Variables: A Grounded Theory Approach. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 221. P. 86—94. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.05.093>.

Judge T. A., Heller D., Mount M. K. (2002) Five-Factor Model of Personality and Job Satisfaction: A Meta-Analysis. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 87. No. 3. P. 530—541. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.87.3.530>.

Judge T. A., Klinger R. (2008) Job Satisfaction: Subjective Well-Being at Work. In: Eid M., Larsen R. J. (eds.) *The Science of Subjective Well-Being*. New York, NY: Guilford Press. P. 393—413. URL: <http://www.timothy-judge.com/Job%20Satisfaction%20and%20Subjective%20Well-Being-Judge%20&%20Klinger.pdf> (accessed: 18.09.2023).

Kalleberg A. (1977) Work Values and Job Rewards: A Theory of Job Satisfaction. *American Sociological Review*. Vol. 42. No 1. P. 124—143. <https://doi.org/10.2307/2117735>.

Kristof-Brown A. L., Zimmerman R. D., Johnson E. C. (2005) Consequences of Individual's Fit at Work: A Meta-Analysis of Person-Job, Person-Organization, Person-Group, and Person-Supervisor Fit. *Personnel Psychology*. Vol. 58. No. 2. P. 281—342. <https://doi.org/10.1111/j.1744-6570.2005.00672.x>.

Lee Y., Sabharwal M. (2014) Education — Job Match, Salary, and Job Satisfaction Across the Public, Non-Profit, and For-Profit Sectors: Survey of Recent College Graduates. *Public Management Review*. Vol. 18. No. 1. P. 40—64. <https://doi.org/10.1080/14719037.2014.957342>.

Lévy-Garboua L., Montmarquette C., Simonnet V. (2007) Job Satisfaction and Quits. *Labour Economics*. Vol. 14. No. 2. P. 251—268. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2005.08.003>.

Lewis G. B., Cho Y. J. (2011) The Aging of the State Government Workforce: Trends and Implications. *The American Review of Public Administration*. Vol. 41. No. 1. P. 48—60. <https://doi.org/10.1177/0275074009359308>.

Lisi G. (2018) Job Satisfaction, Job Match Quality and Labour Supply Decisions. *International Review of Economics*. Vol. 65. P. 489—505. <https://doi.org/10.1007/s12232-018-0311-1>.

Litchfield J., Reilly B., Veneziani M. (2012) An Analysis of Life Satisfaction in Albania: A Heteroscedastic Ordered Probit Model Approach. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 81. No. 3. P. 731—741. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2010.12.020>.

Locke E. A. (1976) The Nature and Causes of Job Satisfaction. In: Dunette M. D. (ed.) *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 1. Chicago, IL: Rand McNally. P. 1297—1349.

McCrae R. R., John O. P. (1992) An Introduction to the Five-Factor Model and its Applications. *Journal of Personality*. Vol. 60. No. 2. P. 175—215. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1992.tb00970.x>.

McGuinness S., Sloane P. J. (2011) Labour Market Mismatch Among UK Graduates: An Analysis Using REFLEX Data. *Economics of Education Review*. Vol. 30. No. 1. P. 130—145. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2010.07.006>.

Pierre G., Sanchez Puerta M. L., Valerio A., Rajadel T. (2014) STEP Skills Measurement Surveys: Innovative Tools for Assessing Skills. *Social Protection and Labor Discussion*

Paper Series. No. 1421. Washington, DC: World Bank Group. URL: <http://hdl.handle.net/10986/19985> (accessed: 18.09.2023).

Pita C., Torregrosa R. J. (2023) The Education-Job Satisfaction Paradox in the Public Sector. *Public Organization Review*. Vol. 23. P. 1717—1735. <https://doi.org/10.1007/s11115-023-00726-0>.

Redmond P., McGuinness S. (2020) Explaining the Gender Gap in Job Satisfaction. *Applied Economics Letters*. Vol. 27. No. 17. P. 1415—1418. <https://doi.org/10.1080/13504851.2019.1686111>.

Sloane P. J., Mavromaras K. (2020) Overeducation, Skill Mismatches, and Labor Market Outcomes for College Graduates. *IZA World of Labor*. No. 88. URL: <https://wol.iza.org/articles/overeducation-skill-mismatches-and-labor-market-outcomes-for-college-graduates/long> (accessed: 18.09.2023).

Smirnykh L. (2023) Working from Home and Job Satisfaction: Evidence from Russia. *International Journal of Manpower*. <https://doi.org/10.1108/IJM-02-2023-0089>.

Tokar D. M., Subich L. M. (1997) Relative Contributions of Congruence and Personality Dimensions to Job Satisfaction. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 50. No. 3. P. 482—491. <https://doi.org/10.1006/jvbe.1996.1546>.

Varshavskaya E. Ya., Podverbnykh U. S. (2023) Impact of Job Mismatches on Job Satisfaction and Turnover Intention: Case of Russia. *Russian Management Journal*. Vol. 21. No. 1. P. 115—132. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2023.106>.

Verhaest D., Omey E. (2006) The Impact of Overeducation and its Measurement. *Social Indicators Research*. Vol. 77. P. 419—448. <https://doi.org/10.1007/s11205-005-4276-6>.

Vichet S. (2018) Education-Job Mismatches and Their Impacts on Job Satisfaction: An analysis Among University Graduates in Cambodia. *MPRA Paper*. No. 87928. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/87928/> (accessed: 18.09.2023).

Vieira J. A. C. (2005) Skill Mismatches and Job Satisfaction. *Economics Letters*. Vol. 89. No. 1. P. 39—47. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2005.05.009>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2430](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2430)

Л. А. Видясова, И. А. Григорьева, А. С. Кривошапкина

**КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ ПОЖИЛЫХ В РОССИИ:
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА БАЗЫ РЕЗЮМЕ С ПОРТАЛА РОСТРУДА
«РАБОТА РОССИИ»**

Правильная ссылка на статью:

Видясова Л. А., Григорьева И. А., Кривошапкина А. С. Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 26—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2430>.

For citation:

Vidiasova L. A., Grigoryeva I. A., Krivoschapkina A. S. (2024) Career Expectations of the Elderly in Russia: Based on the Analysis of the Resumes' Database from the Rostrud Portal "Work in Russia". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 26—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2430>. (In Russ.)

Получено: 11.05.2023. Принято к публикации: 26.01.2024.

КАРЬЕРНЫЕ ОЖИДАНИЯ ПОЖИЛЫХ В РОССИИ: НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА БАЗЫ РЕЗЮМЕ С ПОРТАЛА РОСТРУДА «РАБОТА РОССИИ»

ВИДЯСОВА Людмила Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; начальник отдела мониторинговых исследований, Центр технологий электронного правительства, Институт дизайна и урбанистики, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: bershadskaya.lyudmila@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8006-7066>

ГРИГОРЬЕВА Ирина Андреевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: soc28@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8348-2954>

КРИВОШАПКИНА Айталина Сергеевна — студентка Факультета инфокоммуникационных технологий, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: aitalina.kr@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6504-8038>

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования карьерных ожиданий пожилых россиян. Целью исследования стало получение обоснованного представления о запросах пожилых людей, доля которых неуклонно растет во всем мире, к характеру занятости и режиму работы. В качестве источника материала для анализа использована открытая база, включающая около 15 тыс. резюме пожилых соискателей, разме-

CAREER EXPECTATIONS OF THE ELDERLY IN RUSSIA: BASED ON THE ANALYSIS OF THE RESUMES' DATABASE FROM THE ROSTRUD PORTAL "WORK IN RUSSIA"

Lyudmila A. VIDIASOVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Head of Monitoring and Research Department, E-Governance Center, Institute of Design and Urban Studies*
E-MAIL: bershadskaya.lyudmila@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8006-7066>

*Irina A. GRIGORYEVA*¹ — *Dr. Sci. (Soc.), Professor, Chief Researcher*
E-MAIL: soc28@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8348-2954>

*Aitalina S. KRIVOSHAPKINA*² — *Student of Faculty of Infocommunication Technologies*
E-MAIL: aitalina.kr@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6504-8038>

¹ Sociological Institute RAS a branch of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

² ITMO University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article presents the results of a comprehensive study of the career expectations of the elderly in Russians. The purpose of the study was to obtain a reasonable understanding of the demands of older people, the proportion of whom is steadily growing throughout the world, regarding the nature and mode of their desired employment. To get empirical estimates, the authors use an open database consisting of about 15 thousand resumes of elderly applicants post-

ценных на портале Роструда «Работа России». Для сравнительного анализа с европейскими странами были использованы данные о занятости людей старше 65 лет, пенсионном возрасте и месте страны в рейтинге Индекса развития человека (ИРЧ) ОЭСР. В исследовании выявлено, во-первых, преобладание желания пожилых устроиться на работу по найму с полной занятостью. Во-вторых, отмечается, что пожилые соискатели в целом соглашаются на уровень зарплат ниже среднего по стране, особенно это характерно для крупных городов. В-третьих, мужчины в большей степени желают оставаться на рынке труда по сравнению с женщинами. Результаты сравнительного анализа по материалам ОЭСР свидетельствуют об отсутствии взаимосвязи между ИРЧ, пенсионным возрастом и уровнем занятости. В то же время рост благосостояния стран не приводит к тому, что пожилые люди перестают работать. Это говорит о важности более детального анализа факторов, определяющих развитие рынка труда пожилых людей. Статья может быть полезна исследователям старения и пенсионных систем, а также политикам и специалистам в социальной политике и политике занятости.

Ключевые слова: пожилые, рынок труда, анализ больших данных, резюме, карьерные ожидания, поиск работы онлайн

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя зрелость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

ed on the Rostrud portal “Work in Russia”. For a comparative analysis with European countries, the authors bring on data on the employment of people over 65 years of age, retirement age, and the country’s place in the OECD Human Development Index (HDI) ranking. The study revealed, firstly, the predominance of the desire of older people to get a full-time paid job. Secondly, it is noted that older job seekers generally agree to salary levels below the national average, this is especially true in large cities. Thirdly, men are more willing to remain in the labor market compared to women. The results of a comparative analysis based on OECD materials indicate that there is no relationship between the HDI, retirement age, and employment level. At the same time, the growing prosperity of countries does not lead to older people stopping working. This suggests the importance of a more detailed analysis of the factors determining the development of the labor market for older people. The article may be useful to researchers focusing on aging and pension systems, as well as politicians and experts in social policy and employment policy.

Keywords: seniors, labor market, big data analysis, resumes, career expectations, job search online

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00461 “Delayed aging or late adulthood or in Russia: how digital development change the position of elderly in the era of COVID-19 and uncertainty” (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

Введение

Старение населения неизбежно приводит к вопросу, как сами пожилые сохраняют индивидуальную субъектность и социальную активность, участвуют в социально-экономических процессах, в первую очередь, связанных с занятостью и самообеспечением, какие требования выдвигают к рабочим местам, режиму занятости и заработной плате. Ситуация в РФ не выглядит сверхкритичной и аномальной: люди старше 65 лет составляли всего 16,1%¹, однако их занятость меньше, чем в развитых странах. В то же время по данным Федеральной службы государственной статистики, в России в 2022 г. доля населения в возрасте старше трудоспособного составила 35 957 982 25 человек, примерно четверть населения (точнее, 24,7%)². Эта разница в оценках обусловлена начавшимся в 2019 г. переходом на новый пенсионный возраст 60/65 лет, который должен завершиться к 2028 г. Важно отметить, что в ряде стран «возраст старше трудоспособного» — это возраст более 65 лет. В России же довольно существенная разница между пожилыми и пенсионерами существует за счет пока более низкого пенсионного возраста, который в 2021 г. составлял 57 лет для женщин и 62 года для мужчин.

Основания для анализа занятости пенсионеров создает переосмысление старения и социальной политики по отношению к пожилым людям из-за увеличения их количества, удлинения периода жизни вне трудовых отношений и роста требований к качеству жизни. По оценкам ООН 2019 г., наибольшая доля пожилого населения наблюдается в европейских странах. Ожидается, что к 2030 г. она поднимется почти до 23%, а в 2050 г. превысит 28%³. В странах Северной Америки доля пожилого населения в 2030 г. составит 21% и 2050 г. — 23%. Повышение пенсионного возраста, увеличение продолжительности жизни и социальная политика в русле международной концепции «активного старения» приводит к смещению возрастных границ «старости», трансформации представлений о социально-возрастной группе пожилых и об индивидуальных характеристиках. В частности, социологи декларируют идею об «активном и самостоятельно выбранном сценарии старения» [Григорьева, Парфенова, Галкин, 2023]. Фактически человек сам конструирует представление об этапе жизни, который обычно обозначался выходом на пенсию, наделяет его своими собственными смыслами и соответствующим образом его переживает. Сегодня этот период может быть связан с продолжением привычной трудовой жизни или сменой режимов занятости.

Понимание любого возраста закрепляется определенными социальными институтами, такими как школа, семья, занятость, пенсионирование, медицина. С одной стороны, убеждения отдельных индивидов о том, что значит быть пожилым, могут содержать черты уникальности, тем не менее, они всегда интересубъективны,

¹ Раздел 1.4. Возрастно-половая структура населения Российской Федерации на 1 января 2022 г. (в процентах ко всему населению соответствующего разреза) https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf (дата обращения 10.02.2024).

² Раздел 1.2.2. Численность населения российской федерации по полу и отдельным возрастным группам в среднем за 2021 г. (человек). https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

³ Щербакова Е. Старение населения мира по оценкам ООН 2019 г. // Демоскоп Weekly. 2019. № 837—838. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0837/barom03.php> (дата обращения 10.02.2024).

то есть разделяются членами определенной социальной общности. Если данные убеждения получают институционализацию через законодательное закрепление статуса «пенсионер», возраста выхода на пенсию, определение условий ее получения, то они находят выражение в идентичности человека и реализуемых практиках. Так ситуация взаимодействия институтов права и социально-возрастных групп закрепляет власть государства и его институтов над индивидами [Михель, 2003]. В свою очередь, институционально закрепленные практики должны быть интернализированы индивидами, чтобы воспроизводиться ими в повседневной жизни [Бергер, Лукман, 1995]. В обществе складываются *нормативные представления* о пенсионном возрасте, о жизни на пенсии, в том числе социальном статусе и социальных ролях пенсионера. Подобные представления отличаются в разных странах и культурах [Евсеева, 2020]. При этом нет какого-то раз навсегда научно обоснованного пенсионного возраста. Меняется общество и меняются социальные рамки старения и нормативы пенсионных систем.

На рубеже XX—XXI веков в мире сложились объективные условия для трансформации представления о пожилых в целом и жизни на пенсии, в частности. Была осознана необходимость максимально полно задействовать потенциал пожилых граждан, стимулировать их занятость и отложить выход на пенсию [Барсуков, Калачикова, 2020]. Эти процессы поддерживаются трансформацией объективных характеристик самих пожилых, которые отличаются значительно более высоким уровнем образования, лучшим здоровьем, ведут другой образ жизни, чем предшествующие поколения. В результате граница начала старения смещается и в России, хотя и очень неравномерно по регионам, что неизбежно должно приводить к изменениям пенсионного возраста по регионам.

Смещение границ пенсионного возраста ведет к пересмотру положения пожилых в социально-трудовой сфере. Пенсионный возраст становится проницаемой и гибкой границей, которая в индустриальном обществе была призвана структурировать население на работающих и пенсионеров [Григорьева, 2022]. Многие пенсионеры продолжают активную трудовую деятельность, следуя разным траекториям занятости с точки зрения ее условий и форм, выбирают траектории, идущие вразрез с нормативными представлениями. Если бы границы пенсионного возраста в России не были существенно ниже европейских, можно было бы провести различия между нормативной и сверхнормативной траекториями активации пожилых, поскольку в современных условиях сверхнормативной активацией можно было бы считать занятость выше 65—67 лет. Но в России представление, что регулярная занятость должна заканчиваться в более раннем возрасте, все еще широко распространено, а институционально закрепленный пенсионный возраст обозначает «возраст потери трудоспособности вследствие старости». Обозначение, что «пенсия по старости», как правило, не нравится, а вот возможность покинуть рынок труда выглядит вполне привлекательно. Однако в реальности все больше пожилых людей в разных странах работают после достижения пенсионного возраста.

Эволюция представлений о возможностях и интересах пожилых людей способствуют установлению «новой нормальности», когда продолжение трудовой деятельности не противоречит статусу пенсионера.

Обзор предшествующих исследований

Отмеченные трансформации представлений о пожилых людях стали возможны вместе со сменой парадигмы в понимании старения. Пенсионный период жизни перестал рассматриваться как «время заслуженного отдыха». В настоящее время во многих странах, даже европейских, пенсия недостаточно велика для спокойной старости. «Подход заботы», предполагающий рассмотрение пожилых как слабых, незащищенных, нуждающихся в постоянной помощи государства, постепенно уступает место «подходу развития». Его суть состоит в преодолении или предотвращении потенциальных негативных последствий старения населения и использовании возможностей демографических изменений, таких как создание потенциала развития и трансформации в «общество для всех возрастов». При этом подход развития реализуется на двух уровнях. На микроуровне он предполагает поддержку участия пожилых людей в различных сферах жизни общества, в том числе занятости. Ведь для высококвалифицированных специалистов потеря работы — это не только потеря зарплаты, но и огромный удар по статусу, качеству жизни и чувству самореализации. Сами пожилые называют работу источником самореализации, что отражено в ряде исследований [Парфенова, 2023; Козлова, 2017]. Всероссийское исследование С. А. Баркова с коллегами показывает, что мотивация самореализации у пожилых людей, особенно тех, кто имеет высокий уровень образования, отчетливо выражена [Барков, Маркеева, Колодезникова, 2022]. На макроуровне реализация подхода развития связана с включением проблемы старения в национальные стратегии и признанием права пожилых работать столько, сколько они сами решат, а не сколько разрешит работодатель [Григорьева, 2016]. Например, в России в 2016 г. принята Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации. В документе стимулирование занятости людей пожилого возраста рассматривается в качестве важного приоритета государственной политики нашей страны⁴.

Реализация подобной политики должна основываться на пересмотре отношения к пожилым людям в научных исследованиях и социальной практике, то есть в демографии, социологии, медицинских науках, социальной политике; на преодолении архаических стереотипов и формировании новых сценариев активного и включенного старения или, как сейчас официально принято говорить, долголетия. Активное долголетие связано с изменением системы ценностей пожилых людей в направлении осознания собственных потребностей. Реализация концепции активного долголетия опирается на изменение социальных установок в обществе в сторону отказа от дискриминации по возрасту, привычных (зачастую негативных) образов и стереотипов восприятия пожилых [Судьин, Исакова, 2018].

В международной концепции активного старения акцент сделан на необходимости сохранения включенности людей старшего возраста в разные сферы жизни социума, их участия в общественных делах, независимости, здоровье и безопас-

⁴ Правительство Российской Федерации. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025. Распоряжение от 05 февраля 2016 года № 164-р // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420334631?marker=6500IL> (дата обращения: 10.02.2024).

ной жизни, возможности и доступе к среде для активного времяпрепровождения. Политика активного старения уделяет особое внимание занятости пожилых, которая выгодна и полезна как самому человеку, так и обществу. Значительная часть рынка медицинских и социальных услуг, косметические продукты — это недооцененная часть вклада пожилых людей в развитие экономики и занятости. Уход на пенсию является важнейшим предиктором старения, поскольку обрываются привычные коммуникации с коллегами по работе, а уровень потребления резко снижается. Но послевоенные поколения бэби-бума везде довольно многочисленны и способны оставаться активными потребителями, если их не будут вытеснять с рынка труда. При этом важно подчеркнуть, что вложения в производство соответствующих товаров должны позволять не только «зарабатывать на пожилых» посредством расширения рынка товаров и услуг для них, но также инвестировать в развитие человеческого капитала сотрудников зрелого возраста. Подобный подход к занятости складывается в русле концепции *ресурсного потенциала пожилых* [Доброхлеб, 2008; Римашевская, Доброхлеб 2013].

Принято считать, что человек, его семья, предприятие, на котором он работает, государство совершают определенные инвестиции в человеческий капитал, ожидая, что улучшение состояния здоровья, приобретение востребованных на рынке труда знаний и навыков будут способствовать трудоустройству и последующему сохранению рабочего места, увеличению заработной платы, продвижению работника по карьерной лестнице, что позволит окупить понесенные затраты. Известный экономист Г. С. Беккер связывают увеличение человеческого капитала с инвестированием в образование [Becker, 1993]. Однако уровень образования и занятость не находятся в прямой зависимости. Высшее образование способствует занятости, в том числе тех групп, которые оказываются в менее выгодном положении на рынке труда — женщины, молодежь, пожилые.

Полученное образование или состояние здоровья представляют собой лишь ресурс индивида до того момента, пока он не захочет его реализовать через занятость. В связи с этим для определения социально-экономического положения той или иной социальной группы недостаточно сделать вывод, что она обладает теми или иными ресурсами, важно определить, как она ими распоряжается. Положение пенсионеров на рынке труда не составляет исключения. При этом В. Г. Доброхлеб уточняет, что наиболее существенными компонентами человеческого потенциала старших возрастных групп являются: здоровье, образование, мотивация и социальные институты, поддерживающие человеческий потенциал поколений на протяжении всего жизненного цикла [Доброхлеб, 2019]. Однако в сырьевой экономике и образование, и квалификация стоят мало и ничего не гарантируют, а пенсионные права нарушаются. Об отношении государства к работающим пожилым людям больше всего говорит нелепое с экономической точки зрения и несправедливое политическое решение не пересчитывать ежегодно их страховую пенсию. Под давлением работодателей это решение моментально вывело часть работающих пенсионеров из нормальной белой в серую занятость. Сами пожилые ничего от этого не получили, а работодатели перестали платить за них социальные отчисления, отчего пострадал бюджет пенсионного фонда, а его дефицит, который вынужден покрывать государственный бюджет, увеличился.

Наряду с изучением ресурсов и потенциала людей старшего возраста заметен пласт публикаций об их самозанятости, precarious занятости и сложностях трудоустройства. Уход пожилых работников в сферу самозанятости активно поощряется работодателями. Особенно заметной эта тенденция стала в разгар пандемии 2020 г., когда временный удаленный режим работы стал активно трансформироваться в постоянный, поскольку крупным предприятиям стало выгодно переводить персонал в малые предприятия, так как это существенно снижает нагрузку по уплате соцвзносов. Уход работников предпенсионного и пенсионного возраста с постоянного места работы в самозанятость стимулирует ФЗ № 428 от 15.12.2019 г.⁵ Однако выгодам сопутствуют и потери. При увольнении пожилых работников или их уходе в самозанятость, потери — это снижение совокупного квалификационного потенциала для реализации инновационных проектов, в частности, за счет разрушения института наставничества. Об этом специалисты сейчас говорят как о серьезной проблеме, касающейся трансляции трудовых навыков, культуры труда, сохранения корпоративной идентичности [Климова, 2022].

Особенности занятости пожилых на фоне дефицита трудовых ресурсов изучаются социологами многих стран. Так, в Словакии исследователи составили карту возможностей трудоустройства людей в возрасте от 50 лет и старше и указали на упущенный трудовой потенциал ввиду неадекватной национальной политики [Krajňáková, Vojtovič, 2017]. По оценкам этих аналитиков, на практике имеют место как внешние, социальные факторы, так и личностные (сложности адаптации к новым условиям работы), обусловленные снижением ряда показателей здоровья людей старшего возраста. Изучение социальных факторов трудоустройства показало, что процесс старения привносит трудности в достижении успеха на рынке труда. Однако, Е. Крайнакова и С. Войтович отмечают, что в случае, когда один работник проработал многие годы на предприятии и после 50 стал недостаточно квалифицированным, снижение его квалификации и конкурентоспособности нельзя списывать только на процесс старения [там же]. Такие случаи показывают, что сотрудник не повышал свою квалификацию, и в ряде случаев причиной тому являлась дискриминация пожилых работников при определении доступа к курсам и профконсультациям [Wanka, Hess, Lain, 2022].

В ходе сравнительного анализа ситуации с занятостью пожилых в Германии, Израиле, Италии, Швеции [Walwei, Deller, 2021] исследователи пришли к выводу о необходимости изучения специфики каждого отдельного странового кейса. В частности, в Израиле отмечены как большая группа людей, рано уходящих на пенсию, так и значительная группа работающих до самого преклонного возраста, притом что пенсионный возраст мужчин 67 лет, а пенсионный возраст женщин постепенно повышается с 64 до 67. Возможно, это связано с большим числом мигрантов из России и постсоциалистических стран, не имеющих пенсионных прав, а получающих только пособие по возрасту (аналогичное социальной пенсии в России), значительно уступающее по размеру даже минимальной пенсии. Именно это вынуждает пожилых людей работать до преклонного возраста.

⁵ Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» от 15.12.2019 № 428-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102488108> (дата обращения: 18.02.2024).

На примере Швеции исследователи выделяют хорошее состояние здоровье и наличие высшего образования в качестве факторов, определяющих продолжительность карьеры и поздний выход на пенсию. В Швеции уровень занятости среди пожилых людей (в возрасте 55—74 лет) имеет тенденцию к увеличению в течение длительного периода времени⁶. Это объясняется введением ряда политических мер, в частности, снижением налогов, проведением пенсионной реформы и ужесточением правил получения страховых выплат по болезни. Кроме того, улучшение показателей здоровья и повышение уровня образования способствуют более высокой занятости среди пожилых людей, повышают степень адаптивности персонала, а также снижают безработицу [Serban, 2012]. В других странах Европы ситуация может заметно отличаться. Исследование, проведенное в странах ОЭСР в 2004 г., продемонстрировало крайне пессимистичные оценки влияния обучения/переобучения на возвращение людей старшего возраста к занятости. Больше надежд, по мнению авторов доклада⁷, стоит уделять возможности поощрения самозанятости среди лиц старших возрастных групп.

Многие авторы отмечают влияние организации системы пенсионного обеспечения на рынок труда и включение в него людей старшего возраста [Börsch-Supan et al., 2021]. В дополнение к установленному пенсионному возрасту в ряде стран важными факторами являются: оценка ограничений уровня заработка пожилых, размеры отчислений на пенсию при досрочном выходе, специальные условия, обеспечивающие досрочный выход на пенсию, а также дополнительные расходы или, наоборот, льготы работодателей при сохранение пожилых сотрудников в штате.

Заметное влияние на занятость пожилых работников оказала пандемия COVID-19 и сопутствующий ей режим ограничений, изоляции и потери занятости, с одной стороны, и развитие дистанционной занятости, использование цифровых технологий и, как следствие, расширение возможностей занятости пожилых в период пандемии, с другой. Так, американские исследователи [Phiroomswad, Srivannaboorn, Sarajoti, 2022] рассматривают возможности изменений на рынке труда за счет слияния двух параллельных тенденций — старения населения и компьютеризации. Основываясь на данных Бюро статистики США, они приходят к выводу о вариативности влияния компьютеризации на занятость в зависимости от сфер занятости. В частности, для ряда профессий (производство, приготовление пищи, сфера обслуживания) отмечено сильное негативное влияние компьютеризации. В то же время для таких сфер, как охрана, медицинское обслуживание и технические профессии, подобное влияние не значительно.

По данным обзора британского Национального центра профсоюзов⁸, с начала пандемии COVID-19 наблюдается серьезный рост доли экономически неактивно-

⁶ Skans I. H. Why Are Labour Force Participation and Employment Increasing Among Older People? *Sveriges Riksbank*. 2020. No. 2. <https://www.riksbank.se/globalassets/media/rapporter/ekonomiska-kommentarer/engelska/2020/why-are-labour-force-participation-and-employment-increasing-among-older-people.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

⁷ Mayhew K., Rijkers B. How to Improve the Human Capital of Older Workers or the Sad Tale of the Magic Bullet. Report on the EC-OECD Seminar on Human Capital and Labour Market Performance. 2004. URL: <https://www.oecd.org/els/emp/34932028.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

⁸ TUC Report. Older Workers after the Pandemic: Creating an Inclusive Labour Market. 2022. URL: <https://www.tuc.org.uk/research-analysis/reports/older-workers-after-pandemic-creating-inclusive-labour-market> (дата обращения: 18.02.2024).

го населения в Великобритании. С начала 2020 г. уровень экономической неактивности людей в возрасте 18—24 лет вырос на 1,6%, увеличившись на 47 тыс. человек, а среди лиц в возрасте 50—64 лет он вырос на 1,5%, увеличившись на 228 тыс. Наиболее распространенными причинами такого роста являются выход на пенсию (38%), длительные болезни или инвалидность (34%) и обязанности по уходу за близкими (13%) [там же]. Влияние пандемии COVID-19 неравномерно сказалось на профессиональных группах: продажи и обслуживание клиентов, а также операторы технологических процессов, оборудования и машин столкнулись с резким увеличением числа людей, покидающих рынок труда из-за плохого состояния здоровья.

При изучении вопросов трудоустройства пожилых в Канаде исследователи⁹ сделали вывод, что вовлечение пожилых людей в рынок труда идет гораздо меньшим темпом, нежели возрастание доли пожилого населения в общей численности жителей страны. При текущем уровне безработицы этот фактор отмечается как тормозящий восстановление рынка труда.

Все это говорит о разнообразных и противоречивых тенденциях, связанных с занятостью пожилых в современной экономике. Однако постоянно изучаются объективные, социально-средовые факторы занятости/незанятости пожилых, а не их желание продолжать свою трудовую карьеру. Поэтому необходимо изучать опыт или технологии вовлечения или возвращения, пожилых на рынок труда [Маркеева, Колодезникова, 2020].

Методология исследования

Цель исследования — получение обоснованного представления о запросах к характеру занятости, режиму и условиям работы, сформулированных самими пожилыми людьми. Поэтому мы не проводили анкетирование, а изучали резюме пожилых соискателей. В качестве данных для анализа была использована открытая база, включающая около 15 тыс. резюме пожилых соискателей, размещенных на портале Роструда «Работа России» (<https://trudvsem.ru>). Эта база — федеральная государственная информационная система, проект Федеральной службы по труду и занятости, функционирующий с 2016 г. Портал ориентирован на два типа пользователей: соискатели и работодатели. Регистрация на портале и размещение резюме происходит через аккаунты в системе Госуслуги. С момента существования ресурса до 2021 г., когда оказалось возможным сделать выгрузку данных, на портале было размещено более 8,7 млн резюме. Величина средней ожидаемой заработной платы по всем резюме составила 30 тыс. рублей. При этом количество размещенных вакансий от работодателей за тот же период превысило 20,3 млн, а средний срок закрытия вакансии на сайте составляет 47 дней.

Выбор базы данных был обусловлен ее уникальностью, тем, что она находится в открытом доступе, а также ее масштабностью. Кроме того, исследуемый нами портал является активным сторонником размещения открытых данных¹⁰, предо-

⁹ Hill T., Whalen A., Palacios M. An Aging Population: The Demographic Drag on Canada's Labour Market. *Fraser Institute Research Bulletin*. 2022. August. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/an-aging-population-the-demographic-drag-on-canadas-labour-market.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁰ См. URL: <https://trudvsem.ru/opendata/datasets> (дата обращения: 18.02.2024).

ставляет датасеты заинтересованным пользователям, размещает массивы данных на отдельной странице, а также разрешает использовать API, что невозможно для большинства коммерческих порталов, размещающих резюме. Временной период публикации резюме составил с 1 января 2018 г. по 30 октября 2021 г. Близкое нашему исследованию с использованием данной базы данных, но без выделения и анализа резюме пожилых, было сделано И. С. Сизовой с соавторами [Сизова, Русакова, Александрова, 2022].

В этой работе использовались данные из открытого источника со сведениями о резюме соискателей, размещенных на портале Инфраструктуры научно-исследовательских данных¹¹. Этот портал аккумулирует датасеты из открытых источников, размещает описание переменных, используемых в массиве. Ограничения нашего исследования были связаны с задачей проанализировать данные о пожилых старше 60 лет. Поэтому области исследования данных были ограничены по году рождения соискателя: рассматривались резюме людей, родившихся ранее 1958 г.¹²

Сначала данные были загружены в Google Colab. Затем с помощью Python библиотеки Pandas данные были очищены, чтобы исключить ошибки, пропущенные значения и выбросы, которые могут повлиять на статистику. Например, с помощью функции `dropna()` были удалены строки с нулевыми значениями, а с помощью `drop_duplicates()` были удалены дубликаты строк.

Был сформирован датасет, в который попали все резюме, относящиеся к пользователям от 60 лет и старше на момент первого резюме в массиве (январь 2018 г.) Полученный датасет содержал 30 583 строки, причем количество уникальных соискателей было равно 14 821 и количество уникальных резюме — 18 754. Это связано с тем, что некоторые соискатели заполняли несколько резюме, либо обновляли несколько раз одно и то же резюме. Поэтому было решено оставить только те строки, которые содержали последнюю версию резюме для каждого соискателя. Для этого был создан список уникальных кодов соискателей, на его основе был создан новый датасет, содержащий 62 поля, большинство из которых были отброшены, поскольку в них содержалась избыточная информация (например, дата и время публикации резюме). Таким образом, мы получили датасет с 14 821 строкой и 15 полями, которые представлены в таблице 1.

В полях `profession_code` и `region_code` содержится код профессии и код региона. Чтобы расшифровать данные коды были взяты соответствующие справочники с того же портала Роструда «Работа России» `profession.csv` и `regions.csv`, а затем сопоставлены в нашем датасете по принципу код-наименование.

Поле `industry_code` содержит наименования отраслей хозяйства, но на английском языке. Для этого была создана таблица с «мэппингом» англоязычного наименования с русским, а затем проведено сопоставление с нашим датасетом.

Предобработанный датасет был выгружен из Google Colab и загружен в BI систему Tableau для построения визуализаций с возможностью фильтрации данных по ключевым полям. Ввиду особенностей работы в данной программе каждая ви-

¹¹ См. URL: <https://data.rcsi.science/data-catalog/datasets/186/#dataset-codebook> (дата обращения: 18.02.2024).

¹² Дата на момент начала работы с массивом.

зуализация настраивалась отдельно, а затем была скомпонована с остальными на отдельных страницах по соответствующим тематикам: аналитика по возрасту, полу, регионам, зарплате, уровню образования, типу занятости и т. д.

Таблица 1. Поля датасета резюме пожилых соискателей на портале «Работа России»

№	Наименование поля	Описание поля	Тип данных
1	<i>birthday</i>	Год рождения	int64
2	<i>business_trips</i>	Готовность к командировкам	bool
3	<i>busy_type</i>	Тип занятости	object
4	<i>drive_licences</i>	Категория водительских прав	object
5	<i>education_type</i>	Уровень образования	object
6	<i>experience</i>	Трудовой стаж	float64
7	<i>gender</i>	Пол	bool
8	<i>id_candidate</i>	Идентификатор соискателя	int64
9	<i>id_cv</i>	Идентификатор резюме	int64
10	<i>industry_code</i>	Отрасль хозяйства	object
11	<i>profession_code</i>	Код профессии	int64
12	<i>region_code</i>	Код региона	int64
13	<i>relocation</i>	Готовность к переезду	bool
14	<i>Salary</i>	Желаемая зарплата	int64
15	<i>schedule_type</i>	Желаемый график работы	object

Анализ данных проводился в феврале — апреле 2023 г. Для отображения распределения данных по возрасту был рассчитан возраст соискателей как разница между текущим 2023 г. и годом рождения. Затем данные были сгруппированы по периодам продолжительностью в 5 лет с помощью встроенной функции создания групп. То есть в итоге были получены группы 66—70 лет, 71—75 лет и т. д. Данные по желаемой зарплате были сгруппированы по похожей логике: менее 10 тыс., 10—19 тыс., 20—29 тыс. и т. д.

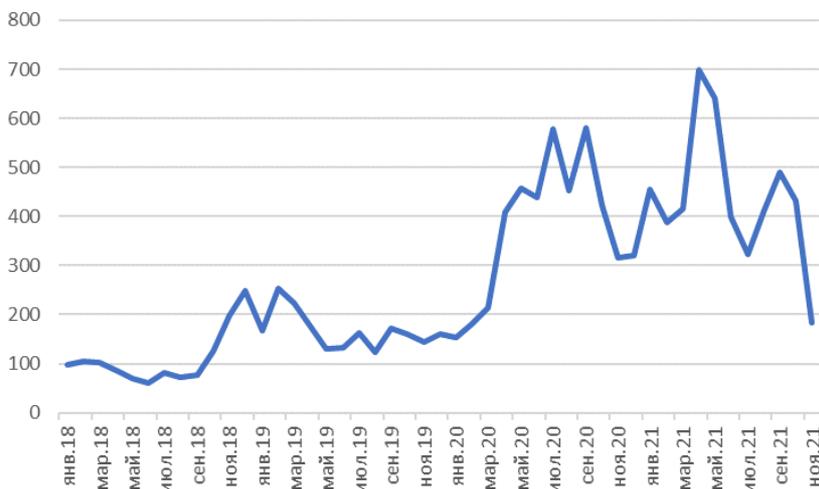
В дополнение, для лучшего понимания факторов занятости пожилых, было проведено межстрановое сопоставление. Для сравнительного анализа мы использовали данные о занятости людей старше 65 лет, пенсионном возрасте и месте страны в рейтинге Индекса развития человека (ИРЧ) ОЭСР. Анализ проводился за период 2022—2021 гг. среди следующих стран: Финляндия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Италия, Россия. В выборке стран имеются как представители развитых экономик, где пожилые люди составляют значительную долю трудового ресурса (Швеция, Финляндия, Норвегия, Швейцария), так и те, кто обладает более низким рейтингом потенциала развития человека. Мы учли также, что скандинавские страны близки России по ряду климатических характеристик, которые, как принято считать, оказывают влияние на здоровье и продолжительность жизни. Кроме того, в период, когда обсуждались пути реформирования советской социальной политики в конце 1980-х — начале 1990-х годов, одним из вариантов реформи-

рования считалось движение в сторону «скандинавского социализма» Финляндия лишь 100 с небольшим лет назад получила независимость от России и является примером перехода из «отсталой окраины» в передовое по ИРЧ государство. Швейцария во многих отношениях рассматривается как страна с образцовым социально-экономическим уровнем развития. И, наконец, Италия — страна с высоким уровнем продолжительности жизни, большими региональными различиями и высокой социально-экономической разбалансированностью. Региональные различия и разбалансированность позволяют включить ее в ряд сравниваемых стран. Наконец, страны Азии не вошли в пул для сравнительного анализа по причине несформированной пенсионной системы.

Результаты

По результатам анализа было выявлено 14 821 уникальных заявителя. Среди соискателей 58,5% — мужчины, 41,5% — женщины. Подавляющее большинство резюме (73%) принадлежат соискателям в возрасте 66—70 лет. Это соответствует распространенному мнению о том, что если люди работают после достижения пенсионного возраста, то, как правило, не более, чем до 70 лет. Далее распределение по возрастным группам следующее: 71—75 лет — 21%, 76—80 лет — 4%, 81—85 лет — 1%, а это суммарно более четверти резюме, что немало! Стоит отметить, что 46 резюме принадлежат соискателям от 86 лет и старше. На рисунке 1 представлена динамика размещения резюме пожилыми соискателями, демонстрирующая в 2018—2021 гг. ежемесячный рост.

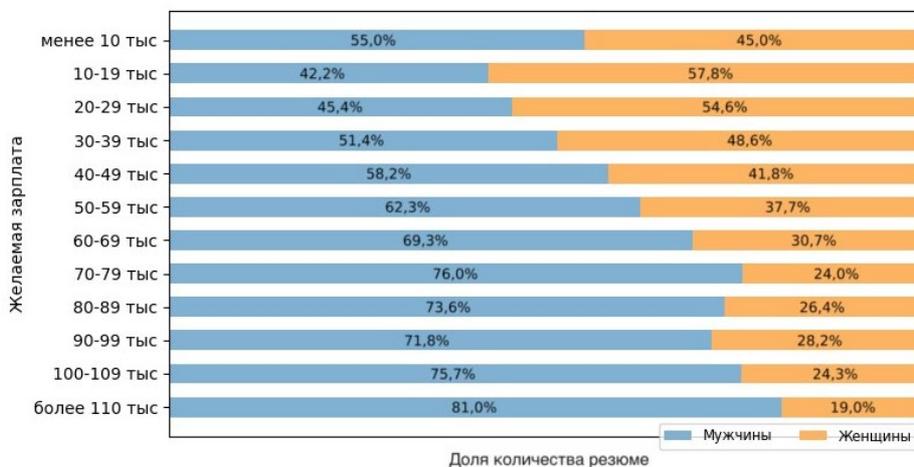
Рис. 1. Распределение размещенных резюме на портале «Работа России», соискатели 60 лет и старше

Средняя желаемая зарплата пожилых соискателей составила 30 307 рублей (примерно 370 долл. США). Существует понятная корреляция между уровнем образования респондентов и зарплатными ожиданиями, как среди женщин, так

и среди мужчин (см. рис. 2). Эти данные подтверждаются сегрегацией зарплат по регионам России, отмеченной, в частности, в рейтинге РИА Новости за исследуемый период¹³. При этом высокие зарплатные ожидания (от 60 тыс. рублей и выше) были обнаружены у соискателей в возрастных группах 66—70 лет, 71—75 лет, 76—80 лет. Кроме того, подобные ожидания в старших группах больше характерны для мужчин (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение желаемой зарплаты по полу соискателей

Наиболее популярными отраслями для поиска работы среди пожилых являются сфера безопасности (охрана, вахтеры — около 13%), работа без квалификации (12%), различные варианты работы за компьютером (9%), сфера промышленности (7%), коммунального хозяйства (6%), рабочие специальности (5%), образование (5%), медицина (5%), транспорт (4%), строительная недвижимость¹⁴ (4%), государственные услуги (3%), информационные технологии (3%), финансы (2%), машиностроение (2%), торговля (2%), сервисное обслуживание (2%), сельское хозяйство (1%), электроэнергетическая отрасль (1%). Кроме того, в массиве присутствуют порядка 19% резюме в различных комбинациях интересующих отраслей. Фактически четверть направлений поиска работы, причем самых популярных, — это неквалифицированная работа.

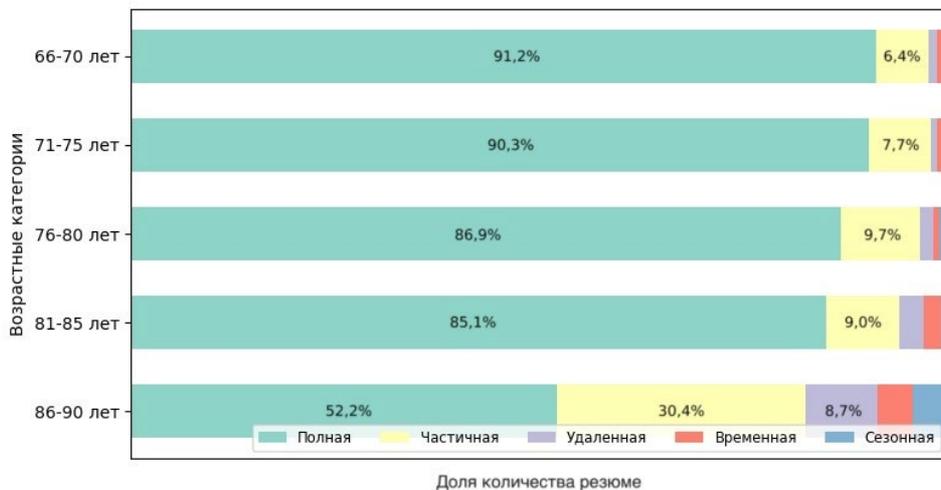
Распределение зарплатных ожиданий среди жителей различных регионов колеблется в пределах средних значений по России. Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, среди регионов с высокими зарплатными ожиданиями можно отметить Краснодарский, Красноярский, Приморский края, Ростовскую, Воронежскую, Липецкую и Свердловскую области.

¹³ Рейтинг регионов по зарплатам — 2021 // РИА Рейтинг. 2021. 22 ноября. URL: <https://riarating.ru/infografika/20211122/630212570.html> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁴ В датасете представлена именно такая формулировка.

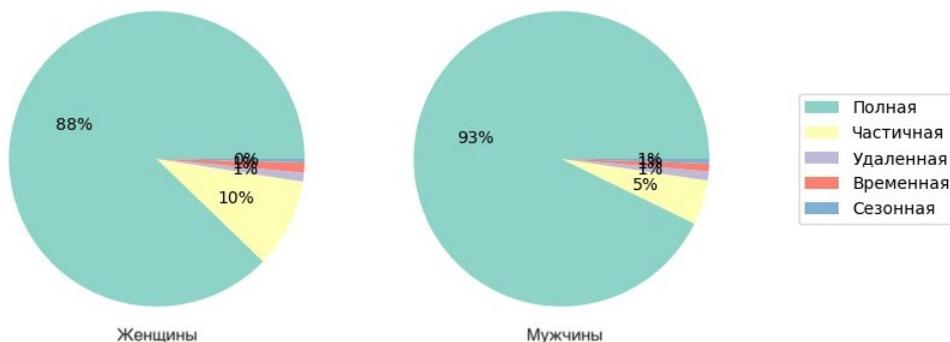
Примечательно, что среди всех возрастных и гендерных групп соискателей преобладают запросы на работу с полной занятостью (см. рис. 3 и рис. 4). Это можно объяснить тем, такой распорядок труда привычен для старшего поколения, в меньшей степени вовлеченного в форматы дистанционной работы и совместительства.

Рис. 3. Распределение желаемых типов занятости по возрастным группам соискателей

Среди всех резюме 92 % составляют ориентированные на поиск полной занятости. Примерно 7 % рассматривают варианты частичной занятости, по 1 % резюме — вакансии удаленной или временной работы. Менее 1 % соискателей желали получить сезонную работу.

Рис. 4. Распределение желаемых типов занятости по полу респондентов

Среди соискателей всех возрастных групп пожилых 21 % готовы к командировкам, а 6 % готовы на переезд ради получения работы.

Дискуссия и выводы

В нашем исследовании фокус внимания был направлен на изучение карьерных ожиданий людей пожилого возраста на основе анализа базы резюме российских соискателей. Выборочная совокупность, включающая 15 тыс. резюме, — с одной стороны, представляет собой новую и интересную эмпирическую базу, которая не подвергалась никаким искажениям в процессе исследования. С другой стороны, размер собранной нами базы данных невелик по сравнению с числом продолжающих работать пожилых людей. Тем не менее она дает представление о тех, кто, предположительно, активно ищет работу и размещал для этого резюме в базе данных Министерства труда и социальной защиты РФ.

По результатам анализа было обнаружено, что среди людей старшего возраста мужчины в большей степени желают оставаться на рынке труда. Подобные гендерные различия характерны для ряда других стран. Так, сравнительный анализ положения дел в Италии, Швеции, Германии и США [Worts et al., 2016] показывает, что траектории занятости пожилых гендерно определены: в каждой из стран мужчины демонстрируют большую привязанность к рынку труда и дольше сохраняют рабочие места, хотя в Швеции и Германии одинаковый пенсионный возраст у мужчин и женщин. По данным обзора британского Национального центра профсоюзов¹⁵, в Великобритании пожилые женщины исторически имели более низкие показатели экономической активности. Хотя в последние десятилетия этот разрыв сократился, экономически неактивных женщин в Великобритании в возрасте 50—65 лет по-прежнему на 660 тыс. больше, чем мужчин. Причина кроется в прекращении ими работы из-за необходимости ухода за близкими и родственниками. По данным обзора, 17 % женщин покидают рынок труда именно по этой причине, среди мужчин таких — 7 %.

Схожие процессы отмечаются в Бразилии [Amorim, Fischer, Fevorini, 2019], где тоже растет число занятых на рынке труда в возрасте от 50 лет и старше. Значительную долю этой группы составляют мужчины с более высоким уровнем образования по сравнению со средним значением на рынке, а также длительными трудовыми контрактами. В странах Латинской Америки население в возрасте от 60 лет и старше составляет 13 %, а доля трудоустроенных в этом возрасте — 10 % от всех работников¹⁶. Стоит отметить, что уровень занятости среди женщин намного ниже, чем у мужчин, и этот разрыв увеличивается с возрастом. В том же источнике отмечается, что личная заинтересованность в активной жизни — важный фактор участия в трудовой деятельности в старших возрастных группах. Также отмечена тенденция, что пожилые люди с более высоким уровнем образования (в данном случае измеренным через длительность его получения — 13 лет и более) имеют как более высокий уровень пенсионного обеспечения, так и более высокий уровень занятости (41,4 % по сравнению с 33,4 %—38,7 % среди других уровней образования).

¹⁵ TUC Report. Older Workers after the Pandemic: Creating an Inclusive Labour Market. 2022. URL: <https://www.tuc.org.uk/research-analysis/reports/older-workers-after-pandemic-creating-inclusive-labour-market> (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁶ Employment Situation in Latin America and the Caribbean. Report of the Economic Development Division of the Economic Commission for Latin America and the Caribbean. 2018. May. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/43604/1/S1800397_en.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

Вторым важным результатом нашего исследования стало точное представление о зарплатных ожиданиях российских соискателей. Было отмечено, что пожилые соискатели в целом соглашались на уровень зарплат ниже среднего по стране, особенно в крупных городах. Данная тенденция была замечена также в Великобритании: 30% работников в возрасте 60—64 лет заявили, что после пандемии COVID-19 они получали меньшую заработную плату, чем их коллеги трудоспособного возраста¹⁷. Исследователи отмечают, что стереотипы о меньшей продуктивности пожилых людей продолжают сохраняться у работодателей [Neumark, Burn, Button, 2017].

Третий важный вывод, полученный по результатам нашего анализа, — преобладание у пожилых людей намерения устроиться на работу по найму с полной занятостью, что противоречит данным о предпочтениях пожилых, полученных в опросах С. Г. Климовой [Климова, 2022]. Интересно отметить, что при исследовании динамики рынка труда людей старшего возраста в Японии¹⁸ также был обнаружен его рост за счет числа наемных работников, а не самозанятых лиц. При этом отмечаются возрастные различия в типах занятости пожилых. Для мужчин в группе 60—64 лет неполная занятость не является популярной, в то время как с 65 лет доля работников, переходящих на неполный день, увеличивается. Доля женщин, работающих неполный рабочий день, была намного выше, чем для мужчин в обеих возрастных группах.

Вместе с тем международные исследования рынка труда показывают, что варианты гибкой занятости и удаленной работы, ставшие распространенной практикой в пандемию, создают для пожилых людей перспективы сохранения трудовой активности [Engstler, Romeu Gordo, Simonson, 2023]. В Великобритании отмечается рост самозанятости среди людей старшего возраста. По данным Национальной статистической службы Великобритании¹⁹, граждане от 65 лет и старше составляют до 10% всех самозанятых в стране. Подобные данные позволяют говорить о развитии трудового потенциала людей старшего возраста в этом направлении.

Нами было проведено сопоставление шести стран — Финляндии, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Италии и России — для того, чтобы понять и оценить существующие в них возможности для продолжения занятости пожилых людей. Напомним, что для сравнительного анализа были использованы данные о занятости старше 65 лет, пенсионном возрасте, средней продолжительности жизни населения (мужчин и женщин) и месте страны в рейтинге Индекса развития человека (ИРЧ) ОЭСР. В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа занятости среди лиц от 65 лет и старше в этих государствах, а также сопоставление их мест в рейтинге на основе показателей Индекса развития человека.

¹⁷ Centre for Aging Better and Learning and Work Institute. A Mid-Life Employment Crisis: How COVID-19 Will Affect the Job Prospects of Older Workers. 2020. August. URL: <https://ageing-better.org.uk/sites/default/files/2021-08/Midlife-job-prospects-for-older-workers.pdf> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁸ Oshio T., Usui E., Shimizutani S. Labor Force Participation of the Elderly in Japan. *NBER Working Paper*. 2018. No. w24614. URL: <https://ssrn.com/abstract=3182213> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁹ Coronavirus and Self-Employment in the UK 2020 // Office of National Statistics, United Kingdom. 2020. URL: <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/articles/coronavirusandselfemploymentintheuk/2020-04-24> (дата обращения: 18.02.2024).

Таблица 2. Сравнение параметров занятости пожилого населения и качества жизни²⁰

Страны	Занятость 65—69 лет, %	Занятость 70—74 года, %	Занятость 75—79 лет, %	Средняя продолжительность жизни, годы	Пенсионный возраст, годы	Место в рейтинге ИРЧ 2011	Место в рейтинге ИРЧ 2021
Финляндия	16,0	8,1	нет данных	81,6	65	22	11
Норвегия	30,2	12,5	нет данных	82,6	67	1	2
Швеция	27,6	10,9	нет данных	82,4	65	10	7
Швейцария	21,6	11,7	7,3	83,4	65	11	1
Италия	13,6	4,1 ув.с 2011	2,3	83,0	62	24	30
Россия	13,0	3,8 ув.с 2011	нет данных	73,2 (101 место)	62,5 у мужчин/ 57,5 у женщин	66	52

Примечание. Для России указан разный возраст выхода на пенсию у мужчин и женщин (конкретно тот, которым он был в 2023 г.), так как пенсионная реформа, начавшаяся в 2019 г., сохранила эту разницу. В европейских странах возраст выхода на пенсию одинаковый для мужчин и женщин в силу того, что разница воспринимается как дискриминация женщин. В странах, где он отличался (например, в Великобритании и Италии), его законодательно сделали одинаковым. В 2024 г. в России возраст выхода на пенсию у мужчин составляет 63 года, у женщин — 58 лет.

Сопоставление данных показывает, что, несмотря на высокий возраст выхода на пенсию, и высокий уровень пенсионного возмещения (то есть размер пенсий соответствует трудовому вкладу), в странах, занимающих высокие места в рейтинге ИРЧ, значительная часть пожилых людей продолжает работать. При этом, хотя пенсионный возраст и уровень пенсий в Италии ниже, а продолжительность жизни высока, работающих пожилых там меньше, чем в других рассматриваемых странах. Можно предположить, что традиции протестантской этики работы влияют на ситуацию в скандинавских странах и Швейцарии. В Швейцарии статистически много католиков, но население долгое время находилось под влиянием кальвинизма. Против этой гипотезы работает и то, что самая экономически развитая земля в Германии — Бавария — населена католиками. Следовательно, детерминацию столь длительной занятости необходимо продолжать изучать. В России начавшаяся в 2019 г. пенсионная реформа сохранила гендерную разницу.

Определенное сходство ситуации в Италии и России связано со свойственной обеим странам высокой территориальной дифференциацией. Тем не менее Италия всегда входила в число высокоразвитых стран с высоким уровнем ИРЧ, хотя в последние годы ее место в рейтинге снижается. Россия традиционно располагается в середине эшелона стран с относительно высоким уровнем ИРЧ, значительно уступая, например, Финляндии, которая некогда была ее окраиной.

²⁰ Источники данных: База статистических индикаторов стран ОЭСР. URL: https://stats.oecd.org/OECDStat_Metadata/ShowMetadata.aspx?Dataset=LFS_SEXAGE_I_R&ShowOnWeb=true&Lang=en (дата обращения: 10.02.2024); Средняя продолжительность жизни по странам мира 2024 (данные 2021): мужчины, женщины и оба пола // Statdata.ru. URL: <https://www.statdata.ru/prodolzhitel'nost-zhizni-v-stranah-mira> (дата обращения: 10.02.2024); Данные Евростата. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/d/dd/Healthy_Life_Years_at_Birth-7.png (дата обращения: 10.02.2024).

Итак, рост благосостояния стран и высокий пенсионный возраст не приводят к тому, что пожилые люди перестают работать. Это свидетельствует о важности более детального анализа факторов, определяющих развитие рынка труда, мотивов и характера занятости пожилых людей в разных странах.

В условиях выявленных предпочтений пожилых людей оставаться на рынке труда, представленные выводы имеют весомую практическую значимость. Результаты проведенного исследования важны для координирования политики в сфере трудовых отношений с ожиданиями лиц старших возрастных групп. Кроме того, данные об установках и предпочтениях пожилых в области типов занятости и их зарплатных ожиданиях являются важными для работодателей при формировании вакансий в целях эффективного использования трудовых ресурсов регионов.

Список литературы (References)

Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. (2022) Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 828—843. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843>.

Barkov S. A., Markeeva A. V., Kolodeznikova I. V. (2022) Life and Work Strategies of Pensioners in Contemporary Russia. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 22. No. 4. P. 828—843. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843>. (In Russ.)

Барсуков В. Н., Калачикова О. Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34—55. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.2>.

Barsukov V. N., Kalachikova O. N. (2020) The Evolution of Demographic and Social Construction of the Age of “Old Age”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 13. No. 1. P. 34—55. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.1.67.2>. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 256—260. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>.

Grigoryeva I., Parfenova O., Galkin K. (2023) Conference “Extended Adulthood / Delayed Ageing in a Time of Post-COVID and Uncertainty”. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 26. No. 1. P. 258—262. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.10>. (In Russ.)

Григорьева И. А. Нужен ли в постиндустриальном обществе пенсионный возраст? // Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и эко-

номико-демографические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. А. Баркова, А. В. Маркеевой. М.: МАКС Пресс, 2022. С. 34—36.

Grigoryeva I. A. (2022) Do We Need a Retirement Age in a Post-Industrial Society? In: Barkova S. A., Markeeva A. V. (eds.) *The Elderly Generation in the Modern Society: Socio-Cultural and Economic-Demographic Aspects*. Proceedings of an International Conference. Moscow: MAKS Press. P. 34—36. (In Russ.)

Григорьева И. А. Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. 2016. Т. 391. № 11. С. 154—155. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6446 (дата обращения: 12.02.2023).
Grigoryeva I. A. (2016) Paradigm Shift in Understanding Aging. *Sociological Studies*. Vol. 391. No. 11. P. 154—155. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6446 (accessed: 12.02.2023). (In Russ.)

Доброхлеб В. Г. Человеческий потенциал старшего поколения современной России: что делать? // Новая экономическая политика для России и мира. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции. XXVII Кондратьевские чтения / под ред. В. М. Бондаренко. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н. Д. Кондратьева (Москва). 2019. С. 74—76.

Dobrokhleb V. G. (2019) The Human Potential of the Older Generation of Modern Russia: What to Do? In: Bondarenko V. M. (ed.) *New Economic Policy for Russia and the World: Proceedings of an International Scientific XXVII Kondratieff Readings*. Interregional Public Organization for the Promotion of the study and promotion of the scientific heritage of N. D. Kondratieff. Moscow. P. 74—76. (In Russ.)

Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. Т. 292. № 8. С. 55—61. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-08/Dobrokhleb_7.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

Dobrokhleb V. G. (2008) Resource Potential of the Elderly Population of Russia. *Sociological Studies*. Vol. 292. No. 8. P. 55—61. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-08/Dobrokhleb_7.pdf (accessed: 12.02.2023). (In Russ.)

Евсеева Я. В. Теория успешного старения: Современные исследования: Введение к тематическому разделу. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 1. С. 6—13. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2020.01.01>.

Evseeva Y. V. (2020) The Theory of Successful Ageing: Contemporary Studies: Introduction to the Thematic Section. *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. Vol. 1. P. 6—13. <https://doi.org/10.31249/rsoc/2020.01.01>. (In Russ.)

Климова С. Г. Самозанятые россияне старшего возраста как группа прекариата // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения: Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: традиции и новации в социальном развитии регионов» (9 декабря 2021 г., г. Санкт-

Петербург, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН / под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 17—24. Klimova S. G. (2022) Self-Employed Older Russians as a Precariat Group. In: Saraliev Z. Kh. (ed.) *Senior Staff as Human Capital of Modern Society: Conditions, Opportunities, Limitations: Proceedings of the VI All-Russian Sociological Congress*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky University. P. 17— 24. (In Russ.)

Козлова Т. З. Самореализация людей старшего возраста // Социальные исследования. 2017. № 1. С. 54—61.

Kozlova T. Z. (2017) Self-Realization of People Senior Age. *Journal of Social Research*. No. 1. P. 54—61. (In Russ.)

Маркеева А. В., Колодезникова И. В. Технологии вовлечения пожилых людей в трудовую деятельность (обзор зарубежного опыта) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11. С. 18—24. URL: <https://archive.dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/2020/11> (дата обращения: 12.02.2023).

Markeyeva A., Kolodeznikova I. (2020) Technologies of Involving Senior Citizens in Working Life (Review of Foreign Practices). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. No. 11. P. 18—24. URL: <https://archive.dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/2020/11> (accessed: 12.02.2023). (In Russ.)

Михель Д. В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики М. Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 92—106. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3845> (дата обращения: 12.02.2023).

Mikhel D. V. (2003) Power, Governance, The Population: A Possible Archeology of Social Policy by Michel Foucault. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 92—106. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3845> (accessed: 12.02.2023). (In Russ.)

Парфенова О. А. Траектории продленной занятости после 60 лет у представителей творческих и интеллектуальных профессий // Журнал исследований социальной политики. 2023. № 3. С. 539—550. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-539-550>.

Parfenova O. A. (2023). Paths of Extended Employment Among Intellectual and Creative Workers Aged 60 and Above. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 3. P. 539—550. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2023-21-3-539-550>.

Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Б. Старшее поколение как ресурс модернизации России // Народонаселение. 2013. № 3. С. 20—26.

Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. B. (2013) Older Generation as a Resource for Modernization of Russia. *Population*. No. 3. P. 20—26.

Сизова И. Л., Русакова М. М., Александрова А. А. Рынок труда соискателей и трения в поиске работы на современных онлайн-платформах // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 5. С. 45—77. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-45-77>.

Sizova I. L., Rusakova M. M., Alexandrova A. A. (2022) The Job Seekers Market and the Frictions of Finding Jobs on Online Platforms. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 23. No. 5. P. 45—77. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-45-77>. (In Russ.)

Судьин С. А., Исакова И. А. Новая парадигма старения по-русски // Социальная политика и социология. 2019. Т. 17. № 3. С. 83—90.

Sud'in S. A., Isakova I. A. (2019) The New Paradigm of Aging in Russian. *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 3. P. 83—90.

Amorim W., Fischer A., Fevorini F. B. (2019) Workers Age 50 and Over in the Brazilian Labor Market: Is There Ageism? *Revista de Gestão*. Vol. 26. No. 2. P. 161—179. <https://doi.org/10.1108/REGE-09-2018-0092>.

Becker G. S. (1993) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Börsch-Supan A., Hanemann, F., Beach B., Halimi D., Harding S., van der Waal M., Watanabe D., Staudinger U. M. (2021) Older Adults' Integration in the Labour Market: A Global View. *Ageing and Society*. Vol. 41. No. 4. P. 917—935. <https://doi.org/10.1017/S0144686X19001454>.

Engstler H., Romeu Gordo L., Simonson J. (2023) Effects of the COVID-19 Crisis on the Work Situations of People in Middle and Older Working Age. In: Simonson J., Wünsche J., Tesch-Römer C. (eds.) *Ageing in Times of the COVID-19 Pandemic*. Wiesbaden: Springer. P. 37—58. https://doi.org/10.1007/978-3-658-40487-1_3.

Krajňáková E., Vojtovič S. (2017) Struggles of Older Workers at the Labour Market. *Economics & Sociology*. Vol. 10. No. 1. P. 319—333. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2017/10-1/23>.

Neumark D., Burn I., Button P. (2019) Is it Harder for Older Workers to Find Jobs? New and Improved Evidence from a Field Experiment. *Journal of Political Economy*. Vol. 127. No. 2. P. 922—970. <https://doi.org/10.3386/w21669>.

Phiromswad P., Srivannaboon S., Sarajoti P. (2022) The Interaction Effects of Automation and Population Aging on Labor Market. *PLoS ONE*. Vol. 17. No. 2. P. e0263704. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0263704>.

Serban A. C. (2012) Aging Population and Effects on Labour Market. *Procedia Economics and Finance*. Vol. 1. P. 356—364. [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(12\)00041-X](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(12)00041-X).

Walwei U., Deller J. (2021) Labour Market Participation of Older Workers: Drivers and Obstacles. *Intereconomics*. Vol. 56. P. 341—347. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1010-9>.

Wanka A., Hess M., Lain D. (2022) Editorial: New Pathways in Retirement Research: Innovative Perspectives on Social Inequalities and the Distribution of Transitional Risks. *Frontiers in Sociology*. Vol. 7. P. 01—03. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.984874>.

Worts D., Corna L., Sacker A., McMunn A., McDonough P. (2016) Understanding Older Adults' Labour Market Trajectories: A Comparative Gendered Life Course Perspective. *Longitudinal and Life Course Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 347—367. <https://doi.org/10.14301/llcs.v7i4.389>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2450](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2450)**Я. Н. Крупец, Е. С. Балацук, А. Н. Кравцова****«ПОТОМУ ЧТО Я НЕ МОГУ СИДЕТЬ НА МЕСТЕ»:
АНАЛИЗ АГЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
НА ПРИМЕРЕ КРАФТОВЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА****Правильная ссылка на статью:**

Крупец Я. Н., Балацук Е. С., Кравцова А. Н. «Потому что я не могу сидеть на месте»: анализ агентности современной российской молодежи на примере крафтовых предпринимателей Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 48—70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2450>.

For citation:

Krupets Ya. N., Balatsyuk E. S., Kravtsova A. N. (2024) “Because I Can’t Sit Still”: Analyzing the Agency of Modern Russian Youth Based on the Case of Craft Entrepreneurs in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 48–70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2450>. (In Russ.)

Получено: 01.07.2023. Принято к публикации: 26.01.2024.

«ПОТОМУ ЧТО Я НЕ МОГУ СИДЕТЬ НА МЕСТЕ»: АНАЛИЗ АГЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ КРАФТОВЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

КРУПЕЦ Яна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, заместитель директора Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ykrupets@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4575-2815>

БАЛАЦЮК Елизавета Сергеевна — стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ebalatsyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1117-305X>

КРАВЦОВА Алёна Николаевна — независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ankravtsova1991@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

Аннотация. В статье анализируется агентность современной российской молодежи на примере крафтовых предпринимателей. Крафтовое движение — часть современной глобальной креативной экономики, оно включает в себя мастеров (преимущественно молодых), занятых в ручном производстве уникальных продуктов или услуг, ориентирующихся на собственные ценности — креативности, этичности и осознанности в сфере потребления, реализующих проект

“BECAUSE I CAN’T SIT STILL”: ANALYZING THE AGENCY OF MODERN RUSSIAN YOUTH BASED ON THE CASE OF CRAFT ENTREPRENEURS IN ST. PETERSBURG

Yana N. KRUPETS¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Sociology, Deputy Director of the Centre for Youth Studies
E-MAIL: ykrupets@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4575-2815>

Elizaveta S. BALATSYUK¹ — Research Assistant, Center for Youth Studies
E-MAIL: ebalatsyuk@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1117-305X>

Alena N. KRAVTSOVA — Independent Researcher
E-MAIL: ankravtsova1991@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-3912-3123>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes the agency of modern Russian youth basing on the case of craft entrepreneurs. The craft movement is part of the modern global creative economy and includes craftsmen (primarily young) engaged in the manual production of authentic products or services, guided by their own values — creativity, ethics, and awareness in the field of consumption, implementing the project of «entrepreneurship as a lifestyle». The theoretical framework of the study is the post-structuralist redef-

«предпринимательства как стиля жизни». Теоретической рамкой исследования выступают постструктуралистское переопределение концепта агентности как субъектности, дискурсивно производимой в условиях неолиберальной экономики, а также критическая оптика исследований антропоцентризма, оспаривающая доминирующее положение рационально действующего и автономного «взрослого» актора.

Результаты анализа качественных интервью с молодыми мастерами из Санкт-Петербурга, собранных осенью 2022 г., показали, что агентность данной группы производится на трех взаимосвязанных уровнях: личностном (через постоянное саморазвитие), уровне своего дела (через развитие своего бизнеса) и на уровне создания сообщества, объединенного общим культурным потреблением и производством, а также общими ценностями и близким стилем жизни. Было обнаружено, что вместо конвенциональных представлений о маркерах успеха, связанных с конкретными социальными и экономическими достижениями к определенному жизненному этапу, молодые крафтовые предприниматели задают свои критерии, правила и ценности в создаваемых комьюнити единомышленников и потребителей их товаров и услуг. Для их образа жизни ключевой целью становится нахождение баланса между производством активного развивающегося Я и комфортным образом жизни в соответствии с собственными ценностями. Такой баланс, подразумевающий обретение чувства контроля над своей жизнью и формирование агентности, они находят в своем деле и ремесле. Предпринимательство позволяет реализовы-

inition of the concept of agency as subjectivity, discursively produced in frame of neoliberal economy, as well as the critical optics of anthropocentrism studies, which challenge the dominant position of a rationally acting and autonomous «adult» actor.

Based on the results of the analysis of qualitative interviews with young craft-people of St. Petersburg, collected in the autumn of 2022, the authors found that the agency of young people in this group is carried out at three interrelated levels, namely: personal level (through constant self-development), the level of their business (through the development of their business), and at the level of community united by common cultural consumption and production, as well as common values and a shared lifestyle. It was also found that instead of conventional ideas about markers of success associated with certain social and economic achievements by a certain life stage, young craft entrepreneurs set their own criteria, rules, and values in the created community of like-minded people and consumers of their goods and services. Finding a balance between the production of an active developing self and a comfortable lifestyle in accordance with their own values becomes a key goal for their lifestyle. This balance, which involves gaining a sense of control over their lives and the formation of agency, they find in their business and craft. Entrepreneurship makes it possible to implement the ideas of young people, to bring to life their values, and to redefine the concept of success and self-realization, which manifests their life choice, and freedom in action and decision-making.

вать идеи молодых людей, воплощать в жизнь их ценностные установки и переопределять понятие успеха и самореализации, в чем проявляются их активный жизненный выбор и свобода в действиях и принятии решений.

Ключевые слова: молодежь, агентность, молодые предприниматели, крафтовое движение, предприниматель стиля жизни, предприниматель самого себя, успех

Благодарность. Статья подготовлена в ходе реализации стратегического проекта «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире» программы развития университета в рамках участия в программе Минобрнауки России «Приоритет 2030» национального проекта «Наука и университеты». Выражаем благодарность за поддержку НИУ ВШЭ, коллегам из Центра молодежных исследований, а также Альбине Гарифзяновой и Анастасии Кладовой за помощь в сборе данных.

Keywords: youth, agency, young entrepreneurs, craft movement, lifestyle entrepreneurship, entrepreneur of the self, success

Acknowledgments. The article was prepared in frame of the strategic project “Success and independence of a person in a changing world” of the university development program as part of the program of the Russian Ministry of Education and Science “Priority 2030” of the national project “Science and Universities”. The authors express their gratitude for the support to the HSE University, colleagues from the Centre for Youth Studies, as well as Albina Garifzyanova and Kladova Anastasia for their help in collecting data.

Введение

Глобальная трансформация современных обществ, усиление индивидуализации, рефлексивности, кризис стабильных структур, развитие неолиберального капитализма проблематизируют традиционные модернистские понятия, в том числе понятие агентности как необходимой характеристики рационального автономного действующего актора. Молодежь в данном контексте представляется особенно интересным объектом для изучения, поскольку нестабильность и деструктуризация для нынешнего поколения молодых выступает постоянным и, соответственно, нормализованным условием их социализации и взросления [Woodman, Leccardi, 2015]. На их примере можно проследить, каким образом агентность развивается сегодня в условиях кризиса модернистских институтов и формирования новой неолиберальной экономики.

К наиболее агентной части молодежи можно отнести молодых предпринимателей, которые не просто вписываются в существующие структуры (например, рынка труда), но пытаются создавать новые возможности, брать на себя ответственность в организации своего дела и биографического проекта в целом. Один из успешных примеров молодежного предпринимательства в сегодняшних условиях — мо-

лодые ремесленники, мастера-предприниматели, занятые в крафтовом секторе креативной экономики и превратившие свое хобби в дело, приносящее доход.

Популярность крафта стремительно растет в глобальном масштабе. Некоторые исследователи пишут о развитии современного крафтового движения [Luckman, 2015] как реакции на капиталистическое перепроизводство, массовое потребление, «бредовую» работу [Гребер, 2020]. Особо активное участие в крафтовом движении занимает городская молодежь, обращающаяся к ремеслу и в формате хобби, и в формате бизнеса [Miller, 2017; Luckman, 2015]. Такая форма «культурного предпринимательства» в сфере ремесленничества, коммодифицирующая творческое самовыражение ремесленников, сочетает в себе экономическую и культурную компетенции и направлена на создание аутентичной эстетической продукции [Scott, 2017; Smagina, Ludviga, 2021]. Культурное предпринимательство в сфере крафта реализуется в формате небольшого по объему производства продуктов или услуг и не всегда официально зарегистрировано [Äyväri, Jyrämä, 2007; Крупец, Майборода, Кузинер, 2021]. При ведении дела предприниматели-ремесленники ориентируются на собственные ценности — креативности, этичности и осознанности в сфере потребления товаров и услуг, что составляет их особое милье [Ариф, Кузьминова, 2021; Крупец, Майборода, Кузинер, 2021]. Возможность реализовать в своем деле личные убеждения и творческое видение в формате «бизнес как стиль жизни» [Marcketti et al., 2006; Poliakov, 2021] позволяет крафтовым предпринимателям переосмысливать смыслы собственного труда, карьерного развития и успеха, определять свое место в поле креативной экономики, то есть переопределять собственную агентность.

В статье мы покажем, каким образом молодые российские мастера производят себя в качестве субъектов в поле крафтовой экономики, как они определяют успешность своего дела (бизнеса) и в целом собственного биографического проекта, каким образом реализуется их агентность в повседневной жизни и при формировании сообщества вокруг своего дела, характеризующегося определенной культурой потребления, типом производства, ценностями и стилем жизни.

От агентности к субъектности:

обзор дискуссии в современных исследованиях молодежи

Современные исследователи молодежи уделяют большое внимание изучению агентности (agency) [Coffey, Farrugia, 2014; Nico, Caetano, 2021], тесно связанной с понятием власти [Campbell, 2009; Spencer, Doull, 2015]. Поскольку молодежь традиционно рассматривается как актер, наделенный меньшим объемом власти в сравнении со взрослыми [Krupets, Epanova, 2023], обретение молодежью агентности становится не просто исследовательской проблемой, но часто «этическим обязательством» социологов, изучающих молодежь, и доказывающих в своих проектах, что молодые так же, как и взрослые, выступают социальными актерами, способными к действию [Threadgold et al., 2021]. Исследователи проблематизируют патерналистский, объектный и проблемный подходы к восприятию молодежи, предполагая, что у нее есть достаточно ресурсов и прав выступать активным и самостоятельным участником взаимодействий и социальных изменений [Evans, 2007]. Власть в контексте агентности проявляется в наличии у актора

1) возможности предпринимать какие-то действия и 2) способности действовать самостоятельно, независимо от социальных структур [Campbell, 2009] или других акторов. Такое понимание агентности как возможности и способности к автономному действию выступает базовым определением в большинстве исследований.

Агентность часто концептуализируется в контексте исследований транзисии молодежи во взрослость (см., например, [Lehmann, 2004; Juvonen, 2014; Kogler et al., 2022]) и традиционно определяется в противостоянии влиянию структур на поведение человека. Она описывается как некое внутреннее качество — способность к свободному выбору и независимому действию [Spence, Doull, 2015], появившуюся у молодежи с развитием индивидуализации [Бек, 2000] и рефлексивности [Гидденс, 2011]. С одной стороны, делается акцент на том, что сегодня традиционные структуры (социальный класс, гендер, семья) теряют «свою силу» и молодежь, независимо от своего происхождения и внешнего социального принуждения, может сама строить свой биографический проект, свою идентичность, определять и создавать свой собственный стиль жизни, делать субъективный выбор. С другой стороны, ряд исследователей доказывают, что структуры по-прежнему оказывают влияние, производят неравенства [Franceschelli, 2017] и задают диапазон возможности для действия, то есть определяют «объем» агентности, которая может быть у молодежи [Coffey, Farrugia, 2014]. Так, у молодых представителей более высоких классов, владеющих большим объемом капитала, и объемом агентности будет выше, чем у молодежи, происходящей из семей с меньшими капиталами и более низким социальным статусом. Таким образом, не отказываясь принципиально от дихотомии «структура — агентность», исследователи пытаются объединить их и рассматривать вместе [Woodman, 2009], например через понятие «ограниченная агентность» [Evans, 2002, 2007; Hamilton, Adamson, 2013]. К. Эванс, вводя данное понятие, пытается показать, каким образом условия формируют агентность, определяя ее как «социально обусловленный процесс, сформированный опытом прошлого, шансами, присутствующими в настоящий момент, и представлениями о возможном будущем» [Evans, 2002: 262]. Способность к действию и выбору связана не только с классом, гендером, этничностью, но и с этапом жизненной траектории, с конкретным жизненным опытом и горизонтами планирования [Hamilton, Adamson, 2013].

Также в классических молодежных исследованиях распространена точка зрения, что агентностью обладает прежде всего та молодежь, которая критически и протестно настроена против власти социальных структур и пытается изменить социальный порядок, преодолевая собственную исключенность и маргинализированность, обретая право голоса и участия [Erguleva, 2023]. При этом другая, не протестная молодежь рассматривается как менее агентная, пассивная, подчиняющаяся влиянию структур и других акторов [Coffey, Farrugia, 2014]. Вместе с тем такое традиционное рассмотрение агентности (в противопоставлении структуре и в сопротивлении неравенству, несправедливому социальному порядку) все больше критикуется как проблематичное, неоднозначное и непродуктивное для современного изучения молодежи. Отказ в агентности непротестной молодежи также ставится под сомнение. В работе мы рассмотрим два направления критики, релевантные для нашего исследования молодых крафтовых предпринимате-

лей: постструктуралистскую критику [Holloway et al., 2019; Threadgold et al., 2021] и критику из перспективы теории сложных адаптивных систем (CAS) [Spannring, Hawke, 2022].

Первая критика исходит из установки, что дихотомия «структура — агентность» переопределяется, как и сам концепт агентности [Coffey, Farrugia, 2014]. Агентность критикуется как модернистское понятие и больше не сводится ни к внутреннему качеству человека (внутренней способности), ни к результату обладания капиталами, а становится тем, что производится в результате социальной практики в особом властном режиме современной неолиберальной экономики [Holloway et al., 2019]. Агентность как одна из характеристик человека (способность к действию) трансформируется в субъектность (subjectivity) как целостную модель человека, в рамках которой личные характеристики, индивидуальный опыт, тело, идентичность, эмоции, аффекты — все вовлекается в производство действующего актора, ответственного за самого себя в современном неолиберальном капитализме [Farrugia et al., 2018; Franceschelli, Keating, 2018; Threadgold et al., 2021]. Как отмечает Н. Роуз, сегодня появляется «...особая концепция человека-актора — уже не экономического субъекта XIX века, но предпринимателя самого себя, стремящегося максимизировать свой собственный человеческий капитал путем выбора, который является... инвестициями с целью капитализации собственного существования» [Rose, 1999: 483]. Такая субъектность дискурсивно вменяется современному работнику имматериального труда и превращается в контекст и эффект производства нового человека в новой экономике. Именно она создает ценность на рынке. Таким образом, агентность, превратившаяся в субъектность предпринимателя и включающая автономность и индивидуальную ответственность за собственную жизнь, становится «императивом», но символически номинируется как обретенная свобода в рамках неолиберальной идеологии [Gill, 2007]. Такая субъектность становится частью нового фрейма, принуждающего к производству «предпринимателей самих себя», даже если у акторов нет для этого ресурсов [Irwin, 2021].

Вторая критика традиционного понимания агентности исходит от представителей критических исследований антропоцентризма [Spannring, Hawke, 2022]. Р. Spannring и Ш. Хоук используют теории сложных адаптивных систем для переопределения агентности молодежи в сложном биосоциальном контексте. В своих исследованиях они стремятся преодолеть антропоцентричный подход и критикуют модель человека модерна, действующего автономно, стремящегося к доминированию и эксплуатирующего природные ресурсы. Напротив, современная модель агентности должна включать в себя связность с другими биологическими видами, включенность в сети и активность, направленную на серьезные биосоциальные изменения, построение устойчивого и справедливого будущего. И молодежь — один из акторов, наиболее открытых для такой модели агентности среди других социальных групп (прежде всего молодежь, поддерживающая экологические инициативы, осознанное потребление, этическое предпринимательство [Ариф, Кузьминова, 2021]).

Важно, что в рамках данного подхода агентность молодежи не фокусируется на подстраивании или сопротивлении существующим правилам и структурам,

а предполагает создание новых структур. Другими словами, агентная молодежь не играет по правилам взрослых, а меняет правила своими действиями, проблематизирует модернистский проект доминирования человека, который автоматически подразумевает взрослого человека. Агентность здесь — это переопределение фреймов, создание другого мира, неантропоцентричного и неэксплуатирующего. Активность молодежи становится свободой действий «в процессе совместной эволюции с меняющимися системами» [Spannring, Hawke, 2022: 989], «творческими шагами перенастройки паттернов в процессе, в котором молодые люди сохраняют право собственности на самих себя» [ibid.: 990].

Такое переопределенное понятие агентности — как субъектности и способности переопределять фреймы и создавать свои правила, — на наш взгляд, хорошо подходит для интерпретации кейса молодых крафтовых предпринимателей в условиях современной креативной постфордистской экономики и нематериального труда [Farrugia et al., 2018]. Новые ремесленники, с одной стороны, инкорпорируют и транслируют идеологию неолиберального капитализма, с другой стороны, критикуют общество потребления и массового дегуманизованного производства, ищут возможности для альтернативной организации труда и ведения бизнеса. Далее с помощью эмпирических данных мы докажем, что агентность современных молодых предпринимателей в сфере крафта сочетает в себе стремление к развитию себя как индивидуализированного само-предпринимателя со способностью выстраивать новые миры с новыми этическими императивами.

Методология и данные

Эмпирические данные собраны осенью 2022 г. в ходе реализации исследовательского проекта «Крафтовое предпринимательство как форма проактивного поведения: мотивация, возможности, барьеры и эффекты на уровне личности и локального социального пространства» (при поддержке НИУ ВШЭ), продолжающего серию проектов, посвященных изучению крафтовых предпринимателей и реализуемых коллективом Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ с 2019 г. [Ариф, Кузьминова, 2021; Балацюк, Gladchenko, 2022; Крупец, Майборода, Кузнер, 2021; Poliakov, 2021]. Исследование 2022 г. было выполнено в качественной методологии. Глубинные интервью проведены по целевой выборке с молодыми крафтовыми предпринимателями Санкт-Петербурга (18—35 лет). Молодость в данном контексте характеризует возраст, но не срок открытия бизнеса. Главным критерием отбора информантов было наличие своего дела в секторе крафтовой экономики, формат регистрации не имел значения (в результате в выборку попали предприниматели с разным статусом: самозанятые, ИП, ООО, а также никак не оформленные). Часть информантов пришла к открытию своего дела через увлечение тем или иным видом крафтовой деятельности, что усиливает их личную и эмоциональную вовлеченность в ведение дела.

Сегодня границы крафтового сектора достаточно широкие и гибкие. Это мастера, включенные в общее милье креативных индустрий, разделяющие схожий стиль потребления, ценящие ручное производство, индивидуальность, экологичность товаров и услуг. В исследовании информанты были дифференцированы по трем направлениям: 1) производство аутентичного продукта — сюда попали предпри-

ниматели-ремесленники, например, гончары, ювелиры, швеи, кондитеры, флористы, пивовары, дизайнеры, кожевники, столяры и др.; 2) предоставление услуг — здесь основным видом деятельности была переделка «старых» вещей в новые, например, реставраторы мебели, мастера пэчворка, а также предприниматели, занимающиеся кастомайзингом или креативным изменением вещей, в эту категорию вошли и те, кто обучает крафту, например, проводит мастер-классы, уроки; 3) создание крафтового DIY-пространства — сюда мы включили владельцев мест «крафтового формата», такие как кафе, бары, независимые книжные, антикафе. Было собрано по пять интервью из каждого направления.

Для включения в выборку бизнес информанта должен был соответствовать следующим критериям: владельцы непосредственно задействованы в производстве продукта/услуги; большая включенность в разработку продукта; продвижение ценностей, интересов владельца бизнеса через место; наличие сложившегося вокруг места комьюнити; несетевое место (если только собственный микробизнес не вырос в сеть).

Информационную базу исследования составили 15 интервью в Санкт-Петербурге с 16 предпринимателями (см. приложение). Интервью проводились в формате личной беседы, длительность составила от 51 до 119 минут, среднее время интервью — 92 минуты. Все интервью были затранскрибированы и анонимизированы для дальнейшей обработки методом тематического анализа с применением процедур кодирования. Кроме того, выводы, полученные на выборке 2022 г., также были верифицированы на интервью с крафтовыми предпринимателями Санкт-Петербурга, собранными исследователями ранее — с 2019 г. (общий массив данных более 100 интервью).

«Замкнутый круг» агентности крафтового предпринимателя: от развития себя до развития сообщества и обратно

Одна из задач исследования 2022 г. состояла в том, чтобы понять, как молодые мастера оценивают собственную активность, ее источники, а также возможности для развития своего дела, способности действовать в сложившихся условиях. Анализ нарративов позволил выделить три уровня «активизации» молодежи: личный уровень (развитие себя), уровень бизнеса (развитие своего дела), уровень окружения (развитие своего милье). При этом данные уровни оказались тесно взаимосвязаны и «зациклены» между собой: одна активность провоцировала другую, от развития себя и самосовершенствования до запуска новых проектов, развития комьюнити и далее по спирали — больше саморазвития, больше контактов, больше направлений развития дела. Далее мы подробнее представим каждый уровень активизации молодых мастеров Санкт-Петербурга, а также покажем, к чему стремятся наши информанты, реализуя свою агентность, — их представления об успехе или результате их активности.

Уровень 1. Развитие себя

Знакомство с молодыми крафтовыми предпринимателями в интервью началось с рассказа их жизненного пути. Оказалось, что для многих информантов важнейший и неизменный атрибут их жизни — постоянная активность. Она про-

является не только в делах (учебе, работе), но и в повседневности, досуге и любой другой сфере, где можно проявить или повести себя не пассивно. Молодые предприниматели в их собственном представлении отличаются «непоседливостью» и «любопытностью», что проявляется в многочисленных знакомствах с разными людьми, освоении новых мест, изучении различных практик и погружении в них, как итог — появлении и развитии личного дела:

Вот, то есть гулять, ходить на какие-то выставки, в театры, даже просто сходить в какое-то новое, например, кафе, в какое-то подобное заведение, мне уже доставляет огромную радость. Я прям чувствую эти взрывы серотонина в своей голове. (Инт. № 3, ж., 25 лет, крафт-производство, Санкт-Петербург)

Важно, что в нарративах наших информантов описываемые ими активности непременно должны приносить им радость и удовлетворение. Они отказываются от занятий, от которых они будут уставать, скучать, получать негативные эмоции.

В историях молодых предпринимателей все время возникает круг/спираль: внутренняя активность и любопытность приводят к знакомству с новыми местами и людьми, параллельное собственное развитие и освоение новых навыков и занятий переходят в развитие своего дела, стимулирующего новый виток развития, в том числе и самого предпринимателя. Без этой постоянной активности не только собственное дело предпринимателя рискует оказаться под угрозой стагнации или развала, но и сам предприниматель может потерять тягу к саморазвитию, что оказывается критичным, ведь именно эти внутренние процессы защищают предпринимателей от негативных воздействий внешнего мира, благодаря им информанты уверены в своей неуязвимости и способности всегда найти выход из любой ситуации, даже, если наступит форс-мажор для бизнеса или он вовсе прогорит:

Ну, потому что я не могу сидеть на месте. Мне надо постоянно развитие себе давать. То есть вместо того, чтобы... у меня нет такого, что начался коронавирус, большинство людей были в депрессии, вот я жила с молодым человеком, у меня там вообще его крыла депрессия, еще и тревога. Я нет, мне обязательно надо — блин, нет, так не пойдет, надо что-то делать. Надо развиваться. И благодаря своей усидчивости я начинаю, там, буквально с 10 подписчиков, вообще с ничего, я выросла на какой-то этап внутри себя. (Инт. № 7, ж., 28 лет, производство и мастер-классы, Санкт-Петербург)

Лишь некоторые информанты признались, что «на самом деле» неактивны или даже ленивы, хотя и продолжают риторически воспроизводить ценность «этоса активности» (нельзя сидеть без дела и ни в чем не участвовать), что может приводить к внутреннему конфликту, в котором каждая из сторон («ленивая» и «активная») пытаются взять верх и активной помогают инкорпорированные социальные нормы:

Стараюсь менять род деятельности, раньше очень сильно увлекался бильярдом, но последние пять лет уже меньше, не хватает на все времени, иногда появляются новые

увлечения, вот метанием ножей полгода занимаюсь раза два в неделю по два часа — как отдушина, сменить обстановку, новые увлечения, новые знакомства, впереди не знаю, что будет новое. <...> Я очень ленивый, очень ленивый, но, с другой стороны, вроде бы и активный, мне многое что интересно, стараюсь, пытаюсь что-то успевать, но иногда прям встать с кровати не могу. (Инт. № 13, м., 34 года, крафт-производство, Санкт-Петербург)

При этом опрошенные предприниматели оценивают собственную активность, исходя из того, насколько она позволяет им быть в гармонии с собой. Многие из них на данный момент не хотят быть более активными по причине того, что это «уже физически невозможно», они находятся на максимуме своих сил. Также важно, что их установки на собственную активизацию не транслируются на окружающих. Активность в представлении информантов — выбор каждого отдельного человека, пассивность не критикуется, осуждению поддается только то состояние человека, когда он не чувствует комфортно себя в жизни (в работе, окружении и т. д.):

Поэтому тут индивидуально все. Мне видится, что человек должен обязательно уделять внимание своему питанию, режиму и спорту. Если он нашел этот баланс для себя, прекрасно. Вот это самое главное. (Инт. № 11, м., 32 года, крафт-услуги, Санкт-Петербург)

Активный, инициативный образ жизни, который выбрали для себя информанты, обеспечивает следующую логическую цепочку: активность приводит к счастью, при этом счастье является главной ценностью и целью, а активность выступает лишь инструментом, необходимость в котором отпадает, если цель — «счастье» — достигается каким-то другим способом (подробнее представление о счастье и успехе рассмотрим ниже).

Крафтовые предприниматели называли свои личные качества, которые помогают им жить в том ритме, который они для себя выбрали (активный, нацеленный на развитие): любознательность, непоседливость, обучаемость, трудоголизм, высокий уровень коммуникабельности, решительность, отсутствие страха перед новым, готовность идти на риск, хладнокровие, уверенность в себе и в своем деле, упертость, усердие, строгость, злость, жестокость, многозадачность и дисциплина, универсальность. Присущие мастерам качества, по их мнению, либо уже были заложены в них («я с детства был таким любознательным»), либо вырабатывались постепенно, в том числе в ответ на внешние условия: по мере собственного развития, поиска и развития своего дела, а также из-за тех ситуаций, которые были для предпринимателей вызовом и стимулом развивать себя и собственное дело еще интенсивнее, например, ковид, военные действия в Украине. Последние мировые события стали особенными для предпринимателей, так из-за уникальности событий ремесленникам приходилось искать новые пути решения проблем, рисковать и учиться жить в форс-мажорных обстоятельствах, при этом развивая свое мастерство и свое дело.

Уровень 2. Развитие дела

Часть процесса производства агентности — создание и развитие собственного дела. Ведение дела тесно пересекается с повседневной и досуговой активно-

стью: некоторые ремесленники не могут разделить, где прекращается их повседневная активность и начинается активность, связанная с ремеслом. Но в этом информанты видят преимущество своей жизни, так как, занимаясь любимым делом, они развивают свой бизнес, работают и при этом не чувствуют усталости (по крайней мере, какое-то время):

Да, страдает у меня систематически досуг. То есть мы там с женой зачастую такие, я еще занимаюсь диджеингом, еще и стою за барной стойкой, мы еще постоянно придумываем всякие коллаборации с друзьями, с шеф-поварами, с соседними заведениями. Я не могу назвать это работой, потому что я играю любимую музыку с любимой моей собственной коллекцией винила, то есть мы там с женой это даже делаем вместе. То есть он досуг какой-то такой, он тоже связан с работой. (Инт. № 4, м., 33 года, крафт-пространство, Санкт-Петербург)

Подобный подход информантов к работе показывает, что их дело вписывается в общий стиль жизни, в нем проявляются идентичность и ценности мастера, то есть реализуется проект предпринимательства стиля жизни [Poliakov, 2021]. Работа информантов приносит им удовольствие благодаря тому, что их основная занятость совпадает с хобби. Распространенными мотивами ведения и развития такого дела являются неэкономические рациональности, в частности желание жить в гармонии с собой. Для этого мастерам важно не чувствовать принуждения к работе, они занимаются своим делом не потому, что надо, а потому что им это нравится, они получают от этого удовольствие и удовлетворение. В такой аргументации мы видим яркий пример агентности — реализации своего выбора и создания условий собственной жизни (по крайней мере, на уровне риторики).

Другим важным мотивом развития собственного дела выступает стремление к автономности и свободе от руководящих работодателей и крупных институций, что также отсылает нас к концепции агентности. Свобода видится молодым предпринимателям в возможности самостоятельно управлять собственным временем и бизнесом так, как им хочется, и так, как они считают нужным. Такая свобода достигается в том числе через финансовую независимость, которая обретается благодаря своему делу, но деньги выступают не целью бизнеса, а инструментом, позволяющим самореализоваться. Таким образом, свобода-самостоятельность проявляется в достижении финансовой независимости, свободы в принятии и реализации бизнес-идей, а также в готовности нести ответственность за эти решения и решать возможные проблемы:

Я стала более самостоятельной, вот, и, наверное, ради своего дела... никогда бы не могла подумать, что ради своего дела, я буду куда-то переезжать или вот просто кину и все сделаю. (Инт. № 7, ж., 28 лет, крафт-услуги, Санкт-Петербург)

Мы уже упоминали, что существует тесная связь между саморазвитием мастера и его активностью в бизнесе. Само дело стимулирует к приобретению новых навыков и знаний в сфере производства, продвижения и продажи продукта или

услуги, что, с одной стороны, повышает уровень мастерства и организационные компетенции, с другой — способствует обретению внутренней уверенности и повышению самооценки предпринимателя.

Мотив поиска нового сопровождается нарратив информантов о событиях последнего года. «Новое» оказывается не только внутренней потребностью, но и внешним вызовом. Меняющиеся экономические условия ставят крафтовых предпринимателей перед необходимостью искать новые способы сохранения устойчивости (новые площадки для рекламы и материалы для производства товаров), налаживать новые цепочки поставок, выстраивать новые схемы ведения бизнеса, а также находить новые возможности заработка, если бизнес перестает приносить достаточно прибыли. Так, некоторые предприниматели параллельно с бизнесом могут работать по найму или расширять область своего дела, находить новые продукты, формировать новые предложения. Параллельная включенность в работу по найму становится вынужденной необходимостью для получения дополнительных ресурсов и сохранения собственного дела, остающегося основной работой в представлении информантов. Важно, что такая «вынужденная активизация» при всей своей стрессогенности нормализуется информантами, поскольку соответствует установке на постоянную активность, самостоятельность и индивидуальную ответственность за свое дело — другими словами, поддерживается сформированной агентностью и неолиберальным дискурсом.

Еще одно проявление деятельного отношения к своему делу — его персонализация, подразумевающая высокую степень включенности крафтового предпринимателя во все процессы ведения дела. Например, информанты не только создают продукт, но и активно участвуют в его продвижении, становясь моделями для изделий собственного производства, самостоятельно осваивая навыки продвижения продукта в социальных сетях, участвуя на разных этапах производства итогового продукта. То есть для владельцев крафтового бизнеса значимыми чертами становятся их многозадачность и универсальность — и как мастеров, и как предпринимателей:

Мне многозадачность подходит. Вот это вот переключение между задачами. Это для меня очень хорошо, я чувствую себя живой. Что у меня нету чего-то постоянного, всегда что-то новое. Я поняла, что я люблю многозадачность, я поняла, что я люблю принимать много решений. Потому что меня это наполняет, я, оказывается, очень много чего могу и умею. И наравне с этим я потеряла страх быть дурочкой и чего-то не знать.
(Инт. № 15, ж., 34 года, крафт-услуги, Санкт-Петербург)

Личная включенность в дело проявляется и в поддержании межличностного общения с клиентами. Такая коммуникация — важная активность для самих ремесленников, позволяющая им формировать устойчивую категорию покупателей и выносить свое ремесло в сферу публичного пространства, актуализируя его для аудитории со схожими ценностями в потреблении. В этом выстраивании сетей взаимодействия с потребителями своего продукта проявляется активная деятельная роль крафтовых предпринимателей в организации сообщества вокруг своего дела.

Уровень 3. Развитие милье

Молодые крафтовые предприниматели не останавливаются на развитии собственного дела/бренда. Им важно создать вокруг себя ту среду, в которой окружение — клиенты, другие мастера, — будут разделять ценности, продвигаемые ими, а также поддерживать идею конкретного бизнеса. Как правило, именно через бизнес предпринимателям удается продвигать важные им ценности и идеи, строить свой мир:

В плане финансовом это такой социальный эксперимент, в котором мы пытаемся построить такой микропузырь, функционирующий на идее «не бери больше, чем даешь». <...> А в идеологическом плане хотелось просто выстроить какое-то такое место, максимально терпимое ко всему, то есть в котором открыта дверь вообще всем, но всякие идеологические моменты остаются вот где-то снаружи. (Инт. № 6, м., 32 года, крафт-пространство, Санкт-Петербург)

Для крафтовых предпринимателей важно не просто найти клиентов, но стать для них «своими людьми», иногда даже друзьями. Для того чтобы понимать людей и правильно заводить с ними знакомства и общаться, некоторые информанты самостоятельно постигают азы психологии. Среди крафтовых предпринимателей распространено мнение, что посетители приходят к ним не столько за товаром, сколько за той атмосферой, которую те создают (особенно это типично для крафтовых пространств). В этом они похожи на молодых барменов, которых изучали исследователи молодежи в Австралии: те также создают атмосферу легкости, удовольствия и наслаждения, мобилизуя свою собственную субъектность/агентность, которая и становится главным капиталом на этом рынке [Farrugia, Threadgold, Coffey, 2018]. Ключевыми характеристиками атмосферы, создаваемой крафтовыми предпринимателями, становятся (в противоположность масс-маркету) индивидуальный подход, аутентичность, осознанность / этичность / экологичность, толерантность и принятие всех, неформальность:

...И контактные достаточно люди, которые ищут какого-то контакта, вот в чем фишка, которые не просто хотят прийти и реально взять чашку кофе и убежать. Люди, которые хотят прийти, почувствовать какое-то человеческое тепло. Вот это вот все. Которым, может быть, одиноко. Может быть, какие-то проблемы, там. Может быть, они просто давно ни с кем просто не болтали, знаешь, весь смолток, смолток, смолток (смех). Вот. (Инт. № 1, ж., 33 года, крафт-пространство, Санкт-Петербург)

Еще одна важная характеристика таких пространств — безопасность. Запрос на нее был сформулирован с двух сторон — со стороны самих создателей и со стороны среды:

Потом, например, ну вот я, например, никогда не ходила в бар одна. Ну, потому что я девушка, мало ли что. Ну то есть если ты идешь, хочешь выпить, то я не пойду туда одна, скорее всего. К нам многие приходят, и это очень классно, потому что, значит, они чувствуют себя комфортно и в безопасности. Это, мне кажется, хорошо. (Инт. № 12, ж. и м., 31 год и 27 лет, крафт-пространство, Санкт-Петербург)

Молодые предприниматели не просто создают сообщество в своем пространстве или вокруг него, но также развивают дополнительные к производству виды активности. Например, по словам информантов, со стороны аудитории есть запрос на обучение мастерству. Причин для возникновения такой потребности у клиентов несколько: они, как и предприниматели, ориентированы на развитие себя и своих возможностей, поэтому рады учиться новому; хотят научиться делать крафтовые вещи, в том числе создавать оригинальные аутентичные подарки; пытаются организовать небанальные свидания; для многих клиентов посещение мастер-класса становится способом расслабиться, возможно, помедитировать. Эти причины часто совпадают с теми, из-за которых мастера когда-то сами начали заниматься той или иной деятельностью [Балацук, Гладченко, 2022]. Информанты отмечают, что мастер-классы посещают разные люди, но многих объединяет тяга к творчеству и сотворчеству:

На мастер-классы приходят люди, которые хотят научиться чему-то новому. И у них изначально есть цель каким-то творчеством заниматься. То есть кто-то рассматривает как новое хобби. Кто-то рассматривает как возможность овладеть какой-то профессией и в дальнейшем заниматься стеклом. В целом есть люди, которые просто хотят попробовать. Ну, и потом я вижу, что они занимаются чем-то смежным, допустим, смолой и так далее. Но все равно, как для ознакомления, наверное, с этой тоже историей. В основном это творческие люди, которые хотят попробовать еще вот это вот дело. (Инт. № 8, ж., 34 года, крафт-услуги, Санкт-Петербург)

Создание сообщества единомышленников также оказывается хорошим способом привлечения клиентов для немассовых товаров, которые характеризуются достаточно высокой ценой. Мастера изначально ориентированы на продвижение уникальных товаров, в том числе экологически чистых, немассовых. Ремесленники считают, что их товары должны пользоваться спросом и при этом их стоимость должна быть значительно выше аналогичных товаров из масс-маркета. Однако ручной труд, по словам многих информантов, не пользуется большой популярностью. Поэтому особенно важно расширять круг тех людей, кто будет понимать ценность производимой мастерами продукции и приобретать эту продукцию:

Я считаю, что вот ручная работа должна быть оценена по достоинству, вот если брать зарубежных европейских мастеров, то у нас в России с таким ценником никто сравниться не может, там банальные изделия — что у нас ребята продают ложки по 300—500 рублей, там продаются по 5—6 тысяч, такого же уровня работа, это говорит о том, что у нас просто ручной труд не ценится. (Инт. № 13, м., 34 года, крафт-производство, Санкт-Петербург)

Для самих предпринимателей также важно находиться в сообществе крафтеров — они, в свою очередь, становятся клиентами других мастеров: с удовольствием покупают у своих коллег одежду, аксессуары, предметы интерьера. Местом знакомства часто становятся крафт-базары и тематические мероприятия, некоторые информанты целенаправленно ищут коллег в социальных сетях и че-

рез других знакомых. Часто взаимодействие разных мастеров происходит на основе бартера — предприниматели обмениваются своими товарами и услугами, в некоторых случаях выпускают совместные коллекции. Например, мастерица, производящая мыло и шампуни, создала совместную коллекцию с производителем нижнего белья: в комплекте с бельем покупателям приходил комплимент в виде уходовой косметики. Ниже информантка рассказывает, как обменяла созданный ею логотип на абонемент стоимостью 6 тысяч рублей:

Да. Я очень часто делаю штуки по бартеру. Недавно сделала логотип девушке, которая ведет дискуссионные встречи. Она за это мне дала абонемент на посещение ее встреч — 6 штук, 6 встреч, абонемент стоит 6 тысяч. Если брать в деньгах, это невыгодно, бартер выгоднее в любом случае. (Инт. № 5, ж., 22 года, крафт-производство, Санкт-Петербург)

Часто бизнес у информантов зарождается под влиянием неудовлетворенного спроса, предприниматель видит нехватку услуги, пространства, продукта и хочет удовлетворить эту потребность (в том числе свою собственную). Этот порыв энтузиазма развивается постепенно и изначально не требует больших денежных затрат, поэтому единственное, что могут потерять крафтовые предприниматели, — деньги, потраченные на материалы, обучение или аренду. Но важно, что даже при закрытии бизнеса и потере определенных ресурсов создаваемое вокруг него сообщество не распадается, его представители часто становятся готовыми потребителями нового проекта предпринимателя. Информанты оправданно считают, что в таком случае последователи продвигаемых бизнесом ценностей остаются в кругу знакомых и потенциальных клиентов. В связи с этим ситуацию, когда бизнес может потерпеть крах и оставить предпринимателя без денег, информанты оценивают «без паники»:

С другой стороны, рациональное вот это, вот умение логически мыслить всегда подсказывает тебе, что все, в общем-то, ты до сих пор больше, чем деньги, не потеряешь. (Инт. № 1, ж., 33 года, крафт-пространство, Санкт-Петербург)

Предприниматели понимают, что, несмотря на возможные финансовые потери, самые главные приобретения от бизнеса — их опыт и сообщество — останутся. Мастера транслируют в интервью, что уверены в себе и в том, что они делают, поэтому легко идут на риск и эксперименты.

Таким образом, крафтовых предпринимателей мотивирует к проявлению агентности не только желание развивать собственное дело, в котором они смогут проявить себя и создать себе возможность осмысленной работы, но и стремление продвигать важные для них ценности и идеи, в том числе связанные с экологичным производством и потреблением, безопасностью и созиданием, творчеством, креативностью. Для развития собственного дела значимы люди, которые поддерживают бизнес и становятся клиентами-друзьями. Информантов также стимулируют опыт и успех других людей, они прямо говорят, что получают вдохновение на создание дела от других успешных мастеров. Коллеги-крафтеры при этом

не становятся конкурентами, их мир «не масс-маркета» не допускает жесткой рыночной борьбы, напротив, мастера продвигают идеи того, что нужно учиться друг у друга и помогать таким же мастерам, в первую очередь для того, чтобы росли их личные контакты и сообщество в целом. Помогают в этом совместные мероприятия. Клиенты при этом часто становятся партнерами, они также могут вместе придумать новую идею или проект, «конкуренты» приходят за услугами и товарами друг к другу и образуют сообщество мастеров, которые могут создавать более масштабные сообщества по интересам.

Мы рассмотрели три уровня проявления агентности у молодых крафтовых предпринимателей, однако для более глубокого понимания причин их готовности к постоянному действию предлагаем подробнее проанализировать их представления о результатах данной деятельности, о том, как они видят для себя успех.

Представления об успехе у молодых мастеров

Молодые крафтовые предприниматели определяют понятие успеха за рамками экономической рациональности. Для них успех заключается в реализации себя и своих ценностей в окружающем сообществе в том формате и таким образом, который комфортен самому предпринимателю, а не задается внешними нормами и правилами. Успех в этом поле осмысливается вне денежных оценок и выражается в первую очередь в достижении независимости от внешних обстоятельств и других социальных агентов в сфере занятости (что делает развитие агентности одним из показателей успеха), а также в субъективной оценке собственной удовлетворенности от выполняемой работы:

Это ощущение... ощущение самореализации на самом деле. То, что я говорила уже. То, что ты чувствуешь, что ты выполняешь те функции, которые, которые... которые ты хотел бы выполнять. (Инт. № 1, ж., 33 года, крафт-пространство, Санкт-Петербург)

Опираясь на такое понимание успеха, участники исследования оценивали успешность в своей экономической деятельности в контексте жизненного успеха. Также к показателям успеха для владельцев крафтового бизнеса относятся: соблюдение баланса жизни и труда, воплощение своих идей в жизнь, получение положительного отклика со стороны аудитории со схожими ценностными установками. Наличие прибыли, получаемой от коммерциализации своего мастерства, также важно, и по ней оценивается успешность дела, однако одной ее недостаточно.

Наши информанты отмечали, что регулярно сталкиваются с негативной оценкой своей деятельности (крафтового предпринимательства) со стороны общества (прежде всего, взрослых). Их активность часто оценивается как несерьезная, незначительная, а им отказывается в праве считаться полноценными экономическими акторами. В такой ситуации информанты нормализуют свой статус за счет добровольного принятия на себя роли «аутсайдера» и отказа от общепризнанных критериев оценивания. Гораздо более ценно для них достижение внутренней гармонии с самим собой, что позволяет реализовывать себя и проявлять активность согласно лично задаваемым критериям. Нивелирование оценок окружаю-

щих и нонконформизм становятся способом отстоять свою субъектность перед обществом и преодолеть навязываемые представления об успехе:

По факту социально я лох, как бы. То есть у меня ничего нет. То есть у меня нет своей квартиры, у меня нет своей машины. То есть она есть у мужика. У меня нет детей. То есть из вот такого, из социального у меня есть только муж, как бы. Он нормальный. Все. А так вот эти маячки — у меня такого нет. По факту не особо я состоялась. Но мне кажется, что это не важно. (Инт. № 8, ж., 34 года, крафт-услуги, Санкт-Петербург)

Вместо конвенциональных представлений о маркерах успеха, связанных с определенными социальными и экономическими достижениями к конкретному жизненному этапу, молодые крафтовые предприниматели задают свои критерии, правила и ценности в создаваемых сообществах единомышленников и потребителей их товаров и услуг. Для их образа жизни ключевой целью становится нахождение баланса между производством активного развивающегося Я и комфортным образом жизни в соответствии с собственными ценностями. Такой баланс, подразумевающий обретение чувства контроля над своей жизнью и обретение агентности, они находят в своей рабочей деятельности — ведении собственного дела. Предпринимательство позволяет реализовывать идеи молодых людей, воплощать в жизнь их ценностные установки и переопределять понятие успеха и самореализации, в чем проявляются их активный жизненный выбор и свобода в действиях и принятии решений.

Заключение

В данной статье мы обратились к излюбленной теме социологов, занимающихся изучением молодежи, — агентности. На примере молодых крафтовых предпринимателей Санкт-Петербурга мы показали, каким образом агентность молодежи реализуется в условиях современной неолиберальной экономики в России. Мы обнаружили, что агентность у молодых ремесленников производится на трех связанных между собой уровнях: молодые крафтовые предприниматели начинают с собственной субъективации, выражаемой в саморазвитии и постоянной активности, что приводит их к созданию собственного дела как места применения своих ценностей и идей. Завершающим шагом в обретении агентности становится формирование «собственного мира» — сообщества единомышленников, потребителей, партнеров и конкурентов, объединенных общим культурным потреблением и производством, а также общими ценностями и близким стилем жизни. Такая агентность на трех уровнях — на субъективном, предпринимательском и во внешней среде — повышает общую устойчивость молодых ремесленников как в поле крафтовой экономики, так и в их жизни в целом. Проявляемая ими гибкость и развитие универсальности своих навыков снижают страхи и повышают субъективную готовность к рискам.

Наше исследование также показало двойственность агентности рассматриваемой группы молодежи, отраженную в том числе и в современных дискуссиях [Irwin, 2021; Threadgold et al. 2021; Spannring, Hawke, 2022]. С одной стороны, молодые российские ремесленники представляют собой пример успешной трансформации

агентности в условиях новой экономики и ее превращения из внутренней характеристики в общий обязательный фрейм действия [Irwin, 2021; Threadgold et al., 2021]: субъектность мастера (включая телесность, идентичность, стиль жизни) и создаваемая ею атмосфера становятся главным источником ценности. Молодежь прочно инкорпорировала дискурсивно производимый императив «активного действия» и «индивидуальной ответственности», успешно реализует модель «предпринимателя самого себя». С другой стороны, молодые крафтовые мастера проявляют агентность, которая противостоит рыночной логике и правилам «мира взрослых». Они проблематизируют доминирующий порядок и ценности, принимая статус аутсайдера, позволяющий им создавать свои собственные правила и миры, в которых главенствуют другие рациональности и ценности. Для молодых крафтовых предпринимателей важно быть в гармонии с собой, развиваться и быть счастливыми. Самосовершенствование и развитие для них происходят через поиск новых увлечений и видов деятельности, постоянного полномасштабного освоения этого мира и построение нового мира вокруг себя — более безопасного, более осознанного, толерантного, принимающего и поддерживающего, что соответствует пониманию агентности в рамках критических теорий антропоцентризма [Spanning, Hawke, 2022]. При этом предприниматели рассматривают активность как необходимое свойство для них самих, но не считают ее обязательной для каждого, оставляя свободу быть пассивным и безагентным.

Список литературы (References)

- Ариф Э. М., Кузьмина Т. А. Личное — это профессиональное: этичность молодых крафтовых предпринимателей в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 179—199. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1922>.
- Arif E. M., Kuzminova T. A. (2021) Personal Is Professional: Ethic of Young Craft Entrepreneurs in St. Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 179—199. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1922>. (In Russ.)
- Балацук Е. С., Гладченко Е. А. Профессиональная идентичность учителей крафта в сфере неформального образования в Санкт-Петербурге // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 74—82.
- Balatsyuk E., Gladchenko E. (2022) Professional Identity of Craft Teachers in the Field of Informal Education in St. Petersburg. *Sociological Studies*. No. 3. P. 74—82. (In Russ.)
- Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000.
- Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)
- Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
- Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Гребер Д. Бредовая работа: трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Graeber D. (2020) *Bullshit Jobs: A Theory*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Крупец Я. Н., Майборода А. В., Кузинер Е. Н. «Если ты маленький, ты никому не нужен»: молодые креативные предприниматели Санкт-Петербурга и их отношения с государством // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 3. С. 405—420. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-405-420>.

Krupets Y., Maiboroda A., Kuziner E. (2021) 'If You Are Small, Nobody Cares': Young Creative Entrepreneurs of St. Petersburg and Their Relations with the State. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 405—420. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-405-420>. (In Russ.)

Äyväri A., Jyrämä A. (2007) The Networking Abilities of Craft Entrepreneurs. In *23rd IMP Conference. Exploiting the b2b Knowledge Network: New Perspectives and Core Concepts*. Manchester: Manchester Business School. P. 1—20.

Campbell C. (2009) Distinguishing the Power of Agency from Agentic Power: A Note on Weber and the “Black Box” of Personal Agency. *Sociological Theory*. Vol. 27. No. 4. P. 407—418. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2009.01355.x>.

Coffey J., Farrugia D. (2014) Unpacking the Black Box: The Problem of Agency in the Sociology of Youth. *Journal of Youth Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 461—474. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.830707>.

Erpyleva S. (2023) “Too Immature for Politics?” Political Agency in the Eyes of Russian Adolescent Protesters, 2011—20. *Childhood*. Vol. 30. No. 3. P. 219—234. <https://doi.org/10.1177/0907568223118211>.

Evans K. (2002) Taking Control of their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany. *Journal of Youth Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 245—269. <https://doi.org/10.1080/1367626022000005965>.

Evans K. (2007) Concepts of Bounded Agency in Education, Work, and the Personal Lives of Young Adults. *International Journal of Psychology*. Vol. 42. No. 2. P. 85—93. <https://doi.org/10.1080/00207590600991237>.

Farrugia D., Threadgold S., Coffey J. (2018) Young Subjectivities and Affective Labour in the Service Economy. *Journal of Youth Studies*. Vol. 21. No. 3. P. 272—287. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1366015>.

Fox Miller C. (2017) The Contemporary Geographies of Craft-based Manufacturing. *Geography Compass*. Vol. 11. No. 4. Art. e12311. <https://doi.org/10.1111/gec3.12311>.

Franceschelli M. (ed.) (2017) Identity and Upbringing in South Asian Muslim Families: Insights from Young People and Their Parents in Britain. London: Palgrave MacMillan. <https://doi.org/10.1057/978-1-137-53170-4>.

Franceschelli M., Keating A. (2018) Imagining the Future in the Neoliberal Era: Young People's Optimism and Their Faith in Hard Work. *Young*. Vol. 26. No. 4. P. 1S-17S. <https://doi.org/10.1177/1103308817742287>.

Gill R. C. (2007) Critical Respect: The Difficulties and Dilemmas of Agency and ‘Choice’ for Feminism: A Reply to Duits and Van Zoonen. *European Journal of Women's Stud-*

ies. Vol. 14. No. 1. P. 69—80. <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1350506807072318>.

Hamilton M. G., Adamson E. (2013) Bounded Agency in Young Carers' Lifecourse-Stage Domains and Transitions. *Journal of Youth Studies*. Vol. 16. No. 1. P. 101—117. <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.710743>.

Holloway S. L., Holt L., Mills S. (2019) Questions of Agency: Capacity, Subjectivity, Spatiality and Temporality. *Progress in Human Geography*. Vol. 43. No. 3. P. 458—477. <https://doi.org/10.1177/0309132518757654>.

Irwin S. (2021) Subjective Understandings of Young People's Agency. Structure and Agency. In Nico M., Caetano A. (eds.) *Young People's Lives: Theory, Methods and Agendas*. New York, NY: Routledge. P. 30—44.

Juvonen T. (2014) Fragile Agencies in the Making: Challenges of Independent Living in Emerging Adulthood. *Young*. Vol. 22. No. 3. P. 253—269. <https://doi.org/10.1177/1103308814533461>.

Kogler R., Vogl S., Astleithner F. (2022) Plans, Hopes, Dreams and Evolving Agency: Case Histories of Young People Navigating Transitions. *Journal of Youth Studies*. P. 1—14. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2156778>.

Krupets Y., Epanova Y. (2023) Developing Craft Business in Russia: Capitals and Tactics of Young Cultural Entrepreneurs. *Cultural Trends*. Vol. 32. No. 1. P. 20—34. <https://doi.org/10.1080/09548963.2021.1996203>.

Lehmann W. (2004) 'For Some Reason, I Get a Little Scared': Structure, Agency, and Risk in School—Work Transitions. *Journal of Youth Studies*. Vol. 7. No. 4. P. 379—396. <https://doi.org/10.1080/1367626042000315185>.

Luckman S. (ed.) (2015) *Craft and the Creative Economy*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137399687>.

Marcketti S. B., Niehm L. S., Fuloria R. (2006) An Exploratory Study of Lifestyle Entrepreneurship and Its Relationship to Life Quality. *Family and Consumer Sciences Research Journal*. Vol. 34. No. 3. P. 241—259. <https://doi.org/10.1177/1077727X05283632>.

Nico M., Caetano A. (eds.) (2021) *Structure and Agency in Young People's Lives: Theory, Methods and Agendas*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429324314>.

Poliakov S. (2021) Careers and Lifestyles of Young Cultural Entrepreneurs in St. Petersburg. *Creative Industries Journal*. Vol. 14. No. 3. P. 269—282. <https://doi.org/10.1080/17510694.2020.1848267>.

Rose N. (1999) Inventiveness in Politics. *Economy and Society*. Vol. 28. No. 3. P. 467—493. <https://doi.org/10.1080/030851499000000014>.

Scott M. (2017) 'Hipster Capitalism' in the Age of Austerity? Polanyi Meets Bourdieu's New Petite Bourgeoisie. *Cultural Sociology*. Vol. 11. No 1. P. 60—76. <https://doi.org/10.1177/1749975516681226>.

Smagina A., Ludviga I. (2021) What is Crafts Entrepreneurship? The Development of its Definition Through Entrepreneurs' and Consumers' Perceptions. *Rural Environment. Education. Personality*. Vol. 14. P. 401—414. <http://doi.org/10.22616/REEP.2021.14.045>.

Spannring R., Hawke S. (2022) Anthropocene Challenges for Youth Research: Understanding Agency and Change through Complex, Adaptive Systems. *Journal of Youth Studies*. Vol. 25. No. 7. P. 977—993. <https://doi.org/10.1080/13676261.2021.1929886>.

Spencer G., Doull M. (2015) Examining Concepts of Power and Agency in Research with Young People. *Journal of Youth Studies*. Vol. 18. No. 7. P. 900—913. <https://doi.org/10.1080/13676261.2014.1001827>.

Threadgold S., Farrugia D., Coffey J. (2021) Challenging the Structure/Agency Binary: Youthful Culture, Labour and Embodiments. In Nico M., Caetano A. (eds.) *Young People's Lives: Theory, Methods and Agendas*. New York, NY: Routledge. P. 13—29.

Woodman D. (2009) The Mysterious Case of the Pervasive Choice Biography: Ulrich Beck, Structure/Agency, and the Middling State of Theory in the Sociology of Youth. *Journal of Youth Studies*. Vol. 12. No. 3. P. 243—256. <https://doi.org/10.1080/13676260902807227>.

Woodman D., Leccardi C. (2015) Generations, Transitions, and Culture as Practice: A Temporal Approach to Youth Studies. In Woodman D., Bennett A. (eds.) *Youth Cultures, Transitions, and Generations*. London: Palgrave Macmillan. P. 56—68. https://doi.org/10.1057/9781137377234_5.

Приложение. Описание информантов

№ интервью	Псевдоним	Возраст	Пол	Направление крафта	Уточнение ремесла	Длительность
1	Ася	33	Женский	Пространства	Кофейня	1:28:56
2	Лина	18	Женский	Производство	Керамика	0:51:07
3	Даша	25	Женский	Производство	Флористика	1:41:46
4	Денис	33	Мужской	Пространства	Бар	1:24:22
5	Катя	22	Женский	Производство	Дизайн, одежда, блокноты, логотипы и пр.	1:22:35
6	Валентин	32	Мужской	Пространства	Антикафе	1:37:29
7	Елизавета	28	Женский	Услуги	Создание косметики	1:45:08
8	Кристина	35	Женский	Услуги	Мастер-классы по стеклоделанию	1:28:03
9	Петр	29	Мужской	Пространства	Кофейня	1:57:04
10	Алексей	35	Мужской	Производство	Мотоколяски	1:04:05
11	Олег	32	Мужской	Услуги	Экскурсии, лекции, мастер-классы производство из мусора	1:18:00
12	Катя и Дима	31, 27	Женский, мужской	Пространства	Кофейня с крафт сиропами и крафт пивом	1:46:18
13	Илья	34	Мужской	Производство	Столярные изделия (посуда из дерева)	1:29:08
14	Светлана	34	Женский	Услуги	Гончарные мк	1:46:39
15	Павел	35	Мужской	Услуги	Художественное оформление	1:59:34

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2408](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2408)

Д. М. Логинов

РОССИЯНЕ В ПЕРИОД «КОРОНАКРИЗИСА»: КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЖИЗНЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МЕГАПОЛИСОВ?

Правильная ссылка на статью:

Логинов Д. М. Россияне в период «коронакризиса»: как изменилась жизнь за пределами мегаполисов? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 71—92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2408>.

For citation:

Logínov D. M. (2024) Russians during the Corona Crisis: How Has Life Changed outside the Megacities? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 71–92. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2408>. (In Russ.)

Получено: 31.03.2023. Принято к публикации: 26.01.2024.

РОССИЯНЕ В ПЕРИОД «КОРОНАКРИЗИСА»: КАК ИЗМЕНИЛАСЬ ЖИЗНЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МЕГАПОЛИСОВ?

ЛОГИНОВ Дмитрий Михайлович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: loginov-dm@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2717-6909>

Аннотация. На основе данных репрезентативного социологического опроса, реализованного ИНСАП РАНХиГС в 2021 г., в статье рассмотрены изменения жизненных практик российского населения, проживающего за пределами мегаполисов, произошедшие в течение года «коронакризиса». Эксклюзивность изменений внешнего контекста в исследуемый период актуализирует специальный анализ, ориентированный на выявление масштабов, направлений и продуктивности изменений поведенческих практик массовых групп россиян. В фокусе исследования находятся острота восприятия кризисных ограничений в контексте различных аспектов жизнедеятельности, расширение включенности в онлайн-коммуникации для решения рабочих и личных задач, а также динамика благосостояния и уровня жизни.

Показано, что большинство россиян столкнулись с изменениями привычных жизненных практик, а для более чем четверти населения эти изменения оказались крайне существенными. Наиболее остро восприняты трудности, связанные с ограничениями доступности регулярно потребляемых услуг, а также

RUSSIANS DURING THE CORONA CRISIS: HOW HAS LIFE CHANGED OUTSIDE THE MEGACITIES?

Dmitry M. LOGINOV¹ — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher at Institute of Social Analysis and Forecasting

E-MAIL: loginov-dm@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2717-6909>

¹ Russian Presidential Academy of National and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. The article examines changes in the life practices of the Russians living outside megacities during the year of the corona crisis. The estimates are based on data from a representative population survey conducted by the Institute of Social Analysis and Forecasting (RANEPA) in 2021. The exclusivity of changes in the external context during the period under study actualizes a special analysis aimed at identifying the scale, direction and productivity of changes in the behavioral practices of mass groups of Russians. The author focuses on the acuteness of perception of crisis restrictions in the context of various aspects of life, increased involvement in online communications to solve work and personal problems, and the dynamics of well-being and living standards.

It is shown that most Russians have encountered changes in their habitual life practices, and for more than a quarter of the population these changes turned out to be extremely significant. The most acutely perceived difficulties are associated with restrictions on the availability of regularly consumed services, as well as problems caused by the forced transition to remote forms of work and ed-

проблемы, вызванные вынужденным переходом к дистанционным формам работы и образования. Значительные группы россиян оказались перед необходимостью существенно корректировать привычные способы проведения свободного времени. Выявлено, что по прошествии «года пандемии» около четверти россиян стали проводить в интернете больше времени, чем ранее. Снижение интенсивности личного общения в рассматриваемый период потребовало социальной компенсации, одной из важнейших форм которой стало использование коммуникативных онлайн-сервисов. Важной формой ситуативной адаптации являлось существенное расширение дистанционной занятости, которая, однако, с точки зрения эффективности и комфорта работы характеризуется скорее негативно. Снижение потребительских возможностей в период пандемии, массово затронувшее российские домохозяйства, выступает важным фактором изменения образа жизни и воспроизводства практик потребительской экономии. В целом исследование иллюстрирует достаточно высокий адаптационный потенциал российского населения, однако динамика социального самочувствия в условиях «коронакризиса» явно негативна.

Ключевые слова: население, социальное самочувствие, уровень жизни, социально-экономическое поведение, социально-экономические практики, COVID-19

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ucation. Significant groups of Russians faced with the need to substantially adjust their leisure practices. After one year of the pandemic, about a quarter of Russians began to spend more time on the Internet than before. The decrease in the intensity of personal communication required social compensation, one of the most important forms of which was the use of online communication services. An important form of situational adaptation was a significant expansion of remote employment, which, however, from the point of view of efficiency and work comfort is characterized rather negatively. The decrease in consumer opportunities during the pandemic, which massively affected Russian households, is an important factor in changing lifestyles and reproducing consumer saving practices. In general, the study indicates high adaptive potential of the Russian population. However, the dynamics of social well-being in the context of the corona crisis are clearly negative.

Keywords: population, social well-being, level of life, socio-economic behaviour, socio-economic practices, COVID-19

Acknowledgments. The article was prepared within the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Введение

В начале 2020-х годов под влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции и сопутствовавших административных мер противодействия ее распространению российское население столкнулось с внезапными и разнообразными изменениями условий жизнедеятельности. Данный этап нестабильности пришелся на исход не самого благополучного пятилетия, в течение которого массовые группы россиян на фоне падения доходов исчерпали значительную часть имевшегося «запаса прочности», что очевидным образом ограничило их возможности. Насколько масштабными и существенными оказались трудности, вызванные внешними обстоятельствами? Какие аспекты вынужденных изменений социально-экономического поведения россиян были восприняты ими наиболее драматично? Как в кризисных условиях изменились ранее сложившиеся поведенческие модели и насколько значительными оказались эти изменения? На эти вопросы мы постарались ответить в ходе проведения социологического исследования, реализованного по специально разработанной методике в 2021 г. и выборке, репрезентирующей население России в возрасте 18 лет и старше.

Жители мегаполисов традиционно представляют собой особую группой, существенно отличающуюся от представителей других территориально-поселенческих типов имеющимся ресурсным потенциалом и реализуемыми социально-экономическими практиками, что подтверждается как исследованиями предшествующих периодов [Зубаревич, 2002, 2010], так и анализом ситуации в период пандемии [Решетников и др., 2020; Латова, 2021; Кертман и др., 2021]. В данной статье рассматриваются изменения в жизнедеятельности россиян, проживающих вне городов-миллионников и, соответственно, не имеющих специфичных для мегаполисов инфраструктурных возможностей и эпидемиологических ограничений, которые могут выступать предметом сфокусированных исследований.

Исследования поведенческих практик россиян в контексте изменяющихся условий внешней среды имеют достаточно длительную историю. Активизация этих исследований сопряжена с периодами социально-экономической турбулентности. В ходе анализа трансформационных процессов 1990-х годов направлениями исследовательского дискурса выступали социальные издержки различных групп населения, а также усилия, предпринимаемые ими с целью поддержания и улучшения уровня жизни [Гордон, 1994, 1995; Заславская, 1995; Римашевская, 1995; Резник, Резник, 1995; Тихонова, 1997]. В последующие годы проводились исследования практик социально-экономической адаптации, реализуемых россиянами в изменяющихся условиях [Дискин, Авраамова, 1997; Авраамова, Логинов, 2002; Адаптационные стратегии населения, 2003; Козырева и др., 2013; Каравай, 2020]. Снижение с середины 2010-х годов доходов массовых групп населения подвигло ученых к анализу параметров негативной социальной динамики и действий, предпринимаемых россиянами для сглаживания изменений в достигнутом уровне жизни [Авраамова, Малева, 2015; Тихонова, Каравай, 2016; Козырева, Смирнов, 2018; Логинов, 2020а].

Начиная с 2020 г., по мере нарастания кризисных явлений, связанных с распространением коронавирусной инфекции, как в России, так и за рубежом активизировался исследовательский интерес к выявлению социально-экономических

последствий эпидемиологической нестабильности. Значительные группы населения в период «коронакризиса» столкнулись с негативной динамикой благосостояния и в целом снижением уровня жизни [Преснякова, Гашенина, 2021; Красильникова и др., 2021; Conceição, 2022; European Consumer..., 2020]. На этом фоне отмечалось резкое снижение спроса в целом и изменение его структуры с сокращением досуговой компоненты, ростом покупок товаров первой необходимости [Davenport et al., 2020; Euart et al., 2020]. Активно развивался онлайн-сегмент потребления и возможностей бесконтактных платежей¹. Изменения социально-экономических практик различных групп населения, направленные на решение возникающих проблем, могли быть связаны как с увеличением притока денежных средств за счет дополнительной занятости, получения трансфертов со стороны социального окружения и использования сбережений, так и с сокращением потребления [Palma, Araos, 2021; Каравай, 2021]. В условиях ограничений стали особенно актуальны стратегии, направленные на оптимизацию баланса между частной жизнью и работой [Yuas, 2022]. Отмечались как существенный рост субъективно воспринимаемых рисков для сохранения жизни, здоровья и благополучия, так и снижение уровня уверенности в собственном будущем [Логинов, 2020б; Латов, 2020].

Согласно результатам исследований, для ощущения безопасности необходима возможность сохранять социальную активность, которая очевидно оказалась ограниченной жесткими мерами, такими как ограничения на выход из дома, временное закрытие мест коллективного проведения досуга, отмена развлекательных мероприятий и т. п. [Донцов и др., 2021]. Отмечалась разнонаправленная динамика финансового поведения: одни респонденты выбирали сберегательное поведение на фоне неопределенности и ограниченности предложения, другие предпочитали тратить накопленные ранее сбережения вследствие сокращения располагаемых доходов [Реprinцева и др., 2022]². При этом подавляющее большинство занятых столкнулись с теми или иными изменениями в условиях труда [Капелюшников, 2022]. Модели трудового поведения оказались подвержены административным ограничениям, вследствие которых массовый характер приобрели потеря работы, сокращения рабочего времени и переход на дистанционный формат занятости [Hale et al., 2020; Бондаренко, 2020; Ерицян и др., 2021; Ляшок, 2021]. Исследователи отмечают усиление неравенства на рынке труда, при котором увеличилась уязвимость женщин, представителей молодых и старших возрастов, а также самостоятельно занятых [Piacentini et al., 2022; Alon et al., 2020; Rho et al., 2020].

¹ Fryer V. Understanding COVID-19's Impact on Ecommerce and Online Shopping Behavior // Big Commerce. 2021. URL: <https://www.bigcommerce.com/blog/covid-19-ecommerce/#covid-ecommerce-trends> (дата обращения: 10.12.2023); Quinio V. How Is COVID-19 Impacting Online Shopping, and What Does This Mean for the Future of the High Street? // Centre For Cities. 2022. URL: <https://www.centreforcities.org/blog/how-is-covid-19-impacting-online-shopping/> (дата обращения: 10.12.2023).

² См. также: Custage A. The Biggest Consumer Behavior Trends of 2022 (So Far) // Medallia. 2022. August 29. URL: <https://www.medallia.com/blog/consumer-behavior-trends-2022-so-far> (дата обращения: 10.12.2023); Charalampakis E., Fagandini B., Henkel L., Osbat C. The Impact of the Recent Rise in Inflation on Low-Income Households // European Central Bank. Economic Bulletin, No. 7/2022. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/focus/2022/html/ecb.ebbox202207_04~a89ec1a6fe.en.html (дата обращения: 10.12.2023); Badarınza C., Balasubramaniam V., Bartzoka L., Ramadorai T. How Has the Pandemic Affected Household Finances in Developing Economies? Economics Observatory. 2021. URL: <https://www.economicsobservatory.com/how-has-the-pandemic-affected-household-finances-in-developing-economies> (дата обращения: 10.12.2023).

Методология исследования

В статье представлены результаты изучения изменений жизненных практик россиян, проживающих за пределами городов-миллионников, произошедшие в течение первого года пандемии коронавирусной инфекции, а именно:

- восприятие масштабов изменений в целом;
- аспекты жизни, претерпевшие наибольшие изменения (включая досуговые практики);
- включенность населения в онлайн-коммуникацию — как с точки зрения актуальной частоты использования интернета за пределами рабочих задач, так и в контексте динамики его использования по сравнению с допандемийным периодом;
- динамика благосостояния массовых групп российского населения;
- распространенность стратегии потребительской экономии;
- динамика субъективного благополучия россиян и видение ими собственных перспектив в контексте собственных возможностей и представлений о доступности социальной поддержки.

Эмпирическую базу исследования составили данные массового анкетного опроса, репрезентирующего население России в возрасте 18 лет и старше, который реализован в марте 2021 г.

Выборка для опроса, проведенного методом телефонного опроса, сформирована на основе случайной систематической стратификации номеров мобильных телефонов, которые сгенерированы по задействованным DEF-диапазонам на территории России. Диапазоны позволили таргетировать телефонные номера до субъектов РФ для создания территориальных страт, схожих по часовым поясам и обладающих достаточной численностью населения (Центр, Урал, Сибирь, Восток). Распределение выборки по стратам рассчитано на основе данных Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>) о численности населения, проживающего на территории выделенных страт. Для массива данных рассчитан вес, выравнивающий половозрастную структуру (по информации Росстата). В статье использована подвыборка респондентов, проживающих в городах с населением менее 1 млн жителей и сельских населенных пунктах, общим объемом 2709 человек. В выборочной совокупности в достаточной для дифференцированного анализа степени представлено население всех основных территориально-поселенческих групп.

Максимальная ошибка выборки (для 95-процентного доверительного интервала для доли признака 50 %) не превышает 2,2 %. Для иных долей измеряемого признака при данном доверительном интервале размер ошибки выборки снижается, достигая минимума (1 %) при оцениваемой доле 5 % или 95 %.

Методологическая работа, включающая оптимизацию дизайна анкеты, уточнение вопросных формулировок, а также пилотаж полевых документов, позволила существенно нивелировать негативные эффекты, связанные с широким набором обсуждаемой тематики и, соответственно, длительностью заполнения анкеты. Большинство прерываний заполнения анкет со стороны респондентов приходятся на первые вопросы. Аудит процесса и результатов сбора эмпирической информации, реализованный Центром полевых исследований

РАНХиГС³, подтверждает релевантность собранного информационного массива задачам исследования.

Социальные издержки населения в течение «года пандемии»

Изменения привычных жизненных практик в период пандемии заметили 62% населения⁴, при этом для 27,6% соответствующие изменения оказались значительными. Наибольший уровень персональной стабильности в условиях внешних трансформаций характеризует сельских жителей, среди которых 44% опрошенных отмечают отсутствие какой-либо динамики (см. рис. 1).

Рис. 1. Самооценка уровня изменений привычных жизненных практик в условиях пандемии коронавируса (%)⁵

Оценивая годовой опыт жизни в условиях эпидемиологического кризиса и введенных ограничений, россияне фиксируют актуализацию новых проблем и трудностей. Каждый из выделенных в исследовании негативных эффектов, вызванных пандемией, в большей или меньшей степени сказался на значительных группах населения (см. рис. 2). Наиболее остро воспринимались трудности, связанные с ограничениями доступности регулярно потребляемых услуг, а также проблемы, вызванные вынужденным переходом к дистанционным формам работы и получения образования (отметили более трети опрошенных). Более чем для четверти россиян оказались значимыми ограничения в прогулках, а также трудности,

³ Как в целом по выборке, так и в отношении работы каждого из задействованных на опросе интервьюеров были проанализированы длительность каждого интервью, количество нерезультативных контактов, доля прерванных интервью, а также вопросы анкеты, на которых интервью прерывались. Случайно отобранные интервью выборочно прослушивались с заполнением контрольных таблиц.

⁴ Здесь и далее, говоря о «населении», автор подразумевает россиян, проживающих за пределами городов-миллионников (мегаполисов). Это же относится и к термину «россияне».

⁵ Вопрос: «Из-за эпидемии коронавируса ваша жизнь в целом изменилась значительно, незначительно или вовсе не изменилась?»

вызванные постоянным присутствием дома многих членов семьи. Ограничения в приобретении продуктов питания и непродовольственных товаров ощутил почти каждый пятый опрошенный (см. рис. 2).

Рис. 2. Проблематизация негативных социальных эффектов в период первого года пандемии (%)⁶

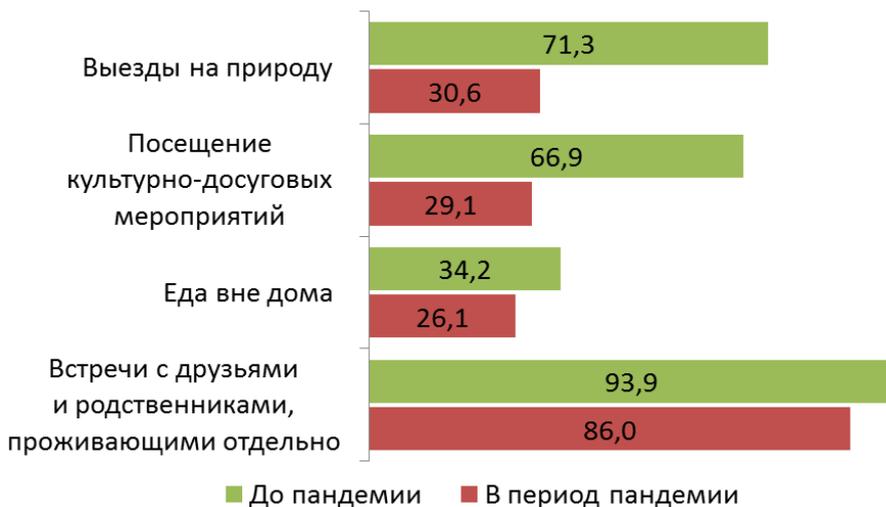

Каждый из рассматриваемых эффектов оказывает наименьшее влияние на сельских жителей. Наиболее явно выделяется характеристика, в отношении которой разница в восприятии городских и сельских жителей максимальна, — возможность прогулок и времяпрепровождения на свежем воздухе. Наименее выражены различия в отношении проблем, вызванных постоянным пребыванием многих членов семьи на ограниченной территории проживания, а также трудностей, связанных с осуществлением покупок.

Рассмотрим, насколько велики оказались вынужденные коррективы в отношении досуга и отдыха. Масштабы произошедших изменений иллюстрируют данные, представленные на рисунке 3.

⁶ Вопрос: «Насколько сложными для вас оказались следующие ограничения, связанные с пандемией коронавируса: необходимость работать или учиться удаленно (из дома); постоянное присутствие всех (многих) членов семьи дома; приобретение / получение / доставка необходимых продуктов и товаров; получение периодически необходимых услуг (банк, почта, поликлиника, бытовые услуги, ветеринария и т. д.); невозможность гулять, регулярно бывать на свежем воздухе (в том числе с детьми)». Варианты ответа: «было совсем не сложно», «были некоторые сложности», «были большие сложности». На рисунке показана совокупная доля ответов «были некоторые сложности» и «были большие сложности». Представлены данные по всем городам — без разделения по численности жителей.

Рис. 3. Элементы досуговых практик, регулярно или периодически воспроизводимые в период пандемии и в допандемийный период (%)⁷

В условиях эпидемиологического неблагополучиякратно сократились группы россиян, которые проводили свободное время, выезжая на природу, а также посещая концерты, выставки, театры и иные культурно-досуговые мероприятия. В наименьшей степени пандемия затронула распространенность практик проведения совместного досуга с родственниками и друзьями: среди тех, кто проводил время в подобном общении ранее, лишь 8% опрошенных перестали делать это в условиях пандемии.

Развитие онлайн-сегмента социально-экономических взаимодействий

Введение разнообразных ограничений, массовое смещение коммуникаций на трудовом рынке в сторону дистанционных форм, снижение активности в ранее привычных форматах социальных взаимодействий, а также реализация самоизоляционных практик обусловили позитивную динамику использования информационно-коммуникационных технологий в период пандемии.

Как следует из данных, приведенных на рисунке 4, по прошествии 2020 г. более 70% опрошенных используют интернет за пределами рабочих задач, при этом около четверти россиян стали проводить в интернете больше времени, чем ранее. Важно отметить, что в каждой территориально-поселенческой группе опрошенных отмечают частое использование информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни, при этом существует явная зависимость, в соответствии с которой сетевыми коммуникациями масштабнее охвачены жители сравнительно крупных населенных пунктов.

⁷ Вопросы: «До пандемии вы часто, иногда или никогда: посещали кино, театры, музеи, концерты и т.д.; встречались с друзьями, проживающими отдельно родственниками; выезжали на природу (кроме поездок на дачу)» и «А сейчас в последние месяцы, вы часто, иногда или никогда: посещаете кино, театры, музеи, концерты и т.д.; встречаетесь с друзьями, проживающими отдельно родственниками; выезжаете на природу (кроме поездок на дачу)». На рисунке показана совокупная доля ответов «часто» и «иногда».

Рис. 4. Частота и динамика использования интернета в личных целях, по типам поселений (%)⁸

Наиболее активными интернет-пользователями традиционно выступают представители молодежной когорты (среди не достигших 35 лет частое использование зафиксировали 93 % опрошенных), а минимальный уровень вовлеченности демонстрируют россияне старшего поколения (старше 60 лет — 42%). Очевидными дифференцирующими факторами также являются образовательный уровень и в значительной степени связанный с ним статус занятости: группы наиболее активных интернет-пользователей — это представители управленческого звена, предприниматели, а также специалисты высшей квалификации (см. табл. П1).

Положительная динамика включенности в сетевой формат социально-экономических взаимодействий в период пандемии характеризует жителей разных поселенческих типов в сопоставимой степени, но в несколько отставшем положении находится сельское население. Наиболее значительный рост прослеживается в группах, которые активно пользовались сетевыми коммуникациями и до начала пандемии. Категории россиян, ранее пользовавшихся интернетом сравнительно редко (жители сельских населенных пунктов, представители старших возрастных когорт, имеющие невысокий образовательный статус), в период пандемии также существенно увеличили вовлеченность в информационные технологии, однако масштабы позитивной динамики в этих группах несколько ниже

⁸ Вопросы: «Вы пользуетесь интернетом (в том числе на мобильном телефоне) помимо работы часто, иногда или никогда?» и «По сравнению с периодом до пандемии вы стали проводить в интернете больше, меньше или столько же времени (помимо работы)?»

(различия составляют до 7 п. п.) (см. табл. П2). Таким образом, увеличился социально-демографический «разрыв» в информационном потреблении.

Динамика благосостояния и потребительских возможностей

Ограничения экономической активности в период острой фазы эпидемиологического кризиса усилили тренд последних лет на сокращение материального благополучия массовых групп жителей страны. Более трети опрошенных (37 %) отметили негативную динамику собственной материальной обеспеченности по сравнению с допандемийным периодом⁹. 52 % россиян зафиксировали неизменность своего материального положения, а каждый десятый отметил его улучшение. Негативные изменения наблюдаются среди представителей всех социально-демографических групп, но в первую очередь среди тех, кто имеет низкий уровень благосостояния. Среди отметивших позитивные изменения выделяются, во-первых, молодые люди, только начинающие трудовую карьеру и оценивающие произошедшие изменения в контексте «низкой базы» имевшихся ранее доходов, а, во-вторых, средневозрастные горожане, обладающие сравнительно высоким ресурсным статусом (см. табл. П3).

В сложившихся условиях россияне стали чаще придерживаться стратегии потребительской экономии, вне зависимости от возрастных, гендерных и территориально-поселенческих характеристик. Относительно защищенными от необходимости отказываться от приобретения привычной потребительской номенклатуры оказались представители небольшой группы материально благополучных, но даже в ее составе об экономии в период кризиса заявили почти 40 % опрошенных (см. рис. 5).

Рис. 5. Экономия на приобретении товаров и услуг в период пандемии, по группам материальной обеспеченности (%)¹⁰

Часть россиян преодолевала риски снижения благополучия в кризисный период за счет использования кредитно-сберегательных ресурсов. По истечении

⁹ Вопрос: «Как изменилось ваше материальное положение за последний год по сравнению с началом 2020 г. — улучшилось, ухудшилось или не изменилось?»

¹⁰ Вопрос: «...Делали вы это или не делали за прошедший, 2020-й, год: экономили, отказывались от покупки того, что обычно приобретали ранее». На рисунке показана доля ответов «да, делали».

года, прожитого в условиях пандемии, сколь-либо значимые сбережения остались у 31 % опрошенных. При этом наблюдается негативная динамика сберегательной обеспеченности: о сокращении объема имевшейся ранее «подушки безопасности» свидетельствуют 21 % опрошенных, а об увеличении — лишь 6 %.

30 % опрошенных сообщили, что в течение года они обращались к кредитным ресурсам для решения временных финансовых проблем и поддержания приемлемого уровня жизни. По истечении 2020 г. о наличии кредитной нагрузки на бюджет домохозяйства заявили 46 % россиян.

Уровень благополучия и оценка перспектив

Оценивая динамику уровня и качества жизни в условиях пандемии, треть опрошенных заявили о произошедшем ухудшении, и лишь 9 % отметили позитивные изменения¹¹.

Общее ощущение жизненного благополучия и его изменений, безусловно, зависит от достигнутого уровня материальной обеспеченности: существенно чаще об ухудшении говорили те, кто оценивает собственный достаток как ниже среднего, при этом четверть представителей относительно высокодоходных слоев ощутили положительную динамику (см. табл. 1). Гендерные различия невелики и составляют лишь несколько процентных пунктов, однако мужчины несколько чаще находят возможности эффективной адаптации к внешним кризисным условиям (разница составляет 4 п. п.). Хотя позитивная динамика благополучия наиболее распространена в молодежных когортах, важно отметить, что представители укрупненной группы средневозрастных россиян (несмотря на то, что в этих возрастах реализуется сочетание уже накопленного базиса индивидуальных ресурсов и еще сохраняемого потенциала здоровья и трудовой активности) оказались крайне ограничены в возможностях не только улучшения, но и поддержания имевшегося субъективного благополучия. Также наблюдается больший по сравнению с населением малых городов и сельских населенных пунктов адаптационный потенциал жителей сравнительно крупных городских территорий, в которых имеются достаточно высокие инфраструктурные возможности и развиваются локальные трудовые рынки (см. табл. 1).

Оптимистический настрой на повышение материального благополучия на горизонте ближайшего года демонстрирует почти четверть опрошенных. При этом половина респондентов ожидает стабильности своего положения, а 18 % — его ухудшения. Чаще остальных опасения ухудшения собственной финансовой ситуации выражают те, чья материальная обеспеченность уже снизилась в течение кризисного года, и наоборот — наибольшая доля настроенных оптимистично наблюдается среди респондентов, для которых кризис не актуализировал существенных материальных рисков (см. табл. П4).

Большинство опрошенных, предполагающих позитивную динамику уровня жизни в ближайшие годы, связывают эти ожидания с индивидуальными усилиями на рынке труда (см. рис. 6).

¹¹ Вопрос: «За последний год по сравнению с началом 2020 г., ваша жизнь, в целом, улучшилась, ухудшилась или не изменилась?»

Таблица 1. Динамика удовлетворенности жизнью в целом в течение «года пандемии», по социально-демографическим группам (% по строке)

Социально-демографические группы	Динамика удовлетворенности жизнью (по самооценке)		
	Улучшилась	Не изменилась	Ухудшилась
<i>По возрастным группам</i>			
18—34 года	17,7	26,0	56,3
35—54 года	8,0	35,0	57,0
55 лет и старше	3,9	34,5	61,6
<i>По гендерным группам</i>			
Мужчины	11,1	32,3	56,6
Женщины	7,4	32,6	60,0
<i>По типу поселения</i>			
Города более 100 тыс. чел.	11,0	36,3	52,7
Города до 100 тыс. чел.	7,3	31,6	61,1
Сельские поселения	8,3	28,4	63,3
<i>По группам материальной обеспеченности (по самооценке)</i>			
Высокая / выше среднего	25,4	8,1	66,5
Средняя	11,0	18,2	70,8
Ниже среднего	6,3	44,2	49,5
Низкая	2,3	59,6	38,1
В целом	9,0	32,5	58,5

Рис. 6. Ресурсы предполагаемого повышения уровня жизни
(% от предполагающих позитивную динамику, допускалось несколько ответов)¹²

¹² Вопрос: «С чем вы связываете, что ваше материальное положение может улучшиться в 2021 г.: повышение оплаты труда на основной работе; смена работы на более высокооплачиваемую; нахождение дополнительной работы, приработков / найду работу; рост доходов кого-то из членов вашей семьи; помощь отдельно проживающих родственников, друзей; социальная поддержка государства».

Меры социальной поддержки, запрос на которые традиционно усиливается в периоды социально-экономической нестабильности, выступают инструментом нивелирования рисков снижения материального благополучия в кризисных условиях. Предпринятые государством специальные действия поддержки населения оказались массово отмечены россиянами (69% опрошенных отметили их наличие), при этом 25% респондентов сочли их скорее достаточными. Каждый десятый из предполагающих рост материального статуса в ближайшем будущем связал это с прямыми усилиями государства.

Заключение

В ситуации эпидемиологической напряженности начала 2020-х годов население России столкнулось с вынужденными изменениями ранее привычных жизненных практик. Их вектор во многом соответствует отмечаемому в большинстве других стран мира и связан с ограничениями социальной и экономической активности. Важно отметить масштабность и глубину вынужденных перемен: 62% россиян заявили об изменениях привычных жизненных практик в условиях пандемии, в том числе для 27% они оказались значительными. Наиболее остро воспринимались трудности, связанные с ограничениями доступности регулярно потребляемых услуг, а также проблемы, вызванные вынужденным переходом к дистанционным формам работы и/или получения образования. По сравнению с сельскими жителями горожане сильнее ощутили потери, связанные с ограничениями экономической и социальной активности.

Во всех социально-демографических группах россиян существенно интенсифицировалось использование интернет-технологий как в личных, так и в рабочих целях. Особенно заметно расширение интернет-взаимодействий теми группами населения, которые и ранее активно пользовались сетевыми технологиями, — жителями городов, молодежью, представителями привилегированных позиций на рынке труда и имеющими высшее образование. Можно сделать вывод, что на общем фоне повышения включенности «сетевой разрыв», определяющий дифференциацию между активными и пассивными в этом отношении группами россиян, еще несколько расширился.

Снижение потребительских возможностей в период пандемии, массово затронувшее российские домохозяйства, выступает важным фактором изменения образа жизни и воспроизводства практик потребительской экономии. Более трети россиян отметили ухудшение собственной материальной обеспеченности по сравнению с допандемийным периодом. Оценивая динамику уровня и качества жизни в условиях пандемии, треть опрошенных заявили о произошедшем ухудшении, и лишь 9% отметили позитивные изменения.

Обобщая, можно заключить, что ситуация пандемии подтвердила достаточно высокий адаптационный потенциал российского населения, однако условия «коронакризиса» актуализировали риски негативной динамики социального самочувствия массовых групп общества. Кроме того, несмотря на реализованные меры социальной поддержки уязвимых групп, кризис способствовал дальнейшему углублению социально-экономического неравенства.

Список литературы (References)

- Авраамова Е. М., Логинов Д. М. Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 24—34.
- Avraamova E. M., Loginov D. M. (2002) Socio-Economic Adaptation: Resources and Opportunities. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 24—34. (In Russ.)
- Авраамова Е. М., Малева Т. М. Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // *Вопросы экономики*. 2015. № 11. С. 86—99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-86-99>.
- Avraamova E. M., Maleva T. M. (2015) Social Recourses of the Population under Conditions of Losing Economic Stability. *Voprosy Ekonomiki*. No. 11. P. 86—99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-86-99>. (In Russ.)
- Адаптационные стратегии населения / под ред. Авраамовой Е. М. СПб.: ИСЭПН РАН, 2003. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2003_adaptacionnie_strategii_naseleniya.pdf (дата обращения: 20.03.2023).
- Avraamova E. M. (ed.) (2003) Adaptation Strategies of the Population. Saint Petersburg: Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2003_adaptacionnie_strategii_naseleniya.pdf (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)
- Бондаренко Н. Е. Российский рынок труда в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // *Инновации и инвестиции*. 2020. № 7. С. 63—69. URL: <http://innovazia.ru/upload/iblock/2c6/%E2%84%967%202020.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
- Bondarenko N. E. (2020) The Russian Labor Market during the Pandemic Coronavirus: Trends, Challenges and Government Regulation. *Innovations and Investments*. No. 7. P. 63—69. URL: <http://innovazia.ru/upload/iblock/2c6/%E2%84%967%202020.pdf> (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)
- Дискин И. Е., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // *Общественные науки и современность*. 1997. № 1. С. 24—33.
- Diskin I. E., Avraamova E. M. (1997) Adaptation of Population and Elites (Institutional Preconditions). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 24—33. (In Russ.)
- Гордон Л. А. Социальная адаптация в современных условиях // *Социологические исследования*. 1994. № 8—9. С. 3—15.
- Gordon L. A. (1994) Social Adaptation in the Modern Conditions. *Sociological Studies*. No. 8—9. P. 3—15. (In Russ.)
- Гордон Л. А. Область возможного: Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М.: ИМЭМО РАН, 1995.
- Gordon L. A. (1995) Scope of Possibilities: Options for the Socio-Political Development of Russia and the Ability of Russian Society to Endure the Hardships of Transition Time. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Донцов А. И., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 422—444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>.

Dontsov A. I., Zotova O. Yu., Tarasova L. V. (2021) Social Representations of the Coronavirus at the Beginning of the Pandemic in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 18. No. 2. P. 422—444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>. (In Russ.)

Ерицын К. Ю., Русакова М. М., Александрова А. А., Усачева Н. М. Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 250—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>.

Eritsyayn K. Y., Rusakova M. M., Aleksandrova A. A., Usacheva N. M. (2021) Surviving a Lockdown: Changes in Employment and Psychological Wellbeing of the Population in the Pandemic Era. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 250—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>. (In Russ.)

Заславская Т. И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 5—21. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=183&l=&j=1 (дата обращения: 20.03.2023).

Zaslavskaya T. I. (1995) The Social Mechanism for the Russian Society Transformation. *Sociological Journal*. No. 3. P. 5—21. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=183&l=&j=1 (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)

Зубаревич Н. В. Крупнейшие города России как «агенты» глобализации // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 97—101.

Zubarevich N. V. (2002) The Largest Cities of Russia as “Agents” of Globalization. *Russia and the Contemporary World*. No. 4. P. 97—101. (In Russ.)

Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5—19.

Zubarevich N. V. (2010) Cities as Centers of Modernization of Economy and Himan Capital. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 5—19. (In Russ.)

Капелюшников Р. И. Анатомия коронакризиса через призму рынка труда // Вопросы экономики. 2022. № 2. С. 33—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-33-68>.

Kapeliushnikov R. I. (2022) The Anatomy of the Corona Crisis through the Lens of the Labor Market Adjustment. *Voprosy Ekonomiki*. No. 2. P. 33—68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-33-68>. (In Russ.)

Каравай А. В. Изменения в стратегиях социально-экономической адаптации россиян в конце XX—начале XXI вв. // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 1. С. 144—159. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>.

Karavay A. V. (2020) Changes in the Russians’ Strategies of Socio-Economic Adaptation in the Late XX—Early XXI Centuries. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 144—159. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.1.144-159>. (In Russ.)

Каравай А. В. Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>.

Karavay A. V. (2021) The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 121—137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.)

Кертман Г., Боброва А., Глазков К., Осипова И., Рейнюк А. Повседневность пандемии: особенности жизнеустройства // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. С. 96—115.

Kertman G., Bobrova A., Glazkov K., Osipova I., Reinyuk A. (2021) Everyday Life of the Pandemic: Features of the Life Order. In: Oslon A. A. (ed.) *Sociology of the Pandemic. CoronaFOM Project*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (inFOM). P. 96—115. (In Russ.)

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Kozyreva_Resursi_i_praktiki_soc_econ_adaptatsii_ros_naseleniya.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2013) Resources and Practices of Socio-Economic Adaptation of the Russian Population. Moscow: New Chronograph. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Kozyreva_Resursi_i_praktiki_soc_econ_adaptatsii_ros_naseleniya.pdf (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66—78. <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2018) Life in the Uncertainty of a Crisis Society: Experience and Expectations. *Sociological Studies*. No. 6. P. 66—78. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>.

Красильникова М. Д., Пишняк А. И., Горина Е. А., Корчагина И. И. Перемены в уровне жизни российских семей в связи с пандемией COVID-19 // «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. С. 17—38. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/456528716.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

Krasilnikova M. D., Pishnyak A. I., Gorina E. A., Korchagina I. I. (2021) Changes in the Standard of Living of Russian Families in Connection with the COVID-19 Pandemic. In: *“Black Swan” in a White Mask. Hse Analytical Report on the Anniversary of the COVID-19 Pandemic*. Moscow: HSE Publishing House. P. 17—38. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/456528716.pdf> (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)

Латов Ю. В. «Духовная атмосфера» 2020 года: опыт анализа социально-эмоционального самочувствия россиян // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 139—150. <https://doi.org/10.31857/S013216250012511-5>.

Latov Yu.V. (2020) “Spiritual Atmosphere” 2020: Experience of Analysis of the Social-Emotional Self-Sense of Russians. *Sociological Studies*. No. 12. P. 139—150. <https://doi.org/10.31857/S013216250012511-5>. (In Russ.)

Латова Н. В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 37—49. <https://doi.org/10.31857/S013216250013734-0>.

Latova N.V. (2021) Situation in the Country and Its Prospects through the Prism of Public Opinion during the Pandemic. *Sociological Studies*. No. 4. P. 37—49. <https://doi.org/10.31857/S013216250013734-0>. (In Russ.)

Логинов Д. М. Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. 2020а. № 12. С. 41—61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>.

Loginov D. M. (2020a) How the Russian Population Went through the Crisis of the Second Half of the 2010s. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 41—61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>. (In Russ.)

Логинов Д. М. Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020b. № 6. С. 470—487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>.

Loginov D. M. (2020b) Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 470—487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>. (In Russ.)

Ляшок В. Ю. Российский рынок труда: время адаптации // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 61—63. URL: http://edrussia.ru/images/pdf/2021/01/red_0121_Lyashok.pdf (дата обращения: 20.03.2023)

Lyashok V. Yu. (2021) Russian Labor Market: Adaptation Time. *Russian Economic Development*. Vol. 28. No. 1. P. 61—63. URL: http://edrussia.ru/images/pdf/2021/01/red_0121_Lyashok.pdf (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)

Преснякова Л., Гашенина Н. Экономика и пандемия // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. С. 116—151.

Presnyakova L., Gashenina N. (2021) Economy and Pandemic In: Oslon A. A. (ed.) *Sociology of the Pandemic*. CoronaFOM Project. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (inFOM). P. 116—151. (In Russ.)

Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100—105.

Reznik T. E., Reznik Yu. M. (1995) Life Strategies of Personality. *Sociological Studies*. No. 12. P. 100—105. (In Russ.)

Репринцева Е. В., Скрипкина Е. В., Еськова Н. А. Особенности финансового поведения населения России в период пандемии // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 5—3. С. 421—427. <https://doi.org/10.17513/vaael.2228>.

Reprintseva E. V., Skripkina E. V., Eskova N. A. (2022) Features of the Financial Behavior of the Russian Population during the Pandemic. *Journal of Altai Academy of Economics and Law*. No. 5—3. P. 421—427. <https://doi.org/10.17513/vaael.2228>. (In Russ.)

Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138—143. <https://doi.org/10.31857/S013216250009481-2>.

Reshetnikov A. V., Prisyazhnaya N. V., Pavlov S. V., Vyatkina N. Yu. (2020) Perception of the COVID-19 Pandemic by Moscow Residents. *Sociological Studies*. No. 7. P. 138—143. <https://doi.org/10.31857/S013216250009481-2>. (In Russ.)

Римашевская Н. М. О социальной цене реформ // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерцентр, 1995. С. 364—368.

Rimashevskaya N. M. (1995) On the Social Price of Reforms. In: *Where Is Russia Going? Alternatives to Social Development*. Moscow: Intercenter. P. 364—368. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 5—14.

Tikhonova N. E. (1997) Dynamics of Social Stratification in Post-soviet Society. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 5—14. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 43—53. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6393 (дата обращения: 20.03.2023).

Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2016) Russian People Resources in Crisis: Dynamics and Its Role in Adaptation to the New Conditions. *Sociological Studies*. No. 10. P. 43—53. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6393 (accessed: 20.03.2023). (In Russ.)

Alon T. M., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. (2020) The Impact of COVID-19 on Gender Equality. Working Paper No. 26947. Working Paper Series. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w26947>.

Conceição P. (ed.) (2022) Human Development Report 2021—22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World. UNDP (United Nations Development Programme). New York. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (дата обращения: 10.12.2023).

Davenport A., Robert J. R., Rasul I., Waters T. (2020) Spending and Saving during the COVID-19 Crisis: Evidence from Bank Account Data. *The Institute for Fiscal Studies*. URL: https://ifs.org.uk/sites/default/files/output_url_files/BN308-Spending-and-saving-during-the-COVID-19-crisis-evidence-from-bank-account-data_2.pdf (accessed: 10.12.2023).

Euart J., Ferreira N., Gordon J., Gupta A., Hilal A., White O. (2020) Financial Life during the COVID-19 Pandemic — An Update. *McKinsey&Company*. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-global-view-of-financial-life-during-covid-19> (accessed: 10.12.2023).

European Consumer Payment Report 2021 (2021) *INTRUM*. URL: <https://mb.cision.com/Main/8612/3463008/1503368.pdf> (accessed: 10.12.2023)

Hale T., Petherick A., Phillips T., Webster S. (2020) Variation in Government Responses to COVID-19. Blavatnik School of Government. Working Paper. URL: <https://en.unesco.org/inclusivepolicylab/sites/default/files/learning/document/2020/4/BSG-WP-2020-031-v3.0.pdf> (accessed: 10.12.2023).

Palma J., Araos C. (2021) Household Coping Strategies During the COVID-19 Pandemic in Chile. *Frontiers of Sociology*. Vol. 6. Art. 728095. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.728095>.

Piacentini J., Frazis H., Meyer P.B., Schultz M., Sveikauskas L. (2022) The Impact of COVID-19 on Labor Markets and Inequality. Office of Productivity and Technology. Economic Working Paper. WP-551. URL: <https://stats.bls.gov/osmr/research-papers/2022/ec220060.htm> (accessed: 10.12.2023).

Rho R., Fremstad H.J., Brown S. (2020) A Basic Demographic Profile of Workers in Frontline Industries. Center for Economic and Policy Research. URL: <https://cepr.net/wp-content/uploads/2020/04/2020-04-Frontline-Workers.pdf> (accessed: 10.12.2023).

Vyas L. (2022) «New Normal» at Work in a Post-covid World: Work–Life Balance and Labor Markets. *Policy and Society*. Vol. 41. No. 1. P. 155—167. <https://doi.org/10.1093/polsoc/puab011>.

Приложение

Таблица П1. Частота использования интернета в личных целях, по группам занятости (% по строке)

Вопрос: «Вы пользуетесь интернетом (в том числе на мобильном телефоне) помимо работы часто, иногда или никогда?»

Группы занятости	Частота использования интернета в личных целях		
	Часто	Иногда	Никогда
Наемные работники: Руководящий состав	92,7	6,3	1,0
Наемные работники: Специалисты высшего уровня квалификации	91,9	6,8	1,3
Наемные работники: Специалисты среднего уровня квалификации	86,3	10,8	2,9
Наемные работники: Рядовые работники в торговле, бытовом обслуживании	82,1	7,3	10,6
Наемные работники: Квалифицированные рабочие	76,1	17,6	6,3
Наемные работники: Рабочие без требований к квалификации	74,3	13,6	12,1
Владельцы/совладельцы бизнеса, ИП	90,7	7,5	1,9
Не работающие	56,7	15,8	27,5
В целом	72,2	12,7	15,1

Таблица П2. Динамика использования интернета в личных целях, по социально-демографическим группам (% по строке)

Вопрос: «По сравнению с периодом до пандемии, вы стали проводить в интернете больше, меньше или столько же времени (помимо работы)?»

Социально-демографические группы	Динамика количества времени, проводимого в интернете		
	Больше	Меньше	Столько же
<i>По возрастным группам</i>			
18—34 года	28,4	4,1	67,5
35—54 года	24,2	4,7	71,1
55 лет и старше	26,2	6,8	67,0
<i>По типу поселения</i>			
Города более 100 тыс. чел.	29,3	4,3	66,4
Города до 100 тыс. чел.	25,6	4,7	69,7
Сельские поселения	22,5	6,6	70,9
<i>По уровню образования</i>			
Высшее	29,2	4,2	66,6
Среднее / начальное профессиональное	24,2	5,3	70,5
Нет профессионального	21,6	8,0	70,4
В целом	26,3	5,1	68,6

**Таблица П3. Динамика материальной обеспеченности,
по социально-демографическим группам (% по строке)**

Вопрос: «Как изменилось ваше материальное положение за последний год, по сравнению с началом 2020 г. — улучшилось, ухудшилось или не изменилось?»

Социально-демографические группы	Динамика материальной обеспеченности, по самооценке		
	Улучшилась	Ухудшилась	Не изменилась
<i>По возрастным группам</i>			
18—34 года	16,8	32,6	50,6
35—54 года	10,6	42,0	47,4
55 лет и старше	6,4	35,6	58,0
<i>По группам материальной обеспеченности (по самооценке)</i>			
Высокая / выше среднего	32,8	11,9	55,3
Средняя	13,5	22,6	63,9
Ниже среднего	5,8	50,0	44,2
Низкая	3,0	63,7	33,3
В целом	10,6	37,2	52,2

Таблица П4. Ожидания относительно динамики материальной обеспеченности на горизонте ближайшего года, по группам изменения материального положения в течение предшествующего года (% по строке)

Вопрос: «Как вы считаете, в 2021 г. ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется без изменений?»

Изменение материального положения в течение предшествующего года	Ожидания относительно динамики материальной обеспеченности на горизонте ближайшего года			
	Улучшится	Ухудшится	Не изменится	Затруднились ответить
Улучшение	55,4	3,4	34,1	7,1
Ухудшение	16,5	37,3	37,9	8,3
Стабильность	23,3	7,0	61,3	8,4
В целом	24,2	18,0	49,5	8,3

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2438](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2438)

Е. А. Ходжаева

**ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ
ПРЕСТУПНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЗАВИСИМЫХ
ВИКТИМИЗАЦИОННЫХ ОПРОСОВ (RCVS 2018, 2021):
СЛУЧАЙ «УДАЛЕННЫХ» ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Правильная ссылка на статью:

Ходжаева Е. А. Оценка достоверности официальной статистики преступности посредством независимых виктимизационных опросов (RCVS 2018, 2021): случай «удаленных» имущественных преступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 93—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2438>.

For citation:

Khodzhaeva E. A. (2024) Estimating Validity of Official Crime Statistics via Victimization Surveys (RCVS 2018, 2021): Case of Online Property Crime. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 93–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2438>. (In Russ.)

Получено: 15.06.2023. Принято к публикации: 05.02.2024.

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ НЕЗАВИСИМЫХ ВИКТИМИЗАЦИОННЫХ ОПРОСОВ (RCVS 2018, 2021): СЛУЧАЙ «УДАЛЕННЫХ» ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ХОДЖАЕВА Екатерина Анисовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4614-1733>*

Аннотация. В статье проводится сравнение официальной статистики регистрируемой и расследованной имущественной преступности в сфере интернета и телекоммуникационных технологий с результатами виктимизационных опросов 2018 и 2021 гг. Оба источника данных демонстрируют, что в России в период пандемии COVID-19 возросло число имущественных преступлений, совершаемых удаленно через компьютерные или телефонные сети. После оценки результатов виктимизационного опроса выяснилось, что масштабы явления в официальных данных сильно занижены. Это объясняется как высокой латентностью явления (больше половины людей, рассказавших в опросах о материальном ущербе, не заявляли в полицию), так и искусственной латентностью, когда регистрируется менее пятой части заявлений. В результате исследования автор приходит к выводу, что в России официальные данные об имущественной преступности лишь частично отражают масштабы нового тренда на замещение «традиционных» краж и face-to-face мошенничества такими же типами хищений, но совершаемыми онлайн.

ESTIMATING VALIDITY OF OFFICIAL CRIME STATISTICS VIA VICTIMIZATION SURVEYS (RCVS 2018, 2021): CASE OF ONLINE PROPERTY CRIME

Ekaterina A. KHODZHAEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Institute for the Rule of Law

*E-MAIL: ekhodzhaeva@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4614-1733>*

¹ European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article compares official statistics on registered and investigated online property crime and the results of victimization surveys in 2018 and 2021. Both data sources show that in Russia during the COVID-19 pandemic, the number of property crimes committed remotely through computer or telephone networks has increased. Assessing the results of the victimization survey revealed that the scale of the phenomenon in official data is greatly underestimated. This is explained both by the high level of dark figure of crime (more than half of the people who reported material damage in surveys did not report it to the police) and by the grey figure of crime, when less than a fifth of statements are registered. The author comes to the conclusion that in Russia, official data on property crime only partially reflects the scale of the new trend towards replacing “traditional” thefts and face-to-face frauds with the same types of crime, but committed online.

Ключевые слова: киберпреступность, имущественные преступления, виктимизация, официальная статистика преступности, латентность преступности

Keywords: cybercrime, property crime, victimization, criminal statistics, crime latency

Благодарность. Автор выражает благодарность всем научным сотрудникам ИПП ЕУ СПб, благодаря которым стали возможными две волны виктимизационного опроса в России, и отдельно Дмитрию Серебренникову за помощь с расчетами и Денису Савельеву за первый опыт осмысления этих данных.

Acknowledgments. The author expresses her gratitude to all colleagues from the Institute for the Rule of Law at European University at St. Petersburg, whose efforts have allowed to carry out two waves of the RCVS, and especially to Dmitriy Serebrennikov who helped with data calculations and Denis Saveliev who assisted in the first steps of their interpretation.

Введение

Рост числа киберпреступлений (совершаемых через компьютеры и интернет) и случаев «удаленного» мошенничества (online/wire fraud), механизм которых включает различные формы введения в заблуждение жертвы через телефон или сеть, — общемировой тренд в последние десятилетия¹. При этом среди криминологов нет общего подхода к типологизации таких преступлений, осуществленных онлайн или по телефону [Wall, 2001; Furnell, 2002; Reep-van den Bergh, Junger, 2018]. Общим местом является разделение их на три больших класса явлений [Wall, 2007]:

- 1) преступления, интегрированные с компьютерными технологиями (computer-integrity crimes: взломы данных и систем, отказ в обслуживании);
- 2) традиционные преступления, совершенные при помощи технологий (computer-assisted crimes: виртуальные кражи, мошенничество и даже ограбления);
- 3) преступления, связанные с распространением контента через компьютерные системы (computer-content crimes: в частности, распространение порнографии, насильственной и травмирующей коммуникации).

Первая группа может быть названа киберпреступностью в узком смысле слова и включает те преступления, которые «эндемичны» интернету и компьютерным технологиям. Вторая и третья группы — это «то же старое вино, но в новой бутылке» [Wall, 1999; Grabosky, 2001], — включают те виды преступного поведения, которые обычны для «офлайн»-жизни, но сегодня используют компьютерные или телефонные сети. В литературе эти две группы называются соответственно киберактивной (cyber-enabled) и киберзависимой (cyber-dependent) преступностью [Weulen Kranenbarg, 2021].

Самое первое исследование, проведенное в первые месяцы пандемии COVID-19, не зафиксировало роста преступности в связи с локдауном и погружением людей в работу, развлечения и потребление через интернет [Hawdon, Parti,

¹ См. доклад об «удаленном» мошенничестве в США [Irvin-Erickson, Ricks, 2019] и обзор европейских виктимизационных опросов [Reep-van den Bergh, Junger, 2018].

Dearden, 2020]. Однако последующие наблюдения зафиксировали рост числа случаев «удаленного» мошенничества и киберпреступлений: на данных виктимизационных опросов [Baier, 2020; Kennedy, Rorie, Benson, 2021]; на полицейской статистике [Buil-Gil et al., 2021; Hardyns et al., 2022; Johnson, Nikolovska, 2022]; на данных глобальных компаний, обеспечивающих кибербезопасность [Khweiled, Jazzar, Eleyan, 2021]. В литературе также описаны особые формы мошенничества, связанные именно с ситуацией пандемии [Kennedy, Rorie, Benson, 2021].

Российский случай не стал исключением. На официальных статистических данных по динамике преступности в сфере информационных технологий отечественные криминологи уже частично описали этот тренд, преимущественно на данных по 2020 г. [Хоменко, 2021: 144—145; Дворянкин, 2022: 19—20]. Опросные данные также фиксируют рост онлайн-преступности в пандемию: сравнение двух волн виктимизационного опроса россиян, проведенных Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге в 2018 и 2021 гг. (далее RCVS-2018 и RCVS-2021), показывает, что произошел рост «удаленных»² имущественных преступлений (то есть совершенных через интернет или телефон) [Кнорре, Титаев, 2018; Серебренников, Титаев, 2022]. Исследование, как мы покажем ниже, фиксирует важный факт: распространенность совершенных онлайн или по телефону случаев мошенничества и краж приводит к тому, что россияне становятся все более чувствительными к этой категории противоправных действий: выросла в три раза доля тех, кто ощущает себя жертвой таких преступлений, не понеся никакого имущественного ущерба.

Задача данного исследования — оценить степень достоверности официальной статистики регистрации имущественных онлайн-преступлений через сопоставление ее с данными виктимизационных опросов³. Это соотносится с общемировой практикой оценки работы полиции через опросы граждан о виктимном опыте. Поскольку имущественная преступность имеет высокую латентность, сравнение результатов виктимизационных опросов с уровнем официально регистрируемой и расследуемой преступности позволяет оценить масштабы этого явления. Детальный анализ ответов граждан, ставших жертвами преступления, об их пост-виктимном поведении (обращении в полицию, результатах этого обращения) делает возможной оценку уровня так называемых естественной и искусственной латентности⁴. Первая означает долю людей, по тем или иным причинам не обратившихся в полицию, а вторая — практику отказов в регистрации преступления. Причины последнего имеют институциональную природу: например, сокрытие преступлений, имеющих высокий риск оказаться нерасследованными и тем самым портящими статистику раскрываемости, или, например, увеличивающих нагрузку на полицейских в силу сложности расследования.

² Авторы исследования используют это обобщенное название данной группы преступлений. В англоязычной литературе для такого вида преступности встречается общий термин *online property crime* [Cherni et al., 2016]. Мы в рамках статьи воспринимаем эти два названия — «удаленные» преступления и онлайн-преступления — как синонимичные.

³ Данная статья развивает подробнее расчеты, уже опубликованные ранее в кратком формате [Ходжаева, 2023].

⁴ Термины существуют в российской криминологии [Гилинский, 2002: 47; Горяинов, Исиченко, Кондралюк, 1994; Латентная преступность..., 2007]. В зарубежной литературе эти явления называются *dark* или *grey figure of crime* (темные или серые показатели преступности) [Penney, 2013].

Статья основывается на открытых данных официальной статистики Генеральной прокуратуры РФ и результатах двух волн виктимизационного опроса. С 2018 г. Генеральная прокуратура публикует⁵ отдельную форму учета «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации»⁶. Здесь отдельно учитывается широкий набор типов преступлений, который так или иначе по отчетности проходит как совершенный при помощи интернета или телефонных систем. В приложении 1 приведены все массово практикуемые (более 50 преступлений в 2021 г.) составы Уголовного кодекса РФ, учитываемые в этих формах учета (см. табл. 3). Мы видим, что они включают как специфические киберпреступления (по главе 28 УК РФ), но также и наркотические составы, и экстремистские, и «беловоротничковые» преступления против собственности, и даже преступления против половой неприкосновенности. В статье мы будем рассматривать те составы Уголовного кодекса, которые можно охарактеризовать как преступления против собственности, совершаемые чаще всего в отношении обычных граждан, а не юридических лиц, а именно кражи (ст. 158 УК РФ) и неквалифицированное мошенничество (ст. 159 УК РФ). Для расчетов места зарегистрированной и расследованной преступности в общем потоке дел по определенной категории были использованы данные из того же источника, но из форм⁷, содержащих сведения о числе зарегистрированных и расследованных дел в целом.

Вторым источником данных для нас служат результаты двух волн виктимизационных опросов, проведенных весной и в начале лета в 2018 и 2021 гг. методом телефонных интервью (CATI — computer assisted telephone interviews). Респондентам задавался скрининговый вопрос о том, становились ли они жертвой противоправных действий или покушений на них за последние пять лет, и тех, кто ответил «да», подробно расспрашивали об обстоятельствах инцидента и о поствиктимном опыте (подробнее о деталях опроса см. приложение 2)⁸. В первую волну было опрошено более 16 818 человек, из них жертвами преступлений за последний год себя назвали 1288 респондентов, что в оценке на тысячу жителей страны составляет 76,6 человек⁹. Во вторую волну опроса жертвами преступных действий в отношении себя за последний год назвали 1571 из 14 431 опрошенного, или 108,9 человек из тысячи¹⁰, то есть больше чем каждый десятый россиянин [Серебренников, Титаев, 2022: 8].

В первой части статьи мы опишем официальную статистику имущественной онлайн-преступности, во второй сравним данные виктимизационных опросов и официальной статистики об «удаленных» имущественных преступлениях. В за-

⁵ Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022).

⁶ Для 2018—2020 гг. — форма 4-ЕГС, раздел 11, для 2021 г. — форма 4-ЕГС, раздел 9.

⁷ Для 2018—2020 гг. — форма 4-ЕГС, раздел 2, для 2021 г. — форма 4-ЕГС, раздел 2 и форма 4-ЕГС, раздел 3.

⁸ Подробно метод опроса изложен в коллективной статье авторов проекта [Веркеев и др., 2019].

⁹ Здесь и все другие расчеты на 1000 человек произведены для 1000 совершеннолетних жителей России за последние 12 месяцев до опроса или до сбора официальной статистики.

¹⁰ В статье не будут сделаны самостоятельные расчеты по виктимизационному опросу. Мы везде ссылаемся на расчеты авторов исследования и используем только те данные, которые выявляют статистически значимые различия.

ключительной части представим дискуссию об оценке официальных данных о преступности через виктимизационные опросы в целом и применительно к преступлениям, совершенным онлайн или через телефонные сети.

Официальная статистика имущественной онлайн-преступности

За последние четыре года в России произошел трехкратный рост регистрации преступлений, учитываемых как совершенные в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту — в сфере ИКТ). Если в 2018 г. по официальным данным таких преступлений было 1,5 на тысячу человек, или менее 9 % в общем потоке регистрируемой преступности, то в 2021 г. по официальным данным — 4,5 преступления на тысячу россиян, или 25 % от всех преступлений (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика преступлений, учитываемых как совершенные в сфере ИКТ¹¹

Официальная статистика агрегирует рассматриваемые категории преступлений по типу технологии. По имеющимся данным, чаще всего эти преступления совершались через интернет или мобильную телефонию (53—68 % и 35—43 % соответственно¹²). Во время пандемии увеличилось число зарегистрированных преступлений, совершаемых с использованием пластиковых карт: в 2018 г. пра-

¹¹ Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022); форма 4-ЕГС, разделы 2, 11, для 2018—2020 гг.; форма 4-ЕГС, разделы 2,3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

¹² Рост числа официально зарегистрированных преступлений, совершенных через интернет, с 2018 г. выглядит следующим образом: в 2018 г. было зарегистрировано 108 тыс. таких преступлений, в 2019—157 тыс., 2020 г.—300 тыс., а в 2021 г.—351,5 тыс. В процентном отношении к числу всех зарегистрированных преступлений в сфере ИКТ эти объемы регистрируемой преступности составляли 62 % в 2018 г., 53 % — в 2019 г., 59 % — в 2020 г. и 68 % — в 2021 г. Число зарегистрированных преступлений, совершенных посредством мобильной телефонии, также росло значительно: в 2018 г. было зарегистрировано 61,3 тыс. таких преступлений, в 2019 г.—116 тыс., в 2020 г.—219 тыс., и в 2021 г.—218 тыс. В процентном отношении к общему числу преступлений в сфере ИКТ они составляли в 2018 г. 35 %, в 2019 г.—39 %, в 2020 г.—43 % и в 2021 г.—42 %. Суммы процентов превышают 100 %, так как правоохранительные органы нередко в карточках учета фиксируют и телефон, и интернет как средство для совершения преступления. Например, контакт с мошенниками начинался по телефону, а платежи осуществлялись онлайн, а не через посредника или визит в банк.

воохранительные органы зарегистрировали 16,4 тыс. таких преступлений (9% от всех учитываемых по категории преступлений в сфере ИКТ), в 2019 г. это число удвоилось до 34,4 тыс., но в относительных показателях увеличилось незначительно — до 12%. В 2020 г. произошел рост регистрации преступлений, связанных с пластиковыми картами, до 190 тыс. в год (37%). В 2021 г. зафиксирован небольшой спад — до 165,7 тыс. (33%). Одновременно с увеличением числа зарегистрированных преступлений, связанных с пластиковыми картами, снизилась их раскрываемость: в 2018 и 2019 гг. правоохранительные органы добивались 40 и 41% раскрытия соответственно (что в целом высокий показатель для имущественной преступности в России), а в 2020—2021 гг. — 17—24%.

Далее мы будем рассматривать два вида имущественных преступлений — не квалифицированное мошенничество (ст. 159 УК РФ) и кражи (ст. 158 УК РФ), совершенные и использованием ИКТ (мы будем называть их обобщенно «удаленными» имущественными преступлениями). Эти два состава среди всех регистрируемых по данной категории преступлений стабильно составляют порядка трех четвертей, а среди расследованных — от двух пятых до половины всей расследуемой киберпреступности (см. табл. 1).

Таблица 1. Доли случаев «удаленного» мошенничества и краж среди зарегистрированных и расследованных преступлений в сфере ИКТ, %

Год	Доля случаев «удаленного» мошенничества и краж среди зарегистрированных преступлений в сфере ИКТ (в %)	Доля случаев «удаленного» мошенничества и краж среди расследованных преступлений в сфере ИКТ (в %)
2018	70,6	45,1
2019	74,3	47,2
2020	75,2	41,5
2021	76,4	52,8

Источник: открытая статистика Генеральной прокуратуры, Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, разделы 2, 11, для 2018—2020 гг.; форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

Неквалифицированное мошенничество было в 2018 г. и остается самым популярным регистрируемым в официальной статистике «удаленным» имущественным преступлением: в 2018 г. таковых было 90,7 тыс., что составляло почти половину всех случаев мошенничества в тот год. Именно в период пандемии (2020 и 2021 гг.) наблюдался ежегодный рост регистрации случаев «удаленного» неквалифицированного мошенничества до 210,5 и 239,6 тыс. соответственно, что составило три четверти всех преступлений, зарегистрированных по этому составу уголовного закона (см. рис. 2). Причем шансы на раскрытие дела в случае «удаленного» неквалифицированного мошенничества невысоки — 6—10%¹³. Этого

¹³ В наблюдаемый период одновременно с увеличением числа зарегистрированных случаев «удаленного» мошенничества снижалась их раскрываемость: в 2018 г. были раскрыты 9,3 тыс. случаев «удаленного» мошенничества из 90,7 тыс. (10,1%), в 2019 г. — 9,8 тыс. из 120 тыс. (8%), в 2020 г. — 13,2 тыс. из 210,5 тыс. (6,3%). Ситуация с раскрываемостью несколько выправилась в 2021 г., когда были раскрыты 20,8 тыс. случаев «удаленного» мошенничества из 238,5 тыс. зарегистрированных (8,7%).

нельзя сказать о мошенничестве, совершенном без использования ИКТ (скорее всего, потерпевший видел или даже знает злоумышленника): среди таких преступлений доля раскрытых значительно выше — 36 % в 2018—2019 гг., 41—42 % — в 2020—2021 гг. (см. рис. 3).

Рис. 2. Динамика регистрации случаев «удаленного» невалифицированного мошенничества и «удаленных» краж (ст. 159 и ст. 158 УК РФ)¹⁴

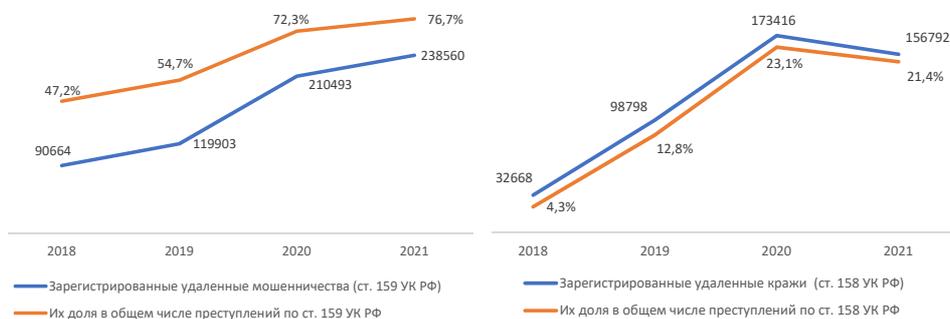
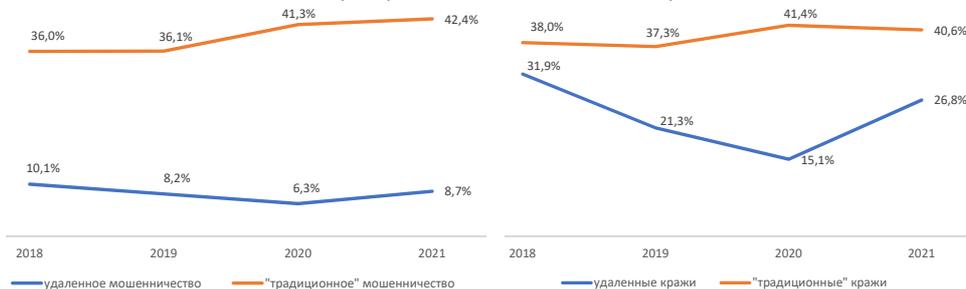

Рис. 3. Раскрываемость «удаленных» и «традиционных» случаев невалифицированного мошенничества, краж¹⁵

Кражи — второй по масштабности вид «удаленных» имущественных преступлений, регистрируемых правоохранительными органами в России: в 2021 г. Таких преступлений совершено 156,8 тыс., и это больше пятой доли всех регистрируемых краж в стране. Важно также отметить, что почти все регистрируемые «удаленные» кражи (155,4 тыс.) — это хищение электронных денежных средств (п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК), в основном с пластиковых карт. В 2018 г. Ситуация с регистрацией этих преступлений была кардинально иной — тогда было зарегистрировано всего 32,7 тыс. краж, что составляло 4 % от всех тайных хищений, регистрируемых по ст. 158 УК РФ. Таким образом, с 2018 по 2019 г. Регистрация «удаленных» краж выросла почти в три раза, а до 2021 г. — более чем в пять раз (см. рис. 2).

¹⁴ Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС разделы 2, 11, для 2018—2020 гг., форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

¹⁵ Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, разделы 2, 11, для 2018—2020 гг.; форма 4-ЕГС, разделы 2, 3, 9 для 2021 г. Расчеты процентов выполнены автором.

Раскрываемость «удаленных» краж и случаев мошенничества в официальных данных различается. Поскольку большинство «удаленных» краж — это хищение электронных денег с пластиковых карт или с банковских счетов, добиться раскрытия преступления правоохранительным органам удается в два-три раза чаще, чем когда речь идет об «удаленном» мошенничестве. С ростом числа зарегистрированных «удаленных» краж резко снизилась их раскрываемость — с трети в 2018 г. до 15 % в 2020 г., когда таких краж было зарегистрировано больше всего. Если кража или мошенничество совершены удаленным способом и дело зарегистрировано в полиции, то шансы на раскрытие дела в пять раз меньше по сравнению в «традиционным» face-to-face мошенничеством, и в два раза меньше по сравнению с «традиционными» кражами (см. рис. 3).

Таким образом, доступная в России криминальная статистика фиксирует ежегодный рост «удаленных» преступлений: к 2021 г. пятая часть всех преступлений, регистрируемых в России, вошла в категорию совершенных в сфере ИКТ. При этом подавляющее большинство (три четверти) от регистрируемой киберпреступности — это кражи и неквалифицированное мошенничество. Особенно сильно выросло число зарегистрированных «удаленных» краж и случаев мошенничества в 2020 г., на фоне эпидемии COVID-19.

Более открытая к «удаленным» имущественным преступлениям политика регистрации снижает правоприменителям ключевой показатель эффективности их работы — раскрытие уголовных дел. Раскрываемость «удаленного» мошенничества все годы была невысокой (10 % и ниже), а раскрываемость «удаленных краж» в 2020 г. стала существенно ниже, чем была в 2018 г., когда таких преступлений регистрировалось в пять раз меньше. На фоне того, что «традиционные» кражи и face-to-face мошенничества раскрываются значительно чаще, чем совершенные онлайн или посредством телефонной связи, полиция, повышая из года в год долю регистрации именно последних, увеличивает и риск снижения итоговых показателей раскрываемости. Это стоит воспринимать как сдерживающий регистрацию «удаленных» преступлений фактор, который может повышать искусственную латентность (grey figure of crime). Далее проследим на данных виктимизационного опроса, отражает ли официальная статистика масштаб «удаленных» имущественных преступлений.

Сравнение результатов опроса с официальной статистикой: латентность объясняет различия лишь частично

В оценке на тысячу россиян в 2018 г. жертвами «удаленных» имущественных преступлений себя назвали 27,6 человека из тысячи, а в 2021 г. — уже 63,4 [Серебренников, Титаев, 2022: 10]. При этом выросла доля тех, кто ощущал опыт виктимности от «удаленных» преступлений, даже не имея материального вреда: в 2018 г. жертвами таких покушений на преступления себя считали 22 человека из тысячи, а в 2021 г. — почти в два раза больше, 39,7 человека на тысячу россиян [там же: 10]. Одновременно почти в три раза вырос и показатель виктимности от законченных «удаленных» имущественных преступлений (когда жертве был причинен реальный имущественный вред) — с 13,1 человека на тысячу до 31,3 [там же: 10]. Расчеты данных виктимизационного опроса показывают переформатирова-

ние преступности в пандемийный период. Если в 2018 г. жертвы «удаленных» преступлений в более чем половине случаев (52 %) теряли наличные деньги, а деньги с карты или со счета утрачивал только каждый пятый (20,5 %), то в 2021 г. ситуация изменилась: ущерб от таких преступлений стал чаще наноситься в безналичных деньгах (40 % жертв) и реже в наличных (29,3 %) [там же: 19].

Данные виктимизационных опросов показывают, что в постковидной ситуации «удаленные» имущественные преступления стали основной причиной виктимизации населения страны: RSVC-2018 показал, что 27,5 % всех жертв преступлений пострадали от удаленных преступлений или покушений на них, тогда как в RSVC-2021 таковых было 63,4 % [Серебренников, Титаев, 2022: 10]. При этом половина тех, кто посчитал себя жертвами таких преступлений, утверждали в 2021 г., что не понесли материального ущерба.

К сожалению, в указанных опросах, в силу их методических особенностей, сложно различить случаи «удаленного» мошенничества и краж, поэтому далее мы будем сравнивать результаты опроса с официальной статистикой, объединяя эти два вида преступлений. Косвенно оценить сравнимость официальных и опросных данных позволяют данные о составе жертв — как в опросе, так и в официальных данных (доступны только по статистике краж электронных денег) жертвами чуть чаще оказываются женщины (55,4 % в опросе¹⁶ и 54 % в официальной статистике 2021 г.¹⁷).

При оценке вероятности стать жертвой «удаленного» имущественного преступления на основании официальной статистики и виктимизационного опроса мы видим, что она увеличивается в три раза в обеих метриках (см. табл. 2). Единственное и ключевое различие состоит в том, что официальные данные и независимые показатели виктимизации населения показывают различие в оценках на порядок. По опросным данным, жертвами, понесшими материальный вред от «удаленных» имущественных преступлений, в 2021 г. стали более чем 31 человек из тысячи, а показатели официальной регистрируемой преступности по таким же преступлениям дают оценку в 3,5 человека. Аналогична пропорция и для 2018 г. — 13 человек по субъективным данным о виктимизации против 1 человека из тысячи по данным официальным.

Таблица 2. Число «удаленных» имущественных преступлений (краж и случаев неквалифицированного мошенничества) с имущественным вредом по данным официальной статистики и RSVC (в расчете на 1000 человек)

	Официальная статистика*	Опрос**
2018	1,05	13,1
2021	3,4	31,3

* Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС раздел 11, для 2018 г.; форма 4-ЕГС, раздел 9 для 2021 г. Расчет виктимизации выполнен автором.

** Источник: RCVS-2018, RCVS-2021 [Серебренников, Титаев, 2022: 10].

¹⁶ Различия между данными RCVS2018 и RCVS2021 в процентах женщин среди потерпевших от «удаленных» имущественных преступлений статистически незначимы — 59,4 % в 2018 г. и 55,4 % в 2021 г. [Серебренников, Титаев, 2022: 20]. В связи с этим данный показатель не рассматривается в статье в динамике.

¹⁷ Согласно данным официальной статистики из 155379 краж электронных денег в отношении женщин были совершены 84476 (54 %). Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, раздел 3 для 2021 г. Авторский расчет доли потерпевших-женщин.

Наиболее очевидным объяснением такого десятикратного расхождения уровня виктимизации между опросными данными и официальной статистикой является высокая латентность «удаленных» имущественных преступлений.

Таблица 3. **Обращение в полицию, регистрация и расследование «удаленных» преступлений по данным опроса и официальной статистики**

	2018			2021		
	Опрос, %**	Опрос, на тыс. чел. ***	Статистика, на тыс. чел.*	Опрос, %**	Опрос, на тыс. чел.***	Статистика, на тыс. чел.*
«Удаленные» имущественные преступления	100	13,1	Нет данных	100%	31,3	Нет данных
Обращались в полицию	41	5,4	Нет данных	37%	11,6	Нет данных
Заведено дело	18	2,4	1,05	18,5%	5,6	3,4
Дело дошло до суда	3,1	0,4	0,17	2,2%	0,7	0,5

* Источник: Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Портал правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 19.07.2022): форма 4-ЕГС, раздел 11 для 2018 г.; форма 4-ЕГС, раздел 9 для 2021 г. Расчет виктимизации выполнен автором.

** Источник: RCVS-2018, RCVS-2021 [Серебренников, Титаев, 2022: 10, 24]. Авторы отмечают, что различия в динамике статистически незначимы. Это дает нам основание интерпретировать данные так, как будто уровни естественной и искусственной латентности в относительных значениях постоянны по времени.

*** Расчет на 1000 человек выполнен автором при поддержке исследователей из команды RCVS.

Только двое из трех пострадавших от «удаленных» имущественных преступлений обратились в полицию и в 2018, и в 2021 г. Таким образом, показатель естественной латентности этого вида преступлений составляет стабильно не менее 60%. Лишь каждый пятый опрошенный (или каждый второй из тех, кто обратился в полицию) рассказал и в 2018, и в 2021 г., что дело было заведено. То есть показатель искусственной латентности за наблюдаемый период также практически стабилен — половина из обратившихся в полицию не получает регистрации преступления.

Оценки на тысячу населения официальных показателей регистрируемых и раскрываемых «удаленных» имущественных преступлений в целом сходятся, с той лишь разницей, что опросы давали показатели чуть выше официальных данных. Это можно объяснить особенностями достижимости респондентов: чуть чаще могли вспомнить и хотеть рассказать об онлайн-преступлении те, кто довел дело до суда. Кроме того, в случае кражи респонденты могли не различать заведенного административного дела по мелкому хищению от уголовного дела по краже, а официальная статистика фиксирует только уголовные дела. Но в целом различия в регистрируемой и расследуемой преступности не такие существенные, и опросы в целом подтверждают тот объем «удаленных» имущественных преступлений, с которыми *де юре* сталкиваются правоохранительные органы. Они же позволяют оценить уровень естественной (60% всех жертв) и искусственной латентности (половина жертв из числа обратившихся в полицию).

Результаты и дискуссия

Исследования виктимного опыта на основе официальной статистики характерны для российской криминологии [Виктимологическая характеристика..., 2009; Лунев, 2005; Иншаков, 2012]. Этот же источник используется в последние годы и для изучения киберпреступности [Хоменко, 2021; Дворянкин, 2022]. При этом с начала 2000-х годов для оценки реального объема виктимизации в России руководством МВД применялись и опросные методы, показавшиекратно большее значение латентной преступности: на 3 млн зарегистрированных преступлений в 2000 г. по некоторым данным приходилось 17—22 млн преступных посягательств, невыявленных или незарегистрированных МВД [Горяинов, Овчинский, Кондратюк, 2001: 10—11; Лунев, 2005: 282].

Большое значение виктимизационных опросов состоит в том, что мы можем измерить, какая часть латентной преступности [Skogan, 1975, 1977] имеет естественную природу (dark figure of crime), то есть возникает, когда люди не осознают, что против них совершаются преступные действия, или осознают, но не обращаются за помощью в полицию, а также каков объем искусственной латентности, которая возникает в том случае, когда полиция не регистрирует преступления по разным причинам. МВД практически не публикует данные конкретно о динамике виктимизации населения от онлайн-преступности¹⁸. В своей работе мы опирались на результаты независимых виктимизационных опросов, которые показали:

— практически троекратный рост (с 13,1 жертвы на тысячу в 2018 г. до 31,3 в 2021 г.) виктимизации от имущественных преступлений, совершенных через интернет или посредством телефона;

— повышение чувствительности граждан к таким преступным посягательствам: в 2018 г. жертвами покушений на «удаленные» имущественные преступления (без причинения ущерба) себя назвали 22 россиянина из тысячи, а в 2021 г. — почти в два раза больше — 39,8 человека из тысячи.

Схожие с RCVS-2021 данные были получены в другом российском исследовании, которое также опиралось на опросный метод: было опрошено 1500 интернет-пользователей с целью оценить количество жертв киберпреступлений [Жмуров, Коробеев, Протасевич, 2022; Жмуров, 2023]. Авторы назвали свой проект первым российским исследованием кибервиктимизации и выяснили в начале 2022 г., что среди всех опрошенных интернет-пользователей страны с онлайн-преступностью сталкивалось подавляющее большинство (88,9%) [Жмуров, Коробеев, Протасевич, 2022]. Оценка именно корыстных хищений, приведших к имущественному вреду, составила 33,5% [Жмуров, 2023], что практически совпадает с показателями RCVS-2021: авторы опроса в процентных долях фиксировали онлайн-преступность с ущербом в 32,8% [Серебренников, Титаев, 2022: 32]¹⁹.

Официальная статистика регистрируемой и расследованной имущественной преступности также показывает существенный рост: по «удаленному» мошен-

¹⁸ См. подборку публикаций на официальном сайте МВД РФ по результатам различных опросов общественного мнения: Общественное мнение // МВД РФ. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/publicopinion> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁹ Авторы в обоих исследованиях не указывают размеры доверительных интервалов. Мы исходим из основания, что различия между 33,5% при выборке 1500 человек [Жмуров, Коробеев, Протасевич, 2022] и 32,8% при выборке 1571 человек [Серебренников, Титаев, 2022] статистически незначимы.

ничеству — с 90 тыс. в 2018 г. до 238,5 тыс. преступлений в 2021 г.; по кражам, совершенным через телекоммуникационные средства, — с 32,7 тыс. в 2018 г. до 156,8 тыс. в 2021 г. Однако проведенное выше сравнение с данными опросов выявило, что недоучет преступлений растет в большей степени: если в 2018 г. соотношение регистрируемых «удаленных» имущественных преступлений к общему объему виктимизации было 1,5 человека к 13,1 жертв на тысячу населения, то к 2021 г. оно выросло с 3,4 человека до 31,4 на тысячу. То есть трехкратный рост «удаленной» имущественной преступности, несмотря на тот же трехкратный рост числа зарегистрированных полицией случаев, увеличил, но не снизил уровень латентности таких преступлений.

Важным результатом проведенного в статье исследования стала оценка естественной и искусственной латентности имущественных онлайн-преступлений. Расчеты показали: в силу естественной латентности (то есть в результате необращения потерпевших в полицию) российские правоохранительные органы по данным на 2021 г. не видят 60 % всех онлайн-преступлений, когда жертве был нанесен имущественный вред. Более половины из тех, кто обратился в полицию, не получает регистрации дела, и это оценка искусственной латентности онлайн-преступности в России. В итоге правоохранительная статистика и в 2018, и в 2021 г. фиксировала гораздо меньший масштаб явления, чем он обнаруживается опросными методами. Какое значение это может иметь для страны?

Экономический подход к тем же опросным данным (RCVS-2021) через оценку снижения удовлетворенности жизнью в результате опыта виктимизации показал, что по сравнению с традиционными видами имущественных преступлений «удаленные» кражи и случаи мошенничества «стоят» российскому обществу меньше. Сравним:

- грабёж и разбой в стоимостной оценке получают 300 тыс. рублей;
- традиционная кража — от 200 до 205 тыс. рублей;
- мошенничество — 151 тыс. рублей;
- «удаленное» имущественное преступление с ущербом в — не более 61 тыс. рублей, а покушение на него — 31 тыс. рублей [Жижин и др., 2023: 108].

Эти же авторы оценили стоимость преступности, которую регистрируют правоохранительные органы, и оказалось, что общесуммарная стоимость от преступности выросла от преступлений в сфере IT (где, как мы показали выше, самые массовыми категориями и являются «удаленные» кражи и мошенничество) от 10,8 до 31,5 млрд рублей [там же: 110].

Россия не единственная страна в мире, которая испытывает одновременное снижение «традиционной» имущественной преступности на фоне увеличения преступлений через интернет, телефоны и другие сети. Часть криминологов утверждают, что происходит замещение одного вида преступлений — традиционных краж и мошенничества — теми, которые опосредуются телекоммуникационными сетями и гаджетами [Caneppele, Aebi, 2019; Tcherni et al., 2016; Button, Cross, 2017; Miró-Llinares, Moneva, 2019]. Другие считают, что для таких каузальных выводов нет оснований, и настаивают, что снижение преступности и рост числа «удаленных» преступлений — одновременные и мало связанные друг с другом тренды [Farrell, Birks, 2018]. Общим местом этих обсуждений является признание высокой латентности

«удаленных» имущественных преступлений, что мешает дать оценку действительному объему преступных действий [Kemp, Miró-Llinares, Moneva, 2020]. Уровень обращения в полицию по «удаленным» имущественным правонарушениям в других странах также ниже, чем в традиционных преступлениях. Например, исследование в Нидерландах показало, что жертвы кражи личных данных в интернете сообщают о 26,3 % случаев, в то время как жертвы онлайн-мошенничества сообщают о 24 %. Это меньше, чем все традиционные преступления, включенные для сравнения, за исключением вандализма [Kemp, 2020: 131]. Национальная статистика в Англии и Уэльсе показала две наиболее распространенные причины, почему граждане не сообщают в полицию о таких преступлениях: 1) они уже сообщили о мошенничестве или краже в банк (40 %), 2) они считают, что об инциденте будет сообщено другим органом без их участия (23 %) [ibid.: 131]. Рассматриваемые нами виктимизационные опросы подтверждают этот тренд: об «удаленных» имущественных преступлениях жертвы сообщают реже, чем о других преступлениях [Серебренников, Титаев, 2022: 24]. Между тем важно отметить, что предыдущие исследования [Semukhina, 2014: 317] фиксировали различия в обращении в полицию между жертвами «традиционных» краж (47,3 %) и face-to-face мошенничеств (5,9 %). К сожалению, в своей работе мы не можем проверить, сохраняются ли эти различия в реакции жертв имущественных онлайн-преступлений.

Замещение традиционных имущественных преступлений другими их видами и перетекание краж и иных видов хищений из квартир и карманов граждан в онлайн-среду ставят правоохранные органы всех стран перед новыми вызовами. Это вынуждает развивать новые способы оперативной работы и расширять штат подразделений, занятых в разведывательной активности в сети. Время детективов, ловящих карманников и грабителей, уходит в прошлое. На их смену приходят «бойцы компьютерного фронта» [Ziccardi, 2021; Kumar, 2021]. Именно поэтому важен учет трендов в преступном поведении и уровня виктимизации от преступлений новых типов, так как криминологические исследования показывают, что у каждого типа преступлений свой уровень латентности [Tarling, Morris, 2010; Penney, 2013]. Если государственные органы собирают адекватные этим трендам данные, они могут вовремя переориентировать правоохранные структуры на новые виды преступлений и способы их раскрытия. Тревожным сигналом для российских правоохранительных органов должно быть также то, что по описанным нами опросным данным почти на треть выросла доля россиян, посчитавших себя жертвами «удаленного» преступления без имущественного вреда. Значит, попытки «удаленного» мошенничества настолько широко распространены, что тревожат значительную часть общества, создают ощущение небезопасности.

Высокая искусственная латентность — когда потерпевший сообщает о преступлении, но не получает регистрации и расследования своего дела, — вызывает недоверие к полиции, что может снизить количество заявлений. Учитывая анонимность и транснациональность мошенничества в цифровую эпоху, потерпевшие могут считать полицию неспособной адекватно реагировать на этот вызов, даже если они и сообщают о случившемся в правоохранные органы. Однако рассматриваемые нами два опроса фиксируют постоянную долю тех, кто сообщает об «удаленном» имущественном преступлении в полицию (двое из пяти) и по-

том получает расследование дела — менее половины от обратившихся, или 18% от всех жертв «удаленной» имущественной преступности. Такой высокий уровень нерегистрации преступности смещает официальные данные.

Список литературы (References)

Веркеев А. М., Волков В. В., Дмитриева А. В., Кнорре А. В., Кудрявцев В. Е., Кузнецова Д. А., Кучаков Р. К., Титаев К. Д., Ходжаева Е. А. Как изучать жертв преступлений? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>.

Verkeev A. M., Volkov V. V., Dzmityrieva A. V., Knorre A. V., Kudryavtsev V. E., Kuznetsova D. A., Kuchakov R. K., Titaev K. D., Khodzhaeva E. A. (2019) How to Study Victims of a Crime? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—31. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.01>. (In Russ.)

Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под. ред. проф. А. Л. Репецкой. М.: Academia, 2009.

Repetskaya A. L. (ed.) (2009) *Victimological Characteristics of Regional Crime and its Prevention*. Moscow: Academia. (In Russ.)

Гилинский Я. И. Криминология. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002.

Gilinski Ya. I. (2002) *Criminology*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Горяинов К. К., Исиченко А. П., Кондралюк Л. В. Латентная преступность: опыт теоретического и прикладного исследования. М., 1994.

Goryainov K. K., Isichenko A. P., Kondrallyuk L. V. (1994) *Latent Crime: A Theoretical and Applied Research*. Moscow. (In Russ.)

Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. Доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. Научный доклад. М., 2001.

Goryainov K. K., Ovchinsky V. S., Kondratyuk L. V. (2001) *Improving the Relationship between Citizens and the Police. Access to Justice and a System for Detecting, Registering and Accounting of Crimes. An Analytical Report*. Moscow. (In Russ.)

Дворянкин О. А. Интернет-кражи — новые информационные технологии Интернета? // *Annali d'Italia*. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 15—22.

Dvoryankin O. A. (2022) Internet Theft — New Information Technologies of the Internet? *Annali d'Italia*. Vol. 28. No. 2. P. 15—22. (In Russ.)

Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // *Прикладная эконометрика*. 2023. Т. 69. С. 91—120.

Zhizhin L., Knorre A., Kuchakov R., Skougarevskiy D. (2023) Cost of Crime in Russia: A Compensating Variation Approach. *Applied Econometrics*. Vol. 69. P. 91—120. (In Russ.)

Жмуров Д. В., Коробеев А. И., Протасевич А. А. Кибервиктимология. Первое национальное исследование // *Российский следователь*. 2022. № 11. С. 49—59.

Zhmurov D. V., Korobeev A. I., Protasevich A. A. (2022) Cybervictimology. First National Survey. *Russian Investigator*. No. 11. P. 49—59. (In Russ.)

Жмуров Д. В. Цифровая кража: понятие, содержание, жертвы и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 35—43.
Zhmurov D. V. (2023) Digital Theft: Concept, Content, Victims and Their Classification. *Russian Journal of Criminology*. Vol. 17. No. 1. P. 35—43. (In Russ.)

Иншаков С. М. Исследование преступности: проблемы методики и методологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2012.
Inshakov S. M. (2012) Crime Research: Technical and Methodological Problems. Moscow: UNITY-DANA; Law. (In Russ.)

Кнорре А., Титаев К. Преступность и виктимизация в России. Результаты всероссийского виктимизационного опроса: аналитический обзор СПб.: ИПП ЕУСПб., 2018. https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

Knorre A., Titaev K. (2018) Crime and Victimization in Russia: The All-Russian Survey Results. St. Petersburg: Institute for the Rule of Law. https://enforce.spb.ru/images/analytical_review/irl_rcvs_memo_29.10.pdf (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Латентная преступность в РФ в 2001—2006 / под ред. С. М. Иншакова. М., 2007.
Inshakov S. M. (ed.) (2007) Latent Crime in the Russian Federation in 2001—2006. Moscow. (In Russ.)

Лунев В. В. (2005) Преступность XXI века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер.
Lunev V. V. (2005) Crime in the 21st Century: Global, Regional and Russian Trends. Moscow: Walters Kluwer. (In Russ.)

Серебренников Д., Титаев К. (2022) Динамика преступности и виктимизации в России 2018—2021 гг. Результаты второго виктимизационного опроса. СПб.: ИПП ЕУСПб. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

Serebrennikov D., Titaev K. (2021) Dynamics in Crime and Victimization in Russia in 2018—2021: The Second All-Russian Survey Results. St. Petersburg: Institute for the Rule of Law. URL: https://enforce.spb.ru/images/rcvs_2021_block_online.pdf (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Ходжаева Е. А. (2023) «Удаленные» имущественные преступления в России: уровень виктимизации населения и официальная статистика // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: материалы Всероссийской научной конференции XVII Ковалевские чтения (16—18 ноября 2023 года) / отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков; Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Сциентиа. С. 402—405. URL: https://soc.spbu.ru/images/nauka/kovalevskie/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2023.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

Khodzhaeva E. A. (2023) “Online” Property Crime in Russia: The Level of Victimization and Official Statistics. In: Russian Society Today: Values. Institutes, Processes: Ma-

terials of XVII All-Russian Conference Kovalev's Readings (16—18 November, 2023). Saint Petersburg: Scientia. P. 402—405. URL:

https://soc.spbu.ru/images/nauka/kovalevskie/%D0%A1%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2023.pdf (accessed: 18.02.2024). (In Russ.)

Хоменко А. Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т. 8. № 2. 143—148.

Khomenko A. N. (2021) On the Issue of Victimization of Victims of Cybercrime. *Victimology*. Vol. 8. No. 2. P. 143—148. (In Russ.)

Baier D. (2020) Kriminalität während des Corona-Lockdowns. Empirische Befunde auf Basis einer Dunkelfeldbefragung im Kanton Zürich. *Kriminologie*. Vol. 2. No. 3. P. 444—466. <https://doi.org/10.18716/ojs/krimoj/2020.3.4>.

Buil-Gil D., Miró-Llinares F., Moneva A., Kemp S., Díaz-Castaño N. (2021) Cybercrime and Shifts in Opportunities during COVID-19: a Preliminary Analysis in the UK. *European Societies*. Vol. 23. No. sup1. P. S47-S59. <https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1804973>.

Button M., Cross C. (2017) Technology and Fraud: The 'Fraudogenic' consequences of the Internet revolution. In: Maguire M., Holt T. (eds.) *The Routledge Handbook of Technology, Crime and Justice*. London: Routledge. P. 78—95.

Caneppele S., Aebi M. (2019) Crime Drop or Police Recording Flop? On the Relationship between the Decrease of Offline Crime and the Increase of Online and Hybrid Crimes. *Policing: A Journal of Policy and Practice*. Vol. 13. No. 1. P. 66—79. <https://doi.org/10.1093/police/pax055>.

Farrell G., Birks D. (2018) Did Cybercrime Cause the Crime Drop? *Crime Science*. Vol. 7. Art. 8. <https://doi.org/10.1186/s40163-018-0082-8>.

Furnell S. M. (2002) Categorising Cybercrime and Cybercriminals: The Problem and Potential Approaches. *Journal of Information Warfare*. Vol. 1. No. 2. P. 35—44.

Grabosky P. N. (2001) Virtual Criminality: Old Wine in New Bottles? *Social & Legal Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 243—249. <https://doi.org/10.1177/a017405>.

Hardyns W., Schokkenbroek J. M., Schapansky E., Keygnaert I., Ponnet K., Vandevive C. (2022) Patterns of Crime during the COVID-19 Pandemic in Belgium. In: *COVID-19, Society and Crime in Europe*. Cham: Springer. P. 239—258.

Hawdon J., Parti K., Dearden T. E. (2020) Cybercrime in America amid COVID-19: the Initial Results from a Natural Experiment. *American Journal of Criminal Justice*. Vol. 45. P. 546—562. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09534-4>.

Irvin-Erickson Y., Ricks A. (2019) Identity Theft and Fraud Victimization: What We Know about Identity Theft and Fraud Victims from Research- and Practice-Based Evidence. Center for Victim Research. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/identity-theft-and-fraud-victimization-what-we-know-about-0> (accessed: 18.02.2024).

Johnson S. D., Nikolovska M. (2022) The Effect of COVID-19 Restrictions on Routine Activities and Online Crime. *Journal of Quantitative Criminology*. <https://doi.org/10.1007/s10940-022-09564-7>.

Kemp S. (2020) Fraud against Individuals in the Internet Era: Trends, Victimization, Impact and Reporting. Doctoral Thesis. URL: <https://www.tdx.cat/handle/10803/671164#page=1> (accessed: 18.02.2024).

Kemp S., Miró-Llinares F., Moneva A. (2020) The Dark Figure and the Cyber Fraud Rise in Europe: Evidence from Spain. *European Journal on Criminal Policy and Research*. Vol. 26. No. 3. P. 293—312.

Kennedy J. P., Rorie M., Benson M. L. (2021) COVID-19 Frauds: An Exploratory Study of Victimization during a Global Crisis. *Criminology & Public Policy*. Vol. 20. No. 3. P. 493—543. <https://doi.org/10.1111/1745-9133.12554>.

Khweiled, R., Jazzar, M., Eleyan, D. (2021). Cybercrimes during COVID-19 Pandemic. *International Journal of Information Engineering & Electronic Business*, 13(2): 1—10, DOI:10.5815/ijieeb.2021.02.01.

Kumar M. (2021) Mobile Forensics — Tools, Techniques and Approach. In: Curran K., Ijeh A. C. (eds.) *Crime Science and Digital Forensics. A Holistic View*. Boca Raton, London, New York: CRC Press, Taylor & Francis. P. 102—116.

Miró-Llinares F., Moneva A. (2019) What about Cyberspace (And Cybercrime Alongside It)? A Reply to Farrell and Birks “Did Cybercrime Cause the Crime Drop?”. *Crime Science*. Vol. 8. Art. 12. <https://doi.org/10.1186/s40163-019-0107-y>.

Penney T. (2013) Dark Figure of Crime (Problems of Estimation). In: Albanese J. S. (ed.) *The Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118517383.wbeccj248>.

Reep-van den Bergh C. M., Junger M. (2018). Victims of Cybercrime in Europe: A Review of Victim Surveys. *Crime Science*. Vol. 7. Art. 5. <https://doi.org/10.1186/s40163-018-0079-3>.

Semukhina O. (2014) Unreported Crimes, Public Dissatisfaction of Police, and Observed Police Misconduct in the Volgograd Region, Russia: A Research Note. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. Vol. 38. No. 4. P. 305—325. <https://doi.org/10.1080/01924036.2013.872690>.

Skogan W. G. (1975) Measurement Problems in Official and Survey Crime Rates. *Journal of Criminal Justice*. Vol. 3. No. 1. P. 17—31.

Skogan W. G. (1977) Dimensions of the Dark Figure of Unreported Crime. *Crime & Delinquency*. Vol. 23. No. 1. P. 41—50.

Tarling R., Morris K. (2010) Reporting Crime to the Police. *The British Journal of Criminology*. Vol. 50. No. 3. P. 474—490.

Tcherni M., Davies A., Lopes G., Lizotte A. (2016) The Dark Figure of Online Property Crime: Is Cyberspace Hiding a Crime Wave? *Justice Quarterly*. Vol. 33. No. 5. P. 890—911.

Wall D. S. (2007) *Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age*. Cambridge: Polity.

Wall D. (1999) Cybercrimes: New Wine, No Bottles? In: Davies P., Francis P., Jupp V. (eds.) *Invisible Crimes*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27641-7_5.

Wall D. S. (2001) Cybercrimes and the Internet. In: Wall D. S. (ed.) *Crime and the Internet*. New York: Routledge. P. 1—17.

Weulen Kranenbarg M. (2021) Cyber-Dependent Crime versus Traditional Crime: Empirical Evidence for Clusters of Offenses and Related Motives. In: *Cybercrime in Context: The Human Factor in Victimization, Offending, and Policing*. Cham: Springer. P. 195—216.

Ziccardi G. (2021) Law Enforcement Agencies in Europe and the Use of Hacking Tools During Investigations. Some Legal Informatics, Civil Rights and Data Protection Issues. In: Curran K., Ijeh A. C. (eds.) *Crime Science and Digital Forensics. A Holistic View*. Boca Raton, London, New York: CRC Press, Taylor & Francis. P. 87—101.

Приложение 1

Составы УК РФ, включенные в учет Генеральной прокуратурой в структуру преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий (без учета составов с нулевой или единичной представленностью, >50 преступлений в 2021 г.)

- развратные действия ст. 135 УК РФ;
- нарушение неприкосновенности частной жизни ст. 137 УК РФ;
- нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений ст. 138 УК РФ;
- незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации ст. 138.1 УК РФ;
- нарушение авторских и смежных прав ст. 146 УК РФ;
- кража ст. 158 УК РФ;
- кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ) п. «Г» ч. 3 ст. 158 УК РФ;
- мошенничество ст. 159 УК РФ;
- мошенничество с использованием электронных средств платежа ст. 159.3 УК РФ;
- мошенничество в сфере компьютерной информации ст. 159.6 УК РФ;
- вымогательство ст. 163 УК РФ;
- незаконные организация и проведение азартных игр ст. 171.2 УК РФ;
- незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну ст. 183 УК РФ;
- неправомерный оборот средств платежей ст. 187 УК РФ;
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма ст. 205.2 УК РФ;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества ст. 228.1 УК РФ;
- незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта ст. 234 УК РФ;
- незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов ст. 242 УК РФ;
- изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних ст. 242.1 УК РФ;
- использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов ст. 242.2 УК РФ;
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ;
- возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства ст. 282 УК РФ;
- неправомерный доступ к компьютерной информации ст. 272 УК РФ;

- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ ст. 273 УК РФ;
- неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации ст. 274.1 УК РФ.

Приложение 2

Таблица. Детали RCVS 2018, 2021
(составлено по [Кнорре, Титаев, 2018: 6—8; Серебrenников, Титаев, 2022: 6—7])

Параметры сравнения	2018	2021
Число опрошенных	16 818	14 431
Из них: уазвали себя жертвами преступлений за последние 5 лет	3001	3002
Из них: назвали себя жертвами за последние 12 месяцев	1288	1571
Охват	75 регионов и более 3200 населённых пунктов. Опрос репрезентативен для коммуникативно активного совершеннолетнего населения России. Но не репрезентативен на региональном уровне	Все регионы страны, более 3500 населённых пунктов. Опрос репрезентативен для коммуникативно активного совершеннолетнего населения России. Но не репрезентативен на региональном уровне
Вопросы, которые задавались всем	Для первых 3500 человек из «не-жертв» и всем жертвам: социально-демографические характеристики, доход. Остальным только вопросы о поле, возрасте и населенном пункте	Социально-демографические характеристики, доход, населенный пункт и страхах перед преступностью
Вопросы, которые задавались только жертвам преступлений	Криминологические характеристики ситуации преступления, характеристики преступника, поствиктимное поведение жертвы	

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2486](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2486)

Н. А. Скобелина

СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ И ПОЛУЧАТЕЛЕЙ УСЛУГ В ФОРМЕ НАДОМНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Правильная ссылка на статью:

Скобелина Н. А. Система долговременного ухода в представлениях и оценках студентов и получателей услуг в форме домашнего обслуживания в Волгоградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 115—136. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2486>.

For citation:

Skobelina N. A. (2024) The System of Long-term care in the Representations and Assessments of Students and Recipients of Services in the Form of Social Services Home in the Volgograd region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 115–136. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2486>. (In Russ.)

Получено: 15.09.2023. Принято к публикации: 27.12.2023.

СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ И ПОЛУЧАТЕЛЕЙ УСЛУГ В ФОРМЕ НАДОМНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

СКОБЕЛИНА Наталья Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, Волгоград
E-MAIL: fet71fet@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2108-187X>

Аннотация. В статье рассматривается организация системы долговременного ухода (СДУ) в Волгоградской области, выявляется информированность студенческой молодежи и получателей услуг центров социального обслуживания населения о системе долговременного ухода, определяется мнение пожилых людей о качестве оказания услуг в регионе. Оценка информированности студентов и нуждающихся в обслуживании граждан о системе долговременного ухода основана на результатах двух анкетных опросов получателей социальных услуг центров социального обслуживания населения Волгоградской области, проведенных методом сплошного опроса с целью выявления мнений пожилых людей о качестве надомного обслуживания по технологиям «Персональный помощник» и «Помощник по уходу». Анкетный опрос студентов высших учебных заведений организован с использованием многоступенчатой выборки для определения мнений молодежи о внедрении СДУ в Волгоградской области, ее представлений о возможностях субъектов СДУ.

THE SYSTEM OF LONG-TERM CARE IN THE REPRESENTATIONS AND ASSESSMENTS OF STUDENTS AND RECIPIENTS OF SERVICES IN THE FORM OF SOCIAL SERVICES HOME IN THE VOLGOGRAD REGION

Natalia A. SKOBELINA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work
E-MAIL: fet71fet@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2108-187X>

¹ Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The study considers the organization of the long-term care system (LTC) in the Volgograd region and aims at estimating the awareness of students and services recipients about the long-term care system and measuring the opinion of older people about the quality of service provision in their region. The assessment of the general awareness about the long-term care system is based on the results of two population surveys. To determine the opinions of young people about the implementation of the LTC in the Volgograd region and their ideas about the capabilities of the LTC subjects, the author carried out a survey of university students based on a multi-stage sampling procedure. To identify the opinions of older people on the quality of home-based services using the “Personal Assistant” and “Care Assistant” technologies, the author used data coming from a continuous survey of citizens receiving services from social service centers in the Volgograd region.

According to the results of the study, students in the Volgograd region positively assess various aspects of the long-term

Согласно результатам исследования, студенты в Волгоградской области позитивно оценивают различные аспекты системы долговременного ухода, но при этом слабо информированы о реализации мероприятий, входящих в нее. Превалирующее большинство опрошенных пожилых людей удовлетворены качеством оказания услуг, их устраивают доступность и своевременность обслуживания. У всех без исключения респондентов соблюдается установленный договором перечень социальных услуг. По их мнению, социальное обслуживание на дому — наиболее приемлемая форма обслуживания для граждан, нуждающихся в долговременной помощи. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что в регионе необходимо актуализировать коммуникационные инструменты продвижения практик долговременного ухода.

Ключевые слова: система долговременного ухода, студенческая молодежь, получатели услуг, информированность, оценка, качество обслуживания, Волгоградская область

Благодарность. Автор выражает признательность комитету социальной защиты населения Волгоградской области за содействие в проведении социологического исследования, рассылку писем с информацией об анкетном опросе руководителям центров социального обслуживания населения Волгоградского региона, принимавшим непосредственное участие в мероприятиях по созданию системы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами.

care system but are poorly informed about the implementation of activities included in it. The overwhelming majority of the surveyed clients of the LTC system are satisfied with the quality, availability, and timeliness of the services provided. All respondents, without exception, comply with the list of social services established by the contract. In their opinion, home-based social services are the most acceptable form of service for citizens in need of long-term help. Based on the results of the study, the author concludes that it is necessary to update communication tools for promoting long-term care practices in the region.

Keywords: long-term care system, student youth, recipients of services, awareness, assessment, quality of service, Volgograd region

Acknowledgments. Acknowledgments. The author thanks the Social Protection Committee of the Volgograd region for assistance in conducting a sociological survey, and for sending letters with information about the questionnaire to the heads of social service centers, which were directly involved in the creation of a long-term care system for the elderly and disabled.

Введение

В последние десятилетия во всем мире внедряется система долговременного ухода, выстраивается механизм, который позволяет повысить качество жизни пожилых людей, инвалидов, всех категорий граждан, нуждающихся в долговременных услугах. В российском обществе внедрение системы долговременного ухода началось с 2018 г., с принятия национального проекта «Демография», и поэтому процесс требует особого внимания со стороны ученых и практиков, всех, кто занимается проблемами, связанными с системой социальных услуг в современном обществе. В силу своей актуальности тематика, посвященная проблемам развития сферы социального обслуживания населения, затрагивается многими учеными. В центре внимания у исследователей, как правило, находятся формирование и развитие системы социальных услуг в современной России [Синкевич, 2020]; экономические факторы, оказывающие влияние на систему социальных услуг [Дерен, Самофатова, 2023]; повышение компетентности специалистов сферы социального обслуживания и установление профессиональных стандартов для работников учреждений социального обслуживания [Полосина, 2021]; региональная специфика внедрения технологий долговременного ухода [Копалкина, Гуляева, 2022]. Поднимаются также и вопросы формирования навыков правильного ухода [Овчинникова, Алешкевич, 2023], организации системы социальных услуг, применения новых технологий в системе долговременного ухода [Забелина, 2020].

Несмотря на то, что система долговременного ухода сформировалась только в конце прошлого столетия, в современной науке уже имеется множество исследований по данной тематике. Отечественные и зарубежные ученые рассматривают систему долговременного ухода (СДУ) в качестве «сбалансированного социального обслуживания и медицинской помощи на дому, в полустационарной и стационарной форме» [Носырева, Кассихина, 2021: 179]; «спектра неформального ухода, личной, медицинской и социальной помощи, а также ухода в специализированных учреждениях, доступных жилищных условий» [Bisconti, Pitzer, 2013: 1503]. Система долговременного ухода — средство для возможности социальной адаптации, ресоциализации пожилых людей [Забелина, 2020], социального патронажа, родственного ухода, возможности ухода специально обученными специалистами [Буторина, Голубева, 2020; Олескина, 2022]. СДУ предоставляет средства и условия для более качественного ухода за пожилыми людьми и инвалидами, возможности для саморазвития граждан, ограниченных в самообслуживании [Покачалова, 2020; Cohen et al., 2023], меры для здорового старения населения, новые отношения, формы и способы деятельности поставщиков услуг [Кирилкина, 2022]. В последние годы благодаря внедрению мероприятий по СДУ произошли изменения в профессиональных ресурсах сферы социальной защиты населения, касающихся физической и психологической нагрузки, финансовых возможностей поставщиков услуг [Hackmann, Pohl, Ziebarth, 2023], оснащенности техническими средствами реабилитации, качества предоставления социальных услуг [Багмет, Самофатова, 2023; Забелина, 2022]. И у поставщиков, и у получателей услуг появились новые возможности в процессе долговременного ухода. Таким образом, СДУ — это организация системы межведомственного взаимодействия между сферами здравоохранения и социального обслуживания населения, в основе

которой лежат комплексная помощь, интегрированные усилия разнопрофильных специалистов, направленные на повышение качества долговременных услуг гражданам, имеющим ограничения в самообслуживании.

СДУ включает в себя четыре составляющие: институциональную, функциональную, инновационно-технологическую и информационную [Скобелина, 2023: 13—14]. *Институциональная составляющая* представлена формальными и неформальными нормами и правилами. Одни устанавливаются органами власти, другие исторически сложились в конкретном обществе (например, традиции долговременного ухода). Сюда относятся практики взаимодействия центров социального обслуживания и социальной защиты населения, медицинских учреждений, некоммерческих организаций, органов власти и других структур, которые занимаются реализацией мероприятий по внедрению СДУ в современной России.

Функциональная составляющая определяется организацией долговременного ухода в различных формах обслуживания и функционированием всей системы социальных услуг. В теории социальной работы выделяется четыре функциональных этапа: выявление граждан, нуждающихся в долговременном уходе; формирование групп потребителей социальных услуг в зависимости от их нуждаемости в постороннем уходе (типизация); определение места и метода оказания услуг (маршрутизация); оказание услуг в соответствии с индивидуальной программой ухода, составленной согласно требованиям стандартов и видам ухода [Долговременный уход..., 2019: 14—15].

Инновационно-технологическая составляющая включает в себя применение технологий оказания долговременных услуг. В системе долговременного ухода технологии незаменимы при конструировании доступного пространства и влияют на оказание услуг ограниченным в самообслуживании гражданам [Charman, 2023]. В СДУ применяется множество инновационных средств, методов, способов организации услуг: «тревожная кнопка», мобильная социальная служба, приемные семьи для пожилых людей [Агронина, Сапрыкина, 2020]; мониторинг основных жизненных показателей пациентов с привлечением помощников по уходу, модели межведомственного взаимодействия [Розанов и др., 2023]; ассистивные технологии, планирование и координация деятельности субъектов, специализированные муниципальные услуги [Rostad et al., 2023]; выявление нуждающихся в уходе граждан; внедрение стационарозамещающих технологий; методика пересмотра индивидуальных программ потребителей социальных услуг; совершенствование технологий предоставления услуг в полустационарной и стационарной форме социального обслуживания; технологии углубленного профилактического консультирования в кабинетах медицинской профилактики и другие новые для социальной сферы технологии, необходимые для внедрения СДУ и повышения качества жизни населения современного общества.

Деятельность субъектов СДУ проявляется в процессе применения технологий долговременного ухода. Например, технология выявления нуждающихся в долговременном уходе граждан используется с целью совершенствования механизмов определения нуждаемости получателей услуг. Она заключается в сборе статистических данных, получении и передаче информации о лицах, которым необходим долговременный уход. Технология диагностики индивидуаль-

ных дисфункций позволяет выстроить маршрутизацию мер долговременного ухода и определить степень нуждаемости граждан, составить индивидуальную программу с учетом функционального статуса получателя услуг. Технология обучения навыкам самообслуживания человека используется для поддержания благоприятного психологического состояния пожилых людей. Имеется в виду создание условий для активности и расширения возможностей людей с дефицитом самообслуживания. Инновациями являются и паллиативная помощь на дому, организация межпрофильных бригад, работа гериатрических кабинетов. В основе таких технологий, как стационар на дому, сопровождаемое проживание, социальные семьи, служба сиделок, лежит принцип стационарозамещения. Еще одна новая для российского общества технология — предоставление услуг вне стационара. На данный момент в Волгоградской области внедрены все из вышеназванных технологий.

Информационная составляющая СДУ представляет собой не только распространение информации об СДУ, но и координирующую деятельность органов власти, выполняющих контрольные функции, аккумулирующих информацию о выявленных гражданах, нуждающихся в долговременном уходе. Сотрудники государственных и негосударственных организаций проводят мероприятия по обучению и методическому сопровождению работников и лиц, осуществляющих уход, организуют деятельность call-центров и осуществляют другую организационную работу с целью оптимального взаимодействия всех элементов системы.

Информационная составляющая СДУ направлена на информирование населения, обеспечение коммуникации между субъектами долговременного ухода, интеграцию большого количества социальных групп российского общества [Карпова, 2020; Севостьянова, 2023]. В СДУ используются коммуникационные инструменты продвижения инновационных технологий долговременного ухода и мероприятий по созданию СДУ в регионе. К ним относятся партнерские практики, краудфандинг, социальные сети, конференции, информационные площадки [Буковская, 2021]. Информация необходима, чтобы спрогнозировать услуги долгосрочного ухода [Cardoso et al., 2012].

Информированность нуждающихся в обслуживании пожилых людей и инвалидов, граждан, осуществляющих неформальный уход на дому, имеет важное значение для институционализации социальных услуг в долговременном уходе. Эффективность и успешность реализации мероприятий по СДУ зависит от осведомленности населения, его отношения к изменениям, которые происходят в сфере социального обслуживания населения. Информированность населения — это фактор развития общества, так как неосведомленность приводит к некомпетентности граждан, ограничивает им возможность успешно адаптироваться в обществе, оценивать оказываемые услуги. В то же время знания об СДУ позволяют распространять информацию среди молодежи, формировать уважительное отношение к пожилым людям, активизировать потенциал возможностей молодых людей в решении проблем социального характера. Студенческая молодежь — большая социально-демографическая группа, наиболее информированная часть молодежи. От ее знаний, компетентности зависит будущее нашего общества. Поэтому в статье акцентируется внимание на осведомленности студенческой моло-

дежи и получателей услуг о долговременном уходе, на определении источников получения информации о внедрении системы долговременного ухода, на качестве оказания социальных услуг в Волгоградской области.

Оценка молодежью системы долговременного ухода имеет большое значение для российского общества. Осведомленность студентов о процессе реализации мероприятий по долговременному уходу позволяет определить популярность темы и эффективность системы информирования в регионе. С одной стороны, информирование имеет воспитательное значение, с другой стороны, способствует выявлению граждан, нуждающихся в социальной помощи. Кроме того, при переходе от заявительного к выявительному принципу работы большую роль играет распространение информации о практиках долговременного ухода, о сервисах СДУ, о качестве обслуживания пожилых людей и инвалидов.

Цель исследования заключается в оценке информированности студенческой молодежи и получателей услуг центров социального обслуживания населения Волгоградской области о реализации мероприятий в системе долговременного ухода. В ходе анализа был сделан акцент на мнении получателей услуг в форме домашнего обслуживания о качестве долговременного ухода. В статье представлены результаты одного из этапов исследования проблем внедрения СДУ за пожилыми людьми и инвалидами в Волгоградском регионе. Исследование проводилось при поддержке руководителей и специалистов государственных организаций, которые имеют многолетний опыт работы с получателями услуг в долговременном уходе. С 2018 г. центры социального обслуживания населения (ЦСОН) включены в СДУ и участвуют в разработке и применении технологий «Персональный помощник» и «Помощник по уходу».

Волгоградская область в 2018 г. вошла в число шести регионов, где начал внедряться проект по созданию СДУ в России. В начале 2019 г. вышло Постановление губернатора Волгоградской области о создании на территории региона СДУ. До 2019 г. уже были приняты и реализованы важные для долговременного ухода документы. С 2015 г. в регионе принят Порядок предоставления социальных услуг на дому. В этом документе предлагается описание социальных услуг, включая их объем, правила предоставления платных или бесплатных услуг, требования к деятельности поставщика социальных услуг, а также устанавливается применение в долговременном уходе технологии «Персональный помощник»¹. В 2018 г. комитет социальной защиты населения Волгоградской области были обозначил условия реализации технологий «Персональный помощник»² и «Стационар на дому»³.

В 2020 г. утвержден приказ о технологии службы сиделок для граждан, нуждающихся в постороннем уходе. В рамках этого приказа уход осуществляется со-

¹ Приказ от Комитета социальной защиты населения Волгоградской области от 19 февраля 2015 г. № 345 «Об утверждении порядка предоставления социальных услуг в форме социального обслуживания на дому». URL: <https://docs.cntd.ru/document/424068225> (дата обращения: 26.01.2024).

² Приказ от 28 мая 2018 г. № 816 «Об утверждении Положения о технологии „Персональный помощник“». URL: <https://docs.cntd.ru/document/550118938> (дата обращения: 26.01.2024).

³ Приказ от 28 мая 2018 г. № 816 «Об утверждении положения о технологии „Стационар на дому“». URL: <https://uszn.volgograd.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%B7%20%E2%84%96%20816%20%D0%BE%D1%82%2028%2005%202018.pdf> (дата обращения: 26.01.2024).

гласно индивидуальной программе ухода и по договору о предоставлении услуг службы сиделок. Формальным документом устанавливается состав услуг сиделки, который включает в себя следующие компоненты: «оказание помощи по ведению домашнего хозяйства», «организация досуга», «организация приема пищи», «оказание услуг, обеспечивающих гражданину, нуждающемуся в постороннем уходе, предоставление ухода»⁴. Приказом от 9 января 2020 г. утверждены правила организации школы ухода, мероприятий по консультированию и обучению лиц, осуществляющих уход.

Методы и методология

Оценка информированности и представлений студенческой молодежи и пожилых людей и инвалидов, признанных нуждающимися в социальном обслуживании на дому (получателей услуг), основана на результатах двух анкетных опросов, проведенных на базе НОЦ социальных технологий Волгоградского государственного университета⁵.

В анкетном опросе получателей социальных услуг центров социального обслуживания населения (октябрь — ноябрь 2022 г., Волгоградская область, n = 496), организованного с целью выявления их представлений и мнений о качестве домашнего обслуживания, принимали участие пожилые люди и инвалиды, получающие услуги на дому по технологиям «Персональный помощник» и «Помощник по уходу»⁶. Возраст респондентов от 40 лет и старше: 1,6% — 40—49 лет, 6,0% — 50—59 лет, 92,3% — 60 лет и старше. Опрос проведен на базе Государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Кировский ЦСОН» и Государственного казенного учреждения социального обслуживания «Советский ЦСОН». ГКУ СО «Советский ЦСОН» контролировал деятельность помощников по уходу (сиделок) и аккумулировал информацию о получателях услуг всех районов Волгоградской области. На момент исследования в системе долговременного ухода по стационарозамещающим технологиям «Помощник по уходу» и «Персональный помощник» были признаны нуждающимися 520 человек. Использовался метод сплошного опроса. Анкеты были переданы организаторам помощников по уходу и социальных работников и заполнялись самостоятельно получателями услуг. Из 520 было заполнено 496 анкет, 24 анкеты не заполнены по причине тяжелой болезни получателей услуг (см. табл. 1).

⁴ Приказ от 31 декабря 2020 г. № 2953 «О пилотном внедрении технологии службы сиделок для граждан, нуждающихся в постороннем уходе, из числа граждан пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в паллиативной помощи, одиноких и одиноко проживающих участников и инвалидов Великой Отечественной войны». URL: <http://442f.volganet.ru/upload/2953%20%D1%81%20%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%BD%D0%B0%2025.01.2022.pdf> (дата обращения: 26.01.2024).

⁵ Анкеты для получателей услуг и студенческой молодежи не идентичны, но имеют пересекающиеся вопросы об осведомленности о реализации СДУ в Волгоградской области, об источниках получения информации, об изменениях в сфере социального обслуживания и эффективности осуществления мероприятий по долговременному уходу.

⁶ По состоянию на 31 декабря 2022 г. в Волгоградской области были признаны нуждающимися в социальном обслуживании на дому по стационарозамещающим технологиям в рамках системы долговременного ухода 1050 человек (18,2% от общего количества поставленных на социальное обслуживание по поступившим сигналам о гражданах, нуждающихся в долговременном уходе, в региональный Координационный центр. См.: Отчет по основным (профилактическим) направлениям деятельности комитета социальной защиты населения Волгоградской области за 2022 год. Волгоград, 2023. С. 50. URL: <https://uszn.volgograd.ru/current-activity/reports/> (дата обращения: 26.01.2024).

Таблица 1. Половозрастная структура получателей услуг

			40—49 лет	50—59 лет	60 лет и старше	Всего
Пол	Мужской	Количество	2	8	96	106
		%	1,9%	7,5%	90,6%	100,0%
	Женский	Количество	6	22	362	390
		%	1,5%	5,6%	92,8%	100,0%
Всего		Количество	8	30	458	496
		%	1,6%	6,0%	92,3%	100,0%

В декабре 2022 г. и январе 2023 г. был организован анкетный опрос среди студенческой молодежи⁷ с целью определить, какой информацией о системе долговременного ухода владеют студенты, а также выявить их мнение о возможностях субъектов долговременного ухода. Были опрошены студенты вузов, так как они представляют большую и наиболее информированную группу молодежи, которая аккумулирует в себе черты различных слоев регионального сообщества. В опросе студенческой молодежи участвовало 63,3% женщин, 36,7% мужчин. Выборка — многоступенчатая: 1) выделено случайным образом из 23 вузов Волгоградской области 6 вузов; 2) в каждом вузе опрошено по 200 студентов (в равных долях от технических и гуманитарных специальностей). Выборка формировалась с использованием случайного выбора из студентов очной формы обучения в возрасте от 18 до 26 лет, включая бакалавров и магистров. Общий объем выборочной совокупности составил 1200 человек (см. табл. 2). 26,2% от числа опрошенных имеют родственников, за которыми необходим долгий уход.

Таблица 2. Половозрастная структура студенческой молодежи

			18—20 лет	21—23 года	24—26 лет	Всего
Пол	Женский	Количество	489	248	23	760
		%	64,3%	32,6%	3,1%	100,0%
	Мужской	Количество	271	127	42	440
		%	61,6%	28,9%	9,5%	100,0%
Всего		Количество	760	375	65	1200
		%	63,3%	31,3%	5,4%	100,0%

Статистическая обработка данных выполнена в программе SPSS STATISTICS 26.0.

В данном исследовании осуществлен случайный отбор респондентов, и результаты опроса показывают среднее значение по популяции. Проведен анализ переменных с помощью описательной статистики. В ходе анализа эмпирических данных о субъективной оценке информированности была достигнута поставленная цель исследования осведомленности студентов и получателей услуг об СДУ.

⁷ В выборку включены студенты гуманитарных и технических специальностей. Студенты направлений подготовки «Социальная работа» и «Лечебное дело» не опрашивались.

Информированность студентов и получателей услуг о СДУ

Согласно результатам эмпирических исследований, большинство опрошенных студентов не осведомлены о создании системы долговременного ухода в Волгоградском регионе. Только 29,8% респондентов были проинформированы о внедрении мероприятий по долговременному уходу в регионе и ответили «да» на вопрос «Знаете ли Вы, что с 2018 г. в Волгоградской области внедряется система долговременного ухода?». 31,7% что-то слышали, 32,8% ничего не знают об этом процессе, 5,7% затруднились ответить. Это свидетельствует о недостатке информации, касающейся реализации мероприятий в долговременном уходе. Приоритетные источники получения информации для студентов: интернет (32,3% от числа опрошенных студентов), телевидение (9%), разговоры с друзьями (6,9%), социальные работники (5,0%), наглядная агитация (5,0%) (см. табл. 3). Согласно результатам исследования, студенты получают информацию через новостные сайты, сайты общественных организаций, учреждений, фондов, органов власти, которые являются носителями информации о деятельности субъектов СДУ.

Респондентов, ответивших на открытый вопрос о причинах популярности и непопулярности темы долговременного ухода среди населения Волгоградской области, условно можно разделить на две группы⁸. Первая группа респондентов (74,3%) во главу угла ставит информационную составляющую, считая, что непопулярность связана с «малой осведомленностью населения», «с малой освещенностью проблемы», «плохим пиаром», «недостаточной информированностью граждан со стороны власти». Вторая группа студентов делает акцент на функциональной и инновационно-технологической составляющих. 21,4% респондентов отметили «нехватку средств и работников по уходу за людьми с ОВЗ», «брезгливость к работе по уходу», «медицинскую некомпетентность сиделок». У 4,3% респондентов не было ответа на вопрос.

Популярность данной темы молодежь связывает с возможностями, которые предоставляются в процессе долговременного ухода. По мнению опрошенных, популярность зависит от «наличия большого количества семей с пожилыми и инвалидами», «распространения информации через социальные сети», «больших возможностей для реабилитации», «активного применения национальных проектов „Старшее поколение“ и „Доступная среда“, «посещения на дому пожилых людей», «возрастания числа волонтеров», «возможности для самореализации и получения автономии для пожилых людей и инвалидов», «экономии денег для родственников».

В ходе исследования ставилась задача выявить осведомленность молодежи о проблемах пожилых людей, находящихся на надомном обслуживании, или потенциальных получателей услуг. С целью определения мнения студентов по поводу информирования пожилых людей, включения их в систему долговременного ухода был задан вопрос: «Как Вы думаете, пожилые люди и лица с инвалидностью в Вашем регионе владеют информацией о социальных услугах по долговременному уходу?» Большинство студентов (66,4% от числа опрошенных) считают, что пожилые люди осведомлены о социальных услугах по долговременному уходу, поскольку они заинтересованы в информации о возможностях, которые предоставляет СДУ.

⁸ Открытый вопрос «С чем связана популярность/непопулярность темы долговременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами среди населения Вашего региона?» был задан всем студентам, вошедшим в выборку.

Результаты опроса получателей услуг показали, что 60,5% опрошенных знают о внедрении в Волгоградской области СДУ, 24,2% что-то слышали, 6,9% ничего не знают об этом⁹. В ответ на вопрос, из каких источников получатели услуг узнают о деятельности организации социального обслуживания, были названы социальные работники (52,1%), разговоры с друзьями (23,6%), телевидение (6%), интернет (3,8%) (см. табл. 4).

Таблица 3. Распределение ответов получателей услуг и студенческой молодежи на вопрос о внедрении СДУ в Волгоградской области

Варианты ответов	Получатели услуг (n = 496)		Студенческая молодежь (n = 1200)		p
	частота	% по столбцу	частота	% по столбцу	
Знаете ли Вы, что с 2018 г. в Волгоградской области внедряется система долговременного ухода?					
Знаю	300	60,5	358	29,8	0,027
Что-то слышал	120	24,2	380	31,7	0,100
Ничего не знаю	34	6,9	394	32,8	0,028
Затрудняюсь ответить	42	7,4	68	5,7	0,200
Всего	496	100,0	1200	100,0	

Таблица 4. Распределение ответов получателей услуг и студенческой молодежи на вопрос об источниках получения информации о внедрении СДУ в Волгоградской области

Варианты ответов	Получатели услуг (n = 496)		Студенческая молодежь (n = 1200)		p
	частота	% по столбцу	частота	% по столбцу	
Из каких источников Вы узнаете о деятельности организаций социального обслуживания и центров социальной защиты населения Волгоградской области?					
Интернет	19	3,8	388	32,3	0,025
Телевидение	30	6	108	9,0	0,140
Разговоры с друзьями	118	23,6	83	6,9	0,033
Социальные работники	258	52,1	60	5,0	0,014
Радио	11	2,3	26	2,2	0,460
Наглядная агитация	5	1,1	60	5,0	0,081
Затрудняюсь ответить	55	11,1	475	39,6	0,027
Всего	496	100,0	1200	100,0	

Как видно из таблицы 4, получатели услуг узнали о деятельности организаций социального обслуживания главным образом от социальных работников и от друзей, а студенты — из интернета и телепрограмм. Большинство нуждающихся в уходе граждан получили необходимую информацию о долговременных услугах от специалистов ЦСОН и от знакомых. В свою очередь, такие каналы, как телевидение и радио, не являются источниками информации об СДУ для пожилых людей. Следовательно, необходимо выработать механизм информирования через сред-

⁹ Вопрос был задан с целью уточнить, осведомлены ли получатели услуг, что на дому им оказываются услуги в рамках СДУ.

ства массовой информации, транслировать населению опыт работы в сфере социального обслуживания, активно освещать практики долговременного ухода для всех групп населения региона.

Возможности, которые предоставляются субъектам СДУ

Студентам, осведомленным об СДУ и имеющим родственников, которым необходим долговременный уход, был задан открытый вопрос о возможностях получателей услуг и граждан, осуществляющих неформальный уход, с целью выявить, насколько проинформированы респонденты и что именно они знают о долговременном уходе. Определяя, какие возможности предоставляются гражданам, нуждающимся в долговременном уходе, большинство студентов (53,8 %) назвали услуги, включенные в систему долговременного ухода: покупку продуктов, уборку жилого помещения, услуги помощи на дому, специальные службы привозят еду и лекарства, предоставление социального пакета долговременного ухода, помощь в бытовом плане. 11,2 % респондентов указали функциональную составляющую СДУ — деятельность специалистов по уходу: уход осуществляют подготовленные специалисты, профессиональный уход, план ухода. 8,6 % назвали финансовую поддержку государства, денежные выплаты, поддержку родственников, осуществляющих уход. 3,6 % студентов в своих ответах сделали акцент на том, что приобретают получатели услуг в долговременном уходе: сохранение независимости, самостоятельность, помощь в самообслуживании, поддержку родственников, граждане могут постепенно выходить в общество.

В соответствии с российской моделью СДУ гражданам, нуждающимся в долговременном уходе, предоставляется социальный пакет долговременных услуг, который обеспечивается Фондом социального страхования Российской Федерации. Социальный пакет получателям предоставляется безвозмездно в стационарной, полустационарной и надомной формах и формируется в соответствии со степенью нуждаемости пожилых людей и их индивидуальной потребностью в уходе. Гражданам оказываются также услуги, не включенные в социальный пакет на основании Федерального закона № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»¹⁰, постановления Правительства РФ № 1236, приказов Минтруда России № 935н, 938н, 939н¹¹. СДУ финансируется за счет средств бюджетов субъектов РФ, системы обязательного медицинского страхования, федеральных средств, средств нуждающихся в уходе граждан, получателей долговременных услуг.

Наряду с формальным уходом применяется неформальный уход за пожилыми людьми и инвалидами. Как показывают результаты исследования, 72,7 % от числа опрошенных студентов, имеющих родственников, нуждающихся в долговременном уходе, отмечают, что именно члены их семей и они сами осуществляют уход за родственниками. 16,9 % указали на то, что их семьи пользуются услугой

¹⁰ Ф3 от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/Oac20812927206fff970a9de3f54ac68bfc0ab3/

¹¹ Приказ Минтруда России от 29 декабря 2021 г. № 929 «О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации в 2022 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе». С. 12.

помощника по уходу (сиделки). Следует отметить, что всего 26,2% респондентов (от числа опрошенных) имеют родственников, за которыми необходим уход. В связи с этим можно сделать вывод о недостаточном охвате системой долговременного ухода нуждающихся в обслуживании пожилых людей и инвалидов в регионе.

По мнению студенческой молодежи, граждане, осуществляющие неформальный уход, благодаря СДУ получают следующие возможности: выдача во временное пользование специального оборудования и средств технической реабилитации, программы для обучения и работы с родственниками лиц с ОВЗ, обучение навыкам неформального ухода, оставаться рядом с родными людьми, пенсии и пособия, школа родственного ухода, материальное поощрение, забота. Ответы показывают, что респонденты осведомлены о таких технологиях, как: «Школа ухода», «Помощник по уходу», «Персональный помощник», выдача технических средств реабилитации в центрах социального обслуживания населения.

Таким образом, согласно эмпирическим данным, для студенческой молодежи, имеющей родственников, нуждающихся в уходе, характерен невысокий уровень информированности о возможностях, которые предоставляет СДУ, о технологиях долговременного ухода, направленных на повышение качества жизни пожилых людей, а также их родственников, знакомых, лиц, осуществляющих формальный и неформальный уход.

Эффективность осуществления мероприятий по системе долговременного ухода

В последние годы сфера социального обслуживания кардинально трансформировалась. Новое законодательство способствует созданию субъектов системы социальных услуг, появлению новых практик ухода за пожилыми людьми и инвалидами. Глобальные трансформации, институциональные изменения повлекли за собой создание СДУ в российском обществе. Это повлияло на оказание услуг и на качество обслуживания населения. На данном этапе исследования ставилась задача выявить знание студенческой молодежи об изменениях в сфере социального обслуживания населения региона. Чтобы определить заинтересованность студентов проблематикой СДУ, их отношение к процессам, происходящим в сфере социального обслуживания населения, был задан вопрос: «Как Вы считаете, произошли ли изменения в сфере социального обслуживания за последние пять лет в Волгоградском регионе?». 64,4% студентов от числа осведомленных о СДУ отметили, что за последние пять лет в Волгоградской области произошли заметные изменения. Хотя Волгоградский регион вошел в число первых регионов, где внедрялся пилотный проект по созданию СДУ, 32,4% респондентов затруднились ответить. Получателям услуг тоже был задан этот вопрос, и они с оптимизмом оценили произошедшие изменения (97,3% выбрали вариант «да, произошли заметные изменения») (см. табл. 5). Разницу в ответах можно объяснить включением пожилых людей в систему долговременных услуг и незаинтересованностью молодежи проблемами сферы социального обслуживания населения. Однако, чтобы выявить причины заинтересованности/незаинтересованности молодежи проблемами СДУ и определить ее отношение к происходившим в социальной сфере, изменениям требуется дополнительное исследование.

Оценивая эффективность реализации СДУ, эксперты анализируют мероприятия по долговременному уходу, учитывают использование ресурсов, направленных на внедрение Типовой модели СДУ, выполнение целевых показателей, обозначенных в региональной дорожной карте по созданию СДУ. Субъективная оценка эффективности реализации СДУ студентами и получателями услуг предполагает учет таких критерии, как применение технологий долговременного ухода, качество оказания социальных услуг специалистами учреждений социальной защиты и социального обслуживания населения, развитие социальной инфраструктуры региона. На вопрос: «Насколько эффективно в нашей области осуществляются мероприятия по системе долговременного ухода, развивается сфера социального обслуживания населения?» 4,5 % (от числа осведомленных студентов) выбрали «высокую степень эффективности», 41,7 % — «степень эффективности реализации выше среднего уровня», 33,2 % — «степень эффективности реализации ниже среднего уровня». Получатели услуг дали более высокую оценку осуществлению мероприятий по СДУ в регионе, чем молодежь. Среди получателей услуг, ответивших на этот вопрос, 40,7 % респондентов отметили «высокую степень эффективности», 46 % — «степень эффективности реализации выше среднего уровня».

Таблица 5. Распределение ответов получателей услуг и осведомленной об СДУ студенческой молодежи на вопросы об изменениях в сфере социального обслуживания населения и эффективности осуществления мероприятий по СДУ в Волгоградской области

Варианты ответов	Получатели услуг (n = 496)		Студенческая молодежь (n = 358)*		p
	частота	% по столбцу	частота	% по столбцу	
<i>«Произошли ли изменения в сфере социального обслуживания за последние 5 лет в Волгоградской области?»</i>					
Да, произошли заметные изменения	483	97,3	231	64,4	0,025
Произошли некоторые изменения	10	2,1	11	3,2	0,250
Нет, никаких изменений не произошло	0	0	0	0	-
Затрудняюсь ответить	3	0,6	116	32,4	0,031
Всего	496	100,0	358	100,0	
<i>«Как Вы думаете, насколько эффективно в нашей области осуществляются мероприятия по системе долговременного ухода, развивается надомное обслуживание?»</i>					
Высокая степень эффективности реализации	202	40,7	16	4,5	0,027
Степень эффективности реализации выше среднего уровня	228	46,0	149	41,7	0,210
Степень эффективности реализации ниже среднего уровня	26	5,3	119	33,2	0,029
Очень низкая степень эффективности реализации	1	0,3	4	1,1	0,190
Затрудняюсь ответить	39	7,7	70	19,5	0,061
Всего	496	100,0	358	100,0	

* Вопросы об изменениях в сфере социального обслуживания населения и эффективности осуществления мероприятий по СДУ в Волгоградском регионе были заданы осведомленным об СДУ респондентам — 29,8% от числа опрошенных студентов.

Теоретики большое внимание уделяют цифровизации в системе долговременного ухода. Например, применению дистанционных консультаций, онлайн-занятий, цифровых технологий в процессе реабилитации потребителей услуг. Согласно результатам исследования, студенты в большинстве своем поддерживают идею о внедрении цифровых технологий в СДУ. 79,4% осведомленных об СДУ студентов относятся положительно к использованию электронно-медицинских услуг, которые оказывают позитивное влияние на качество обслуживания в СДУ¹².

Как оценивают качество обслуживания получатели услуг? 97,2% респондентов удовлетворены оказанием услуг в форме надомного обслуживания. 98,3% отметили, что социальные работники и сиделки вежливы, внимательны и доброжелательны. На вопрос: «Своевременно ли Вам оказываются услуги?» — 96,8% респондентов ответили «да», 2,8% — «скорее да, чем нет». 94,8% получателей услуг считают, что существующая форма обслуживания на дому эффективна и полностью удовлетворяет все потребности нуждающихся в долговременном уходе. По их мнению, такого рода услуги доступны всем. 2,7% респондентов отметили, что необходимо улучшение качества социальных услуг. 2,4% считают, что нужны кардинальные изменения в системе долговременного ухода. То есть большинство получателей услуг удовлетворены качеством оказания услуг в долговременном уходе и высоко оценили надомное обслуживание.

Заключение

По итогам исследования мы приходим к выводу, что в Волгоградской области внедряются формальные и неформальные нормы и правила, регулирующие деятельность субъектов СДУ, разрабатываются и применяются инновационные технологии долговременного ухода. По мнению респондентов, СДУ предоставляет социальные, экономические, институциональные возможности и тем, кто получает услуги, и тем, кто их оказывает. Студенческая молодежь и получатели услуг положительно оценивают изменения, которые произошли в последние годы в сфере социального обслуживания населения в Волгоградской области. Причем пожилые люди, получающие социальные услуги долговременного ухода, дали более высокую оценку мероприятиям по созданию СДУ в регионе. Превалирующее большинство респондентов довольны качеством оказания услуг, их устраивают доступность и своевременность обслуживания. У всех без исключения получателей услуг соблюдается установленный договором перечень социальных услуг. По их мнению, оказание услуг на дому — это наиболее приемлемая форма обслуживания для граждан, ограниченных в самообслуживании.

Однако результаты исследования свидетельствуют о том, что среди студентов осведомленность о мероприятиях по созданию системы долговременного ухода в регионе невысокая (29,8% от числа опрошенных студентов, осведомленных о внедрении СДУ). Это подтверждает неэффективность системы информирования. Поэтому необходимо использовать коммуникационные инструменты продвижения практик долговременного ухода, что будет способствовать выявлению нуждающихся в долгосрочных услугах граждан, распространению информации об СДУ

¹² Студентам предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы относитесь к использованию электронных медицинских услуг?»

среди населения, успешной реализации мероприятий по созданию и развитию системы долговременного ухода в Волгоградской области.

Как показывают эмпирические данные, большое значение в информировании пожилого человека и инвалида играет его окружение — родственники, знакомые, социальные работники. Поэтому институтам власти, образования, социальной защиты населения следует уделять больше внимания распространению информации о практиках долговременного ухода, о сервисах СДУ в регионе. Низкий процент осведомленных среди студентов говорит о незначительном интересе к данной проблеме, об отсутствии знаний о развитии социальной сферы российского общества, в котором они являются потенциальными получателями социальных услуг. Кроме того, невнимательность молодежи к жизни пожилых людей и инвалидов увеличивает «дистанцию» между поколениями. В этой ситуации информирование о практиках системы долговременного ухода и передача опыта пожилых людей молодежи будет способствовать прогрессивному развитию социальной сферы и интеграции современного российского общества.

Основным ограничением исследования является небольшая выборка респондентов. Хотя идеи, представленные в статье, позволяют выявить проблемы информирования молодежи и получателей услуг о мероприятиях по СДУ, из-за небольшого размера выборки результаты исследования не отражают мнения всех студентов и пожилых людей региона. Будущие исследования должны учитывать не только взгляды студенческой молодежи, но и других групп российского общества. Это дополнит представленный анализ и будет способствовать эффективному внедрению Типовой модели СДУ в регионах России. Кроме того, в статье не затронуты вопросы, связанные с оказанием долговременных услуг в форме надомного обслуживания специалистами некоммерческих организаций. В системе социальных услуг некоммерческие организации гораздо позже, чем центры социального обслуживания населения, заняли свою нишу, и функциональная, инновационно-технологическая, информационная составляющие их деятельности имеют свою специфику. В Волгоградском регионе большинство СО НКО как поставщики социальных услуг со второй половины 2022 г. применяют технологию «Персональный помощник». Этот механизм требует отдельного изучения. Поэтому на данном этапе исследования получатели услуг СО НКО не вошли в выборку и представляют интерес для дальнейшего исследования.

Важными этапами в системе долговременного ухода являются выявление и передача информации через СМИ о государственных и негосударственных поставщиках услуг. Информирование о современных методах ухода, технических средствах реабилитации, возможностях, которые предоставляются пожилым людям и лицам с инвалидностью любого возраста, помогает расширить количество получателей социальных услуг долговременного ухода. Осведомленность о развитии социальной сферы современного общества, о внедрении системы долговременного ухода имеет позитивное значение и побуждает молодежь к волонтерской деятельности, к активному участию в общественной жизни [Певная и др., 2021; Петухов, 2020].

Исследования трансляции положительных практик, касающиеся возможностей получателей социальных услуг в надомном обслуживании и повышения уровня

жизни пожилых людей, представляют интерес для теоретиков и практиков, занимающихся данной проблематикой, способствуют высокому качеству обслуживания получателей услуг и сохранению стабильных отношений в обществе.

Список литературы (References)

Агронина Н., Сапрыкина К. Содержание инновационных технологий в социальной работе с гражданами пожилого возраста // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2020. № 5. С. 9—17.

Agronina N., Saprykina K. (2020) The Content of Innovative Technologies in Social Work with Elderly Citizens. *Russian Science and Education Today: Problems and Prospects*. No. 5. P. 9—17. (In Russ.)

Багмет К., Самофатова К. Трансформация профессиональных ресурсов сферы социальной защиты населения Ставропольского края после внедрения системы долговременного ухода // Транспорт. Экономика. Социальная сфера (актуальные проблемы и их решения). Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 263—256.

Bagmet K., Samofatova K. (2023) Transformation of Professional Resources in the Sphere of Social Protection of the Population of the Stavropol Territory after the Introduction of a System of Long-term Care. In: *Transport. Economy. Social Sphere (Actual Problems and their Solutions)*. Collection of Articles of the X International Scientific and Practical Conference. Penza. P. 263—256. (In Russ.)

Буковская А. Коммуникативные инструменты продвижения в социальном предпринимательстве // Коммуникации в условиях цифровой трансформации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 320—325.

Bukovskaya A. (2021) Communicative Tools of Promotion in Social Entrepreneurship. In: *Communications in the Conditions of Digital Transformation*. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg. P. 320—325. (In Russ.)

Буторина Д., Голубева Е. Система долговременного ухода: предпосылки внедрения, проблемы и практика обучения специалистов // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Улан-Удэ, 2020. С. 66—69. URL: <https://www.esstu.ru/uportal/document/download.htm?documentId=23581> (дата обращения: 25.06.2023).

Butorina D., Golubeva E. (2020) The System of Long-term Care: Prerequisites for Implementation, Problems and Practice of Training Specialists. In: *Forms and Methods of Social Work in Various Spheres of Life*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Ulan-Ude. P. 66—69. URL: <https://www.esstu.ru/uportal/document/download.htm?documentId=23581> (accessed: 25.06.2023). (In Russ.)

Дерен И. И., Самофатова К. А. Исследование социально-экономических показателей сферы социального обслуживания населения Российской Федерации // Вест-

ник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2023. № 1. С. 6—13.

Deren I. I., Samofatova K. A. (2023) Study of Socio-Economic Indicators of the Sphere of Social Services for the Population of the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics*. No. 1. P. 6—13. (In Russ.)

Долговременный уход за гражданами пожилого возраста и инвалидами как элемент сопровождаемого проживания: методические рекомендации для специалистов учреждений социального обслуживания населения. Красноярск: КГКУ «Ресурсно-методический центр системы социальной защиты населения», 2019. С. 14—15. URL: <https://cso-sov.ru/%D0%B4%D0%BE%D0%BB%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B4%202.pdf> (дата обращения: 14.05.2023).

Long-term Care for Elderly and Disabled Citizens as an Element of Assisted Living: Methodological Recommendations for Specialists of Social Service Institutions (2019) Krasnoyarsk: Resource and Methodological Center of the Social Protection System of the Populatio». P. 14—15. URL: <https://cso-sov.ru/%D0%B4%D0%BE%D0%B%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B4%202.pdf> (accessed: 14.05.2023). (In Russ.)

Забелина Н. Возможности системы долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами (на примере Курской области) // Российский экономический бюллетень. 2022. Т. 5. № 1. С. 26—31. URL: <https://dgpu-journals.ru/wp-content/uploads/2022/02/reb-t-5-1-2022.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).

Zabelina N. (2022) Possibilities of the System of Long-term Care for Elderly Citizens and the Disabled (on the Example of the Kursk Region). *Russian Economic Bulletin*. Vol. 5. No. 1. P. 26—31. URL: <https://dgpu-journals.ru/wp-content/uploads/2022/02/reb-t-5-1-2022.pdf> (accessed: 16.05.2023). (In Russ.)

Забелина Н. Долговременный уход за пожилыми людьми в условиях проживания в доме-интернате // Региональный вестник. 2020. № 8. С. 16—17.

Zabelina N. (2020) Long-term Care for the Elderly in Conditions of Living in a Boarding House. *Regional Bulletin*. No. 8. P. 16—17. (In Russ.)

Карпова А. Организация информирования в системе долговременного ухода в США: уровни и типы электронных информационных ресурсов // Жанры и формы коммуникации. Материалы межвузовской научной конференции. М., 2020. С. 119—128.

Karpova A. (2020) Organization of Information in the System of long-Term Care in the USA: Levels and Types of Electronic Information Resources. In: *Genres and Forms of Communication. Materials of the Interuniversity Scientific Conference*. Moscow. P. 119—128. (In Russ.)

Кирилкина К. Система долговременного ухода как фактор улучшения демографической ситуации в России // XII Рязанские социологические чтения. Динамика социокультурной среды: Материалы Национальной научно-практической конференции. Рязань: Изд-во Ипполитова, 2022. С. 337—342. URL: <https://khamovniky>.

[ru/wp-content/uploads/XII-Ryazanskie-sotsiologicheskie-chteniya.pdf](https://khamovniky.ru/wp-content/uploads/XII-Ryazanskie-sotsiologicheskie-chteniya.pdf) (дата обращения: 25.06.2023).

Kirilina K. (2022) The System of Long-term Care as a Factor of Improving the Demographic Situation in Russia. In: *XII Ryazan Sociological Readings. Dynamics of the Socio-cultural Environment: Materials of the National Scientific and Practical Conference*. Ryazan: Ippolitov Publishing House. P. 337—342. URL: <https://khamovniky.ru/wp-content/uploads/XII-Ryazanskie-sotsiologicheskie-chteniya.pdf> (accessed: 25.06.2023). (In Russ.)

Копалкина Е. Г., Гуляева А. И. Региональный опыт организации родственного (семейного) ухода за пожилыми людьми и инвалидами // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 3. С. 83—94. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/3/1216>.

Kopalkina E. G., Gulyaeva A. I. (2022) Regional Experience in Organizing Kinship (Family) Care For the Elderly and Disabled. *Journal of Wellbeing Technologies*. No. 3. P. 83—94. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/3/1216>. (In Russ.)

Носырева Н., Кассихина Л. Система длительного ухода в Петровск-Забайкальском комплексном центре социального обслуживания населения «Ветеран» Забайкальского края // Развитие системы комплексной реабилитации лиц с ограниченными возможностями. Материалы Международной научно-практической конференции. Чита, 21—22 апреля 2021 г. / отв. ред. С. Кохан. Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 179—193.

Nosyreva N., Kassikhina L. (2021) The System of Long-term Care in the Petrovsk-Zabai-kalsky Complex Center for Social Services of the Population «Veteran» of the Trans-Baikal Territory. In: *Development of a System of Comprehensive Rehabilitation of Persons with Disabilities*. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Chita, April 21—22, 2021. Chita: Trans-Baikal State University. P. 179—193. (In Russ.)

Овчинникова С. В., Алешкевич М. А. Потребности в информационной поддержке родственников, осуществляющих длительное уход за больными, частично или полностью утратившими способность к самообслуживанию // Медико-социальная работа: теория, технология, образование. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А. В. Мартыненко. Москва, 2023. С. 145—153.

Ovchinnikova S. V., Aleshkevich M. A. (2023) Needs for Information Support of Relatives Providing Long-Term Care for Patients Who Have Partially or Completely Lost the Ability to Self-Care. In: *Medical and Social Work: Theory, Technology, Education. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Moscow. P. 145—153. (In Russ.)

Олескина Е. Система длительного ухода: старость не должна быть временем, когда человек остается наедине со своими бедами и болезнями или становится обузой для семьи // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 5—6. С. 59—65. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2022_05-06_starie_ludi-novie_trendy/2022_05-06.pdf (дата обращения: 25.06.2023).

Oleskina E. (2022) The System of Long-term Care: Old Age should not be a Time when a Person Remains Alone with His Troubles and Illnesses or Becomes a Burden for the Family. *Sociodigger*. Vol. 3. No. 5—6. P. 59—65. URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2022_05-06_starie_ludi-novie_trendy/2022_05-06.pdf (accessed: 25.06.2023). (In Russ.)

Певная М. В., Кульминская А. В., Широкова Е. А., Шуклина Е. А. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 492—510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>.

Pevnaya M. V., Kulminskaya A. V., Shirokova E. A., Shuklina E. A. (2021) Volunteering Youth During the Pandemic: A Portrait of a Hero of a Difficult Time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 492—510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>. (In Russ.)

Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

Petukhov V. V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 119—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

Покачалова Е. Система долговременного ухода за людьми с устойчивыми ограничениями жизнедеятельности как средство творческого саморазвития // V Андреевские чтения: современные концепции и технологии творческого саморазвития личности. Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 2020. С. 327—332. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_899437458/Sbornik.Andreevskie.chteniya.2020.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

Pokachalova E. (2020) The System of Long-term Care for People with Persistent Disabilities as a Means of Creative Self-development. In: *V Andreev Readings: Modern Concepts and Technologies of Creative Self-development of Personality. Collection of Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Kazan. P. 327—332. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F_899437458/Sbornik.Andreevskie.chteniya.2020.pdf (accessed: 12.06.2023). (In Russ.)

Полосина А. Социологические характеристики процесса обучения работников организаций социального обслуживания на базе образовательных организаций // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 3. С. 48—53. URL: <https://dgpu-journals.ru/wp-content/uploads/2021/07/reb-t-4-3-2021.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).

Polosina A. (2021) Sociological Characteristics of the Learning Process for Employees of Social Service Organizations Based on Educational Organizations. *Russian Economic Bulletin*. T. 4. No. 3. P. 48—53. URL: <https://dgpu-journals.ru/wp-content/uploads/2021/07/reb-t-4-3-2021.pdf> (accessed: 05.12.2023). (In Russ.)

Розанов А., Черепанова Е., Баранникова К., Свищева А., Пересторонина А., Сысоева А., Кашин А. Медицинская помощь в системе долговременного ухода. От отбора нуждающихся к мониторингу состояния здоровья // Российский журнал гериатри-

ческой медицины. 2023. № 2. С. 132—137. <https://doi.org/10.37586/2686-8636-2-2023-132-137>.

Rozanov A. V., Cherepanova E. S., Barannikova K. A., Svishcheva S. P., Samorodov V. Yu., Perestoronina A. V., Sysoeva A. N., Kashin A. V. (2023) Long-Term Care: Medical Service Delivery. *Russian Journal of Geriatric Medicine*. No. 2. P. 132—137. <https://doi.org/10.37586/2686-8636-2-2023-132-137>. (In Russ.)

Севостьянова И. Формы и методы работы с пожилыми гражданами и инвалидами в МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» // Управление городом: теория и практика. 2023. № 1. С. 28—33. URL: https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2023/04/23-02424_upravlenie-gorodom-147_pdfa-a.pdf (дата обращения: 08.12.2023).

Sevostyanova I. (2023) Forms and Methods of Work with Elderly Citizens and Disabled People in the Mbi «Complex Center for Social Services of the Population of the City of Belgorod». *City Management: Theory and Practice*. No. 1. P. 28—33. URL: https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2023/04/23-02424_upravlenie-gorodom-147_pdfa-a.pdf (accessed: 08.12.2023). (In Russ.)

Синкевич Ж. В. Система и виды социальных услуг // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4. С. 49—53. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.49>.

Sinkevich Zh.V. (2020) System and Types of Social Services. *Siberian Law Herald*. No. 4. P. 49—53. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.49>. (In Russ.)

Скобелина Н. А. Система долговременного ухода в современной России. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023.

Skobelina N. A. (2023) Long-Term Care System in Modern Russia. Volgograd: VolSU Publishing House. (In Russ.)

Bisconti T., Pitzer L. (2013) The Role of Social Support in the Health and Well-Being of Older Adult Windows. In: Goldman M., Troisi R., Rexrode K. (ed.) *Women and Health*. Boston, MA. P. 1503—1514. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-384978-6.00102-3>.

Cardoso T., Oliveira M., Barbosa-Povóia A., Nickel S. (2012) Modeling the Demand for Long-Term Care Services under Uncertain Information. *Health Care Management Science*. No. 15. P. 385—412. <https://doi.org/10.1007/s10729-012-9204-0>.

Chapman S., Miller J., Spetz J. (2023) Emerging Health Technologies in Long-Term Care and Suppliers Views on Their Potential to Assist and Support the Workforce. *Medical Care Research and Review*. Vol. 80. No. 6. P. 619—630 <https://doi.org/10.1177/10775587231190127>.

Cohen N., Klenk T., Davidovitz M., Cardaun S. (2023) Varieties of Welfare Markets from a Street-Level Perspective: Comparing Long-Term Care Services in Germany and Israel. *Public Administration Review*. Vol. 83. No. 2. P. 419—428. <https://doi.org/10.1111/puar.13549>.

Hackmann M., Pohl V., Ziebarth N. (2023) Patient versus Provider Incentives in Long-Term Care. *IZA Discussion Paper*. No. 16165. URL: <https://docs.iza.org/dp16165.pdf> (accessed: 15.07.2023).

Rostad H., Skinner M., Wentzel-Larsen T. (2023) Modes and Models of Care Delivery in Municipal Long-Term Care Services: A Cross-Sectional Study from Norway. *BMC Health Services Research*. Vol. 23. Art. 813. <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09750-8>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): январь — февраль 2024 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 137—147.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): January — February 2024. (2024) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 137–147.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 2024

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЖИЗНЬ В ДОЛГ: МОНИТОРИНГ.....	138
УЧЕБА В ВУЗЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА: МОНИТОРИНГ	140
ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: МОНИТОРИНГ	141
СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ЗА И ПРОТИВ.....	143

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЗИМНИЙ ОТДЫХ — 2024: ИТОГИ.....	145
СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ	147

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЖИЗНЬ В ДОЛГ: МОНИТОРИНГ	138
УЧЕБА В ВУЗЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА: МОНИТОРИНГ	140
ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: МОНИТОРИНГ	141
СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ЗА И ПРОТИВ	143

ЖИЗНЬ В ДОЛГ: МОНИТОРИНГ*13 января 2024 г.*

Результаты мониторингового опроса ВЦИОМ показывают, что за последние 20 лет привлекательность займов для россиян снизилась: доля тех, кто с той или иной периодичностью занимает денежные средства, сократилась с 62% до 44%. На сегодняшний день заядлыми заемщиками (берут в долг очень и довольно часто) себя называют 13% (2004 г.— 14%, 2009 г.— 14%), периодическими («редко, но иногда бывает») — 31%, тогда как еще в 2004 г. к последним можно было отнести каждого второго россиянина — 48%.

Можно предположить, что наибольший риск оказаться в «долговой яме» у граждан с низкими доходами; каждый пятый в этой группе берет кредиты постоянно (19% против 2—4% россиян с хорошим и средним материальным положением). Регулярными должниками также чаще оказываются россияне со средним образованием (10%). Наиболее активные заемщики — россияне 25—59 лет (25—34 лет — 54%, 35—44 лет — 50%, 45—59 лет — 46%), с плохим и очень плохим материальным положением (53%), а также проживающие в селах (51%).

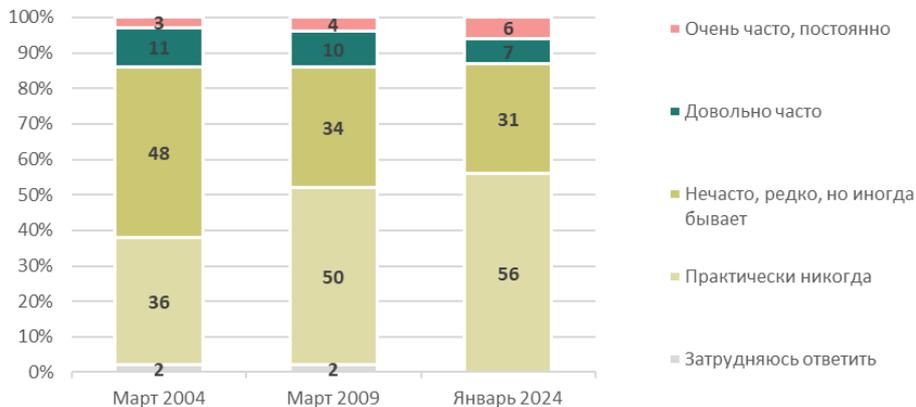
Более половины опрошенных сообщили, что практически никогда не берут денег в долг (56%, +20 п. п. с 2004 г.). Чаще других займов избегают молодые люди 18—24 лет (62%) и представители старшего поколения 60+ (67%). Еще одно возможное объяснение — низкий уровень платежеспособности этих групп и, как следствие, потенциальные сложности с возвратом долга. Практически никогда не занимают деньги также граждане, довольные своим достатком (66%), и жители столиц (64%).

Наиболее предпочтительным «кредитором» для россиян остается близкое окружение — в случае необходимости наши сограждане скорее обратятся за финансовой помощью к родственникам или очень хорошим друзьям (55%, 2004 г.— 61%). Каждый третий опрошенный выразил готовность взять заем в банке (34%), за последние 20 лет доверие финансовым организациям в этом вопросе заметно выросло: в 2004 г. только 18% обратились бы в банк за кредитом, что вдвое меньше, чем сейчас. Привлекать начальство на работе, трудовой коллектив и сторонних состоятельных людей (по рекомендации знакомых и друзей) к решению своих финансовых проблем россияне не готовы (по 2%); то же касается и обращения в микрофинансовую организацию (1%).

Заметно чаще «подключать» социальные связи для решения денежных проблем склонна молодежь 18—24 лет (73%). Только каждый пятый в этой возрастной когорте обратился бы в банк (20%). Для заядлых заемщиков скорее не имеет

значения, к кому из кредиторов обратиться — к близкому окружению (49%) или в банк (41%).

Рис. 1. В жизни бывает всякое, скажите, пожалуйста, как часто Вы берете деньги в долг? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

УЧЕБА В ВУЗЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА: МОНИТОРИНГ

19 января 2024 г.

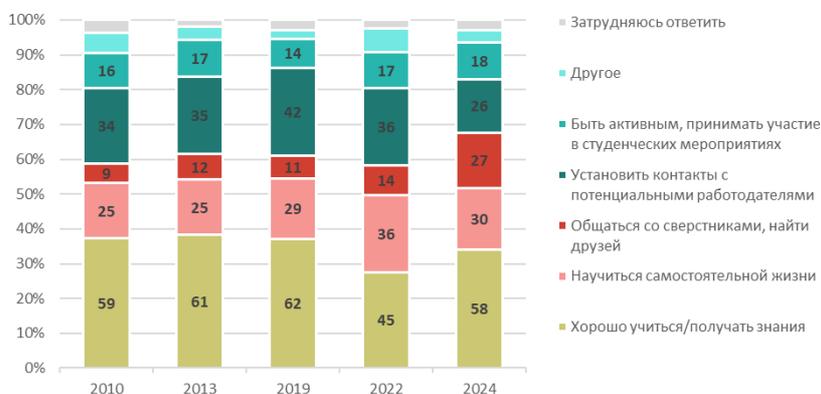
Успешная учеба и получение новых знаний — по-прежнему наиболее приоритетная задача студентов вузов в представлениях наших сограждан (58%). Россияне также считают, что в процессе получения высшего образования важно научиться самостоятельной жизни (30%), общению со сверстниками (27%) и налаживанию контактов с потенциальными работодателями (26%). По мнению еще 18%, самое важное для студенческой молодежи — быть активной и принимать участие в студенческих мероприятиях. При этом все большую значимость в глазах россиян обретают общение со сверстниками, поиск друзей в период обучения (+13 п. п. с 2022 г.), тогда как налаживание контактов с потенциальными работодателями теряет значимость (–10 п. п. за два года).

Молодежный рейтинг студенческих ценностей выглядит так: хорошо учиться (41% среди 18—24-летних), установить контакты с потенциальными работодателями (35%), найти друзей (34%), научиться самостоятельной жизни (31%) и быть активным (25%).

Одна из возможных причин, по которой студенческая пора перестает восприниматься подходящим временем для поиска потенциального работодателя, — растущий оптимизм в вопросе трудоустройства молодежи. Легким процесс поиска работы выпускником вуза сегодня назвали 9% — максимум за весь период наблюдений (против 2—4% в прошлые замеры); то же касается и сторонников мнения, что решить вопрос трудоустройства можно, приложив для этого небольшие усилия (32% против 12—22% в прошлые замеры). Еще 40% сегодня считают, что поиск работы выпускникам дается с большим трудом, два года назад в этом был уверен каждый второй (50%). Каждого десятого можно причислить к пессимистам — трудоустройство выпускников им видится практически невозможным (10%). К счастью, за последние 15 лет доля таковых в российском обществе сократилась более чем вдвое (2009 г. — 24%).

Молодые россияне 25—34 лет в 44% случаев считают поиск работы выпускниками относительно простым («приходится приложить небольшие усилия»), каждый восьмой — легким (12%).

Рис. 2. Что, по Вашему мнению, самое важное во время учебы в вузе? (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных)

ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: МОНИТОРИНГ

2 февраля 2024 г.

В ходе февральского опроса 67 % россиян признались, что за последние пол-года-год получали фейковые звонки, тогда как еще в 2021 г. о таком опыте могли рассказать чуть больше половины наших сограждан (57 %, +10 п. п. за три года). Гораздо в меньшей степени в России распространено СМС-мошенничество — в последнее время с попытками обмана такого рода сталкивался каждый шестой (17 %), в 2021 и 2022 гг. — каждый пятый (19 % и 20 % соответственно). Существует ряд причин, по которым злоумышленники отдают предпочтение телефонным звонкам, одна из наиболее очевидных — в ходе разговора гораздо проще, чем в обезличенных СМС-рассылках, расположить к себе потенциальную жертву.

Согласно полученным результатам, главный критерий выбора потенциальной жертвы — место проживания. Наиболее подвержены телефонному мошенничеству жители обеих столиц: с ним сталкивались 85 % москвичей и петербуржцев (в том числе 81 % получали звонки от мошенников, 26 % — СМС-сообщения), тогда как в сельской местности с телефонными аферистами имели дело 57 % наших сограждан: 55 % получали звонки, каждый десятый — СМС (10 %).

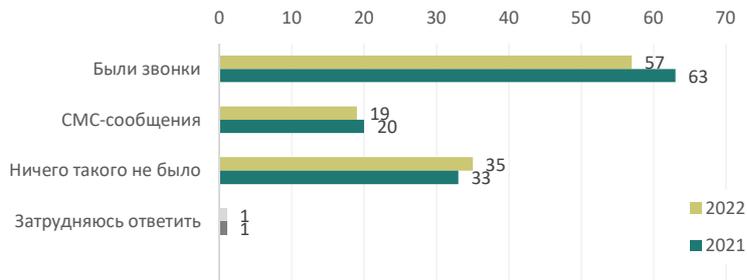
Еще один дифференцирующий фактор — уровень образования: чем он выше, тем чаще респонденты сообщают об опыте «общения» с мошенниками. 77 % россиян с высшим и неполным высшим образованием признались, что получали фейковые звонки, 22 % сталкивались с СМС-мошенничеством, среди опрошенных со средним специальным образованием таковых набралось 60 % и 14 % соответственно. Описанные различия, вероятнее всего, объясняются способностью распознать попытку обмана.

Не сталкивались ни с чем из вышеперечисленного 3 из 10 россиян (30 %), среди 18—24-летних — 4 из 10 (40 %). Возможно, будучи более технически подкованными пользователями, молодые люди чаще других устанавливают на своих устройствах приложения для блокировки нежелательных звонков/рассылок, а значит, становятся менее уязвимыми перед подобным мошенничеством.

Абсолютное большинство россиян, с которыми удалось связаться злоумышленникам, не дали себя обмануть и не понесли денежный ущерб (93 %, 2021 и 2022 гг. — 91 %). Показатель остается неизменным на протяжении всего периода замеров. Понесли финансовые потери 7 % из числа столкнувшихся с телефонным мошенничеством (в том числе 3 % оценили ущерб как незначительный, 4 % — как значительный).

В целом россияне скептически оценивают свои шансы быть обманутыми телефонными мошенниками: 46 % считают такое развитие событий маловероятным, 27 % — невозможным. Еще 23 % допускают («это вполне может случиться»), что могут лишиться денежных средств в результате действий телефонных мошенников. Среди россиян среднего возраста (45—59 лет) такой ответ звучит несколько чаще — 31 %. Повышение уровня цифровой и финансовой грамотности в нашей стране дает свои плоды: за последние три года доля россиян, крайне скептически оценивающих свои шансы быть обманутыми телефонными мошенниками («уверен, что этого никогда не случится»), выросла на 9 п. п. (2021 г. — 18 %), а доля допускающих такое развитие событий, напротив, снизилась на 11 п. п. (2021 г. — 34 %).

Рис. 3. Скажите, в последние полгода-год Вам лично звонили или поступали СМС-сообщения от телефонных мошенников? Вы можете дать один или два ответа (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных)

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО: ЗА И ПРОТИВ*4 февраля 2024 г.*

Абсолютное большинство россиян знакомы со словосочетанием «суррогатное материнство» (97 %, 2013 г. — 96 %), в том числе семь из десяти хорошо знают, что это такое (73 %, 2013 г. — 71 %).

Отношение к данному феномену в российском обществе скорее лояльное: 84 % считают допустимым обращение к услугам суррогатных матерей, за десять лет показатель вырос на 8 п. п. Но чаще речь идет не о повсеместном использовании (16 %), а в особых случаях, когда люди не могут самостоятельно родить ребенка (68 %, +8 п. п. к 2013 г.). Каждый десятый россиянин считает недопустимым использование услуг суррогатных матерей ни при каких обстоятельствах 11 % (–8 п. п. к 2013 г.)

Поколение современной молодежи до 35 лет — тех, кто рос в условиях, когда о суррогатном материнстве уже достаточно много говорили, и для кого это явление скорее привычное, — заметно чаще относится к нему как к норме. В этой группе 27—31 % допускают обращение к услугам суррогатных матерей в любой ситуации и считают его нормальным. Чем старше россияне, тем реже они говорят о суррогатном материнстве в таком ключе (35—44 лет — 17 %, 45—54 лет — 12 %, в группе старше 60 лет — 8 %).

На отношение к суррогатному материнству также влияет урбанизированность. Жители городов в целом и особенно обеих столиц чаще воспринимают это явление как норму, допустимую в любой ситуации (25 % в Москве и Санкт-Петербурге и 10—11 % на селе и в небольших населенных пунктах с численностью населения до 100 тыс. чел.).

Жители Северо-Кавказского округа в два раза чаще, чем россияне в целом, находят недопустимым решение проблем бесплодия с помощью суррогатных матерей (21 % против 11 %).

Изначальное отношение к суррогатному материнству определяет готовность прибегнуть к таким услугам в случае необходимости. Среди тех, кто считает это явление нормой, 40 % выбрали суррогатное материнство, а 41 % — взять ребенка на воспитание из детского дома. Среди тех, кто назвал суррогатное материнство неприемлемым, только 1 % согласились бы на него, 81 % предпочли бы взять ребенка из детского дома. Готовность прибегнуть к услугам суррогатных матерей выше у граждан с неполным высшим и высшим образованием (29 % против 13 % в группе с неполным средним), а также столичных жителей (34 % против 20—21 % на селе и в небольших населенных пунктах с численностью населения до 100 тыс. чел.).

За прошедшие десять лет мы стали чаще расценивать суррогатное материнство как нужное и полезное дело — сегодня так думают шесть из десяти россиян (60 %, +9 п. п. к 2013 г.). Одновременно с этим сократилась доля тех, кто называет это явление морально недопустимым — с 26 % в 2013 г. до 18 % в 2024 г.

Чаще других положительно оценивают суррогатное материнство молодые россияне (88 % в группе до 25 лет и 70 % в группе 25—34 лет). Тогда как представители старшей возрастной группы в 25 % случаев называют его морально недопустимым (против 2 % в группе 18—24 лет и 6 % в группе 25—34 лет). В старшем возрасте люди обычно более привязаны к установленным социокультурным нормам, и сур-

рогатное материнство может казаться им нарушением этих устоев, в то время как прогрессивная молодежь часто более открыта для всего нового, в том числе и для альтернативных способов родительства.

Рис. 4. На Ваш взгляд, допустимо или недопустимо пользоваться услугами суррогатной матери? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто знает/слышал)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ЗИМНИЙ ОТДЫХ — 2024: ИТОГИ	145
СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ	147

ЗИМНИЙ ОТДЫХ — 2024: ИТОГИ

14 января 2024 г.

Согласно полученным данным, у большинства россиян отдых на зимних выходных 2024 г. связан исключительно с приятными воспоминаниями: 75 % остались довольны тем, как провели новогодние и рождественские каникулы. За все время измерений с 2006 г. показатель только дважды опускался ниже 70 % (2019 г. — 69 %, 2021 г. — 61 %). Не удовлетворены своими новогодним отдыхом 19 % наших сограждан, то есть примерно каждый пятый, — это самое низкое значение за последние десять лет.

В большей степени удовлетворены новогодними и рождественскими каникулами 35—44-летние (81 % против 75 % среди всех россиян), а также граждане с хорошим материальным положением (82 % против 56 % в группе с плохим).

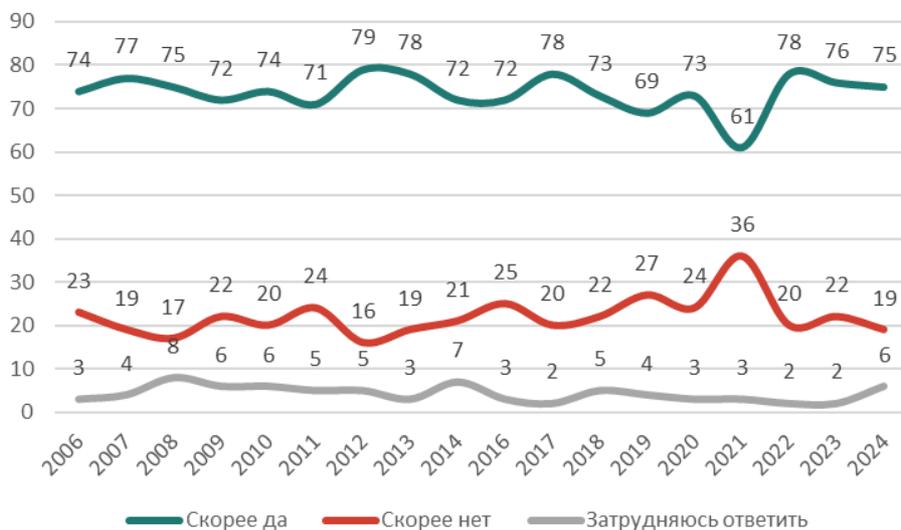
Каждый второй россиянин в этом году в период январских каникул проводил время с друзьями и близкими (49 %), четверо из десяти предпочли спокойный отдых дома за просмотром телевизора (43 %). В числе других популярных вариантов — походы в гости (24 %), прогулки на свежем воздухе (22 %), посещение новогодних представлений с детьми и культурных мероприятий (по 13 %). Активно провели праздничные дни еще 11 % наших сограждан — ходили на каток, катались на лыжах или санках. Традиция ходить в гости на новогодних каникулах за последние два десятилетия стала заметно менее популярной (2006 г. — 54 %, 2023 г. — 24 %). Возможно, с каждым годом виртуальное общение все больше заменяет собой личные встречи даже в праздничные дни. Каждый пятый россиянин сообщил, что вместо отдыха ему пришлось работать (22 %), болезнь вмешалась в планы еще 13 % наших сограждан.

Мужчины чаще женщин работали в период новогодних каникул (27 % против 17 %), а женщины чаще смотрели дома телевизор (47 % против 39 %). Отдых молодежи до 25 лет отличается тем, что его чаще проводили с друзьями (61 %), также молодые люди чаще других россиян бывали в ресторанах, клубах и на дискотеках (21 %). Россияне 35—44 лет чаще других в эти праздники посещали вместе с детьми новогодние представления и елки (23 %), а также ходили на каток, катались на лыжах или санках (20 %). В старшей когорте все другие виды отдыха обходит телевизор: его смотрели в новогодние каникулы 49 % россиян старше 60 лет (против 30 % среди 18—24-летних).

Большая часть россиян отказывается от поездок в период новогодних каникул (73 %), с 2018 г. показатель держится на уровне 70—77 %. Выезжали за пределы региона 26 %, за пределы страны — 1 %. С большей долей вероятности в числе «новогодних» туристов можно встретить мужчин (31 % против 24 % среди женщин), россиян до 35 лет (37—38 % против 14 % среди старшей группы), с неполным высшим или высшим образованием (36 %) и с хорошим уровнем доходов (32 % против 20 % в группе с плохим материальным положением).

Среди путешествующих на каникулах россиян 15% уезжали в сельскую местность, по 7% были в Москве и Московской области, по 4% в Санкт-Петербурге или в Ленинградской области и Краснодаре. Стоимость поездки из расчета на одного человека в этом году составила в среднем 17 027 руб.; за три года она выросла более чем в два раза (2021 г.— 7 635 руб.).

Рис. 1. Удовлетворены ли Вы тем, как провели новогодние и рождественские каникулы, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СЕМЬЯ КАК ЦЕННОСТЬ

23 января 2023 г.

Ключевое место в нашей ценностной системе координат занимает крепкая семья (67 %, октябрь 2023 г. — 68 %). Она лидирует в ответах россиян вне зависимости от уровня образования, места проживания, пола, возраста и материального положения, являясь связующим звеном различных слоев российского общества. Для большинства опрошенных создание семьи — не просто важнейшая ценность, а жизненная цель (87 %). Судя по ответам, понимание этого приходит с возрастом: чем старше респондент, тем чаще он разделяет данную точку зрения («одной из важнейших целей для человека является создание семьи»): среди молодежи 18—34 лет этот ответ встречается в 70—77 % случаях, среди перешагнувших 60-летний рубеж — в 94 %.

В представлениях россиян традиционная семья неподвластна времени — она всегда была и будет нужна человеку, потому что в ней легче выжить (85 %). Большинство также согласны с тем, что как бы ни менялся мир, традиционная семья всегда будет современной (82 %). Поэтому сохранение преемственности семейных традиций в целом и традиционных семейных ценностей в частности (в том числе культуры материнства и отцовства, многодетности) находит поддержку у большинства опрошенных (76 % и 82 % соответственно).

Для каждого второго россиянина идеальная семья — многодетная (50 %), то есть с тремя детьми (40 %) и более (4—5 детей — 8 %, 6 детей и более — 2 %). Еще 38 % считают, что в семье должно быть двое детей; сторонников бездетных и однодетных семей среди россиян практически нет (5 % и 2 % соответственно).

По мнению наших сограждан, воспитание детей и то, какими они вырастут, в большей степени зависит от семьи (78 %), нежели от общества, школы и окружения (14 %). В связи с этим ответственность за воспитание подрастающего поколения россияне в равной степени возлагают на мужчину и женщину (93 %), а не только на мать (5 %) или отца (2 %).

Рис. 2. По Вашему мнению, в идеале сколько детей должно быть в семье? Если Вы считаете, что в семье необязательно должны быть дети, то так и скажите об этом (открытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2510](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510)

М. Г. Колосницына, А. Золотарёва

**ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ НА НЕЗДОРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ****Правильная ссылка на статью:**

Колосницына М. Г., Золотарёва А. Влияние внешних шоков на нездоровое поведение: пандемия COVID-19 и потребление алкоголя // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 148—175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>.

For citation:

Kolosnitsyna M. G., Zolotareva A. (2024) Impact of External Shocks on Unhealthy Behavior: COVID-19 Pandemic and Alcohol Consumption. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 148–175. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2510>. (In Russ.)

Получено: 25.10.2023. Принято к публикации: 27.12.2023.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ НА НЕЗДОРОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПАНДЕМИЯ COVID-19 И ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ

КОЛОСНИЦЫНА Марина Григорьевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор Департамента прикладной экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mkolosnitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-6986>

ЗОЛОТАРЁВА Алина — стажер-исследователь Лаборатории экономических исследований общественного сектора Центра фундаментальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: azolotareva@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3853-0333>

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния внешних шоков, связанных с пандемией COVID-19, на вероятность и объемы потребления алкоголя в России. Переменными интереса выступают показатели избыточной смертности в регионе проживания человека (переменная, отвечающая за стресс) и безработицы (переменная экономического неблагополучия). Комбинируя микроданные РМЭЗ НИУ ВШЭ и региональные данные Росстата, авторы оценивают эконометрические модели за 2019—2021 гг. отдельно для мужчин и женщин. Проведенный анализ показал, что с ростом уровня безработицы в регионе на 1% вероятность потребления алкоголя снижалась на 2% у женщин и на 3% у мужчин в 2020 г., на 2% у мужчин в 2021 г. В 2020 и 2021 гг. объемы потребления чистого этанола среди пьющих ре-

IMPACT OF EXTERNAL SHOCKS ON UNHEALTHY BEHAVIOR: COVID-19 PANDEMIC AND ALCOHOL CONSUMPTION

Marina G. KOLOSNITSYNA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Department for Applied Economics

E-MAIL: mkolosnitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-6986>

Alina ZOLOTAREVA¹ — Research Intern, Laboratory for Economic Research in Public Sector

E-MAIL: azolotareva@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3853-0333>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article studies the impact of external shocks associated with the COVID-19 pandemic on the likelihood and volumes of alcohol consumption in Russia. The variables of interest are excess mortality in the individual's region of residence (the variable responsible for stress measurement) and unemployment (the variable characterizing economic decline). Combining microdata from the RLMS HSE survey and regional data from Rosstat, the authors estimate econometric models for 2019—2021, separately for men and women. The estimates obtained show that with an increase in the unemployment rate in the region by 1%, the likelihood of alcohol consumption has been decreasing by 2% for women in 2020, by 3% for men in 2020, and by 2% for men in 2021. The volume of consumption of pure ethanol among alcohol consumers increased by

спондентов увеличивались на 1—2% с ростом избыточной смертности в регионе на единицу (то есть 1 человека в расчете на 100 тыс. жителей) — это верно и для мужчин, и для женщин. Однозначной связи объемов потребляемого алкоголя с безработицей при этом не выявлено.

Исследование подтверждает гипотезу о том, что изменения в потреблении алкоголя российским населением в 2020—2021 гг. были обусловлены разнонаправленными факторами — стрессом и ухудшением экономического положения. Некоторые другие факторы поменяли свою значимость в 2020—2021 гг. в сравнении с «доквидным» годом: на вероятность потребления алкоголя стало влиять образование, причем у женщин — положительно, а у мужчин — отрицательно. В сравнении с базовым уровнем у женщин, имеющих образование более высоких ступеней, вероятность потреблять алкоголь хотя бы иногда возрастает на 20—30%, у мужчин, напротив, снижается на 10%. В 2021 г., в отличие от предыдущих лет, и вероятность, и объемы потребления алкоголя увеличивались с доходом как у мужчин, так и у женщин. Одновременно снижались вероятность и объемы потребления жителями поселков, и наоборот — стали больше пить мужчины, живущие в столицах. Исследование подтверждает, что потребление алкоголя находится под влиянием целого ряда факторов как микро-, так и макроуровня, и пандемия COVID-19 оказала воздействие на общую динамику потребления алкоголя.

Ключевые слова: вероятность потребления алкоголя, факторы потребления

1—2% with an increase in excess mortality in the region by one unit (that is, 1 person per 100 thousand inhabitants) for both men and women. At the same time, the analysis revealed no statistically significant relationship between the volume of alcohol consumption and unemployment.

The study generally confirms the hypothesis that, in 2020—2021, changes in alcohol consumption in Russia were caused by multidirectional factors, namely, stress and deterioration of the economic situation. Some other factors changed their significance in 2020—2021 compared to the pre-pandemic year. Thus, education became a significant factor of the probability of alcohol consumption, with a positive effect for women and a negative effect for men. Compared to the baseline level, in women with higher levels of education, the likelihood of consuming alcohol at least sometimes increases by 20-30%; in men, on the contrary, it decreases by 10%. In 2021, unlike in previous years, both the likelihood and amount of alcohol consumption were positively associated with income for both men and women. At the same time, both the probability and volume of consumption decreased for those living in small settlements, and conversely, men living in capital cities consumed more alcohol. The study confirms that a range of both micro- and macro-level factors influence alcohol consumption, and the COVID-19 pandemic contributed to its overall dynamics.

Keywords: likelihood of alcohol consumption, drivers of alcohol consumption

алкоголя, избыточная смертность, стресс, безработица, потребление алкоголя

tion, excess mortality, stress, unemployment, alcohol consumption

Благодарность. Исследование проводилось в рамках проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. The study was held within the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Потребление алкоголя, характерное для жителей большинства развитых стран мира, давно стало предметом изучения представителями самых разных наук — от медицины и психологии до социологии и экономики. Алкоголь — классический пример аддиктивного блага, потребление которого увеличивается по мере формирования привычки. Выбор потребителя может характеризоваться как рациональный или как «близорукий», в зависимости от того, осознает ли он возможные последствия [Becker, Murphy, 1988; Becker et al., 1994]. Особенность алкоголя как экономического блага также в том, что он оказывает влияние не только на самого пьющего, но и на других людей. Так называемые негативные экстерналии потребления алкоголя для общества — это сокращение рабочей силы и производительности труда, дополнительная нагрузка на систему здравоохранения, рост насилия, в том числе в семье, криминальная активность, ДТП, аварии на производстве, пожары. Вот почему потребительский выбор в данном случае не может быть свободным, а государства в тех странах, для которых характерен высокий уровень потребления алкоголя (в их числе и Россия), предпринимают специальные меры, так или иначе ограничивающие его.

Динамика потребления алкоголя во всех «пьющих» странах немонотонна: находясь под воздействием разнообразных факторов, она характеризуется выраженными циклами [Радаев, 2022]. Многочисленные исследования, проводившиеся на основе микроданных в разных странах мира, выделяют в качестве детерминант потребления алкоголя демографические (пол и возраст), социально-экономические (семейный статус, местожительства (крупные или мелкие города, села), образование, статус занятости, доходы или заработки) и меры антиалкогольной политики (акцизы или цены на спиртное, временные ограничения розничной торговли) [Рощина, Богданов, 2018]. Отдельные работы подтверждают влияние возрастной когорты и так называемых пир-эффектов, то есть поведения сверстников, объясняя им сокращение потребляемых объемов чистого спирта среди молодых людей [Radaev et al., 2020; Kueng, Yakovlev, 2021]. Другой пласт исследований концентрируется на макроуровне: они показывают, что выбор потребителя (пить — не пить, и если пить, то сколько) определяется, помимо прочего, социально-экономической обстановкой в стране. В годы кризисов, когда снижаются доходы и растет безработица, при прочих равных условиях люди меньше пьют и курят, больше занимаются спортом [Rhum, Black, 2002; Toffolutti, Suhrcke, 2014; Ásgeirsdóttir et al., 2016]. Таким образом, поведение потребителей в отношении алкоголя определяется как индивидуальными различиями, так и факторами макроуровня, действующими одновременно на всех жителей страны.

В России в последние годы наблюдался отчетливый тренд на сокращение потребления алкоголя: продажи спиртных напитков в пересчете на чистый спирт в расчете на душу взрослого населения снизились с 11,7 л в 2005 г. до 7,2 л в 2017 г.¹ Однако начиная с 2018 г. динамика изменилась: идет медленный, но устойчивый рост этого показателя, к 2021 г. он достиг 7,7 л. По-видимому, как сокращение, так и рост потребления алкоголя могли быть обусловлены рядом причин, и одна из них — кризис, вызванный пандемией COVID-19, которая стала серьезным шоком в жизни людей. Как отразилась пандемия на поведении россиян в отношении алкоголя? В этой работе мы показываем неоднозначное воздействие пандемии на выбор потребителя в терминах пить — не пить, а также на объемы потребления среди пьющих.

Пандемия COVID-19 и потребление алкоголя: обзор литературы

Как показали исследования, проведенные до пандемии, взаимосвязь экономических или социальных кризисов и потребления алкоголя объясняется двумя основными факторами: это эффект дохода и психологический стресс. С одной стороны, безработица, падение заработков и доходов могут приводить к сокращению частоты и/или объемов потребления алкоголя, который в экономических терминах трактуется как нормальное благо. Одновременно рост эмоционального беспокойства и тревоги из-за нестабильной экономической ситуации и неопределенности может стать причиной роста потребления алкоголя, которое выступает как средство облегчения стресса [De Goeij et al., 2015].

Пандемия COVID-19 стала источником особенного социального кризиса, соединившего в себе как масштабную заболеваемость и небывалый для развитых стран уровень смертности, так и падение производства, занятости и заработков. Кроме того, государства предпринимали специфические и беспрецедентные меры — ограничения передвижения людей, режим самоизоляции, прекращение работы многих предприятий и образовательных учреждений. Таким образом, и эффект дохода, и — в особенности — эффект стресса могли существенно повлиять на потребление алкоголя.

Неудивительно, что уже в 2020 г. появились исследования влияния пандемии на поведение потребителей в отношении алкоголя. Одно из них, проведенное в европейских странах, показало, что потребление алкоголя в первые месяцы пандемии статистически значительно снизилось во всех странах, включая Россию, кроме Ирландии и Великобритании. Такой результат был главным образом обусловлен снижением частоты эпизодического употребления алкоголя в больших разовых количествах. Снижение потребления было менее заметным среди людей с низким и средним уровнем доходов и среди тех, кто испытывал стресс из-за пандемии [Kilian et al., 2021]. Систематический обзор 45 работ об изменениях, наблюдавшихся на ранних стадиях пандемии [Roberts et al., 2021], выделяет противоположные тенденции: 1) рост потребления спиртного в отдельных группах населения как результат психологического стресса и 2) сокращение потребления из-за финансовых ограничений. Авторы отмечают, что в результате самоизоляции у людей возни-

¹ Расчеты авторов на основе данных Росстата; под взрослым населением, в соответствии с подходом Всемирной организации здравоохранения, понимается население в возрасте 15 лет и старше.

кают депрессивные расстройства или растет беспокойство, и это, в свою очередь, оказывается причиной роста потребления алкоголя. Большинство исследований, включенных в обзор, констатировали тенденцию к росту потребления алкоголя. Другая работа [Kim et al., 2020] также подтверждает, что психологический стресс усиливает риск рецидива среди людей, бросивших пить, и роста потребления алкоголя в целом, в то время как сокращение потребления может быть связано с ухудшением финансовых возможностей и закрытием точек общепита, продающих спиртное. Гипотеза о росте потребления алкогольной продукции в результате стресса в период пандемии рассматривалась и подтверждалась многими авторами [Sharma et al., 2022; Mojica-Perez et al., 2022]. В частности, в США особо отмечалось увеличение потребления спиртных напитков среди пожилых людей, подверженных тревоге и депрессии [Capasso et al., 2021], а в Австрии росло потребление среди тех, кто до этого страдал алкоголизмом: дополнительный фактор стресса становился риском рецидива [Yazdi et al., 2020].

Более поздние исследования детально изучали взаимосвязи изменений потребления спиртных напитков в период пандемии с социально-демографическими и поведенческими характеристиками индивидов. Так, в Бразилии среди факторов, способствующих росту потребления алкоголя, оказалось высшее образование [Schäfer et al., 2022]. В то же время гипотеза о том, что люди начинают больше пить, потеряв работу из-за пандемии, не подтвердилась ни в Израиле [Levy et al., 2021], ни в Великобритании [Green et al., 2022]. Наоборот, в Великобритании риск увеличения потребления алкоголя был выявлен для тех, кто был безработным уже продолжительное время до пандемии [Green et al., 2022].

Оценки влияния наличия детей в семье на уровень потребления алкоголя противоречивы. Во Франции отмечался рост объемов употребляемого алкоголя в ходе пандемии преимущественно среди тех, кто находился дома среди членов семьи [Villette et al., 2022]. Исследователи объясняют это тем, что из-за самоизоляции и закрытия детских садов и школ родителям приходилось одновременно следить за образованием детей, работать и выполнять обязанности по дому. В результате возникал психологический стресс и, как следствие, риск растущего потребления алкоголя. Однако исследование на данных Великобритании обнаружило обратную зависимость. Присутствие детей в домашнем хозяйстве рассматривается авторами как защитный механизм, предотвращающий рост потребления спиртных напитков, придающий смысл жизнедеятельности семьи во время самоизоляции [McAloney-Kocaman et al., 2022].

Многие исследователи отмечают поляризацию алкогольного поведения потребителей в период пандемии. Так, в США установлена статистически значимая связь между уровнем индивидуального потребления спиртного до и во время пандемии [Goodyear et al., 2022]: те, кто много пил раньше, увеличивали потребление, в отличие от непьющих или малоьющих. Исследования, проведенные в Норвегии весной и летом 2020 г., показали, что, хотя общий объем потребления алкоголя изменился в начале пандемии незначительно, увеличилась доля людей, злоупотребляющих алкоголем [Rossow et al., 2021].

В России исследования изменений потребительского поведения в отношении алкоголя в период пандемии пока немногочисленны. А. Немцов и Р. Гридин изучали потребление алкоголя в стране, основываясь на показателях продажи спирт-

ных напитков и запросов на покупку в интернете. Основываясь на трендах продаж, сложившихся в предшествующие пандемии годы, авторы пришли к выводу о росте потребления алкоголя, прежде всего за счет крепких напитков. Предположительно доминирующим фактором роста потребления крепкого алкоголя во время эпидемии коронавируса был стресс, несмотря на снижение покупательной способности населения, особенно во время второй волны эпидемии. Однако доказательств этой гипотезы не приводится — исследователи не располагают соответствующими данными [Немцов, Гридин, 2021].

А. Гиль и соавторы провели онлайн-опрос населения в первые месяцы пандемии и изучили различия в изменениях потребления алкоголя в разрезе социально-демографических групп. Оценки проведены на уровне парных корреляций. Была выявлена тенденция к поляризации: люди, изначально пьющие чаще и больше, увеличивали потребление, в то время как реже и меньше пьющие снижали потребление алкоголя. Негативные профессиональные и финансовые последствия пандемии и восприятие ситуации как стрессовой были связаны с более частым потреблением алкоголя, с увеличением типичного разового объема и с более частым эпизодическим потреблением алкоголя в больших разовых количествах [Гиль и др., 2021]. Изучая пользователей социальных сетей, А. Гиль и А. Демин обнаружили взаимосвязь увеличения как частоты, так и объемов потребления алкоголя среди мужчин и женщин с ограничениями в повседневной жизни, профессиональными и финансовыми проблемами [Гиль, Демин, 2021]. Другое исследование в этой целевой группе показало, что жители небольших населенных пунктов, испытывавшие негативные последствия пандемии в отношении профессиональной деятельности или финансового положения, были более склонны увеличивать потребление незарегистрированного алкоголя в первые месяцы пандемии [Gil, 2022]. Несмотря на выявленные зависимости, полученные результаты невозможно распространить за пределы исследуемых групп онлайн-респондентов и пользователей социальных сетей ввиду нерепрезентативности этих выборок.

В целом обзор показал, что влияние пандемии на поведение потребителей в отношении алкоголя разнонаправлено и может различаться в зависимости от тех или иных факторов. В этом исследовании мы проверяем гипотезу о том, что в России, как и в других странах, *потребление алкоголя изменялось в результате внешних шоков, связанных с пандемией: стресс увеличивал, а ухудшение экономической ситуации сокращало потребление*. В отличие от ранее опубликованных работ, выполненных на российских данных, мы используем результаты регулярных репрезентативных ежегодных опросов населения и методы регрессионного анализа, позволяющие контролировать одновременно многие факторы, воздействующие на потребление алкоголя.

Данные и описательные статистики

Исследование базируется на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)² за 2019—2021 гг. Это лонги-

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролина в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования: <http://www.hse.ru/rims> и <https://rims-hse.cpc.unc.edu>).

тюдное обследование населения, основанное на репрезентативной выборке и позволяющее проследить таким образом изменения во времени характеристик и поведения одних и тех же людей. Опросники РМЭЗ НИУ ВШЭ дают возможность подробно изучить социально-экономические и демографические характеристики респондента, а также оценить факт употребления алкоголя и объемы потребляемых спиртных напитков. Кроме того, есть возможность комбинировать микроданные РМЭЗ НИУ ВШЭ с официальными данными Росстата о ситуации в регионе проживания каждого респондента. В частности, далее мы оцениваем избыточную смертность как показатель остроты проявления пандемии в каждом из регионов проживания респондентов РМЭЗ, а также используем показатель безработицы по регионам как индикатор экономического неблагополучия³.

Базой для исследования выступает сбалансированная панель, состоящая из респондентов старше 16 лет в 2019 г., старше 17 в 2020 г. и старше 18 в 2021 г. В итоговую выборку вошли 7879 респондентов, среди которых 3188 мужчин и 4691 женщин (ежегодно). Число пьющих спиртные напитки хотя бы иногда постепенно сокращалось: в 2019 г. оно составило 4671, в 2020 г. — 4468, в 2021 г. — 4429 респондентов. В последний месяц перед опросом употребляли алкоголь в 2019 г. — 2853, в 2020 г. — 2625, в 2021 г. — 2550 человек.

Как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, за три рассматриваемых года наблюдается постепенное снижение как доли респондентов, пьющих алкоголь хотя бы иногда, в процентах от всей выборки (см. табл. 1), так и доли употреблявших алкоголь в течение последнего месяца перед опросом среди тех, кто в принципе пьет (см. табл. 2). Названные тренды характерны для мужчин и для женщин и согласуются с результатами других исследований, проведенных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за годы пандемии [Рощина, 2023], однако количественно происходившие изменения были совсем незначительными.

Среди тех, кто употреблял алкоголь в последний месяц перед опросом, колебания средних объемов потребления (в перерасчете на чистый спирт в граммах за месяц) незначительны. Можно отметить рост среднего объема чистого этанола, потребляемого мужчинами, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с последующим снижением в 2021 г., в то время как для женщин наблюдается обратная динамика (см. табл. 2).

Таблица 1. Число и доля респондентов, употреблявших алкоголь хотя бы иногда, во всей выборке, по полу и годам (N, %)

Год	Мужчины		Женщины	
	N, чел.	%	N, чел.	%
2019	2086	65,43	2585	55,11
2020	2044	64,12	2424	51,67
2021	2039	63,96	2390	50,95

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

³ В 2019—2021 гг. в выборку РМЭЗ НИУ ВШЭ входили респонденты из 35 регионов РФ. Распределение численности респондентов по регионам см. в таблице 1 «Стратификация территории РФ» на сайте <https://www.hse.ru/rims/sample> (дата обращения: 30.01.2024).

Таблица 2. Число и доля респондентов, употреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, среди пьющих и средние значения объема потребления чистого этанола за последний месяц по полу и годам, (г/мес.)

Год	Мужчины			Женщины		
	Н, чел.	%	Среднее (г/мес.) (ст. откл.)	Н, чел.	%	Среднее (г/мес.) (ст. откл.)
2019	1438	68,94	519,89 (784,71)	1415	54,74	177,65 (571,19)
2020	1374	67,22	532,70 (883,97)	1251	51,61	174,70 (334,60)
2021	1347	66,06	526,82 (851,41)	1203	50,33	182,09 (294,08)

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Хотя доля пьющих во всей выборке и доля употреблявших алкоголь за последний месяц незначительно сокращались и среди мужчин, и среди женщин, параллельно происходили разнонаправленные изменения долей мужчин и женщин, чрезмерно употреблявших спиртное. Согласно методике, утвержденной Приказом № 181 Федеральной службы государственной статистики от 29 марта 2019 г., умеренным считается потребление не более 168 грамм чистого спирта в неделю для мужчин и не более 84 грамм — для женщин⁴. Таким образом, мужчины, злоупотребляющие алкоголем, выпивают более 672 грамм в месяц, женщины — более 336 грамм в месяц. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ показывают, что среди пьющих мужчин доля злоупотребляющих алкоголем в два раза больше, чем среди пьющих женщин. Однако за годы пандемии наблюдались незначительный рост доли злоупотребляющих алкоголем женщин и небольшое уменьшение аналогичной доли среди мужчин (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение мужчин и женщин по уровням потребления алкоголя среди потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом (в %)

Уровень потребления алкоголя	Мужчины			Женщины		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Чрезмерно потребляли	21,63	21,32	20,19	10,74	11,19	12,97
Умеренно потребляли	78,37	78,68	79,81	89,26	88,81	87,03

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Расчеты также показывают некоторое снижение среди пьющих респондентов доли малопьющих (меньше 100 грамм чистого этанола в месяц) в 2021 г. по срав-

⁴ Методика расчета показателя «Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (процент)». Приложение к Приказу Росстата от 29 марта 2019 г. № 181. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MET_020013.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

нению с 2019 г., на 4,75 п. п. Особенно этот тренд очевиден для женщин. При этом доля мужчин и женщин, пьющих много (больше 1000 грамм чистого этанола в месяц), практически не менялась, что согласуется с результатами исследований, выполненных на других данных: потребительские привычки в отношении алкоголя, сформированные до пандемии, во многом определяют и поведение в «ковидные» годы [Гиль и др., 2021].

На потребление алкоголя, как правило, оказывает влияние возраст. В рассматриваемой выборке среди респондентов младшей и средней возрастных групп (моложе 30 лет и 31—45 лет, соответственно) наблюдались снижение среднего объема потребления чистого этанола в 2020 г. и его возвращение на уровень до пандемии в 2021 г. В старших возрастных группах (старше 46 лет) прослеживается обратная динамика с ростом объема потребления в 2020 г. и некоторым снижением в 2021 г., хотя к «доковидным» значениям потребление не возвращается. Незначительно, но монотонно меняется и структура часто пьющих по возрастам — доля молодых среди всех, потребляющих алкоголь в последний месяц, постепенно снижается, а доля самых старших — растет (см. табл. 4).

Таблица 4. Число и доля респондентов, употреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом и среднее значение объема потребления чистого этанола в месяц по возрастным группам

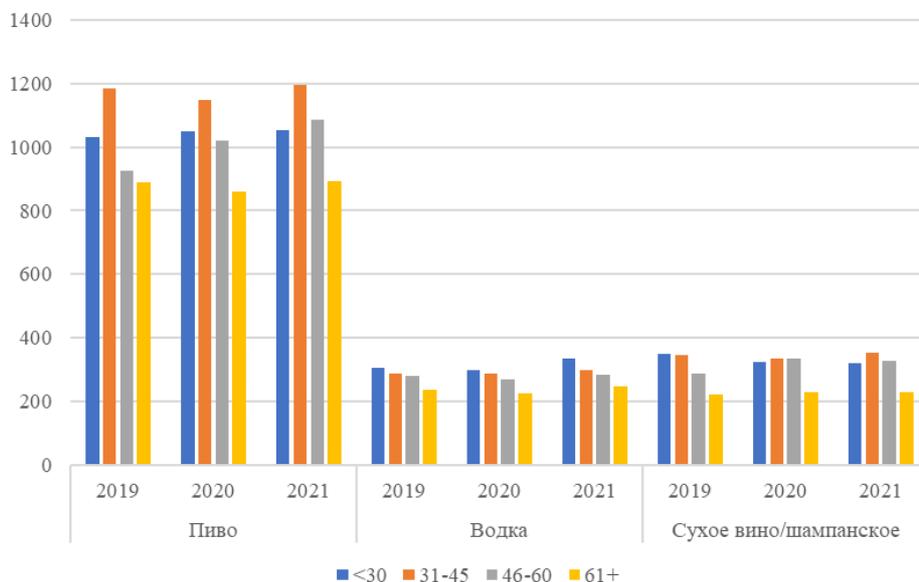
Возраст, лет	N, чел.			Доля среди употреблявших алкоголь хотя бы иногда, %			Среднее (г/мес.) (ст. откл.)		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
<30	355	309	286	12,4	11,8	11,2	272,15 (399,86)	244,25 (332,40)	271,18 (538,41)
31—45	969	888	837	34,0	33,8	32,8	372,82 (775,89)	353,45 (573,62)	378,97 (602,60)
46—60	867	810	776	30,4	30,9	30,5	375,94 (663,15)	415,56 (827,87)	391,13 (666,16)
61+	662	618	651	23,2	23,5	25,5	325,01 (783,64)	363,35 (814,87)	353,93 (805,55)

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Анализ динамики потребления наиболее популярных алкогольных напитков в разных возрастных группах показал рост потребления водки среди респондентов младше 45 лет (на 3,9% для группы 31—45; на 9,3% для группы младше 30 лет); для старших возрастных групп (>46 лет) наблюдается незначительное снижение потребления водки в 2020 г. с возвращением на уровень 2019 года в 2021 г. (снижение на 3,5%). Рост потребления пива за рассматриваемый период можно отметить среди респондентов младше 30 лет и в возрастной группе 46—60 лет (на 1,9% и 17,4%, соответственно). Потребление сухого вина и шам-

панского было относительно стабильным для всех возрастных групп, за исключением 46—60-летних, увеличивших объемы потребления этих напитков в 2020 г. (на 17,01 %) (см. рис. 1).

Рис. 1. Среднее значение объема потребления отдельных алкогольных напитков по возрастным группам (г/мес., без перерасчета на чистый этанол), по годам среди респондентов, употреблявших алкогольные напитки в последний месяц перед опросом⁵

Сокращение доли респондентов, потребляющих алкоголь хотя бы иногда, является не только для всей выборки, а также для мужчин и женщин по отдельности, но и для жителей всех типов населенных пунктов — в среднем на 3—4 п. п. за два года. Проведенные расчеты демонстрируют снижение доли пьющих в 2020 и 2021 гг. по сравнению с 2019 г. (см. табл. 5).

Таблица 5. Число и доля респондентов, потребляющих алкоголь хотя бы иногда, в зависимости от местожительства, по годам

Место жительства	N, чел.			%		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Москва и Санкт-Петербург	635	589	588	73,07	67,78	67,66
Областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	1555	1522	1501	65,72	64,33	63,44
Город (кроме областных центров)	1211	1149	1143	61,91	58,74	58,62
Село и ПГТ	1270	1208	1197	47,25	44,94	44,43

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

⁵ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

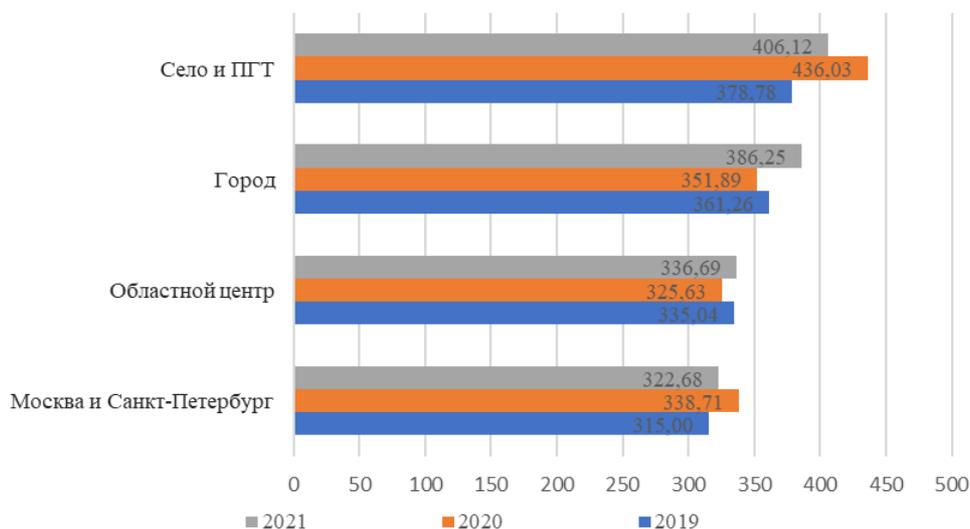
Таблица 6. Доля респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, среди пьющих хотя бы иногда, в зависимости от местожительства, по полу и годам (%)

Место жительства	Мужчины			Женщины		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Москва и Санкт-Петербург	70,98	73,68	77,33	62,63	61,40	65,69
Областной центр (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	69,54	68,80	68,27	52,85	49,15	46,19
Город (кроме областных центров)	74,76	71,23	69,53	58,68	51,47	52,30
Село и ПГТ	62,25	59,22	55,82	48,65	49,59	45,20

Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Чаще потребляют алкоголь жители столиц, а реже — сельские жители (см. табл. 6). Что же касается объемов потребления в зависимости от места жительства, то можно отметить неоднородную динамику среди жителей разных типов населенных пунктов. В селах и ПГТ увеличилось подушевое потребление алкоголя в начале пандемии — на 7,4% в 2020 г. по сравнению с 2019 г., с последующим снижением в 2021 г. Рост объема подушевого потребления в 2020 г. наблюдается также в Москве и Санкт-Петербурге — на 4,9%. В других городах и областных центрах в начале пандемии коронавирусной инфекции объем потребления снизился, но в 2021 г. практически вернулся на прежний уровень (см. рис. 2).

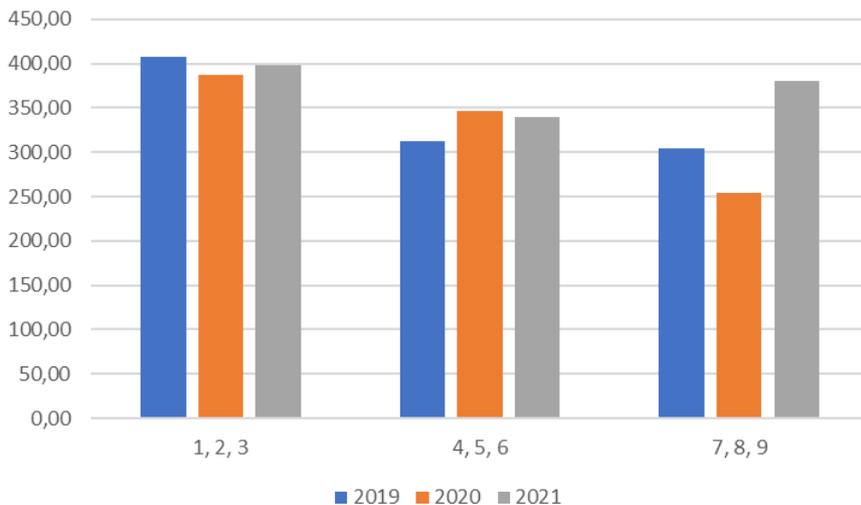
Рис. 2. Среднее значение объема потребления чистого этанола (г/мес.) среди респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, в зависимости от местожительства и года⁶

⁶ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

Пандемия COVID-19 сопровождалась ухудшением материального положения для многих людей, что могло изменить потребительское поведение в отношении алкоголя. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют оценить изменение объема потребляемого алкоголя с учетом получаемого дохода. На рисунке 3 представлена зависимость объема чистого этанола, потребляемого в месяц, от позиции респондента на лестнице доходов, состоящей из 9 ступеней (индивиды были объединены по ступеням дохода в три группы: 1—3 — доход ниже среднего, 4—6 — средний доход, 7—9 — доход выше среднего). В группе респондентов, определяющих свой доход как средний, наблюдается увеличение потребления алкоголя в период пандемии. Среди тех, кто считает свой доход низким, заметно небольшое сокращение потребления в 2020 г. с возвращением примерно на прежний уровень в 2021 г. Среди респондентов, высоко оценивающих свои доходы, наблюдается сокращение потребления в 2020 г. и далее его существенный рост в 2021 г. (см. рис. 3).

Рис. 3. Среднее значение объема потребления чистого этанола (г/мес.) среди респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, в зависимости от положения на лестнице доходов и года⁷

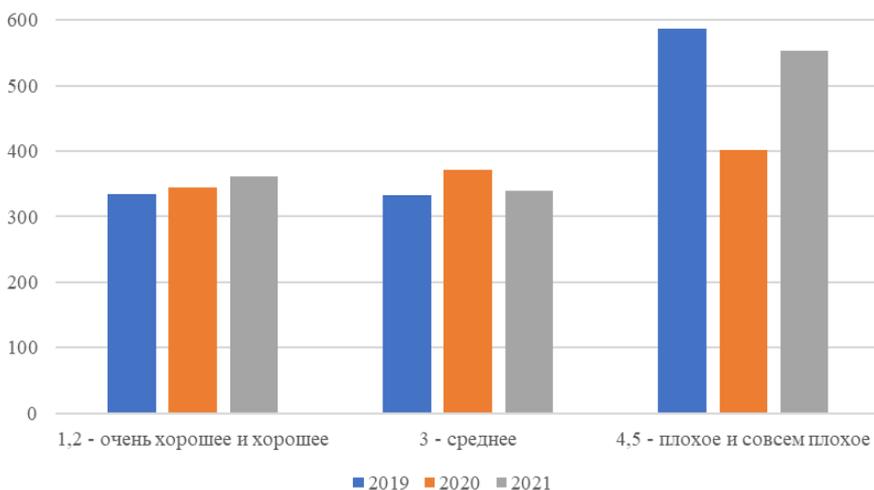

Здоровье населения подвергалось значительному риску в период пандемии коронавирусной инфекции. Изменение самочувствия могло существенно повлиять на уровень потребления алкоголя. Чтобы проверить эту связь, мы использовали ответы на вопрос о самооценке здоровья респондента. Для анализа респонденты были объединены в три группы: оценившие свое здоровье как хорошее и очень хорошее, как среднее и как плохое или как совсем плохое. Рисунок 4 демонстрирует увеличение потребления алкоголя в группе респондентов, назвавших свое здоровье очень хорошим и хорошим. Среди респондентов, оценивших свое здоровье как плохое и совсем плохое, уровень потребления алкоголя в целом суще-

⁷ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

ственно выше, чем в других группах. Однако в 2020 г. он значительно снизился, а в 2021 г. снова возрос.

Рис. 4. Среднее значение (М) объема потребления чистого этанола (г/мес.) среди респондентов, потреблявших алкоголь в последний месяц перед опросом, в зависимости от самооценки здоровья, по годам⁸

Дескриптивный анализ данных показывает в целом разнонаправленную динамику потребления алкоголя в разных группах населения. Общий тренд сокращения доли людей, потребляющих алкоголь хотя бы изредка, наблюдается как для всей выборки, так и для отдельных групп — гендерных, возрастных, жителей населенных пунктов разных типов. Однако доли пьющих в последний месяц перед опросом, как и объемы потребления чистого этанола и отдельных спиртных напитков, не показывают сколько-нибудь отчетливой единообразной динамики в годы пандемии в сравнении с 2019 г. На уровне дескриптивного анализа практически все выявленные изменения — как в долях пьющих, так и в объемах потребления отдельных напитков, в том числе по различным группам населения, — оказываются статистически незначимыми (значимость различий проверялась с помощью t-тестов и z-тестов). Поэтому, чтобы ответить на вопрос о влиянии пандемии на потребление алкоголя, необходим более детальный многофакторный регрессионный анализ.

Регрессионный анализ

Чтобы выделить влияние отдельных факторов на изменение потребления алкоголя в 2020 и 2021 гг., мы использовали эконометрические модели. Строились последовательно: пробит-модель, отражающая вероятность потребления алкоголя, и линейная регрессия, показывающая, какой объем алкоголя (в пересчете на чистый спирт) потребляют респонденты. Модели оценивались по отдельности для

⁸ Источник: рассчитано авторами по данным репрезентативных выборок РМЭЗ НИУ ВШЭ за соответствующие годы.

мужчин и для женщин на подвыборках для каждого года, с 2019 по 2021 г. (все-го оценено 12 моделей). Благодаря этому мы можем увидеть различия в коэффициентах при одних и тех же переменных как в гендерном разрезе, так и по годам.

В процессе построения моделей из выборки для каждого года были удалены пропущенные и цензурированные значения переменных («нет ответа», «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа»), что определило разное число наблюдений для оценки кросс-секционных регрессий в разные годы.

Помимо данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2019—2021 гг., использовались официальные данные Росстата об уровне безработицы, номинальных ценах водки и средней номинальной заработной плате в регионах проживания респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ в ноябре 2019, 2020 и 2021 гг.⁹

В качестве зависимых переменных выступали:

drink = бинарная переменная [1 — пьет хотя бы иногда, 0 — не пьет];

ln(alc_{ohol}) = непрерывная переменная, натуральный логарифм суммарного индивидуального объема потребления алкоголя в граммах за месяц в пересчете на чистый спирт. Объем потребляемого чистого спирта рассчитывался на основе ответов респондентов о потреблении различных спиртных напитков за последнюю неделю перед опросом, объемы которых переводились в чистый спирт, исходя из крепости (водка — 40 %, коньяк — 40 %, виски — 40 %, самогон — 45 %, вина крепленые — 20 %, вина сухие и игристые — 12 %, брага — 11 %, алкогольные коктейли — 10 %, пиво — 5 %).

Независимые переменные:

age = число полных лет респондента на момент опроса;

agesq = квадрат числа полных лет респондента;

gender = бинарная переменная, пол индивида [1 — мужчина, 0 — женщина].

Категориальные переменные были перекодированы с помощью создания бинарной переменной для каждой категории с выбором одной из них в качестве базовой:

place = категориальная переменная, место жительства индивида, село было выбрано за базу [1 — село, 2 — поселок городского типа, 3 — город (не областной центр), 4 — областной центр (не Москва и Санкт-Петербург), 5 — Москва и Санкт-Петербург];

edu = категориальная переменная, образование индивида, минимальный уровень — 0—6 классов выбрано за базу [1—0—6 классов, 2 — незаконченное среднее образование 7—8 классов плюс что-то еще, 3 — законченное среднее общее образование, 4 — законченное среднее специальное образование, 5 — законченное высшее образование и выше];

marst = бинарная переменная, семейное положение индивида [1 — состоит в браке (зарегистрированном или нет), 0 — не состоит в браке];

work = бинарная переменная, наличие работы у респондента; имеет работу, если выбраны ответы: сейчас работает; находится в декретном, оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске. [1 — есть работа, 0 — нет работы];

kids = число детей младше 18-ти лет у респондента;

⁹ Официальная статистика // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 20.10.2023).

income = категориальная переменная, положение индивида на лестнице доходов, 1 — самые бедные — было выбрано за базу [от 1 — самые бедные до 8 (объединены с 9-й ступенью) — самые богатые];

health = категориальная переменная, самооценка индивидом здоровья, совсем плохое и плохое здоровье было выбрано за базу [1 — совсем плохое и плохое здоровье, 2 — среднее, 3 — хорошее и очень хорошее];

smoke = бинарная переменная, статус курильщика на момент опроса [1 — курит, 0 — не курит];

unemployment_rate = уровень безработицы — доля безработного населения в составе рабочей силы (в %, за ноябрь соответствующего года) в регионе проживания респондента. Добавлена в качестве показателя экономического неблагополучия региона во время пандемии.

norm_price = средняя номинальная цена 1 л водки в регионе проживания респондента, нормированная на среднюю зарплату в регионе за ноябрь¹⁰ соответствующего года.

excess_mortality = превышение фактического уровня смертности в регионе проживания респондента над ожидаемым (человек, на 100 тыс. населения региона, за ноябрь соответствующего года). Показатель был рассчитан для 2020 и 2021 гг. для каждого из регионов проживания респондентов РМЭЗ НИУ ВШЭ: сначала была рассчитана фактическая средняя смертность на 100 тыс. человек населения региона за ноябрь 2017, 2018 и 2019 гг.; далее из относительной смертности за ноябрь (2020 и 2021 гг. соответственно) было вычтено среднее значение относительной смертности за ноябрь 2017—2019 гг. в том же регионе.

Таким образом, при построении регрессионных моделей мы оцениваем возможное влияние на вероятность и объемы потребляемого алкоголя не только «стандартных» показателей, таких как социально-демографические характеристики респондентов, их местожительства и реальные цены на алкоголь в регионе, но также и факторов, связанных с пандемией. Это безработица, отражающая экономическое неблагополучие, и избыточная смертность, которая используется демографами в качестве показателя реального уровня заболеваемости и смертности от COVID-19 [Leon et al., 2020].

Пробит-модель

Оценка вероятностей потребления респондентами алкогольных напитков (потребление «хотя бы иногда») проведена с использованием пробит-регрессии следующего вида:

$$P(\text{drink}) = f(\beta_0 + \beta_1 \text{age} + \beta_2 \text{agesq} + \beta_3 \text{marst} + \beta_4 \text{work} + \beta_5 \text{kids} + \beta_6 \text{smoke} + \beta_7 \text{place} + \beta_8 \text{edu} + \beta_9 \text{income} + \beta_{10} \text{health} + \beta_{11} \text{unemployment_rate} + \beta_{12} \text{norm_price} + \beta_{13} \text{excess_mortality} + \varepsilon_i)$$

Для интерпретации коэффициентов пробит-моделей были рассчитаны средние предельные эффекты.

Линейная модель

Для оценки объема алкоголя, потребляемого индивидами, в зависимости от социально-экономических характеристик была использована линейная регрессия следующего вида:

¹⁰ Опрос респондентов в рамках РМЭЗ НИУ ВШЭ проводится в основном в ноябре.

$$\ln(\text{alcohol}) = \beta_0 + \beta_1 \text{age} + \beta_2 \text{agesq} + \beta\beta_3 \text{marst} + \beta_4 \text{work} + \beta_5 \text{kids} + \beta_6 \text{smoke} + \beta_7 \text{place} + \beta_8 \text{edu} + \beta_9 \text{income} + \beta_{10} \text{health} + \beta_{11} \text{unemployment_rate} + \beta_{12} \text{norm_price} + \beta_{13} \text{excess_mortality} + \varepsilon_i$$

Для борьбы со смещенностью выборки у респондентов, не потреблявших алкоголь вовсе или не пивших в последний месяц перед опросом (со значением переменной $\text{alcohol} = 0$), значение переменной alcohol было заменено на единицу, с тем чтобы после логарифмирования зависимая переменная принимала нулевое значение.

Все регрессии оценивались отдельно для мужчин и женщин, так как существует гендерная дифференциация в потреблении алкоголя. Для проверки были проведены тесты, результаты которых подтвердили необходимость оценки двух отдельных моделей.

В оценки всех моделей за 2019 г. переменная избыточной смертности не включалась, так как в этом году продолжался сложившийся ранее тренд на снижение смертности.

Для повышения качества подгонки при оценке всех моделей были выявлены и отфильтрованы выбросы (наблюдения, которые плохо предсказываются моделью) с помощью построения диаграммы влияния. Для предупреждения проблемы гетероскедастичности были использованы робастные ошибки Уайта.

Все оценки проводились с использованием статистического программного обеспечения R (версия 4.2.1; R Core Team 2022).

Полные результаты эконометрических оценок представлены в приложении — это средние предельные эффекты пробит-моделей, оцененных для мужчин и женщин на выборках за 2019, 2020 и 2021 гг. (см. табл. 1 приложения) и коэффициенты линейных моделей для мужчин и женщин на выборках за 2019, 2020 и 2021 гг. (см. табл. 2 приложения).

Результаты моделирования

Оценки средних предельных эффектов для пробит-моделей показывают, что вероятность потребления алкоголя во все рассматриваемые годы положительно связана со статусом занятого и наличием семьи, а также со статусом курильщика (как у мужчин, так и у женщин) и с хорошим здоровьем. Во все годы городские мужчины и женщины чаще потребляют спиртное в сравнении с жителями села. В 2021 г. вероятность потребления алкоголя становится значимо ниже (на 10 %) для жителей ПГТ по сравнению с жителями сел, чего не наблюдалось в предыдущие годы. В 2019 г. образование более высокого уровня по сравнению с базовым (до 6 класса) не было значимым фактором, связанным с вероятностью потребления алкоголя. Но в годы пандемии — 2020—2021 гг. — вероятность потребления оказывается положительно связанной с более высоким образованием женщин и отрицательно — с более высоким образованием мужчин (в сравнении с базовым). У женщин, имеющих образование более высоких ступеней, вероятность потреблять алкоголь хотя бы иногда возрастает на 20—30 %, у мужчин, напротив, снижается на 10 %. Фактор дохода статистически не связан с вероятностью потребления алкоголя в 2019—2020 гг., однако в 2021 г. между ними появляется отчетливая положительная связь и у мужчин, и у женщин. Все респонденты, которые помещают себя на лестнице доходов

со второй по седьмую ступени, пьют алкоголь значительно чаще (на 10—20%), чем те, кто находится на первой ступени (самые бедные). Реальные цены на водку сокращают вероятность потребления алкоголя во все рассматриваемые годы, что соответствует результатам предыдущих исследований [Yakovlev, 2018].

Оцененные коэффициенты линейных регрессионных моделей говорят о положительном влиянии возраста на объемы потребляемого алкоголя и о позитивной связи объемов потребления со статусом занятого (2019—2020 гг. для всех респондентов, в 2021 г. — только для женщин) и статусом курильщика. В 2021 г. наличие детей значительно снижает объемы потребления у женщин. Объемы потребления алкоголя, так же, как и его вероятность, выше в городах и областных центрах в сравнении с селами. В 2021 г. объемы потребления и у мужчин, и у женщин становятся ниже в ПГТ в сравнении с селами. И наоборот, значимый фактор растущего потребления в 2021 г. — проживание в столице, но только у мужчин. И у мужчин, и у женщин значимым фактором, увеличивающим объем потребления, в 2021 г. становится более высокий доход в сравнении с первой ступенью «доходной лестницы». Во все рассматриваемые годы средний уровень здоровья в сравнении с плохим здоровьем ассоциируется с более высокими объемами потребления спиртного — и у мужчин, и у женщин. Самооценка здоровья как хорошего и очень хорошего, в принципе более характерна для мужчин, также положительно связана у них с объемами потребления алкоголя. Для женщин такая связь наблюдалась только в 2019 г. Реальные цены на водку снижают объемы потребления и для мужчин, и для женщин.

Наоборот, избыточная смертность в регионе проживания респондентов в 2020—2021 гг. увеличивает объемы алкоголя, потребляемые и женщинами, и мужчинами. Безработица, которая сокращала объемы потребления среди мужчин в 2019 г., в 2020 г. стала незначимой переменной в моделях и для мужчин, и для женщин, а в 2021 г. стала положительно ассоциироваться с объемами алкоголя, потребляемого женщинами (см. табл. 7). С ростом уровня безработицы в регионе на 1% вероятность потребления алкоголя снижалась на 2% у женщин и на 3% у мужчин в 2020 г., на 2% у мужчин в 2021 г. В 2020 и 2021 гг. объемы потребления чистого этанола среди пьющих респондентов увеличивались на 1—2% с ростом избыточной смертности в регионе на единицу (то есть на 1 человека в расчете на 100 тыс. жителей) — это верно и для мужчин, и для женщин (см. табл. 1 и 2 приложения).

Таблица 7. **Результаты эконометрического анализа: значимость и направленность связи индикаторов пандемии и потребления алкоголя (+/– — положительная/отрицательная связь)**

	Вероятность потребления			Объемы потребления		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Избыточная смертность		Незначима	Значима + Мужчины и женщины		Значима + Мужчины и женщины	Значима + Мужчины и женщины
Безработица	Значима – Мужчины и женщины	Значима – Мужчины и женщины	Значима – Мужчины	Значима – Мужчины	Незначима	Значима + Женщины

Заключение

Проведенное исследование показало, что в годы пандемии продолжалось постепенное сокращение доли россиян, пьющих спиртные напитки хотя бы иногда. Такой позитивный тренд в принципе характерен для России: сегодня потребляют алкоголь менее 60% взрослого населения, тогда как в начале 1990-х годов этот показатель был около 80%. Эта тенденция прослеживается как для отдельных демографических групп, так и для жителей населенных пунктов разных типов. В 2020—2021 гг. многие факторы, увеличивающие потребление алкоголя, сохраняли свою значимость — это мужской пол и возраст, самооценка здоровья как среднего и хорошего, проживание в городе, трудовая занятость, курение. Кроме того, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдалась отрицательная связь вероятности и масштабов потребления чистого этанола и реальных цен на водку. Все названные факторы и ранее неоднократно отмечались как корреляты спроса на алкоголь [Рощина, Богданов, 2018].

Однако, как оказалось, в годы до и во время пандемии отдельные факторы, связанные с потреблением алкоголя, имели неодинаковую значимость. Так, в 2020—2021 гг. женщины с относительно высоким уровнем образования (в сравнении с имеющими 0—6 классов образования) с большей вероятностью пили спиртное, в этот же период мужчины с образованием выше 6 классов, наоборот, пили реже менее образованных. В 2019 г. таких связей не обнаружено. 2021 г. меняет поведение потребителей, живущих в поселениях разного типа: значительно сокращаются вероятность и объемы потребления алкоголя жителями ПГТ и наоборот, растет потребление жителей городов и областных центров в сравнении с жителями сел. В этом же году для женщин становится значимым фактор наличия детей: те, у кого есть дети, пьют меньше, чем бездетные. И женщины, и мужчины в 2021 г. пьют чаще и больше с ростом доходов. Мы наблюдаем, таким образом, неоднородные тенденции и определенную поляризацию потребления алкоголя, особенно на втором году пандемии.

В этом исследовании нас интересовали прежде всего непосредственные индикаторы пандемии, различавшиеся по регионам проживания респондентов. Это избыточная смертность — прокси-переменная уровня заболеваемости и смертности от COVID-19, а также переменная безработицы. Рост заболеваемости и смертности увеличивает стресс, тогда как безработица — показатель экономического неблагополучия в регионе. Как и ожидалось, оба индикатора статистически значимо связаны с вероятностью и/или объемами потребляемого алкоголя (см. табл. 7 и приложение).

В 2021 г. вероятность потребления спиртных напитков выше в тех регионах, где уровни смертности особенно высоки. И в 2020, и в 2021 г. в таких регионах больше и объемы выпитого в расчете на одного потребителя. Это верно при прочих равных условиях, а значит, стресс, вызванный пандемией, способствует росту потребления алкоголя. Этот результат согласуется с выводами многих работ, выполненных на данных других стран [Roberts et al., 2021; Sharma et al., 2022; Mojica-Perez et al., 2022], а также российских исследований, называющих стресс причиной роста потребления алкоголя [Немцов, Гридин, 2021; Гиль и др., 2021].

Связь безработицы и поведения потребителей в отношении алкоголя оказалась не столь однозначной. Вероятность потребления спиртного значимо отрицатель-

но коррелирует с безработицей и у мужчин, и у женщин в 2019—2020 гг. и у мужчин в 2021 г. Такой результат вполне соответствует выводам зарубежных исследований, доказывающих, что кризис в экономике снижает распространенность вредных привычек [Rhum, Black, 2002; Toffolutti, Suhrcke, 2014; Ásgeirsdóttir et al., 2016]. Однако значимая отрицательная корреляция объемов выпитого с безработицей обнаружена только для мужчин в 2019 г., в 2020 г. связь становится незначимой, а в 2021 г. для женщин отмечается положительная корреляция. Возможно, такой результат объясняется тем, что в 2020 г. правительство инициировало беспрецедентные меры материальной поддержки населения, в частности увеличение в полтора раза максимального уровня пособия по безработице, которое действовало до конца 2021 г.¹¹ Безработица, таким образом, не влияла столь существенно на ухудшение материального положения населения, как это могло бы быть в отсутствие государственной поддержки.

Гипотеза исследования в целом подтвердилась: изменения в потреблении алкоголя российским населением в 2020—2021 гг. были обусловлены разнонаправленными факторами — стрессом и ухудшением экономического положения. Потребление алкоголя находится под влиянием целого ряда факторов как микро-, так и макроуровня, и пандемия COVID-19 внесла свой вклад в общую динамику.

Среди ограничений проведенного анализа нужно отметить невозможность выделить потребление незарегистрированного алкоголя и, соответственно, его роль в итоговых показателях потребления. С помощью данных РМЭЗ НИУ ВШЭ можно оценить только частоту и объемы потребления самогона, а это лишь небольшая часть всего незарегистрированного алкоголя. Для изучения вклада незарегистрированного алкоголя в годы пандемии требуются специальные исследования с привлечением других данных.

Список литературы (References)

Гиль А. Ю., Вышинский К. В., Фадеева Е. В., Хальфин Р. А. Изменения особенностей потребления алкоголя в Российской Федерации в первые месяцы пандемии COVID-19 // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2021. № 5—6. С. 63—73. <http://doi.org/10.26347/1607-2502202105-06063-073>.

Gil A. U., Vyshynsky K. V., Fadeeva E. V., Khalfin R. A. (2021) Changes in Alcohol Consumption in the Russian Federation during the First Months of the Covid-19 Pandemic. *Health Care Standardization Problems*. No. 5—6. P. 63—73. <http://doi.org/10.26347/1607-2502202105-06063-073>. (In Russ.)

Гиль А. Ю., Демин А. К. Факторы, взаимосвязанные с ростом потребления алкоголя в первые месяцы пандемии COVID 19 среди пользователей социальных онлайн сетей в России // Вестник РГМУ. 2021. № 6. С. 127—39. <http://doi.org/10.24075/vrgmu.2021.064>.

Gil A. U., Demin A. K. (2021) Factors Associated with Increase in Alcohol Consumption during First Months of Covid-19 Pandemic Among Online Social Media Users in Rus-

¹¹ Увеличение максимального пособия по безработице // Правительство России. URL: http://government.ru/support_measures/measure/19 (дата обращения: 30.01.2024).

sia. *Bulletin of RSMU*. No. 6. P. 127—39. <http://doi.org/10.24075/vrgmu.2021.064>. (In Russ.)

Немцов А. В., Гридин Р. В. Потребление алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // *Общественное здоровье*. 2021. Т. 1. № 2. С. 28—47. <http://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49>

Nemtsov A. V., Gridin R. V. (2021) Alcohol Consumption during the Coronavirus Epidemic in Russia. *Public Health*. Vol. 1. No. 2. P. 28—47. <http://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-28-49>. (In Russ.)

Радаев В. В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980—2010-е годы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>.

Radaev V. V. (2022) Alcohol Cycles: Trends in the Alcohol Consumption in the Soviet and Post-Soviet Russia, 1980—2010. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 327—351. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2180>. (In Russ.)

Рощина Я. М., Богданов М. Б. Что влияет на потребление алкоголя и табака: обзор экономических, социологических концепций и эмпирических результатов // *Экономическая социология*. 2018. Т. 19. № 4. С. 134—171. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-134-171>.

Roshchina Y. M., Bogdanov M. B. (2018) What Influences Alcohol and Tobacco Consumption: Review of Economic and Sociological Concepts and Empirical Results. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 19. No. 4. P. 134—171. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-4-134-171>. (In Russ.)

Рощина Я. М. Образ жизни россиян разного возраста во время второго года пандемии. // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ)*. Вып. 13: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2023. С. 94—124. — URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik13>.

Roshchina Y. M. (2023) Lifestyle of Russians of Different Ages during the Second Year of the Pandemic. *Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey of the NRU HSE (RM EZ NIU VShE)*. Vol. 13. P. 94—124. (In Russ.) <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik13>.

Ásgeirsdóttir T., Corman H., Noonan, K., Reichman, N.E. (2016) Lifecycle Effects of a Recession on Health Behaviors: Boom, Bust, and Recovery in Iceland. *Economics & Human Biology*. Vol. 20. P. 90—107. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2015.11.001>.

Becker G. S., Grossman M., Murphy K. M. (1994) An Empirical Analysis of Cigarette Addiction. *The American Economic Review*. Vol. 84. No.3. P. 396—418. <https://doi.org/10.7312/gros17812-025>.

Becker G. S., Murphy K. M. (1988) A Theory of Rational Addiction. *Journal of Political Economy*. Vol. 96. No. 4. P. 675—700. <https://doi.org/10.1086/261558>.

Capasso A., Jones A. M., Ali S. H., Foreman J., Tozan Y., DiClemente R. J. (2021) Increased Alcohol Use during the COVID-19 Pandemic: The Effect of Mental Health and Age in a Cross-sectional Sample of Social Media Users in the U.S. *Preventive Medicine*. Vol. 145. Art. 106422. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2021.106422>.

De Goeij M. C., Suhrcke M., Toffolutti V., van de Mheen D., Schoenmakers T. M., Kunst A. E. (2015) How Economic Crises Affect Alcohol Consumption and Alcohol-related Health Problems: A Realist Systematic Review. *Social Science & Medicine*. Vol. 131. P. 131—146. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2015.02.025>.

Gil A. (2022) Unrecorded Alcohol Consumption During First Months of COVID-19 Pandemic Among Online Social Media Users in Russia. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 76. Art. A79. <https://doi.org/10.1136/jech-2022-SSMabstracts.165>.

Goodyear K., Moyo P., Avila J. C., Ahluwalia J. S., Monnig M. A. (2022) Associations Between Alcohol and Cannabis Use before and during the COVID-19 Pandemic: Results of a Community Survey. *Addictive Behaviors Reports*. Vol. 16. Art. 100455. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2022.100455>.

Green M. J., Maddock J., Di Gessa G. et al. (2022) The UK Coronavirus Job Retention Scheme and Smoking, Alcohol Consumption and Vaping during the COVID-19 Pandemic: Evidence from Eight Longitudinal Population Surveys. *BMC Medicine*. Vol. 20. No. 1. P. 1—12. <https://doi.org/10.1186/s12916-022-02511-0>.

Kilian, C., Rehm, J., Allebeck, P., Braddick, F., Gual, A., Barták, M., Bloomfield, K., Gil, A., Neufeld, M., O'Donnell, A., Petruželka, B., Rogalewicz, V., Schulte, B., Manthey, J., European Study Group on Alcohol Use and COVID-19 (2021) Alcohol Consumption during the COVID-19 Pandemic in Europe: A Large-scale Cross-sectional Study in 21 Countries. *Addiction*. Vol. 116. No. 12. P. 3369—3380. <https://doi.org/10.1111/add.15530>.

Kim J. U., Majid A., Judge R., Crook P., Nathwani R., Selvapatt N., Lovendoski J., Manousou P., Thursz M., Dhar A., Lewis H., Vergis N., Lemoine M. (2020) Effect of COVID-19 Lockdown on Alcohol Consumption in Patients with Pre-existing Alcohol Use Disorder. *The Lancet. Gastroenterology & Hepatology*. Vol. 5. No. 10. P. 886—887. [https://doi.org/10.1016/s2468-1253\(20\)30251-x](https://doi.org/10.1016/s2468-1253(20)30251-x).

Kueng L., Yakovlev E. (2021) The Long-Run Effects of a Public Policy on Alcohol Tastes and Mortality. *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 294—328. <https://doi.org/10.1257/pol.20180439>.

Leon D. A., Shkolnikov V. M., Smeeth L., Magnus P., Pechholdová M., Jarvis Ch. I. (2020) COVID-19: A Need for Real-time Monitoring of Weekly Excess Deaths. *The Lancet*. Vol. 395. No. 10234. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30933-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30933-8).

Levy I., Cohen-Louck K., Bonny-Noach H. (2021) Gender, Employment, and Continuous Pandemic as Predictors of Alcohol and Drug Consumption during the COVID-19. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 228. Art. 109029. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.109029>.

McAloney-Kocaman K., McPherson K.E., McGlinchey E., Armour C. (2022) Factors Associated with Changing Alcohol Consumption during the First UK Lockdown. *European Journal of Public Health*. Vol. 32. No. 5. P. 766—772. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckac124>.

Mojica-Perez Y., Livingston M., Pennay A., Callinan S. (2022) Examining the Relationship Between Alcohol Consumption, Psychological Distress and COVID-19 Related Circumstances: An Australian Longitudinal Study in the First Year of the Pandemic. *Addictive Behaviors*. Vol. 135. Art. 107439. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2022.107439>.

Radaev V., Roshchina Y., Salnikova D. (2020) The Decline in Alcohol Consumption in Russia from 2006 to 2017: Do Birth Cohorts Matter? *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 55. No. 3. P. 323—335. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agua017>.

Rhum C.J., Black W.E. (2002) Does Drinking Really Decrease in Bad Times? *Journal of Health Economics*. Vol. 21. No. 4. P. 659—678. [https://doi.org/10.1016/s0167-6296\(02\)00033-4](https://doi.org/10.1016/s0167-6296(02)00033-4).

Roberts A. et al. (2021) Alcohol and Other Substance Use during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review. *Drug and Alcohol Dependence*. Vol. 229. Art. 109150. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.109150>.

Rossow I., Bye E.K., Moan I.S., Kilian C., Bramness J.G. (2021) Changes in Alcohol Consumption during the COVID-19 Pandemic — Small Change in Total Consumption, but Increase in Proportion of Heavy Drinkers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 8. Art. 4231. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084231>.

Schäfer A.A., Santos L.P., Quadra M.R., Dumith S.C., Meller F.O. (2022) Alcohol Consumption and Smoking during Covid-19 Pandemic: Association with Sociodemographic, Behavioral, and Mental Health Characteristics. *Journal of Community Health*. Vol. 47. No. 4. P. 588—597. <https://doi.org/10.1007/s10900-022-01085-5>.

Sharma P., Kamath C., Kurani S., Pazdernik V., Kremers H.M., St Sauver J., Croarkin P., Geske J., Prasad K., Patten C., Holland A. (2022) Longitudinal Correlates of Increased Alcohol Use Among Adolescents and Young Adults During the COVID-19 Pandemic. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 57. No. 6. P. 648—655. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agac024>.

Toffolutti V., Suhrcke M. (2014) Assessing the Short-term Health Impact of the Great Recession in the European Union: A Cross-country Panel Analysis. *Preventive Medicine*. Vol. 64. P. 54—62. <https://doi.org/10.1016/j.ypmed.2014.03.028>.

Villette P.A., Lyonnard O., Trehu C., Barais M., Le Goff D., Le Floch B., Dany A., Guillou Landreat M. (2022) Changes in Alcohol Consumption after 1 Year of the COVID-19 Pandemic: A Cross-Sectional Study in a Region of France. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. No. 22. Art. 15049. <https://doi.org/10.3390/ijerph192215049>.

Yakovlev E. (2018) Demand for Alcohol Consumption in Russia and Its Implication for Mortality. *American Economic Journal. Applied Economics*. Vol. 10. No. 1. P. 106—149. <https://doi.org/10.1257/app.20130170>.

Yazdi K., Fuchs-Leitner I., Rosenleitner J., Gerstgrasser N. W. (2020) Impact of the COVID-19 Pandemic on Patients with Alcohol Use Disorder and Associated Risk Factors for Relapse. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 11. Art. 620612. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2020.620612>.

Приложение

Таблица 1. Средние предельные эффекты пробит-моделей: вероятность потребления алкоголя

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
age	0,0000	0,00 ***	-0,00 ***	0,00 *	-0,00 ***	0,00 *
	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)
marst	0,05 **	0	0,03 *	0,04 *	0,04 *	0,01
	(0,01)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
work	0,13 ***	0,06 **	0,12 ***	0,06 **	0,08 ***	0,04 *
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
kids	-0,01	0,03 *	-0,02	0	-0,02 *	0,02
	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)	(0,01)
smoke	0,18 ***	0,18 ***	0,24 ***	0,20 ***	0,21 ***	0,19 ***
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
<i>place: село — базовая категория</i>						
поселок городского типа	0,04	0,03	0	0,04	-0,12 ***	-0,09 *
	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,04)	(0,03)	(0,04)
город	0,07 ***	0,07 **	0,07 ***	0,05 *	0,07 ***	0,06 **
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
областной центр	0,10 ***	0,11 ***	0,09 ***	0,13 ***	0,06 **	0,11 ***
	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)	(0,02)
Москва и Санкт-Петербург	-0,03	-0,05	-0,03	-0,04	-0,02	0
	(0,03)	(0,04)	(0,03)	(0,04)	(0,03)	(0,04)
<i>edu: 0—6 классов — базовая категория</i>						
незаконченное среднее образование, 7—8 классов + что-то еще	0,09	-0,15	0,17 *	-0,23 **	0,32 ***	-0,25 ***
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
законченное среднее образование	0,13	-0,08	0,16 *	-0,16 *	0,30 ***	-0,20 **
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
законченное специальное образование	0,14	-0,1	0,17 *	-0,17 *	0,32 ***	-0,22 ***
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
законченное высшее образование и выше	0,17 *	-0,01	0,23 **	-0,07	0,38 ***	-0,14 *
	(0,07)	(0,08)	(0,08)	(0,07)	(0,09)	(0,06)
<i>income: 1 — базовая категория (самые бедные), все последующие ступени — все более обеспеченные</i>						
2	-0,05	-0,07	-0,01	-0,02	0,12 **	0,13 *
	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
3	-0,01	-0,01	0,05	0,02	0,17 ***	0,15 **
	(0,04)	(0,04)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
4	0	-0,08	0,05	-0,03	0,18 ***	0,12 *
	(0,04)	(0,04)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
5	0,01	-0,04	0,09 *	-0,04	0,17 ***	0,13 **
	(0,04)	(0,04)	(0,04)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
6	-0,08	-0,17 ***	0,04	-0,06	0,11 **	0,12 *
	(0,04)	(0,05)	(0,05)	(0,05)	(0,04)	(0,05)
7	-0,1	-0,17 **	0,02	-0,09	0,19 ***	0,18 **
	(0,05)	(0,06)	(0,06)	(0,06)	(0,05)	(0,06)
8	-0,06	-0,19	0,06	0,05	0,13	0,2
	(0,12)	(0,12)	(0,11)	(0,11)	(0,13)	(0,11)
<i>health: совсем плохое и плохое здоровье — базовая категория</i>						
среднее	0,15 ***	0,19 ***	0,11 ***	0,18 ***	0,09 ***	0,17 ***
	(0,02)	(0,03)	(0,02)	(0,03)	(0,02)	(0,03)
хорошее и очень хорошее здоровье	0,14 ***	0,22 ***	0,10 ***	0,21 ***	0,13 ***	0,20 ***
	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)
unemployment_rate	-0,03 ***	-0,03 ***	-0,02 ***	-0,03 ***	0	-0,02 **
	(0,01)	(0,01)	(0,00)	(0,00)	(0,01)	(0,01)
norm_price	-0,17 ***	-0,14 ***	-0,16 ***	-0,13 ***	-0,30 ***	-0,19 ***
	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,03)	(0,04)	(0,04)
excess_mortality	—	—	0,000	0,000	0,00 ***	0,00***
	—	—	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)
Число наблюдений	4527	3032	4491	3006	4448	2981

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Поскольку переменная *age* входит в модель дважды — в первой и второй степенях — предельный эффект представлен в таблице суммарный, то есть это эффект одновременного изменения возраста и возраста в квадрате.

Стандартные робастные ошибки в скобках.

Таблица 2. Коэффициенты линейных регрессионных моделей:
объем потребления чистого этанола

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
age	0,05 ***	0,13 ***	0,04 ***	0,11 ***	0,04 ***	0,12 ***
	(0,01)	(0,02)	(0,01)	(0,02)	(0,01)	(0,02)
agesq	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***	-0,00 ***
	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)	(0,00)
marst	0,13	-0,39 **	0,21 **	-0,02	0,20 **	-0,25
	(0,07)	(0,15)	(0,07)	(0,14)	(0,07)	(0,14)
work	0,41 ***	0,38 **	0,44 ***	0,37 **	0,29 ***	0,19
	(0,08)	(0,13)	(0,08)	(0,13)	(0,08)	(0,13)
kids	-0,05	0,19 **	-0,11 *	0,03	-0,06	0,03
	(0,04)	(0,07)	(0,05)	(0,07)	(0,05)	(0,07)

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
smoke	1,42 ***	1,27 ***	1,61 ***	1,45 ***	1,71 ***	1,51 ***
	(0,12)	(0,11)	(0,12)	(0,11)	(0,12)	(0,11)
<i>place:</i> село — базовая категория						
посёлок городского типа	0,04	0,05	-0,1	-0,19	-0,36 ***	-0,45 **
	(0,12)	(0,19)	(0,11)	(0,18)	(0,10)	(0,17)
город	0,39 ***	0,63 ***	0,19 *	0,59 ***	0,41 ***	0,74 ***
	(0,09)	(0,15)	(0,08)	(0,15)	(0,08)	(0,14)
областной центр	0,23 **	0,62 ***	0,06	0,77 ***	-0,02	0,69 ***
	(0,08)	(0,14)	(0,08)	(0,14)	(0,08)	(0,14)
Москва и Санкт-Петербург	-0,03	-0,24	-0,08	0,26	0,06	0,48 *
	(0,14)	(0,24)	(0,15)	(0,26)	(0,14)	(0,24)
<i>edu:</i> 0—6 классов — базовая категория						
незаконченное среднее образование, 7—8 классов + что-то еще	-0,17	-0,38	0,12	0,35	0,04	-0,55
	(0,14)	(0,49)	(0,12)	(0,40)	(0,16)	(0,46)
законченное среднее образование	-0,14	-0,09	-0,06	0,3	-0,19	-0,39
	(0,14)	(0,48)	(0,12)	(0,39)	(0,15)	(0,46)
законченное специальное образование	-0,18	-0,34	-0,08	0,27	-0,24	-0,65
	(0,14)	(0,49)	(0,11)	(0,39)	(0,15)	(0,46)
законченное высшее образование и выше	-0,03	0,06	0,09	0,55	0,03	-0,24
	(0,15)	(0,49)	(0,12)	(0,39)	(0,16)	(0,46)
<i>income:</i> 1 — базовая категория (самые бедные), все последующие ступени — всё более обеспеченные						
2	-0,18	0,17	-0,35	-0,05	0,35 *	0,53
	(0,18)	(0,34)	(0,21)	(0,35)	(0,15)	(0,31)
3	-0,18	0,35	-0,3	0,03	0,44 **	0,75 **
	(0,17)	(0,32)	(0,20)	(0,33)	(0,14)	(0,29)
4	-0,04	0,22	-0,26	-0,26	0,61 ***	0,70 *
	(0,17)	(0,32)	(0,20)	(0,33)	(0,14)	(0,29)
5	0,01	0,37	-0,07	-0,03	0,63 ***	0,90 **
	(0,18)	(0,32)	(0,20)	(0,33)	(0,15)	(0,29)
6	0,02	-0,08	0	-0,15	0,50 **	0,66 *
	(0,20)	(0,34)	(0,22)	(0,36)	(0,17)	(0,32)
7	-0,15	-0,21	-0,06	-0,32	0,68 **	0,89 *
	(0,24)	(0,38)	(0,26)	(0,39)	(0,21)	(0,36)
8	0,1	-1,03	0,13	-0,76	-0,25	1,34
	(0,46)	(0,62)	(0,51)	(0,66)	(0,45)	(0,81)

Независимые переменные	2019		2020		2021	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
<i>health:</i> совсем плохое и плохое здоровье — базовая категория						
<i>среднее</i>	0,43 *** (0,08)	0,73 *** (0,19)	0,30 *** (0,08)	0,81 *** (0,17)	0,26 *** (0,07)	0,70 *** (0,18)
<i>хорошее и очень хорошее здоровье</i>	0,22 * (0,11)	0,55 ** (0,21)	0,17 (0,11)	0,63 ** (0,20)	0,15 (0,11)	0,60 ** (0,20)
<i>unemployment_rate</i>	-0,01 (0,02)	-0,12 ** (0,04)	0 (0,01)	0 (0,02)	0,15 *** (0,02)	0,07 (0,04)
<i>norm_price</i>	-0,86 *** (0,13)	-0,72 ** (0,22)	-0,85 *** (0,13)	-1,24 *** (0,22)	-1,80 *** (0,16)	-1,92 *** (0,28)
<i>excess_mortality</i>	— —	— —	0,01*** (0,00)	0,01* (0,00)	0,01 *** (0,00)	0,02 *** (0,00)
<i>constant</i>	1,15 *** (0,35)	-0,23 (0,73)	1,10 ** (0,37)	-0,59 (0,70)	0,4 (0,34)	-1,08 (0,68)
Число наблюдений	4527	3032	4490	3006	4447	2980
<i>R</i> ²	0,16	0,18	0,16	0,18	0,2	0,2

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Стандартные робастные ошибки в скобках.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2472](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472)

Е. А. Варшавер, А. М. Хабибуллин, А. Д. Самосудова, А. В. Шульц

**«ПО ОТЦУ» ИЛИ «ПО ОБОИМ РОДИТЕЛЯМ»?
ВАРИАЦИИ ДЕСЦЕНТНОГО КЛАССИФИКАТОРНОГО ПРАВИЛА,
РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЧЛЕНСТВО В ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ
В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ**

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Хабибуллин А. М., Самосудова А. Д., Шульц А. В. «По отцу» или «по обоим родителям»? Вариации десцентного классификаторного правила, регулирующего членство в этнических категориях в современном Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 176—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472>.

For citation:

Varshaver E. A., Khabibullin A. M., Samosudova A. D., Shultz A. V. (2024) 'From Father' or 'From Both Parents'? Variations of the Descent Classificatory Rule Regulating Membership in Ethnic Categories in Modern Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 176–201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2472>. (In Russ.)

Получено: 12.08.2023. Принято к публикации: 08.12.2023.

«ПО ОТЦУ» ИЛИ «ПО ОБОИМ РОДИТЕЛЯМ»? ВАРИАЦИИ ДЕСЦЕНТНОГО КЛАССИФИКАТОРНОГО ПРАВИЛА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ЧЛЕНСТВО В ЭТНИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ХАБИБУЛЛИН Арсен Маратович — стажер-исследователь Международной Лаборатории Прикладного Сетевого Анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: af.aren@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6605-8247>

САМОСУДОВА Анна Дмитриевна — студентка ОП «Социология» Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: adsamosudova@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0455-5817>

ШУЛЬЦ Алина Вивьен — студентка ОП «Городское планирование» Факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: aedrozdova_1@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7900-9839>

‘FROM FATHER’ OR ‘FROM BOTH PARENTS’? VARIATIONS OF THE DESCENT CLASSIFICATORY RULE REGULATING MEMBERSHIP IN ETHNIC CATEGORIES IN MODERN DAGESTAN

*Evgeni A. VARSHAVER*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies*

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

*Arsen M. KHABIBULLIN*² — *Research Intern at International laboratory for Applied Network Research, HSE University*

E-MAIL: af.aren@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0007-6605-8247>

*Anna D. SAMOSUDOVA*² — *Student of the Sociology program at the Faculty of Social Sciences*

E-MAIL: adsamosudova@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0455-5817>

*Alina Viven SHULTS*² — *Student of the Urban Planning program at the Faculty of Urban and Regional Development*

E-MAIL: aedrozdova_1@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0009-0008-7900-9839>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Как передается членство в этнических категориях в современном Дагестане, если речь идет о семьях, родители в которых относятся к разным национальностям? На материале 133 интервью, взятых в городских и сельских поселениях Дагестана, в статье демонстрируется, что в республике существуют два основных классификаторных правила. Первое, патрилинейное, предполагает, что национальная принадлежность передается по отцу, а национальность матери не играет роли. Второе, амбилинейное, предполагает, что ребенок в «смешанном» браке классифицируется как представитель обеих — отцовской и материнской — национальностей. Такой ребенок часто определяется информантами как «метис», и наблюдается тенденция к этнизации этой категории. Результаты исследования представлены в двух частях. В первой на основании нарративов информантов описывается содержательное функционирование правил наследования национальной принадлежности. Во второй на основе анализа массива данных, созданного за счет кодировки и квантификации интервью, демонстрируется, что патрилинейное правило распространено преимущественно в сельской местности, в то время как амбилинейное — в городах. В дискуссии представлены гипотезы, описывающие происхождение обоих правил в Дагестане, прояснена релевантность исследования правил наследования национальной принадлежности для современной конструктивистской теории этничности, а также показано, как за счет распространения амбилинейного правила может произойти иррелевантизация этнической классификации.

Abstract. The article studies the transmission of membership in ethnic categories in modern Dagestan, focusing on families where parents belong to different nationalities. Based on the material of 133 interviews conducted in urban and rural settlements of Dagestan, the authors demonstrate that two main classificatory rules coexist in the republic. The first, patrilineal, assumes that nationality is transmitted through the father, and the nationality of the mother does not play a role. The second, ambilineal, assumes that a child in a mixed marriage is classified as a representative of both paternal and maternal nationalities. Such a child is often defined by informants as “mestizo”, and there is a tendency toward the ethnicization of this category. The results of the study are presented in two parts. The first part describes, based on informants’ narratives, the functioning of the descent-based rules of nationality transmission. In the second part, based on the analysis of a data set created through coding and quantification of the interviews, the authors demonstrate that patrilineal rule is widespread mainly in rural areas, while ambilineal rule is prevalent in cities. The discussion presents hypotheses describing the origin of both rules in Dagestan, clarifies the relevance of the study of the descent classificatory rules for the modern constructivist theory of ethnicity, and shows how, due to the spread of the ambilineal rule, ethnic classification might become irrelevant.

Ключевые слова: этничность, Дагестан, десцентное правило, этнические классификации, национальности

Keywords: ethnicity, Dagestan, decent rule, ethnic classifications, nationality

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgments. The article was prepared within the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Введение

Несмотря на то что, согласно современным подходам, этничность определяется через особое классификаторное правило, согласно которому дети «наследуют» классификаторную категорию родителей [Chandra, 2006; Chandra 2012; Варшавер, 2023; Варшавер, 2022a] (это правило известно как десцентное¹, то есть связанное с наследованием), сами по себе эти правила редко оказываются в фокусе исследований этничности. Наиболее важным исключением являются работы, посвященные гиподесценту — правилу, согласно которому детей родителей, относящихся к разным этническим категориям в этнически иерархизированных контекстах, приписывают к менее престижной категории из двух [Hollinger, 2003; Sharfstein, 2006]. Кроме того, в некоторой степени, к таким исследованиям можно отнести те, где изучается вопрос самоидентификации детей, родившихся в «смешанных» браках². Здесь, по сути, имплицитно используется классификаторное правило, согласно которому человек тот, кем он сам себя считает [Zotova et al., 2018; Акуленко, 2019; Stephan, Stephan, 1989]. Уровень внимания к вопросу наследования категории, однако, и близко не соответствует теоретической значимости этого явления для понимания этничности как таковой. Действительно, все существующие этнические категории (как бы последние ни определялись и чем бы ни ограничивались) пополняются в первую очередь именно посредством определения детей в категорию родителей. Более того, наличие того или иного классификаторного правила для детей от «смешанных» браков — это социальная универсалия. Изучение этого правила (или этих правил) важно в контексте изучения закономерностей, описывающих динамику этнических классификаторных систем. Очевидно, что у этнических категорий и классификаций есть начало и конец во времени. Если классификаторное правило говорит о том, что у мужчины А и женщины Б рождается ребенок и А, и Б, а не А или Б, и таких детей становится все больше, можно предсказать, что через несколько поколений большинство людей будет в той или иной степени и А, и Б (и В, и Г), а значит,

¹ От англ. *rule of descent*. Базово этот термин используется в антропологической литературе, посвященной социальным классификациям, и означает наследование детьми социальной категории родителей, а также прав и обязанностей, связанных с принадлежностью к ней. Современные исследования этничности используют этот термин применительно к этническим категориям. В российской литературе этот термин пока практически не используется, и для сохранения связи с англоязычной литературой, было решено «калькировать» термин.

² Так далее, для простоты, будут называться ситуации, когда дети рождаются у родителей, принадлежащих к разным этническим категориям. При этом дети могут рождаться вне брака, и в такой ситуации вопрос их этнической классификации не снимается, а, наоборот, встает острее. Кроме того, сама по себе идея, что такой брак именно смешанный (при том, что может быть и так, что жена вступает в этническую категорию мужа или же это явление никак не называется) — это скорее культурный факт, нежели универсалия.

классификация теряет социальный смысл. И, напротив, если этническая принадлежность определяется по одному из родителей, даже если все больше детей будет рождаться в «смешанных» браках, сама классификация от этого не пострадает.

Осенью 2021 г. один из авторов статьи в составе исследовательской группы наблюдал за мероприятиями переписи в Дагестане и, в частности, за тем, как люди отвечали на вопросы об этнической принадлежности [Варшавер, 2022b]. В абсолютном большинстве случаев, когда участникам переписи было необходимо назвать национальность детей, родители которых принадлежали к разным национальностям (согласно переписным процедурам, домохозяйство переписывалось со слов одного его члена), дети были отнесены к категории, к которой принадлежал отец. Это удивило членов исследовательской группы (выросших в некавказской европейской части России), потому что привычным для них классификаторным правилом является отнесение таких детей одновременно и к категории отца, и к категории матери («наполовину А, наполовину Б»). Было решено выяснить, насколько универсально зафиксированное классификаторное правило для Дагестана и есть ли у него есть вариации. Для этого летом 2022 г. в рамках экспедиции НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново» было проведено исследование правил классификации детей от «смешанных» браков в разнообразных локациях Дагестана. Было собрано 133 глубинных интервью с людьми, родившимися в республике. Каждый из них ответил на вопрос, в котором моделировалась ситуация «смешанного» брака и предлагалось классифицировать ребенка, рожденного в нем. Ниже будут приведены результаты этого исследования, показана и статистически объяснена вариативность десцентного классификаторного правила в Дагестане, а также сделаны предположения о том, с чем эта вариативность может быть связана и о чем — в том, что касается большой теории этничности — эта вариативность может говорить.

Обзор литературы

Теоретическая «неуловимость» этнических феноменов отмечается многими авторами³ [Isajiw, 1993; Phinney, 1990]. Долгое время попытки определения этничности осуществлялись посредством выявления наиболее распространенных признаков, отличающих представителей одних этнических категорий от других — языка, разных аспектов материальной культуры, фенотипических характеристик и пр. [Hutchinson, Smith, 1996; Charsley, 1974]. Параллельно велась дискуссия о соотношении таких явлений, как раса, нация, этническая группа, в рамках которой зачастую именно типы признаков играли дефиниторную роль (раса — фенотипические, этническая группа — культурные, нация — политические, территориальные) [Connor, 1978; Sollors, 2008; Wimmer, 2013]. Эти определения, претендуя на универсальность, чаще всего исходили из особенностей контекста, в отношении которых создавались. По мере появления все большего количества компаративных исследований, а также исследований, одновременно анализирующих существенно различающиеся и территориально отстоящие друг от друга контексты (возможно, ключевым таким исследованием можно считать классическую работу Д. Горови-

³ Baumann T. (2004) Defining Ethnicity. The SAA Archaeological Record. September. P. 12—14. URL: https://documents.saa.org/container/docs/default-source/doc-publications/tsar-articles-on-race/baumann2004a.pdf?sfvrsn=fb3bcc2a_2 (дата обращения: 25.01.2024).

ца «Этнические группы в конфликте» [Horowitz, 2001]), становилось понятно, что, с одной стороны, не существует «обязательного набора» отличительных признаков, который бы присутствовал во всех контекстах, с другой — рядоположенные явления, интуитивно относимые к этническим, присутствуют от контекста к контексту. Последующая работа состояла в концептуализации этой интуиции. Влиятельнейшей до настоящего времени остается традиция, заданная норвежским ученым Ф. Бартом, определявшим этнические группы как производное от регулярных актов «сигналирования об [этнической] границе», которые осуществляются на основании специально выделяемых для этого «особенностей культуры» [Barth, 1998]. Упомянутые особенности могут быть очень разнообразными, и их содержание роли не играет — важны сами акты различения, поскольку на их основе регулируется социальная жизнь (членство в категориях, коммуникация между «представителями» категорий и пр.). Это и подобные ему определения, однако, критиковались как слишком широкие [Jakoubek, 2019; Isajiw, 1993; Vermeulen, Govers, 2000]: культурные маркеры — это универсалия социальной жизни, и указывают они далеко не только на членство в интуитивно понимаемых этнических, но и в любых других социальных категориях. На волне этой критики стали появляться определения, уходившие от апелляции к культуре, — шла ли речь о реально существующих культурных особенностях этнических групп или о сигнальной системе, использующей культуру как ресурс для отбора маркеров принадлежности, и обращавшие внимание на то, что, членство в этнических категориях обычно передается от родителей к детям. Именно это, десцентное, правило, являющееся по сути правилом социальной категоризации новых членов общества, и стало дефиниторным для этничности в рамках этого подхода. Наиболее важными современными его проponentами являются политологи Дж. Ферон и Д. Лэйтин, а также К. Чандра. Первые, среди прочего, указывают, что этнической является «группа, бо́льшая, чем семья, членство в которой определяется на основе нисходящего родства»⁴. Вторая подчеркивает, что такое правило членства является *единственной* дефиниторной характеристикой этничности, определяет этническую идентичность (ключевой для нее термин) как «подтип [социальных] категорий, для определения членства в которых обязательно используются наследуемые атрибуты» и — в связи с одновременной краткостью и сущностностью — называет это определение минималистическим [Chandra, 2006, 2012]. В России этот подход также используется для определения этничности, в частности, Е. А. Варшавер, отсылая одновременно к Барту, Чандре и В. А. Тишкову⁵, определяет этничность как «организацию различий, конструируемых вокруг категорий, членство в которых наследуется» [Варшавер, 2022а: 43].

Но как именно наследуется членство или, говоря иначе, какие правила лежат в основании социальной классификации рождающихся детей? Несмотря на важность вопроса наследования для теоретического осмысления этничности, эмпири-

⁴ Fearon J., Laitin D. D. Ordinary Language and External Validity: Specifying Concepts in the Study of Ethnicity. Working Paper. 2000. URL: <https://web.stanford.edu/group/fearon-research/cgi-bin/wordpress/wp-content/uploads/2013/10/Ordinary-Language-and-External-Validity-Specifying-Concepts-in-the-Study-of-Ethnicity.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

⁵ Тишков В. А. Этничность как форма социальной организации // Видеолекции. Валерий Тишков: Официальный сайт. URL: <http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekci2/lekcii/etnichnost.html> (дата обращения: 16.02.2024).

ческие исследования социальной категоризации детей не выделились в отдельное направление, и чтобы описать актуальные научные представления об этом вопросе, необходимо собирать их «по частям» из исследований, вопрос в которых ставится существенно иначе, или которые напрямую на этот вопрос не отвечают, а также из «общего знания» разной степени верифицированности (например, что «у евреев считается по матери»). Наиболее разработанной в литературе темой, непосредственно касающейся вопроса наследования членства и социальной классификации, является вышеупомянутое гиподесцентное правило, согласно которому дети, родившиеся у представителей разных этнических категорий в иерархичных системах, классифицируются в качестве представителей менее престижной категории. Значительная часть таких исследований была сделана на американском материале, где долгое время действовало так называемое «правило одной капли крови», то есть категоризация детей, родившихся в «смешанных» союзах, где один родитель «белый», а другой «черный», в качестве «черных». И если часть таких работ касается истории и институционализации этого правила [Hollinger, 2003; Sharfstein, 2006; Washington, 2011], другая часть фокусируется на том, насколько, несмотря на формальную отмену, оно продолжает функционировать на уровне регуляции социального поведения⁶ [Spencer, 2004] и даже на уровне спонтанного восприятия [Krosch et al., 2013; Peery, Bodenhausen, 2008]. В частности, А. Хо и коллеги [Ho et al., 2011] провели серию экспериментов трех типов, в рамках которых спрашивали респондентов о правилах наследования членства в расовых категориях напрямую, показывали родословные, а также демонстрировали лица людей, родившихся в «смешанных» союзах. Результаты оказались консистентны от одного типа эксперимента к другому — люди продолжают категоризировать других людей на основании гиподесцентного правила. Значительно реже такие исследования проводятся на материале ином, нежели американском [Heuer, 2009; Kowal, 2016], при этом часто именно с последним сравниваются [Skidmore, 2003; Fry, 2006].

Четкие правила категоризации, подобные гиподесцентному, предположительно характеризуют контексты, в которых этничность является важнейшей линией социальной демаркации и ресурсом. Другие контексты могут не иметь настолько четких и эксплицитных регуляций членства в этнических категориях, в результате чего категоризационное решение остается за родителями ребенка (если речь идет о необходимости записи ребенка в официальных документах) или за ним самим, когда он вырастет. Примером исследования выбора родителей является работа Р. Хиа и Т. Перссона⁷, в которой на китайском материале они изучают, как записывают детей в семьях, где один супруг хань, а второй относится к другой этнической категории. На основании математических моделей исследователи показывают, что, решая, какой будет формальная этническая принадлежность детей, родители частью исходят из институциональных материальных стимулов (например, пособия «малым

⁶ Campbell M. E. The «One-Drop-Rule»: How Salient is Hypodescent for Multiracial Americans with African American Ancestry? CDE Working Paper No. 2003—11. Madison, WI: University of Madison—Wisconsin. URL: <https://cde.wisc.edu/wp-content/uploads/sites/839/2019/01/cde-working-paper-2003-11.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

⁷ Jia R., Persson T. Ethnicity in Children and Mixed Marriages: Theory and Evidence from China. Working Paper. 2014. URL: <https://sticercd.lse.ac.uk/seminarpapers/dg251113.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

народам»), частью — ориентируются на существующие классификаторные нормы и традиции. Примером исследования личной самоидентификации людей, родившихся в «смешанных» союзах — работа К. Стефан и В. Стефана [Stephan, Stephan, 1989], в которой они изучают, как классифицируют себя американцы, имеющие одновременно японское и латиноамериканское происхождение, и приходят к выводу, что идентификация связана с культурой, в которой информант, по его представлению, воспитывался, и, если он одновременно воспитывался в нескольких культурах, вероятность того, что его идентификация будет «смешанной» — выше. Такого рода исследований множество [Fishman, 2004; Zotova et al., 2018; Ang, Shik, 2013; Teicher, 1968], но важно отметить, что они в большинстве базируются на имплицитно заложенном в концепте самоидентификации представлении, согласно которому категориальное членство можно свободно выбирать, в то время как, во-первых, эта свобода ограничена, во-вторых, это ограничение частью задается как раз имплицитными правилами членства (главным из которых и является десцентное правило, гласящее, что этническая категория человека должна соответствовать этнической категории одного или обоих его родителей). Существующие в России немногочисленные исследования проблемы категориального членства детей осуществлялись почти исключительно в описанной «самоидентификационной» логике [Губанова, Кызы Манафова, 2015; Акуленко, 2019; Кутявина, Малышева, 2010], и иных подходов к вопросу в российской литературе зафиксировано не было. Таким образом, исследование общих правил, регулирующих классификацию детей в качестве представителей тех или иных категорий, во-первых, новое для российского контекста, во-вторых, важно в целом в связи с одновременной центральностью вопроса наследования членства в этнических категориях для общей теории этничности, и недоисследованностью этой темы в международной науке.

Контекст исследования

Дагестан — республика в составе РФ, большая часть современной территории которой окончательно вошла в состав Российской империи по результатам Кавказских войн [Покровский, 2009]. Тогда же — в конце XIX века — стала происходить хозяйственная интеграция этих территорий [Карпов, Капустина, 2011]. Уже в то время в Дагестане существовало значительное культурное и языковое разнообразие, однако важнейшими категориями социальной идентификации для дагестанцев были патрилинейные «тухумы», а также по-разному с ними соотносившиеся сельские общины «джамааты» [Гаджиева, 1985; Магомедова et al., 2021; Хашаев, 2007]. В 1920-е годы в Дагестане, как и везде в СССР, частью на основании работ этнографов и лингвистов, частью на основании административной прагматики [Hirsch, 2005] и революционной романтики [Алпатов, 2000], были выделены официальные этнические категории — «народности» или «национальности». К переписи 1926 г. был финализирован список из порядка 40 дагестанских народностей, однако затем, в рамках политики по укрупнению национальностей к переписи 1939 г., их количество было редуцировано до 11⁸: авары, даргинцы,

⁸ Понятие «дагестанские национальности» носит условный и часто политический характер. Однако обычно речь идет или о категориях, представители которых «традиционно» проживают в Дагестане, или о категориях, представителей которых в Дагестане больше, чем в других регионах РСФСР или России.

кумыки, лезгины, лаки, азербайджанцы, табасаранцы, русские, чеченцы, ногайцы, евреи. Этот список с небольшими изменениями (в частности, в списке национальностей для переписи 1959 г. снова появляются такие категории, как «цахуры», «рутульцы», «агулы» и «таты»), а из категории «евреи» выделяется отдельная категория «горские евреи») доживает до последней советской переписи 1989 г. В трех же постсоветских переписях список этнических категорий за редким исключением (например, категория «капучины» прекратила существование и была частично — по составу сел — заменена на категорию «бежтинцы») соответствовал списку 1926 г. Хотя специальных исследований не проводилось, можно предположить, что за советский период национальностей стали важными категориями идентификации дагестанцев, чему затем способствовала и постсоветская политизация этничности — некоторое время верховным органом исполнительной власти Дагестана был Государственный совет, формировавшийся на этнической основе [Ланда, 2016]. Сейчас политическая важность и социальная релевантность национальных категорий, по всей видимости [Варшавер, 2022b], снижается — частью в связи с исламизацией и релевантизацией религиозных идентичностей, частью — в связи с интенсивной миграцией дагестанцев в другие регионы России и складыванием общедагестанской идентичности.

Методология исследования

Данные, на основании которых была написана статья, были собраны авторами и их коллегами⁹ летом 2022 г. Для этого мы разработали гайд, посвященный современному состоянию этничности в Дагестане, в один из блоков которого вошли вопросы, позволяющие определить представления информанта о правилах членства в дагестанских национальностях. Вот эти вопросы: Какой национальности ребенок в семье, где родители — представители разных национальностей? Если ответ — что по отцу: бывает ли такое, что это определяется по матери / по доли той или иной крови? Бывают ли исключения или контексты, в которых национальность определяется иначе? Что это за исключения и что за контексты? Знаете ли Вы такие семьи и ситуации? Опишите. Кем по национальности там считаются дети? Почему?

Иногда вопрос задавался в форме виньетки по типу «*папа аварец, мама даргинка, кто по национальности их ребенок?*» В гайд, кроме того, вошли вопросы, раскрывающие биографию информанта. Всего было собрано и транскрибировано 133 интервью, которые собирались как в Махачкале и окрестностях (78 интервью), так и в семи горных селах Акушинского, Рутульского и Цунтинского районов — Кубачи (10), Уркарах (6), Аракул (8), Нижний Катрух (8), Ихрек (6), Бежта (8) и Тлядал (9). Выбор сел осуществлялся на основании совокупности причин, среди которых разнообразие номинальной этнической принадлежности жителей этих сел (аварцы, даргинцы, лакцы, рутульцы, бежтинцы, кубачинцы, азербайджанцы), разнообразии районов Дагестана, сложность локальной конструкции этничности и др.

⁹ Авторы статьи благодарны Н. Ивановой, Ю. Гупаловой, М. Гуцунаеву-Малиновскому, С. Кузнецовой, А. Куниной, А. Малиновскому, Д. Похильчуку, А. Ракачевой, А. Орловой и А. Шульге за участие в сборе данных, а также Р.С. Абдулмеджидову, Х.Н. Курбанову, И.Х. Курбановой, Р.М. Магомедовой, А.А. Мурзаеву и С.А. Ниналалову за гостеприимство и помощь с организацией сбора данных. Привлечение студентов к сбору данных стало возможным благодаря программе НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», а подготовительный этап прошел в рамках мастерской Центра полевых исследований Свободного образовательного проекта «Летняя школа».

Транскрипты интервью были загружены в программу для анализа качественных данных Атлас и в их отношении было осуществлено тематическое кодирование. На первом этапе были созданы общие коды, обозначающие материал, релевантный теме. Затем были созданы частные коды, которые атрибутировались высказываниям, позволявшим определить представления информанта о том, как наследуется принадлежность к национальностям: «по отцу», «по матери», «по обоим родителям», а кроме того — «по документам» (информант считает, что сущностного категориального правила не существует, и национальность человека определяется исходя из того, как он себя запишет / его запишут родители в официальных документах¹⁰) и «по самоидентификации» (информант считает, что ключевым критерием членства является самоидентификация). Тексты, отмеченные кодами, анализировались всем коллективом авторов статьи, основные типы представлений информантов были на этой основе реконструированы и приведены в первой части «результатов исследования». Кроме того, была создана база данных для количественного анализа, в которой позиция информанта преобразована в номинальную шкалу, закодирована персональная информация по информанту (пол, возраст, место рождения и социализации и пр.) и на этом основании осуществлен регрессионный анализ, позволяющий определить факторы, связанные с тем, что информант разделяет тот или иной взгляд на классификаторные правила¹¹.

Результаты исследования

Десцентные классификаторные правила: качественный анализ

Как следует из анализа интервью, в Дагестане сосуществует прежде всего два десцентных классификаторных правила, регулирующих ситуации «смешанных» браков и определяющих этническую принадлежность (национальность) детей от таких браков. Первое правило — патрилинейное, согласно ему, национальность передается по отцу, и, соответственно, национальность детей от «смешанного» брака — это национальность отца ребенка.

Ну, у нас принято считать вообще, что род длится по отцовской линии. Естественно, если отец русский, конечно, он будет русским. (Ж., 56, Тлядал)

Инт.: Ну оцените, папа лакец, мама еврейка. Кто родится?

Инф.: Лакец, конечно. (М., 53, Аракул)

Инт.: Например, если в семье где-то женщина азербайджанка, а мужчина даргинец, у них есть ребенок. И вот кем по национальности будет этот ребенок?

Инф.: Отец если азербайджанец, азербайджанцы. По матери не идет это. Только по отцу. (М., 40, Нижний Катрух)

¹⁰ О «документарном конструктивизме» см. [Варшавер, Орлова, Шульга, 2023].

¹¹ Относительно небольшое количество случаев, включенных в подсчеты (114 всего и 83 в регрессионный анализ), было компенсировано силой и значимостью эффекта, представленного в результатах. С учетом того, что целесообразность использования тех или иных методов является функцией от целей и дизайна исследования, а также интерпретации результатов подсчетов, такие ходы, как квантификация массива и использование регрессионного анализа были определены как целесообразные. Об ограничениях полученных выводов в связи с методом сказано в соответствующем разделе статьи.

Ну, говорят так, допустим, там лачка выйдет за аварца замуж, дети уже аварцы. (М., 29, Махачкала)

У нас искокон считается, что по отцу. Только по отцу. (Ж., 45, Махачкала)

Согласно второму правилу, национальность определяется по обоим родителям и, соответственно, у ребенка — две национальности, которые воспринимаются в определенном долевым соотношении друг к другу.

Инф.: Да, сейчас родилась девочка.

Инт.: А дочка, она кто? Лезгинка или аварка?

Инф.: Полулезгинка, полуаварка. (Ж., 20, Махачкала)

Инф.: Ну, я русский и аварец. (М., 23, Махачкала)

Я метис, получается! У меня мама русская, а отец лакец. (М., 65, Аракул)

В последнем случае человек, родители которого относятся к двум разным национальностям, описал себя как «метис». Этот вернакулярный термин часто используется в Дагестане для описания детей, родившихся в «смешанных» семьях. В некоторых случаях обе национальности впоследствии уточняются, и тогда «метис» скорее выступает собирательным концептом, обобщающим общую идею смешанности кровей.

Не, ну мы знали, что как бы кто какой национальности, знали. Например, нас называли метисами почему-то, то есть это смешанные нации, метисы. (М., 64, Махачкала)

Инф.: В основном всегда говорят, что я метис.

Инт.: А потом перечисляют уже национальности?

Инф.: Да, да, там мама, допустим, аварка, папа — даргинец и все. (Ж., 21, Махачкала)

У нас даже много метисов было, ну, люди, которые родители разной национальности. (М., 21, Махачкала)

В некоторых случаях, однако, это уточнение как будто бы не требовалось — сама категория «метис» для информантов обладала достаточной дескриптивной мощностью. Более того, иногда происходила нарративная этнизация «метисов» — наделение их особенными характеристиками, присущими только этой группе, отличающимися ее от остальных. Иногда эта категория рядопологалась «традиционным» дагестанским национальностям.

Часто говорят если, допустим, какое-то смешение кровей у человека, он говорит — «я метис». (Ж., 20, Махачкала)

Мне очень нравятся метисы люди. Я считаю, это великолепные люди. Великолепно, что даже элементарно две разные крови смешались. (Ж., 29, Махачкала)

Этнизация метисов, впрочем, происходила не всегда, и, напротив, факт рождения в «смешанной» семье (и, возможно, сосуществование разных правил категоризации) становился почвой для рефлексии в отношении собственной этнической принадлежности, тем самым давая пространство нарративу, в рамках которого национальность определяется не на основе установленных правил, а на основе самоидентификации человека, его желания принадлежать той или иной этнической категории.

И вот как-то сидела, и я поняла, что я вообще себя не идентифицирую как русская. Я не могу сесть и подумать вот это мои корни, там вспомнить какие-то русские народные танцы, а вот дагестанский какой-то лад, наряды, вот украшения ношу очень красиво. (Ж., 20, Махачкала)

Вот у меня девочка на работе, у нее папа табасаранец, а мама аварка. Она говорит, что всегда больше к материнской линии тянется, знает аварский. (Ж., 25, Махачкала)

Он, наверное, метисом будет себя считать по национальности, или он может по желанию, какая бы национальность понравилась. (М., 21, Махачкала)

Инт.: А национальность из родителей по кому передается?

Инф.: Допустим, аварец и даргинка если поженились — это уже вопрос ребенка, как, кем себя воспринимать. (М., 37, Махачкала)

Более того, можно предположить, что с увеличением числа национальностей, которые передаются от родителя к ребенку (часто сами родители ребенка — «метисы»), возрастают также и шансы, что ребенок будет скорее «самоидентифицировать» свою этническую принадлежность, нежели перенимать ее от отца или двух родителей сразу. При этом не играет роли то, как сами родители идентифицировали себя, но важно, что для информанта вопрос определения национальности становится менее однозначным.

Редко говорю, что наполовину даргинка. Хотя там, скорее всего, не наполовину. У меня дедушка азербайджанец, получается, папины родители, бабушка даргинка, а у бабушки там еще кто-то. Русские тоже, кажется, были. Поэтому там все смешалось. А мама чистая лачка. (Ж., 19, Махачкала)

А отец у меня, кровь, которая у меня есть, аварская, даргинская, адыгейская... Один дедушка даже итальянец. Сам я говорю, что я даргинец. (М., 32, Махачкала, 38)

Сама возможность самоидентификации, впрочем, все-таки ограничена имеющимся набором национальностей, «полученных» от родственников из предыдущих поколений — должно быть определенное основание, которое бы послужило поводом к отнесению себя к этнической группе. Иными словами, самоидентификация не означает полную свободу определения национальности, и эта свобода ограничена рамками хоть какого-то имеющегося кровного родства.

Вот то, что я понимаю на данный момент: обязательно для того, чтобы хоть кем-то себя назвать, нужно хотя бы в 10, 13, 15 поколениях, хоть какая-то кровь. Это необходимое условие для того, чтобы я себя условно «кем угодно назвала», хоть аварцем, хоть даргинцем, хоть кумыком и так далее. (Ж., 23, Махачкала)

Да нет, просто, когда ты говоришь, что я человек такой нации, ты подразумеваешь, что просто родился в семье, в которой родители тоже относятся к этой нации. (М., 18, Махачкала)

Инт.: Но вот, допустим, есть семья даргинцев, и, соответственно, у них рождается ребенок, никаких родственников больше нет, только они и ребенок. Соответственно, не исполняется ему даже года — там четыре месяца примерно, и родители попадают в аварию. Ребенок остается сиротой, и его усыновляет семья аварцев. Вот какой национальности будет ребенок?

Инф.: Я говорю: это мы не воспринимаем, это не восприятие... Ему же национальность тоже не привязывают ребенку. Он сам себя будет воспринимать. (М., 37, Махачкала)

Но подкрепляется традициями и воспитанием. То есть, ты не можешь обучиться и сказать: «О, сегодня я решил быть аварцем», все-таки должны быть какие-то родственником. [пауза] Ты же не можешь назвать себя французской гражданкой? (Ж., 23, Махачкала)

В интервью фигурировали и другие классификаторные правила. Они, впрочем, носили скорее дополнительный характер и актуализировались в ситуации, когда по какой-то причине «не работали» правила «по отцу» и «по обоим родителям». Речь идет о двух разнопорядковых правилах — «по матери» и «по документам».

При очевидной распространенности правила передачи национальности «по отцу» ребенок классифицируется как представитель национальности матери, если родители разведены и ребенок остается с матерью, или если отец неизвестен. При этом сам по себе развод не является основанием нарушения правила «по отцу» — для этого развод и отношения с отцовской частью семьи должны носить конфликтный характер.

Если в плохих отношениях с отцом, то есть разведенные. Мать прививает сразу — ты аварец. (М., 26, Махачкала)

Инт.: А, ну, еще вы говорили про то, что есть исключения, что иногда мать, если с отцом...

Инф.: Ну, это просто так складывается. Потому что ребенок растет в материнской семье, то уж куда деться. (Ж., 48, Махачкала)

Инт.: Смотрите, вот вы говорили, что национальность обычно передается по отцу. А в каких случаях это не так?

Инф.: Когда разводятся, и дети остаются у матери, они мамину берут. (М., 65, Аракул)

Своего рода классификаторная коллизия, кроме того, происходила в случае, когда с информантами обсуждалась ситуация, в которой отец принадлежит к одной из «мусульманских» дагестанских национальностей, а мать — к евреям, про которых в Дагестане есть представление, что национальность у них передается как раз по матери. В такой ситуации, однако, информанты не всегда могли просто классифицировать ребенка, но ситуация эта носила скорее умозрительный характер и не была завязана на непосредственный опыт информантов.

Инф.: А у евреев же по матери передается?

Инт.: По материнской линии, да.

Инф.: А мне кажется, что дагестанцы просто не позволяют, чтобы ребенка евреем считали. Все равно он будет аварцем. Не простят такого. Я не знаю такого аварца, чтобы он евреем сделал ребенка. (Ж., 37, Бежта)

Инт.: Ой, а еще вопрос был про браки между разными национальностями. Вот, например, у евреев, у них же национальность передается по матери. И если еврейка выйдет замуж за даргинца, то кем будет ребенок по национальности?

Инф.: Еврей.

Инт.: То есть по матери?

Инф.: По матери. Он еврей же по матери. (М., 75, Аракул)

Что же касается правила «по документам», речь также скорее идет о классификации людей в сложных, спорных случаях — в «смешанных» семьях или в ситуациях, когда сельское сообщество, к которому относится информант, один или несколько раз реклассифицировали на официальном уровне, в результате чего члены таких сообществ стали воспринимать реальность национальностей как внешнюю, не связанную с их реальной идентификацией (детальнее об этом см. [Варшавер, Орлова, Шульга, 2023]).

Потому что в паспорте пишем аварец. Поэтому мы говорим «родной язык» [аварский], а на самом деле говорим мы по-бежтински. (Ж., 65, Бежта)

Можно поменять в паспорте. Поменяй в паспорте, называй себя другой нацией. Кто об этом узнает? (М., 21, Махачкала)

Мать даргинка, отец аварец — пишут [в паспорте] аварец. (М., 35, Тлядал)

Важно, впрочем, также отметить, что в одном интервью могли фигурировать разные, иногда противоречащие друг другу классификаторные правила:

Инт.: Кстати, а на основании чего записывается национальность ребенка, по желанию родителей просто?

Инф.: Нет, по национальности отца.

Инт.: То есть у ваших детей указано, что они азербайджанцы?

Инф.: Да.

Инт.: А вы считаете их азербайджанцами?

Инф.: Нет, они метисы.

Инт.: А что вы имеете в виду?

Инф.: Они наполовину азербайджанцы, наполовину цахурцы. Не знаю, наверное, больше азербайджанцы, потому что отец азербайджанец. Потому что фамилия отца и при этом всем получается, наверное, больше права он имеет на них по этим их этим традициям. (Ж., 38, Нижний Катрух)

Десцентные правила: количественный анализ

Количество собранных интервью позволило провести и базовый статистический анализ, основной целью которого было выявить закономерности, объясняющие взгляд информанта на вопрос наследования членства в национальностях. Получившийся массив не является сколько-нибудь репрезентативным относительно Дагестана, однако квотные вариации, включенные в процедуры отбора информантов, позволяют зафиксировать связь между некоторыми переменными, с одной стороны, и классификаторным представлением, с другой. Таблица 1 описывает, как классификаторные представления распределены внутри массива собранных данных.

Таблица 1. **Классификаторные представления: распределение по основным категориям**

Национальность определяется...	N	%
...по отцу	76	67
...по матери	13	11
...по обоим родителям	59	52
...по самоидентификации	46	40
...по документам	35	31
Всего	114	100

В этой таблице общий N равен 114 (то есть в 114 интервью были реплики, которые можно классифицировать), однако, если суммировать все n, это число будет больше 114, потому что, как говорилось выше, в одном интервью могут встречаться разные взгляды. Наиболее часто транслируется информантами представление, согласно которому национальность определяется по отцу (в 76 интервью или 67 % случаев этот тезис звучал), затем — «по обоим родителям» (59 случаев и 52 %), затем — «по самоидентификации» (40 случаев и 46 %). Остальные представления проигрывают в представленности трем основным. Затем в ходе коллективного анализа текста интервью и использования процедуры триангуляции с каждым информантом была соотнесена одна единственная позиция, и распределение получилось следующим (см. табл. 2):

**Таблица 2. Классификаторные представления:
распределение по объединенным категориям**

Национальность определяется...	N	%
...по отцу	59	52
...по обоим родителям	23	20
Иное (по матери, по самоидентификации, по документам)	22	19
Невозможно определить	10	9
Всего	114	100

Из таблицы 2 видно, что и «идентификаторная» позиция носит скорее маргинальный характер, а две основные «противоборствующие» позиции — это «по отцу» и «по обоим родителям». Насколько, однако, эти позиции действительно противоборствующие? Дополнительные подсчеты позволяют говорить, что в целом да. Из 97 случаев, когда информант высказывал одну или другую позицию («по отцу» или «по обоим родителям»), в 60 из них эта позиция была единственной. В результате именно эти позиции были противопоставлены и преобразованы в бинарную переменную, в отношении которой был осуществлен анализ методом логистической регрессии, позволяющей определить, в каких социально-демографических группах та или иная позиция распространена чаще, и сделать предположение о социальных детерминантах этой позиции. В таблице 3 представлены результаты анализа.

Таблица 3. Результаты логистической регрессии

Предиктор	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Опыт проживания в селе: 1 — жил всю жизнь или долго, 0 — жил недолго, не жил	0,168***		0,191*
Возраст	1,01	1,014	1,009
Гендер: 1 — мужчина, 0 — женщина	0,65	0,696	0,65
Фактическое место проживания: 1 — город, 0 — село		3,738'	1,256
Constant	-4,951	1,281	5,01
N	82	81	81
-2 log правдоподобие	83,240	89,320	82,981
R ² Найджелкера	0,227	0,87	0,223
R ² Кокса и Снелла	0,158	0,124	0,155

' 0,1 > p ≥ 0,05, * 0,05 > p ≥ 0,01, *** p ≤ 0,001

В модель 1 помещено три предиктора — возраст, гендер и опыт проживания в селе. Если информант жил в селе долго или всю жизнь, эта переменная принимает значение 1, если жил недолго, бывает наездами или вообще не имеет отно-

шение к селам — значение этой переменной было 0. Согласно результатам, среди этих переменных единственной связанной с представлениями о принципах наследования членства в национальности является опыт проживания в селе. Отметим, что, как следует из приведенного показателя «отношение шансов», в который был преобразован регрессионный коэффициент, люди, имеющие продолжительный опыт жизни в селе (а скорее всего — там социализировавшиеся) с вероятностью, большей в 6,5 раза, будут считать, что дети в «смешанных» браках принимают национальность отца. Вторая модель проверяет, какую роль играет место жительства на момент проведения исследования. Согласно вычислениям, статистическая значимость связи находится в промежутке $0,05 < p < 0,1$, что интерпретируется или как отсутствие связи, или как связь на предельных показателях значимости. Остальные предикторы продолжают быть не значимы. Третья модель включает все переменные одновременно, и в этом случае значимость места проживания уходит полностью, а опыт проживания в селе остается значимым. Анализ показателя R^2 позволяет говорить о том, что это небольшое количество предикторов объясняет порядка пятой части распределения зависимой переменной. Общий содержательный вывод, однако, состоит в том, что главным фактором из выявленных, который объясняет позицию информанта по вопросу классификации детей от «смешанных» браков, является долговременное проживание (социализация) в селе, или, иными словами, в селах считается, что национальность определяется по отцу, в городе — что по обоим родителям¹².

Дискуссия и выводы

О чем говорят эти результаты? В той мере, в какой этничность — классификаторное явление, а устойчивые коллективные представления о существовании по-разному называемых этнических групп — побочный продукт перманентно производимых индивидами и институтами классификаций [Бубликов, Варшавер, Степанов, 2023], а также в связи с тем, что межпоколенная передача «членства» — основной способ пополнения совокупностей, связываемых с теми или иными этническими категориями, десцентные классификаторные правила, регулирующие приписывание детей, родившихся в «смешанных» союзах, оказываются важны и в теоретическом, и в практическом смысле. В Дагестане налицо сосуществование нескольких (прежде всего двух: «по отцу» и «по обоим родителям») классификаторных правил такого рода. Более того, несмотря на ограничения анализа, можно утверждать, что правило «по отцу» — это представление, распространенное в горной сельской местности, правило «по обоим родителям» — в городе. По всей видимости, речь идет о социальных фактах «фоновом» типа — тех, которые не являются камнем преткновения, но одновременно организуют поведение людей в ситуациях (не самых частых, но регулярно происходящих), когда нужно

¹² Здесь необходимо отметить, что этот вывод должен быть помещен в контекст методологических ограничений. Так, результаты, не включенные в статью, говорят, что в той мере, в какой категоризация «по отцу» сохраняется в городском контексте, ее социальным носителем часто являются религиозные мусульмане, для которых такой принцип наследования переосмысливается через патрилинейность коранического времени и общества. Это позволяет, в свою очередь, предполагать большую сложность распределения десцентного правила в современном Дагестане, которая может быть выявлена в ходе более детального исследования, в том числе с использованием количественных методов.

определить национальность ребенка от «смешанного» союза. Скорее всего, эти правила, наряду с общей картиной мира, усваиваются в процессе первичной социализации и затем не меняются на протяжении жизни. Именно с этим можно связать тот факт, что длительное проживание в селе, а не нынешнее место проживания, «дает на выходе» позицию «по отцу». Но какова природа и происхождение этих сосуществующих и, по всей видимости, конкурирующих представлений?

Можно предположить, что правило «по отцу» — это рудимент представления, существовавшего в Дагестане долгое время и регулировавшего членство в патрилинейных семьях, тухумах и сельских общинах. Патрилинейное правило наследования членства регулировало «социальное размещение» детей, их социальные обязательства, имущественные права и многое другое, являясь, основной «схемой», за счет которой осуществлялись социальные классификации, затем служившие базой для организации социальных отношений. Введение в обиход классификации людей «по национальностям», институционализация этой классификации за счет переписей и разного рода личных документов, а также организация распределения ресурсов на национальной основе (при том, что зачастую людям не транслировались ни теоретические представления о том, что такое национальности, ни инструкции более практического типа, например, касавшиеся определения национальности ребенка от «смешанного» брака) — все это заставляло жителей республики такие теории и инструкции, по сути, создавать самостоятельно. Однако для этого нужны были лекала — сходные социальные феномены, на которые можно было бы ориентироваться. Ими и стали тухумы, а точнее регуляция общественных отношений на их основании и, в том числе, классификаторные правила. Иными словами, произошло транспонирование правил членства в тухумах на новую классификаторную систему по национальностям, первое время непонятную классифицируемым, в результате чего правило членства в национальности «по отцу» прижилось и до настоящего времени многие именно на основании этого правила определяют национальность детей от «смешанных» браков. Косвенный аргумент в пользу этой гипотезы — правило распространено в селах, где в той или иной мере сохраняются и прочие до-модерные представления [Казенин, 2014].

Правило «по обоим родителям», которое, как видно по интервью, значительно больше распространено в городах, имеет другой генезис, и, как можно предположить, было «занесено» в Дагестан в рамках разнообразия модернизационных процессов. Несмотря на обилие литературы посвященной «смешанности» [Gunaratnam, 2014; Childs, Lyons, Jones, 2021; Аюпьян, 2003; Низамова, 2011], сама по себе эта, «естественная» для многих современных обществ, но антропологически нетривиальная, идея, согласно которой ребенок родителей, относящихся к двум разным этническим категориям, будет относиться в той или иной степени к обеим этим категориям, детально не исследовалась на предмет ее генезиса и распространения. Хотя существуют работы, которые на антропологическом материале применительно к линейным группам выявляют правило, согласно которому ребенок классифицируется посредством как отцовской, так и материнской клановых категорий [Lambert, 1966], «естественность» этого правила в западной современности связана, как можно предположить, скорее не с «антропологическим прошлым» соответствующих обществ, а, с двумя более «современными» фак-

торами. С одной стороны, это появление и распространение науки генетики и ко-ренящегося в ней представления, согласно которому ребенок в равной степени наследует отцовские и материнские признаки, с другой — это складывание относительно современных конструкций этничности, в которых по разным причинам возникло правило «смешанности». Например, в Новом свете, откуда (из Канады) было заимствовано и получило глобальное распространение слово «метис», этим словом описывались люди, один из родителей которых был европейцем, другой — индигеном [Adams, Peach, Dahl, 2013; Andersen, 2008]. Какими бы ни были генезис и распространение по миру правила, согласно которому этническая принадлежность ребенка определяется по обоим родителям, в Дагестан оно, вероятнее всего, было «завезено» в советское время. При этом «транспортом» могли быть частью советские учебники биологии, частью — активно переводившиеся и читавшиеся зарубежные исторические романы (например, [Верн, 1990]), в которых фигурировали (и часто романтизировались) «метисы»¹³. Реконструкция этого заимствования должна быть проведена, однако, идея «смешанности» и слово «метис» прижились в Дагестане, и, наряду с патрилинейным правилом наследования членства, определяет практику классификации детей от «смешанных» браков.

Если десцентное классификаторное правило «по отцу» функционирует прежде всего в сельском Дагестане, а «по обоим родителям» — в городском, то с учетом интенсивной урбанизации и старения сельского населения можно предположить, что одно правило постепенно вытеснит другое. Дагестан демонстрирует динамичный контекст, где меняются не только этнические категории и их социальные смыслы, но и элементы конструкции этничности. В частности, правила членства в этнических категориях, ранее не привлекавшие внимание ученых и практически не исследованные. Факт, что корни правила «по отцу» в дагестанском контексте следует искать в до-модерных социальных отношениях, а правило «по обоим родителям» появилось в Дагестане с приходом модерности, отсылает нас к одному из важных разговоров для теории этничности — о том, существовала ли этничность «до модерна» и, если да, в каких формах она существовала и как они модифицировались при переходе к современности. На эту тему существует две знаковые теории.

Автор первой — британский историк Э. Смит [Smith, 1986]. Согласно этой теории, начиная с неолитической революции, стали складываться так называемые «этнии», устойчивые межпоколенные сообщества людей, объединенных представлением о внутреннем сходстве и отличии от всех остальных. Основным инструментом поддержания этого представления были мифосимволические комплексы — совокупности текстов и практик, на постоянной основе сообщавшие членам «этний» различную информацию о происхождении «этнии», особенностях людей в нее входящих и пр. В результате изменений инструментов политической власти, ранее особенно не нуждавшейся в политической лояльности управляемого населения, государства начинают все больше «вовлекать» население в политические процессы. Осуществить вовлечение оказывается проще всего на основе уже существовавших мифосимволических комплексов. Так, на основе домодерных «этний» сложились современные нации.

¹³ За идею трансляции через романы авторы благодарны А. Р. Шерстневой, написавшей на эту тему эссе в качестве отчетной работы по курсу Е. А. Варшавера «Этничность в современном мире» (2023 г.).

Вторая теория была создана советскими этнологами и нашла наиболее полное выражение в работе Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» [Бромлей, 1983]. В этой, марксистской, работе автор также говорит о том, что этнические феномены прослеживаются во всех социально-экономических формациях. Дискуссионным, впрочем, согласно Бромлею, является вопрос об их существовании в нижнем палеолите. Эти феномены предстают в форме этноса — межпоколенной группы, объединенной, с одной стороны, культурой, с другой — самосознанием. Каждой формации более или менее соответствует «свой» способ бытования этноса: в первобытно-общинной формации он предстает в форме племени, в рабовладельческой и феодальной — в форме народности, в капиталистической и социалистической — в форме нации. Хотя в этой теории не говорится напрямую о приходе «современности», этносы в этот период, во-первых, достигают наибольшей культурной дифференциации, во-вторых, политически консолидируются. Переход от капитализма к социализму, в свою очередь, сопряжен с «культурным сближением» этносов. Эта теория стала объектом разнообразной критики и в данный момент скорее относится к истории науки, нежели к актуальным способам описания мира. Тем не менее в части попытки проследить этнические феномены на протяжении истории, эта теория должна быть упомянута.

Смит также был раскритикован за эссенциализацию «этнической» [Паин, Простаков, 2016], однако, идея важности изучения мифосимволических комплексов актуальна до настоящего времени. Важно, что и первая, и вторая теории, сходясь в том, что этничность регулировала человеческое поведение на протяжении истории, описали эту регуляцию на более не актуальном [Брубейкер, 2012] «группистском» языке. Современный конструктивизм склонен, во-первых, рассматривать национальные, этнические и расовые дифференциации в качестве одного и того же явления, во-вторых, «размещать» их в современности. Лишь в последнее время стали возникать универсальные конструктивистские языки и теории, допускающие существование этничности до модерна. Тем не менее конструктивистских проектов, соразмерных проектам Смита и Бромлея по масштабу, на данный момент осуществлено не было. В той мере, в какой современные конструктивистские языки в целом сходятся на том, что этничность — это классификаторный феномен, в центре которого находятся категории и их разнообразные смыслы, а связка категория-смысл неизбежно существовала и до современности, такое переописание возможно. Более того, работы, в которых те или иные пространственно ограниченные территории анализировались бы на предмет изменения категориальной сетки, смыслов категорий, правил категоризации людей в качестве представителей этнических категорий и пр., в том числе на стыке «традиционности» и «современности», могли бы стать важным шагом на пути создания такого переописания. Переход от тухумов и сельских сообществ как основной этнической классификаторной единицы дагестанского общества к национальностям, а также параллельно происходящее изменение правил членства в национальностях, являются в этой связи актуальными задачами.

Результаты исследования позволяют дать прогноз в отношении будущего дагестанских национальностей как классификаторной рамки. Патрилинейное десцентное правило не чувствительно к категориальной экзогамии или, иными словами, «смешанные» браки в случае, если дети, в них рождающиеся, классифицируются

строго «по отцу», не приводят к смешению и последующей деактуализации категорий: у аварца и даргинки ребенок будет классифицирован как аварец, а его ребенок, если он женится на лачке, также будет аварцем. Эта же ситуация в случае функционирования амбилинейного десцентного правила «раскладывается» иначе. Аварской «крови» в таком человеке будет только четверть, о себе он будет говорить как о «метисе», и, с учетом того, что «смешанных» браков в Дагестане становится все больше, такой «генеалогией» будет характеризоваться все больше людей. В результате со временем неизбежно сложится ситуация, при которой «все будут всеми» (как сказал один из информантов: «Аварцы, даргинцы, метисы — все смешиваются со всеми» (М., 21, Махачкала)), а значит, и классификация потеряет свою когнитивную и категориальную значимость. С одновременной релевантизацией прочих классификаторных рамок, например, по религии, а также при том, что ислам в целом негативно относится к «педалированию» этнических классификаций, можно предположить, что классификаторная рамка «дагестанские национальности» со временем «отомрет». А у исследователей этничности появится возможность описать рождение, жизнь и смерть отдельно взятой этнической классификации, тем самым сделав важный вклад в теорию этничности как классификаторного явления.

Список литературы (References)

Акопян Т. А. Детско-родительские отношения как фактор формирования этнической идентичности в национально-смешанных семьях: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2003.

Akopyan T. A. (2003) Child-Parent Relationships as a Factor in Formation of Ethnic Identity in Ethnically-Mixed Families. PhD Dissertation in Psychology. St. Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russ.)

Акуленко В. С. Челноки этнических границ: проблема смешанной идентичности детей от смешанных браков корейцев и представителей других этносов г. Владивостока // Актуальные проблемы востоковедения. Сборник научных трудов по итогам работы VIII Международной научно-практической конференции по востоковедению. Вып. 8 / под ред. И. Н. Гузиной. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2019. С. 54—61.

Akulenko V. S. (2019) Shuttles of the Ethnic Borders: The Mixed Identity of the Deceders of the Mixed Marriages between Koreans and Representatives of Other Ethnic Groups in Vladivostok. *Current Problems of Oriental Studies: Proceedings of 8th International Conference on Oriental Studies. Khabarovsk, Russia*. Vol. 8. P. 54—61. (In Russ.)

Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт, 2000.

Alpatov V. M. (2000) 150 Languages and Politics, 1917—2000. Socio-Linguistic Problems in the USSR and Post-Soviet Countries. Moscow: Craft. (In Russ.)

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Bromley Yu. V. (1983) Essays on the Theory of Ethnos. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Moscow: Publishing House of HSE University. (In Russ.)

Бубликов В. В., Варшавер Е. А., Степанов В. В. Деконструкция переписей населения: комментарии и рассуждения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 212—242.

Bublikov V. V., Varshaver E. A., Stepanov V. V. (2023) Deconstruction of Population Censuses: Comments and Considerations. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 4. P. 212—242. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Орлова А. А., Шульга А. Е. Документарный конструктивизм как особая форма конструктивистской народной социологии: Свидетельства из Дагестана // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 156—177.

Varshaver E. A., Orlova A. A., Shulga A. E. (2023) Documentary Constructivism as a Special Form of Constructivist Folk Sociology: Evidence from Dagestan. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 6. P. 156—177. (In Russ.)

Варшавер Е. А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377—396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>.

Varshaver E. A. (2023) Integration of Migrants Through the Lens of a Constructivist Approach to Ethnicity. *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 25. No. 2. P. 377—396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>. (In Russ.)

Варшавер Е. А. «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022(a). Т. 21. № 3. С. 31—58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>.

Varshaver E. A. (2022a) “Stop Beating the Dead Primordial Horse”: Actual Agendas in Constructivist Research of Ethnicity. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 31—58. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58>. (In Russ.)

Варшавер Е. А. В ловушке двойной иррелевантности: (вос)производство этничности во взаимодействиях между переписчиками и переписываемыми в ходе всероссийской переписи 2021 г. в Дагестане // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022(b). № 4. С. 199—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>.

Varshaver E. A. (2022b) Trapped in Double-Irrelevancy: (Re)-Production of Ethnicity in Interactions between Census-Takers and Their Respondents Based on Results of Observations during 2021 All-Russian Census in Dagestan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 199—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2150>. (In Russ.)

Верн Ж. Пятнадцатилетний капитан. М.: Детская литература, 1990.

Verne J. (1990) *A Captain at Fifteen*. Moscow: Detskaya Literatura. (In Russ.)

Гаджиева С. Ш. *Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в.* М.: Наука, 1985. Gadzhieva S. Sh. (1985) *Family and Marriage among the Peoples of Dagestan in 19th—Early 20th Centuries*. Moscow: Science (In Russ.)

Губанова Е. В., Кызы Манафова Н. Ф. Этническая идентичность в смешанных браках // Перспективы развития Восточного Донбасса. Материалы VI-й Международной и 64-й Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Шахтинский институт (филиал) ЮРГПУ(НПИ) им. М. И. Платова. Шахты: Южно-Российский государственный политехнический университет (Новочеркасский политехнический институт), 2015. С. 428—433.

Gubanova E. V., Kyzy Manafortova N. F. (2015) Ethnic Identity in Mixed Marriages. In: *Proceedings of 6th International and 64th All-Russian Conference “Perspectives of Development of East Donbass”*. Shakhty, Russia. P. 428—433. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.

Karpov Yu. Yu., Kapustina E. L. (2011) *Highlanders after Highlands. Migration Processes in Dagestan in 20th—Early 21st Centuries: Social and Ethnocultural Consequences and Prospects*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. (In Russ.)

Казенин К. Перспективы институционального подхода к явлению полиюридизма (на примере Северного Кавказа) // Экономическая политика. 2014. Т. 9. № 3. С. 178—198.

Kazenin K. (2014) Prospects for an Institutional Approach to the Phenomenon of the Polyjuridicism (On the Example of the North Caucasus). *Economic Policy*. Vol. 9. No. 3. P. 178—198. (In Russ.)

Кутявина Е. Е., Малышева С. К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической идентичности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2. С. 47—52.

Kutyavina E. E., Malysheva S. K. (2010) Multiethnic Family as an Environment for the Formation of an Ethnic Identity of a Person. *Bulletin of Lobachevsky Nizhegorodsky University. Series: Social Sciences*. No. 2. P. 47—52. (In Russ.)

Ланда К. Г. Место и роль Государственного совета в формировании властной системы Республики Дагестан // Власть. 2016. Т. 24. № 1. С. 63—67.

Landa K. G. (2016) Place and Role of the State Council in the Formation of the Power System of the Republic of Dagestan. *Vlast' (The Authority)*. No. 1. P. 63—67. (In Russ.)

Магомедова Р. М., Рамазанова Б. Ш., Гусейнова И. С., Нахибашев З. М. Развитие института тухума у народов Западного Дагестана в XIX веке // Образование и право. 2021. № 8. С. 378—383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>.

Magomedova R. M., Ramazanova B. S., Guseinova I. S., Nakhibashev Z. M. (2021) Development of the Tukhum Institute among the Peoples of Western Dagestan in the

XIX Century. *Education and Law*. No. 8. P. 378—383. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-8-378-383>. (In Russ.)

Низамова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. № 5. С. 166—176.

Nizamova L. R. (2011) Mixed Ethnic Identities in a Multicultural Society. *Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series*. Vol. 153. No. 5. P. 166—176. (In Russ.)

Паин Э., Простаков С. Энтони Смит (1939—2016) и его научное завещание: Некролог // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 255—260. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-255-260>.

Pain E., Prostakov S. (2016) Anthony Smith (1939—2016) and His Scientific Testament: Obituary. *The Sociological Review*. Vol. 15. No. 3. P. 255—260. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-255-260>. (In Russ.)

Покровский Н. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2009.
Pokrovsky N. (2009) *Caucasian Wars and Shamil Imamat*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Хашаев Х. М. О. Законы вольных обществ XVII—XIX вв. Махачкала: ИД «Эпоха», 2007.
Khashaev H. M. O. (2007) *Laws of the Free Societies of 17th—19th centuries*. Makhachkala: Epoch. (In Russ.)

Andersen C. (2008) From Nation to Population: The Racialisation of ‘Métis’ in the Canadian Census. *Nations and Nationalism*. Vol. 14. No. 2. P. 347—368. <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2008.00331.x>.

Adams C., Peach I., Dahl G. (2013) *Métis In Canada: History, Identity, Law and Politics*. Alberta: The University of Alberta Press. <https://doi.org/10.1515/9780888647221>

Ang L. H., Shik P. Y. (2013) Mixed Marriages, Language, and Identity: The Children of Chinese-Indian Parentage in Malaysia. *Malaysian Journal of Chinese Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 1—16. URL: <https://www.newera.edu.my/files/mces/MalaysianJournal/MJ%20vol%20no2-1.pdf> (accessed: 18.02.2024).

Barth F. (1998) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Long Grove, IL: Waveland Press.

Chandra K. (2006) What is Ethnic Identity and Does it Matter? *Annual Review of Political Science*. Vol. 9. P. 397—424. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170715>.

Chandra K. (ed.). (2012) *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, NY: Oxford University Press.

Charsley S. R. (1974) The Formation of Ethnic Groups. *Urban Ethnicity*. P. 337—368.

Childs E. C., Lyons A., Jones S. L. (2021) Migrating Mixedness: Exploring Mixed Identity Development in New York City. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 47. No. 4. P. 782—801. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2019.1654153>.

Connor W. (1978) A Nation Is a Nation, Is a State, Is an Ethnic Group Is a... *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 1. No. 4. P. 377—400. <https://doi.org/10.1080/01419870.1978.9993240>.

Fishman S. B. (2004) *Double or Nothing? Jewish Families and Mixed Marriage*. Waltham, MA: Brandeis University Press.

Fry P. (2007) G. Reginald Daniel, Race and Multiraciality in Brazil and the United States: Converging Paths? (University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2006). *Journal of Latin American Studies*. Vol. 39. No. 3. P. 689—691. <https://doi.org/10.1017/s0022216x07003057>.

Gunaratnam Y. (2014) Rethinking Hybridity: Interrogating Mixedness. *Subjectivity*. No. 7. P. 1—17. <https://doi.org/10.1057/sub.2013.16>.

Heuer J. (2009) The One-Drop Rule in Reverse? Interracial Marriages in Napoleonic and Restoration France. *Law and History Review*. Vol. 27. No. 3. P. 515—548. <https://doi.org/10.1017/s0738248000003898>.

Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, NY: Cornell University Press. <https://doi.org/10.7591/9780801455940>.

Hollinger D. A. (2003) Amalgamation and Hypodescent: The Question of Ethnoracial Mixture in the History of the United States. *The American Historical Review*. Vol. 108. No. 5. P. 1363—1390. <https://doi.org/10.1086/ahr/108.5.1363>.

Ho A. K., Sidanius J., Levin D. T., Banaji M. R. (2011) Evidence for Hypodescent and Racial Hierarchy in the Categorization and Perception of Biracial Individuals. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 100. No. 3. P. 492—506. <https://doi.org/10.1037/a0021562>.

Horowitz D. L. (2001) *Ethnic Groups in Conflict (with a New Preface)*. Berkeley, CA: University of California Press.

Hutchinson J., Smith A. D. (eds.) (1996) *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press.

Isajiw W. W. (1993) Definition and Dimensions of Ethnicity: A Theoretical Framework. In: *Challenges of Measuring an Ethnic World: Science, Politics and Reality: Proceedings of the Joint Canada-United States Conference on the Measurement of Ethnicity, April 1—3, 1992*. Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office. P. 407—427.

Jakoubek M. (2019) Ethnic Indifference — Fredrik Barth's Conceptual Blind Spot. *Anthropological Notebooks*. Vol. 25. No. 1. P. 57—76.

Kowal E. (2016) Descent, Classification and Indigeneity in Australia. In: Fozdar F., McGavin K. (eds.) *Mixed Race Identities in Australia, New Zealand and the Pacific Islands*. London: Routledge. P. 19—35.

Krosch A. R., Berntsen L., Amodio D. M., Jost J. T., Van Bavel J. J. (2013) On the Ideology of Hypodescent: Political Conservatism Predicts Categorization of Racially Ambiguous Faces as Black. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 49. No. 6. P. 1196—1203. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2013.05.009>.

Lambert B. (1966) Ambilineal Descent Groups in the Northern Gilbert Islands. *American Anthropologist*. Vol. 68. No. 3. P. 641—664. <https://doi.org/10.1525/aa.1966.68.3.02a00020>.

Peery D., Bodenhausen G. V. (2008) Black + White = Black: Hypodescent in Reflexive Categorization of Racially Ambiguous Faces. *Psychological Science* Vol. 19. No. 10. P. 973—977. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2008.02185.x>.

Phinney J.S. (1990) Ethnic Identity in Adolescents and Adults: Review of Research. *Psychological Bulletin*. Vol. 108. No. 3. P. 499—514. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.499>.

Sharfstein D. J. (2006) Crossing the Color Line: Racial Migration and the One-Drop Rule, 1600—1860. *Minnesota Law Review*. Vol. 91. P. 592—656.

Skidmore T. E. (2003) Racial Mixture and Affirmative Action: The Cases of Brazil and the United States. *The American Historical Review*. Vol. 108. No. 5. P. 1391—1396. <https://doi.org/10.1086/ahr/108.5.1391>.

Smith A. D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishing.

Sollors W. (2008) Ethnicity and Race. In: Goldberg D. T., Solomos J. (eds.) *A Companion to Racial and Ethnic Studies*. P. 97—104. <https://doi.org/10.1111/b.9780631206163.2002.00013.x>.

Spencer R. (2004) Assessing Multiracial Identity Theory and Politics: The Challenge of Hypodescent. *Ethnicities*. Vol. 4. No. 3. P. 357—379. <https://doi.org/10.1177/1468796804045239>.

Stephan C. W., Stephan W. G. (1989) After Intermarriage: Ethnic Identity among Mixed-Heritage Japanese-Americans and Hispanics. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 51. No. 2. P. 507—519. <https://doi.org/10.2307/352512>

Teicher J. D. (1968) Some Observations on Identity Problems in Children of Negro-White Marriages. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 146. No. 3. P. 249—256. <https://doi.org/10.1097/00005053-196803000-00006>.

Vermeulen H., Govers C. (eds.) (1994) *The Anthropology of Ethnicity: Beyond “Ethnic Groups and Boundaries”*. Amsterdam: Het Spinhuis.

Washington S. L. (2011) *Hypodescent: A History of the Crystallization of the One-Drop Rule in The United States, 1880—1940*. Princeton, NJ: Princeton University.

Wimmer A. (2013) *Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks*. New York, NY: Oxford University Press.

Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Solodukhina O. S., Fairushina Z. F. (2018) Specific Features of Ethnic Identity in Children from Mixed Marriages. In: Malykh S., Nikulchev E. (eds.) *Psychology and Education — ICPE 2018. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 49. P. 824—831. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.11.02.94>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2327](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2327)

A. V. Kim, D. V. Maltseva

STRUCTURAL STABILITY OF THE RUSSIAN SOCIOLOGISTS' ONLINE COMMUNITY: 2011—2018

For citation:

Kim A.V., Maltseva D.V. (2024) Structural Stability of the Russian Sociologists' Online Community: 2011—2018. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 202—228. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2327>.

Правильная ссылка на статью:

Ким А. В., Мальцева Д. В. Стабильность структуры онлайн-сообщества российских социологов: 2011—2018 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 202—228. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2327>. (In Eng.)

Получено: 19.10.2022. Принято к публикации: 22.12.2023.

STRUCTURAL STABILITY OF THE RUSSIAN SOCIOLOGISTS' ONLINE COMMUNITY: 2011—2018

Aryuna V. KIM¹ — Junior Research Fellow at the International Laboratory for Applied Network Research

E-MAIL: avkim@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1087>

Daria V. MALTSEVA² — Cand. Sci. (Soc.), Laboratory Head at the International laboratory for Applied Network Research

E-MAIL: dmaltseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This study deals with the stability evaluation of the community structure of Russian sociologists' online group. Based on the data from the online community, which consisted of seven years of communication from 2011 to 2018, we constructed networks based on commenting and reacting. The participants' activities included four main periods for evaluating the stability of the community. Block modeling reveals the structural patterns of community interactions. The results show the “core-periphery” type of the global structure. The core and periphery are structured differently in networks of comments and reactions. The stability between the positions in the global structure is high, and while the structure may vary in some periods, the sizes of the core and periphery fluctuate. However, the stability within the positions of

СТАБИЛЬНОСТЬ СТРУКТУРЫ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: 2011—2018 ГГ.

КИМ Арюна Витальевна — младший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: avkim@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1087>

МАЛЬЦЕВА Дарья Васильевна — кандидат социологических наук, заведующий Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: dmaltseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1789-1711>

Аннотация. Исследование посвящено оценке стабильности структуры сообщества онлайн-группы российских социологов. Используя данные онлайн-сообщества (семь лет взаимодействий с 2011 по 2018 г.), мы построили сети, основанные на комментариях и реакциях. Для оценки стабильности сообщества мы проанализировали коммуникацию его участников на протяжении четырех периодов, а также раскрыли структурные паттерны их взаимодействий с помощью инструмента блок-моделинга. Результаты исследования показывают соответствие структуры сообщества типу “ядро — периферия”, где эти позиции структурированы по-разному в сетях комментариев и реакций. Размеры ядра и периферии в разные периоды времени колеблются, тем не менее стабильность их присутствия в общей структуре со-

the global structure is low, according to the modified Rand index.

Keywords: online community, structure of professional community, Russian sociologists, stability evaluation, social network analysis, blockmodeling approach

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

We would like to express our special gratitude to our colleagues, Prof. Anuška Ferligoj, Prof. Vladimir Batagelj, Dr. Stanislav Moiseev and other colleagues from the International Laboratory for Applied Network Research for their advice and comments. This work is prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program. We appreciate the help of Academic Writing Center of HSE University with the proofreading of the article.

Introduction

Along with the development of society in the 20th century, the concept of community, formulated in classical sociology, began to denote new interaction forms between individuals, such as those appearing in online communities [Rheingold, 1993]. The concept of communities of practice [Lave, Wenger, 1991] was proposed to denote professional online communities, where the same practice, knowledge and identity are shared among professional groups on the Internet. Studies have shown that the motivation for participation in such communities may vary [Hara, Hew, 2007; Hur, Brush, 2009], leading to different structural interaction forms within the community [Wasserman, Faust, 1994]. Research [Kronegger, Ferligoj, Doreian, 2011; Rykov, 2016] has shown that the structure in such communities has the “core-periphery” form, where the core consists of members who are highly connected with each other, and the periphery is linked only with the core and not between themselves. However, the question remains as to how stable these global structures are, whether they change over time, and how individual members move between positions in these structures.

общества высока, хотя внутри самих этих позиций, согласно модифицированному индексу Rand, стабильность невелика.

Ключевые слова: онлайн-сообщество, структура профессионального сообщества, российские социологи, оценка стабильности, анализ социальных сетей, блокмоделлинг

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Мы хотели бы выразить особую благодарность нашим коллегам, проф. Анушке Ферлигой, проф. Владимиру Батагелю, к. с. н. Станиславу Моисееву и другим коллегам из Международной лаборатории прикладных сетевых исследований за их советы и комментарии. Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Мы благодарны Центру академического письма НИУ ВШЭ за помощь в подготовке текста статьи на английском языке.

In our study, we consider the structure of communication based on the largest Facebook*¹ group of Russian sociologists. This group can be seen as an example of a community of practice that brings together people with the same professional interests in sociological research who are actively involved in professional discussions. It is important to study the case of Russian sociologists because the sociological discipline in the USSR and modern Russia has a unique and difficult history of formation. Its description is problematic and “defies rational description at all” because of too many different facts, turning any “beautiful and exhaustive historiographical scheme into an arbitrary construction” [Batigin, Deviatko, 1994]. The development of sociology has influenced the formation of the corresponding research community. The empirical studies, including those using a structural perspective, have shown that there are different groups of researchers that can be found within the “offline” sociologists’ community [Sokolov et al., 2010; Batigin, Gradoselskaya, 2001]. However, an analysis of communities in an online format, by nature suggesting more horizontal relationships, can yield different results. While there are some studies of online communities of sociologists [Barkhatova, 2020; Kim, Maltseva, 2022], this study is the first attempt to provide a comprehensive overview of the community’s global structure as well as its stability between and within subgroups over a long-term period. Based on information on posting and commenting, we observe the structural characteristics of a professional group over seven years (2011–2018) using the structural perspective and methods of social network analysis (SNA).

The remainder of this paper is organized as follows. The Literature review describes the theoretical background for studying communities in sociological research and identifies some characteristics of the online community of practice, as well as describes the development of the Russian sociological community. The Data and methodology section characterizes our case study, and describes the selected online professional community, presents data collection and network construction processes, and describes the methodology used for the analysis. The Results section provides the main findings: the global structure of the community and its stability between and within the obtained groups. The article finishes with a Conclusion and Discussion.

Communities: Theoretical background

The concept of community has played an important role in theory construction in social sciences. In the 19th century, it was defined as having clear ideological and political consequences. The Chicago School of Sociology conducted studies on the impact of industrialization on the preservation of urban communities. As part of the field research in the 1920–1930s, they confirmed earlier developments in community studies: instead of being included in a separate cohesive community, urban residents are limited members of various, loosely connected, and limited social networks. Such weak and disorganized relationships cannot provide social support to their members, making individuals more dependent on formal organizations, such as employment agencies. Indirect secondary relationships tied urban residents to the city, which effect to loss of solidarity and disorganization in areas as diverse as collective action, crime, and migration [Wirth, 1938].

¹ Здесь и далее * означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории РФ [Hereafter * means social networks whose activities are prohibited in the territory of the Russian Federation].

Wellman [1979] suggested considering the Community Question (CQ) from the structural perspective of SNA. He raised the question of how large-scale social system divisions of labor associated with urbanization and industrialization affect the organization and content of the main primary relations. As the division of labor in industrial bureaucratic societies has weakened solidarity in communities, the findings of the Chicago School were labeled by the term “Lost community”. However, the mistake of the representatives of this approach was that “because of its assumption that strong primary ties naturally occur only in densely knit, self-contained solidarities, the argument has unduly neglected the question of whether primary ties have been structurally transformed, rather than attenuated, in industrial bureaucratic social systems” [ibid.: 1205].

The reaction of many urban sociologists to the evidence of the “Lost community” was the development of the opposite approach, which claimed that neighboring and related solidarity groups continue to exist successfully in industrial bureaucratic social systems [ibid.]. In 1940—60s, field research showed that citizens continued to organize personal communities in homogeneous living and working spaces (on the scale of the neighborhood, their friends, and work). The approach of the “Saved community” looks more positively at people’s ability to adapt to complex social conditions; even in complex social and economic environments, people seek to organize social structures of mutual support.

The common problem for the two approaches is that, in many studies, the CQ includes two components: (1) the submission of a normative nature to the solidarity of sentiment in a community, and (2) an awareness of the specific spatial distribution of major linkages in local areas. As a result, “the fundamentally structural CQ has often been transmuted into a search for local solidarity, rather than a search for functioning primary ties, wherever located and however solidary” [ibid.: 1202]. As such, locality can no longer be considered one of the main constitutive characteristics of communities.

Further technological development contributed to the confirmation of this idea, but at the same time raised new CQs. Whereas the main volume of sociological community studies in the 20th century sought answers to the questions posed by scientists of the 19th century, the drastic revolutionary changes in technologies of the 1990—2000s meant new challenges to communities in their traditional forms. The concept of an online or virtual community was presented by Rheingold [1993], who described one of the first communities existing in network form — the Whole Earth Electronic Link (WELL). This study is one of the first to discuss the existence of communities in a virtual environment. It has been shown that members of online communities, combined with each other’s interests, work, or training, reflect the same characteristics that can be found in offline communities (the formation of a common language, rules of conduct and compliance, social support, and the creation of a common shared history). Virtual communities are “social associations that arise from the network, when a sufficient number of people lead public discussions long enough, with enough human feeling, to form networks of personal relationships in cyberspace” [ibid.]. By the mid-1990s, owing to the spread of personal computers and the expansion of the Internet, real and virtual life began to converge. Cyberspace and its virtual communities, formerly understood as separate spheres of life, gradually began to enter people’s

daily practices. Studies on the intersection and complementarity of online practices with everyday practices have concluded that Internet-mediated communication has become another tool in the overall system of communication.

Conceptualizing the community as a social network, Wellman, Boase and Chen [2002] defined the “community before the Internet” as a homogeneous group with neighborhood interaction; as “networks of interpersonal ties that provide sociability, support, information, a sense of belonging, and social identity” [ibid.: 153]. Comparing the online community with a neighborhood, having some local geographical patterns, the authors denoted the new feature of online communication as “network individualism”: “In networked societies, boundaries are more permeable, interactions are with diverse others, linkages switch between multiple networks, and hierarchies are flatter and more recursive” [ibid.: 160].

Currently, online forms of communication are typical for various types of communities, including professional communities. Traditionally, these communities have been studied in the sociology of professions and professional groups, based on the division of labor presented in the classical works of Spencer, Marks, Durkheim, and Weber. Technological progress has influenced the appearance of new forms of studying professions. To study professional communities in an online environment, the concept of community of practice (CoP), proposed in 1991 by Lave and Wenger [1991], may be relevant. CoP is defined as “groups of people who share a concern, a set of problems, or a passion about a topic, and who deepen their knowledge and expertise in this area by interacting on an ongoing basis” [Wenger, McDermott, Snyder, 2002: 4]. This term was developed in the context of a study of traditional apprenticeships. Describing the history of professional groups, Durkheim argued that the professional community could provide social connections that are important for strengthening social trust and mutual commitment, even when the forces of industrialization and social disruptions are trying to break the historical ties that unite people in the villages [Wenger et al., 2002]. The structural model of the CoP presupposes the existence of three main elements: community, practice, and the sphere of interest. Technology can be added to these three characteristics, as the use of such means of communication has become part of the CoP in online platforms. Hence, a special digital habitat of CoP exists — a virtual settlement [ibid.].

Researchers have distinguished between different motivations for participating in professional communities. Hara and Hew [2007] list four main reasons to share knowledge in the teacher’s community: (a) collectivism: to improve the welfare of community members, (b) reciprocity: to receive help from others and give it back, (c) personal gain: to gain new knowledge, and (d) altruism: to support others. Hur and Brush [2009] found the following reasons to participate in teacher’s online communities: (a) sharing emotions, (b) utilizing the advantages of online environments, (c) combating teacher and isolation, (d) exploring ideas, and (e) experiencing a sense of camaraderie. Some of these reasons can be found in other types of professional community.

Asymmetric activity of participants in online professional communities is another interest of researchers in community studies [Nonnecke, Preece 2003; Rafaeli, Ravid, Soroka, 2004]. In CoPs, different roles are assigned to members according to their participation in the community, such as newcomers, insiders, or outsiders. The mod-

el of participants' entry into communication in the online community is based on the principle of acceptable peripheral participation [Lave, Wenger, 1991], and includes five trajectories:

- peripheral — observers (peripheral-lurker) who do not contribute to community resources;
- entries — newcomers (inbound-novice) who are trying to contribute to community activities;
- internal — regular members (insider-regular) who are actively involved in the community's activities;
- borderline — leaders who interact with participants, express themselves in conceptual ideas, and correct problems of interaction in the community;
- alienations — participants leaving the community (outbound-elder), no matter what reason, but switched to another activity or left.

Participants could move from legitimate peripheral participation to full participation in the community.

While communication in online professional communities is crucial for participants' career improvement and overall community's development, many people prefer lurking: "passive attention over active participation" [Rafaeli et al., 2004: 1]. Based on the study, the reported proportion of lurkers varies from 90 % to 50 % of the whole professional online community. Nonnecke and Preece [2003] described several reasons of lurking such as to ensure privacy, being shy about posting, or leaving the group.

Differences in the motivation and activities of community members can lead to different structural characteristics of communities. Wasserman and Faust [1992] described five types of structures that display certain community properties: cohesive subgroups, core-periphery, centralized, hierarchical, and transitive structures. The cohesive subgroups were not connected to each other. In core-periphery structure, one group is defined as "core group" which members are highly linked with each other, and second group defined as a "peripheral group", where its members are linked with the members of core group, but not with each other. In a centralized structure, all relationships are from one group member. In a hierarchy, the relational ties are directed from each member "below" to another one immediately "above". The transitive structure is characterized by the principle that if A is connected to B and B is connected to C, then A is also connected to C. Structure is a theoretical construct because real empirical network data can consist of variations in data from different structural patterns. Researchers have found that professional communities and CoPs can be characterized by the core-periphery structural type [Kronegger et al., 2011; Rykov, 2016], and have shown that the structures changes over time, raising the question of community stability measurement [Cugmas, Ferligoj, Kronegger, 2016].

Stability in an online community was shown to be an important characteristic, which helps to promote the viability in online communities, along with cohesiveness, sociability, and interactivity [McEwan, 2016]. It can be considered from the point of view of Signaling theory, originally developed in economics and animal behavior studies. It stated that people, who need to send and receive the information in the situation of information asymmetry, interpret available cues as evidence (signals) that a particular state of the world exists [Connelly at al., 2011]. Through communicative signals, such

as messages, comments, and “likes”, senders and receivers of information communicate with each other and strengthen their sense of membership and belonging to a community², that’s why these signals can be seen as relevant means to study structural characteristics of communities over time.

Russian sociological community: Previous studies

The history of sociology in the USSR and modern Russia, and the corresponding community, can be described as nonlinear and dramatic [Batigin, Deviatko, 1994]. It is usually divided into two unrelated stages: the pre-revolutionary sociology developing before the October Revolution in 1917, and the sociology developing in the Soviet era. After the October revolution, Marxism-Leninism became a state science, and the tasks of sociology were confined to ideological control. It forced some scholars to immigrate: one of the prime examples is Pitirim Sorokin, who left the USSR in the 1920s and became a world-renowned sociologist and founder of the first sociological faculty in Harvard University [Firsov, 2012]. From that moment on, the development of sociology as a discipline stopped for some time. It was only in the 1960s when sociology “grew” again out of “factory research” (sociology of labor). As a result, in the mid-1970s, an undergraduate specialization in applied sociology was set up at the Ural, Minsk, and Leningrad universities. In 1984, the first sociological departments were established in the Moscow and Leningrad State Universities [Titarenko, Zdravomyslova, 2017]. Modern Russian sociology was born after the economic reforms of 1990’s, followed by the creation of capitalistic relations, which made Russian intellectual elites revise the problems of Russian society and try to find the answers from the Western sociology. In 1988, the first All-Russian Public Opinion Research Center (ARPORC, also VCIOM) was launched [ibid.].

In recent decades, many sources appeared that allow researchers to dive into the historical context: documentary evidence about the history of sociology in the USSR and Russia [Firsov, 2012; Osipov, Moskvichev, 2008; Kozlova, 2018; Gorshkov, 2017]. Certain aspects of the development of sociology in the USSR and Russia, and the formation of the corresponding academic community, were studied in historiographical research based on the analysis of documents. However, official documents and protocols often create only an “external, institutional chronology of sociological science” [Batigin, 1999: 5], that is why other data sources such as personal stories based on memoirs, biographies, biographical and thematic interviews of famous sociologists are important.

Based on the in-depth biographical interviews with more than 200 scholars mostly from the academy, Doktorov [2016] described the individual trajectories of academic careers among sociologists. Using the transformed biographical information from the interviews, the collaboration networks of sociologists via network analysis were studied. The analysis of egocentric networks showed the career paths of sociologists and the development of the whole sociological community [Batigin, Gradoselskaya, 2001]. An analysis of affiliation networks of researchers showed organizations, research groups and centers, which influenced the development of the sociological community in the

² Deeper analysis of community stability as operationalized by Signaling theory would include the analysis of linguistic patterns of communication and searching for specific words, forms, tenses, and associated emotions [McEwan, 2016].

1960s-90s [Korpachev, 2006]; groups of sociologists from different generations were considered [Mazina, 2013]. Based on the same data, the approach for studying the meaning of relations underlying the formation of a professional community of sociologists was proposed [Maltseva et al., 2017; Maltseva, Moiseev, 2018].

Other studies considered some aspects of collaboration between the members of the sociological community. A study of the local academic community of sociologists (in St. Petersburg), based on citation and survey analysis [Sokolov et al., 2010], identified three main segments of sociologists: oriented towards international arena, focused on communication on the national level, and those who do not have a unidirectional strategy of development in Russia. The study of information culture and professional communication in the community of sociologists — practitioners working in the applied commercial sphere via a survey among research agencies [Zadorin, Maltseva, 2013], showed that Internet communication and social media are important sources of communication. An analysis of discussion in the professional online community of sociologists, which includes sociologists from academia and research agencies³, identified several main leaders attracting attention of other participants. Recent studies [Barkhatova, 2020; Kim, Maltseva, 2022] illustrated the structural characteristics of communication in the online community, which, as it turned out, consists of a small core and huge number of peripheral groups.

The community of Russian sociologists varies for various grounds, both between groups (academicians and practitioners) and within them (e. g., schools of thought, generations, orientations towards international or national levels). These divisions may increase due to a remarkably high degree of centralization in Russia, formed around Moscow and St. Petersburg, as well as a lack of platforms for the direct communication of sociologists from different groups (own events, journals more oriented toward one or another group, etc.). In this sense, the online professional community as CoP can be the platform for bringing different people together and forming a joint community, as they suggest horizontal relations, and their analysis can bring insightful results.

Data and methodology

Based on Signaling theory, stating that “online communities simply are the language that shapes them” [McEwan, 2016], we focus our analysis on communicative signals, such as posts, comments, and reactions as the units for studying structural characteristics of a particular group of Russian sociologists on Facebook*⁴. Our study is the first attempt to make a comprehensive overview not only of the community’s global structure, but also its stability between and within its subgroups over a long-term period.

We formulate the following **research questions**:

- (1) Which type of the global structure can be attributed to the community under study? Does this structure fit the core-periphery model, as was found in previous research?
- (2) How stable are the patterns of interactions between the positions of the global structure, and how do they change in time?

³ Maltseva D. (2016) Crimerian Poll: An Analysis of Discussions in the Online Group “Manufactura socpoh” (analytical report). URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/e2c/Socpoh_Krymskij_opros.pdf (accessed: 13.02.2024).

⁴ We do not disclose the name of this group, as was done in previous research [Barkhatova, 2020].

- (3) How stable are the trajectories of individual membership within the positions of the global structure? Can we observe the migration from one trajectory to another?

Data description

The analyzed group can be seen as a community of practice, as it has all the necessary elements: (1) community itself — group of professional sociological researchers, including academicians and practitioners (pollsters), (2) joint sphere of interest — the same professional research expertise, field of activity, (3) practice — research and applied activities of the community members, (4) shared virtual habitat — Facebook* group. This group is an interesting case of self-organization of the sociological community representatives, and its originality and uniqueness are due to the following characteristics:

- Long period of existence — since 2011 and up to 2023 (the data available for analysis is up to 2018);
- Diversity of participants representing two main segments of Russian sociology (academics and practitioners), differing by institutions and organizations, age, gender, region of residence;
- Active discussions, attracting community members with divergent viewpoints, compliance with the rules of academic and professional freedom, without any censorship and banning.

Even though the structures observed in offline and online worlds are not the same, some similarities between them were claimed to exist [Reich, Subrahmanyam, Espinoza, 2012]. We fully understand that this group does not represent the community of sociologists in Russia; however, it can be a nice representation of its most active part, present on Facebook*.

The data were collected in January 2018, using Facebook's* official API. The database created from the collected data consists of more than 34,000 posts and comments written from October 2011 up to January 2018 by 818 group members. The collected dataset consisted of two parts: (1) information on the date, type of publication (post, comment to post, comment to comment), post text, author, achieved reactions, and number of comments; (2) information on the relationships between publications and author. The data were stored in a table in.csv format. Such organization of the database was crucial for the creation of networks.

There are several possible types of activity between the group members: writing a post, making a comment to a post or other comment (since 2015), and giving reaction ("like") to a post or comment. We consider the entire set of posts and comments as *publications* that are consistently linked to each other: a *post* is a separate message, *1-level comment* is a comment to the post, and *2-level comment* is a comment to 1-level comment. Thus, all *posts* and part of *1-level comments* belong to the *primary (commented)* publications, and all *2-level comments* and part of *1-level comments* belong to the *secondary (commenting)* publications. All three types of publications and reactions are considered as the units of data analysis.

Methodology

This study uses social network analysis (SNA) as a general methodological approach for revealing structural characteristics of the observed community. SNA includes quan-

titative and qualitative types of analyses, which are widely used for studying communities and their different types, including CoP [MacNair, 1996]. Based on the data, we construct two types of networks. In *Comment network*, the relations between the vertices are based on commenting to each other. In *Reaction network*, the relations between the vertices are based on giving reactions to each other.

To study structural patterns of networks, we use blockmodeling approach [Batagelj et al., 2004: 455], which allows clustering group members according to their similar structural characteristics (interactions with others), describe relations between the identified clusters, distinguish social positions (roles) of the group members, and identify the fundamental network structure, assigning it to one of the types observed by Wasserman and Faust [1994]⁵. We apply an indirect approach to blockmodeling based on structural equivalence [ibid.: 457], as it works better with rather large (several hundreds of nodes) networks. For the computations, we use the program Pajek⁶ [Batagelj et al., 2004].

To study the stability of the obtained structures, we observe the fundamental network structures in different time periods of group activity. We construct temporal networks, splitting the data into four time periods based on group activity, use blockmodeling to obtain the global structures in each period, and look at the stability of patterns of interactions between the positions of the structures⁷. To study the stability of the trajectories of individual membership within the positions of the global structure and their change through time, we visualized the trajectories of the community members between the clusters of the global structure. We use a modified Rand index [Cugmas, Ferlogoj, 2018: 7] to evaluate the stability of the group members' trajectories, which shows the stability of the community structure by considering the splitting and merging of clusters and level of incomers and outgoers.

Network construction

To produce networks, the program Text2Pajek⁸ was used, which allows constructing 2-mode networks out of the data stored in different columns in table form. To produce the *Comments network CN*, we used 2-mode networks *Actor-Post AP* and *Post-Comment PC*. Network *AP* consist of data about *actors* and *posts* as separate message, as well as *links* among them. Network *PC* consist of data about *posts* and 1-st and 2-nd level *comments*, as well as *links* among them. The multiplication of these two networks constructs the 2-mode network of *Actor-Comment AC*. Multiplying this obtained 2-mode network *AC* with its transposed version *CA* results with the *CN*, where the actors *A* are connected through the relations of commenting each other (Equation 1.)

⁵ Other methods of splitting large and complex networks, such as community detection or k-means method [Ferligoj et al., 2014], split the network into clusters, but clusters of similar components are not necessarily identical to groups in the network. They also do not provide the information about the relations between the groups, or clusters, that they identify.

⁶ URL: <http://vlado.fmf.uni-lj.si/pub/networks/pajek/default.htm> (accessed: 13.02.2024).

⁷ Clusters of equivalent or similar members in the community are called positions, and the role structure is shown by links between these positions [Wasserman, Faust, 1994].

⁸ URL: <http://vlado.fmf.uni-lj.si/pub/networks/pajek/howto/text2pajek.htm> (accessed: 13.02.2024).

Equation 1. Formula for Comments network CN construction

$$AP \times PC = AC$$

$$AC \times (AC)T = AC \times CA = AA(\text{com}) = \mathbf{CN}$$

The same approach was used to produce the *Reactions network* **RN**. A 2-mode network *Actor-Post* **AP** was multiplied with 2-mode network *Post-Reaction* **PR**, which resulted with a new 2-mode network *Actor-Reaction* **AR**. A multiplication of this network to its transposed version resulted with **RN**, where the actors *A* are connected through the relations of reacting (giving “likes”) to each other (Equation 2).

Equation 2. Formula for Reactions network RN construction

$$AP \times PR = AR$$

$$AR \times (AR)T = AR \times RA = AA(\text{react}) = \mathbf{RN}$$

Both obtained networks are directed, showing that some group member is commenting another one, or giving reaction to them. Two networks are weighted: the strength of ties shows the number of comments or reactions from one group member to another. The **CN** consists of 818 vertices, and the **RN**—of 1,539 vertices.

Temporal networks for the four chosen periods (T1, T2, T3, and T4) were constructed manually. The data were split into four parts according to group activity, and then *Comments* and *Reactions networks* for each period were constructed, which were labeled, accordingly, **CN1, CN2, CN3, CN4**; and **RN1, RN2, RN3, RN4**.

Obtained temporal networks included many participants, who provided almost no communication within the group—“lurkers”. To alleviate computation of the network stability within the positions of the global structure and measure Rand index, we had to reduce the temporal networks. As the line values were very skewed in obtained temporal networks, they were normalized by the logarithmic approach, and then recoded. In both types of networks in each period, we removed the actors, whose connections with others were not strong enough. It resulted in around 80 actors in each network, representing group members who were active in communication in the online community (Table 2). The obtained reduced temporal *Comments* and *Reactions* networks were labeled as **CNr1, CNr2, CNr3, CNr4**; and **RNr1, RNr2, RNr3, RNr4**, accordingly.

Table 2. **Number of actors in reduced temporal networks**

Reduced networks	Networks for periods	Number of actors
CN	CNr1	79
	CNr2	72
	CNr3	94
	CNr4	75
RN	RNr1	79
	RNr2	84
	RNr3	87
	RNr4	75

Results

We begin with general statistics of the data obtained. Observing the activity of the group members, we found an uneven distribution with distinct peaks and falls in activity. We justified the choice of the four periods for which the data were split. We look at the global structure of the observed group, and check the stability of the relations between the obtained subgroups and within them.

Members' activity

The activity in the online community can be seen as the total number of posts and 1-level and 2-level comments, as well as reactions to all publications. Overall, in seven years, there were 2,591 posts published, which were commented on by 20,709 1-level comments, and extra 11,005 2-level comments, starting from 2015. The total number of reactions was 13,240.

Comparisons of the distributions of comments (1- and 2-level comments) and reactions show that they follow the same trend (Figure 1). The number of comments was usually lower than the number of reactions; however, in January 2015 and September 2017, the number of comments was larger than the number of reactions. The number of comments increased in 2014 and 2015 (Table 3). In 2016, the number of 2-level comments was the highest.

Over the seven years, commenting and reacting activities fluctuated almost every month (Figure 1). We can observe two periods with increased activity: one peak between January and November 2015 (11 months) and another between December 2015 and May 2016 (6 months). Based on the peaks of activity in the online community, we decided to split our data into 4 periods: two of which are already highlighted, the third from September 2011 — December 2014 (39 months), and the fourth period from June 2016 — January 2018 (20 months).

Figure 1. Number of comments and reactions to posts and comments, each month, 2011–2018

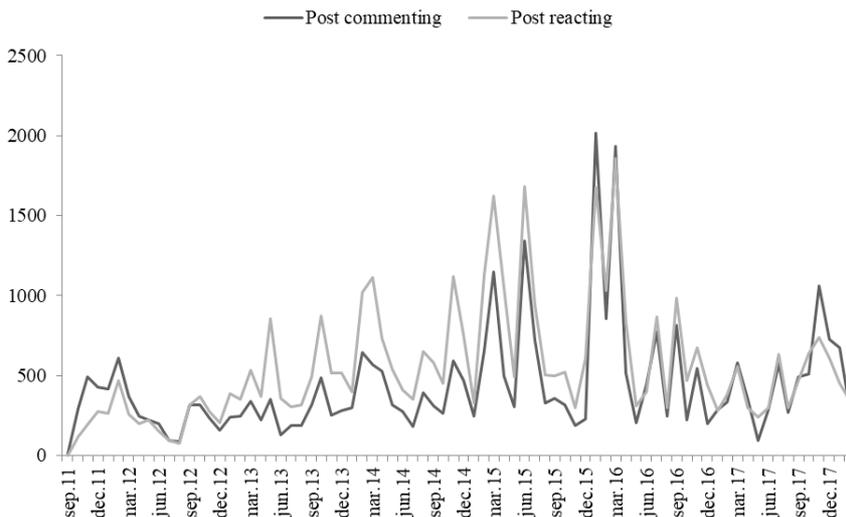

Table 3. Number of posts, 1-level and 2-level comments, and reactions

Years	Posts	1-level comments	2-level comments	Reactions (all types)
2011	189	1035	0	322
2012	479	2803	0	1431
2013	386	2860	0	1884
2014	416	4432	0	2674
2015	367	5590	387	3206
2016	431	2406	5,954	2001
2017	276	1367	3,936	1394
2018	47	216	728	233
Overall	2,591	20,709	11,005	13,145

Table 4. Network statistics by 4 periods

Period	N months	Posts and comments		Actors with comments		Actors with reactions	
		N	Norm	N	Norm	N	Norm
1 (Sept 2011 — Dec 2014)	39	12,600	323	416	11	689	18
2 (Jan — Nov 2015)	11	6,112	556	322	29	740	67
3 (Dec 2015 — May 2016)	6	5,765	961	292	49	769	128
4 (June 2016 — Jan 2018)	20	9,828	491	463	23	1,076	54
Average			451		11		20
Total	76	34,305		818		1,539	

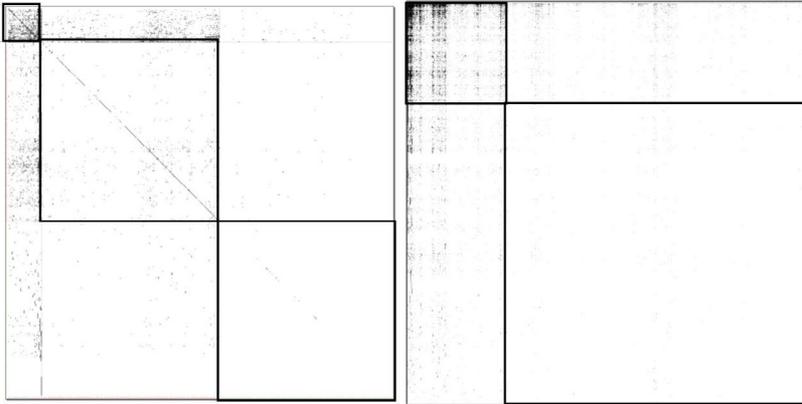
Table 4 presents activity statistics for each period. Since the activity periods included different numbers of months, we normalized the data and counted the number of posts, actors with comments, and actors with reactions per month, as well as their average numbers. Even though the largest numbers of posts (12,600 and 9,828) were written in the 1st and 4th periods, the most intense periods were the 3rd and the 2nd, with 961 and 556 posts written per month, respectively, in comparison with 451 on average. The number (and, in such, diversity) of group members involved in commenting and providing reactions also changed during the four periods. Normalized values show an increased number of community members commenting on others in the 3rd period (49 actors per month in comparison with 11 on average), and those providing reactions to other community members in the 3rd and 2nd periods (128 and 67 actors per month, respectively, in comparison with 20 on average).

Global structure

Using blockmodeling, we extracted the global structures of the CN and RN (Figure 2). For both networks, the extracted structure can be classified as “core — periphery” type. The matrix on the left represents the global structure of the community based on comments, which consists of three parts: core group in black square, semi-periphery in

grey square, and periphery white square. The matrix on the right represents the global structure of the community based on reactions, which consists of two positions: the core of group members tightly connected to each other, and the periphery of the members connected to the members in the core but ignoring each other. The number of group members in the core for the CN and RN networks were 10 and 57, respectively. The periphery of both networks includes 808 and 1,482 group members. CN also included a semi-periphery group consisting of 326 members.

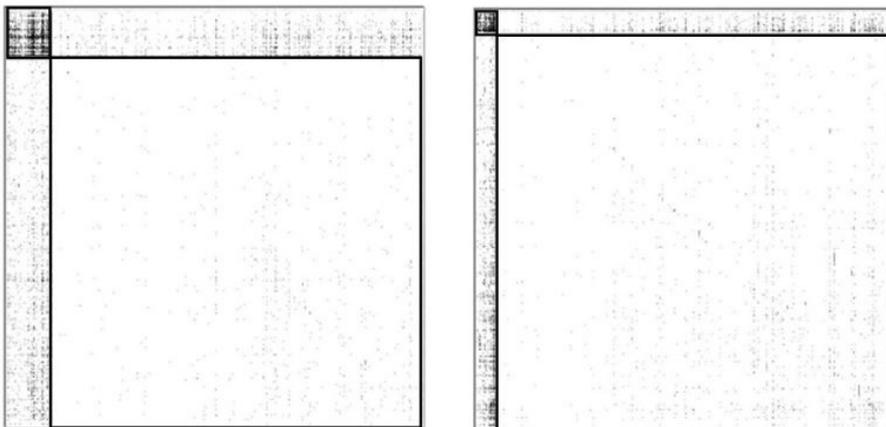
Figure 3. Blockmodels of the Comments and Reactions networks **CN** and **RN**

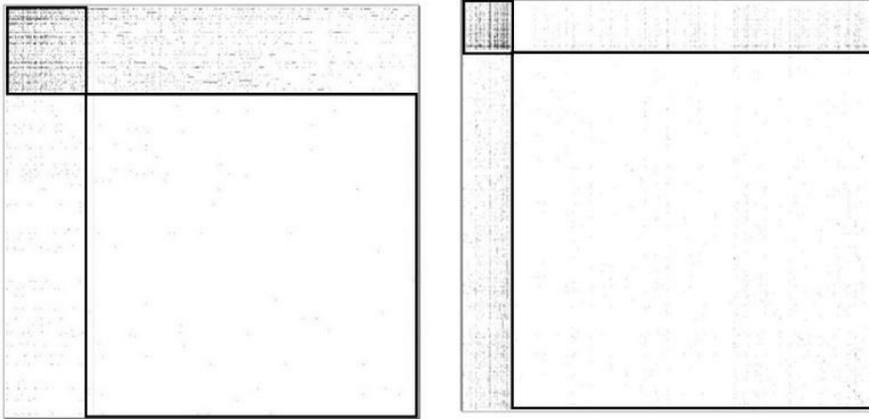

Stability between the positions of the global structure

To study the stability of the interaction patterns between the positions of the global structure, the blockmodeling approach was applied to the temporal *Comments networks CN1, CN2, CN3, CN4*, and *Reactions networks RN1, RN2, RN3, and RN4*. The obtained structures are presented in Figures 3 and 4.

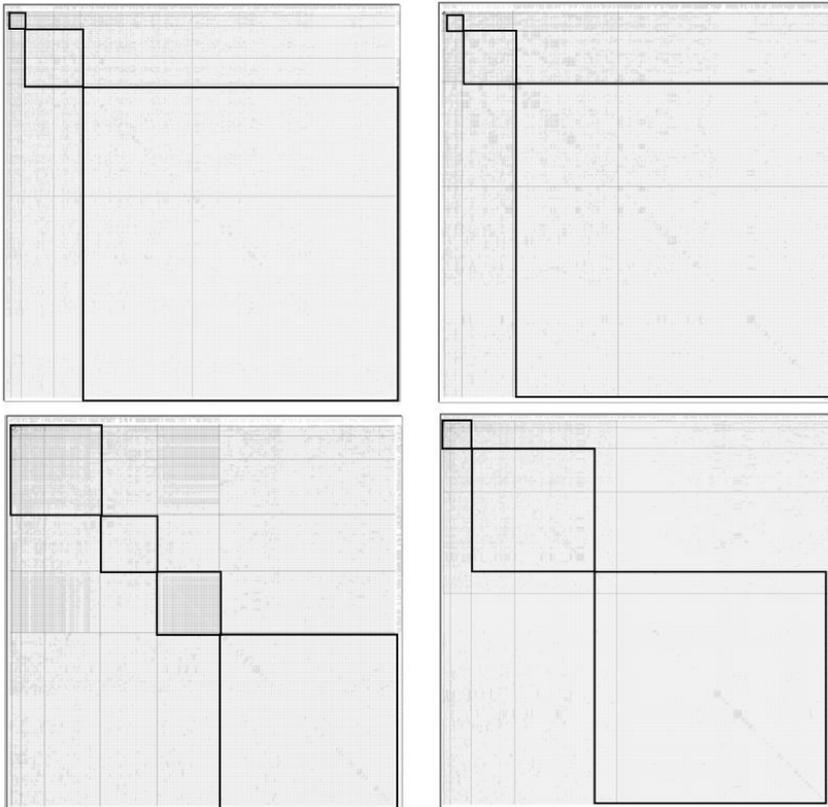
Figure 4. Blockmodels of the Reactions networks **RN1, RN2, RN3, RN4**

RN3 RN4

Figure 5. Blockmodels of the Comments networks **CN1**, **CN2**, **CN3**, **CN4**
CN1 CN2

CN3 CN4

In **RN1**, a clear division of the core and periphery was found, where the core consists of about 10 % of all participants. In **RN2**, the core decreases, in the 3rd period — increases even more remarkably, and finally, in the 4th period, its size returns to that of the 1st period. Interestingly, in the 3rd period the structure of the network changed: the number of those who gave a reaction increased dramatically — 128 reacting actors in comparison to 20 on average (Table 4). In the 2nd period, there was a part of the periphery that started sharing reactions with each other, but in the following periods, such interactions disappeared.

In **CN1**, six main clusters can be distinguished, where the first cluster consists of only one person communicating with the entire network. Such an actor is called a “bridging” actor [Kronegger et al., 2011], and this participant is the leader of this online community. The next two small clusters are semi-peripheral — they are partly connected with the core and part of the periphery. The largest cluster is the periphery; however, it can be divided into clusters, with some connections between the semi-periphery and the core, and the true peripheral cluster almost without interactions. In the 2nd period, the peripheral cluster begins constructing tiny groups of people who comment on each other. In the 3rd period, the structure changed: one part of the semi-periphery starts actively commenting on the core (which has also grown), another part of the semi-periphery has less activity in communication with each other, but also has some interactions with the core, and the peripheral cluster became smaller than that in previous periods. In the 4th period, network **CN4** reverts to a structure similar to that of the 1st and the 2nd periods.

Overall, all obtained blockmodels for the two networks have a “core-periphery” structural type, so the stability between the positions of the global structure is high. However, in some periods, the structure varies: the size of the core and periphery clusters fluctuates and a cluster of one “bridging” actor appears.

Stability within the positions of the global structure

To evaluate the stability of the trajectories of individual membership within the positions of the global structure and their changes over time, blockmodeling was applied to temporally reduce and normalize **CNr** and **RNr**.

The blockmodeling statistics for **RNr** are listed in Table 5. The core clusters were formed by 11 % of the overall network members until the 3rd period when it increased to 15%. In the 4th period, the core decreased to 2%, or just two people. The blockmodeling statistics for **CNr** are illustrated in Table 6. Until the 3rd period, the core clusters were 37 % and 38 %, respectively, but then decreased to 17 %. In the 4th period, the core increased to 44 %.

Table 5. **Blockmodeling statistics: core and periphery blocks in the RNr**

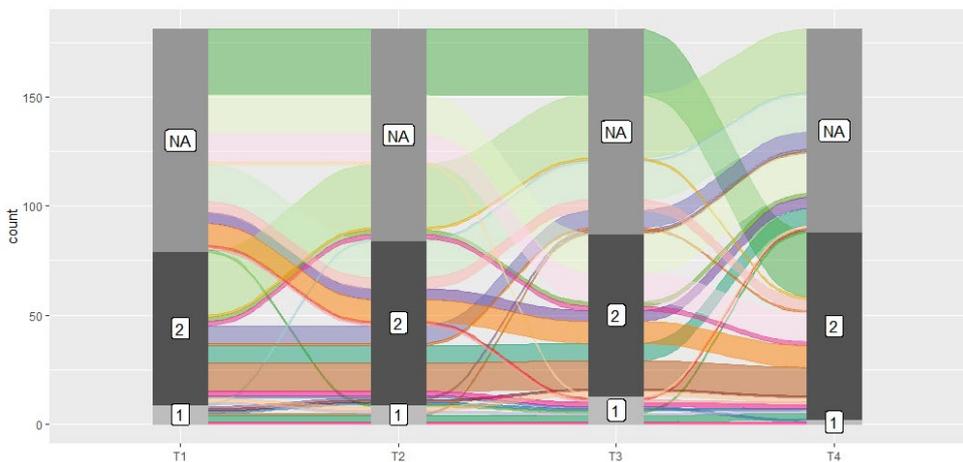
	RNr1		RNr2		RNr3		RNr4	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Core	9	11	9	11	13	15	2	2
Periphery	70	89	75	89	74	85	86	98
Overall	79	100	84	100	87	100	88	100

Table 6. **Blockmodeling statistics: core and periphery blocks in the CNr**

	CNr1		CNr2		CNr3		CNr4	
	N	%	N	%	N	%	N	%
Core	29	37	27	38	16	17	33	44
Periphery	50	63	45	63	78	83	42	56
Overall	79	100	72	100	94	100	75	100

Using the partitions of the clusters to which the actors were assigned (core or periphery), we created illustrations of the trajectories of the cluster members between these clusters. The terms “incomers” and “outgoers” were proposed to study these kinds of trajectories [Lave, Wenger, 1991], where the first term means the member joining the community, and the second — leaving it.

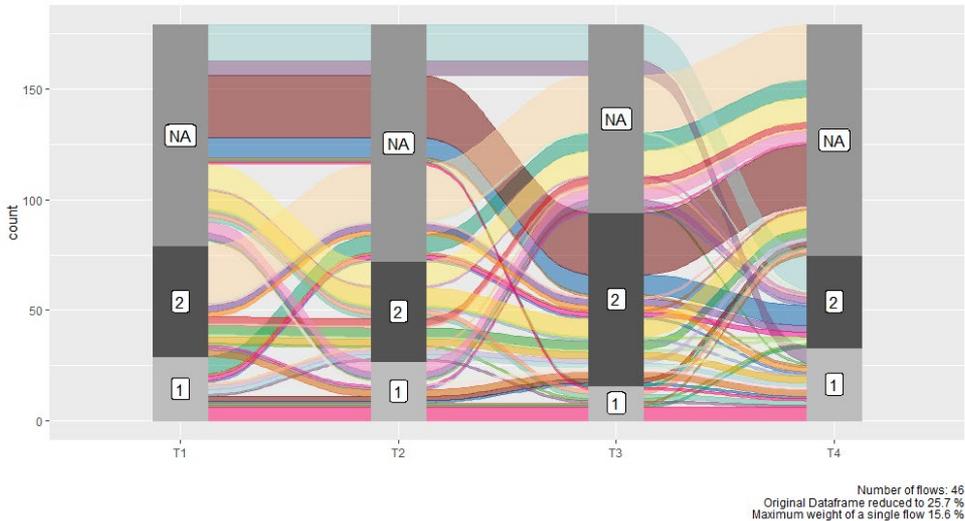
Figure 6 presents the trajectories of the active parts of the community members within the core and periphery in **RNr1**, **RNr2**, **RNr3**, and **RNr4**. In each period, there are three clusters to which a member can be assigned: 1 — core; 2 — periphery; NA — people who were not active in that period (had not yet joined the active part of the community or had already left). The main participants of the core seemed stable, even though the core became larger in the third period. As for the periphery, there were some members who were consistently present in the active part of the community during all four periods; some members left the active part of the network after the 2nd or 3rd periods. In each period, a large share of the incomers fell to the periphery. Regarding the NA cluster, some members moved from the periphery after each period and never returned. In some cases, members moved from the periphery to the NA cluster and then returned. In some cases, when members leave the community after being in the core cluster.

Figure 6. Trajectories within core and periphery in Reaction networks **RNR1–RNR4**

Number of flows: 30
Original Dataframe reduced to 16.6 %
Maximum weight of a single flow 16.6 %

The trajectories for the **CNr1**, **CNr2**, **CNr3**, **CNr4** are shown in Figure 7. Compared to previous networks, the fluctuations in this network are more chaotic. Many group members enter the active part of the network within a certain period, leave it, and return later came back again. The participants in the core cluster are changing; however, there is a stable cluster of actors. Interestingly, there is no stability in the participants of the periphery cluster: members come in and leave, and some of them return again. Many representatives of the NA cluster only took part in the peripheral cluster in the 3rd period and subsequently left. Some community members came to the periphery only during the 4th period.

Figure. 7. Trajectories within core and periphery in Comments networks **CNr1–CNr4**

For **RNr**, the modified Rand index [Cugmas, Ferligoj, 2018] is 0.3, which is rather low, indicating that the structure in the four periods is not stable. Regarding core stability, only one actor has been in the same core during all four periods (this is the leader of this community, colored pink). The three actors were stable in the core cluster until the 4th period (green). At the same time, the periphery has some rather stable participants in all four periods (colored brown), three periods (green), and two periods from the beginning (lilac). The core also had some stable parts for all four periods (pink). Overall, in the **RNr**, the periphery was more stable than the core.

In **CNr**, the modified Rand index is even lower (0.08), which means that the structures in the four periods are not stable. However, unlike **RNr**, in this network, the core was more stable than the periphery. There were six actors in the core cluster during all the four periods (pink). The two actors were stable in the core cluster up to and including the 3rd period (green). The periphery is less stable: there are no community members in the same cluster in any of the four periods. There is more fluctuation between the clusters: members migrate from the periphery to the core and vice versa.

The stability within the clusters of the global structure was low. However, different patterns were investigated for both the networks. In the **RNr**, the periphery was more stable than the core, whereas in the **CNr**, the periphery was less stable than the core.

Conclusion and discussion

The concept of community has acquired new features with respect to the development of technologies and the emergence of the Internet. Professional communities have adapted to the digital environment by creating professional groups on social media. Professional communities can also be studied online using the optics of CoPs.

In this study, we analyzed the structural characteristics of the professional online community of Russian sociologists, which exists as a Facebook* group, over 7 years (2011 — 2018). We assumed that the online community, which proposes flatter and more recursive hierarchies and more horizontal relations, could be a platform for bringing different people together and forming a joint community.

To study the structural characteristics of communities, it is possible to use the methodology of SNA and blockmodeling [Batagelj et al., 2004]. In this article, we study the online community by using a network perspective, which defines the global structural type of a community and provides a deep understanding through the evaluation of the stability of the patterns of interactions between the positions of this structure, as well as the stability of the trajectories of individual membership within these positions. Our research allows us to discover insights into the community structure by identifying not only an overall structure, but also showing its formation during time periods, and provides detailed analysis of members' trajectories in terms of foothold, switch, and alienation perspectives. Analysis of structural changes among periods is valuable for observing communication among community members. The migration of community members from one trajectory to another was examined.

The global structure of both observed networks can be defined as the “core-periphery” type. Although the CN is more complex than the RN, in addition to the two main clusters (core and periphery), there is a semi-periphery cluster that have characteristics of both clusters. The semi-periphery group aspires to get to the core group, which communicates with each other and with the periphery, but it does not have much support from the peripheral group, and their communication inside the cluster is not as active as in the core group. The obtained structure is in accordance with other studies of the structure of professional communities [Kronegger et al., 2011; Rykov, 2016]. It was shown that communication in these communities was based on the interaction of the most active participants, while less active participants tended to support and monitor an active group of participants. This was also true for the observed community of sociologists.

In both networks, the global structure can be characterized as the “core-periphery” for each of the 4 time periods. However, the number of members in the core, as well as of subclusters in both networks, varies according to the peaks of communication and growth of all types of communication experienced by the community in the 2nd and 3rd periods. This leads to the appearance of the subclusters among the members of the periphery in both networks. We can assume that the members of the periphery did not fully like the posts and comments written by the core group members

and were interested in communicating with each other, forming small subclusters in the 2nd period and larger cluster in the 3rd period; however, this should be a question of a separate inquiry. In the 4th period, the clusters of the global structure returned to the characteristics of those in the 1st period. Another observation relates to the appearance of a cluster of one member — “bridging” actor [Kronegger et al., 2011], who communicates with the rest of the community.

According to the modified Rand index, the structure of the three possible trajectories was unstable during all periods in both types of networks. In comparison to **RNr**, **CNr** exhibits more structural instability. While comparing the flows of core and periphery members between the clusters, we see the opposite trend: the **RNr** has a stable part in the periphery, but there is no such stability in the core, while the **CNr** has a stable part in the core, but there is no such stable subcluster in the periphery.

To observe migration from one cluster to another, we used the types proposed by Lave and Wenger [1991], defining the position and behavior of participants in the community. Based on the results, we suggest that all these trajectory types are present in our online community in both types of networks:

- entries — for the incomers (from NA) who just joined the community,
- peripheral — for the periphery who communicate (provide comments and reactions) only to the members of the core,
- internal — for the core who are regular members of the community and actively communicate with all community members,
- borderline — for the “bridging” actor who created the community,
- alienation — for outgoers (to NA) leaving the community.

Dynamic data show that the types of trajectories can change their perspectives over time. All trajectories have three main perspectives: (1) **foothold**, when the trajectory is stable; (2) **switch**, when participants change cluster (from core to periphery and vice versa); and (3) **alienation**, the trajectory of leaving the active part of the community, which is visible by means of analysis (as we do not have information if the member really left the group).

All trajectories and perspectives were present for both **RNr** and **CNr** (Tables 7 and 8). Overall, the only stable trajectory in both networks during all periods is the **borderline trajectory**, which is defined as the trajectory for community leaders who interact with participants, express themselves in conceptual ideas, and correct any problems of interaction within the community, with the foothold perspective. This trajectory is taken by the “bridging” actor, the leader and creator of the community. All other trajectories were mixed from one period to another in both network types.

Table 7. *Dynamical trajectory types in the Reactions networks RNr1–RNr4*

Trajectories	Foothold	Switch	Alienation
Peripheral	+		+
Entries	+	+	+
Internal	+	+	+
Borderline	+		
Alienations		+	+

Table 8. **Dynamical trajectory types in the Comments networks CNr1–CNr4**

Trajectories	Foothold	Switch	Alienation
Peripheral		+	+
Entries	+	+	+
Internal	+	+	
Borderline	+		
Alienations		+	+

The **entries trajectory** is defined as the trajectory of incomers who joined the active part of the community. In both networks, most newcomers enter the community as peripheral members; however, for the *Comments networks*, a minority of newcomers enter the core from the very beginning. For both types of networks, the trajectories have three possible perspectives: foothold, switch, and alienation.

The **peripheral trajectory** is taken by members of the periphery who communicate only with the core by giving comments and reactions. The peripheral trajectory in the *Reactions networks* has two perspectives: foothold and alienation, which means that members of the periphery prefer to stay in the same position or stop giving reactions and leave an active part of the community. In comparison, the members who take the peripheral trajectory in the *Comments networks* can not only stop commenting and leave the active part of the community, but also switch their cluster and enter the core.

The **internal trajectory** is for core members who are actively involved in the community's commenting activities and reactions to each other. In the reaction network, the internal trajectory can be developed from three perspectives: foothold, switch, and alienation. *Comments networks* mainly have two perspectives: foothold, when the members of the core can stay in the same core or switch clusters and relocate to the periphery; however, in some cases, the alienation perspective is also possible.

The **trajectory of alienation** is the act of leaving an active part of the community. This trajectory has the same perspectives — switch and alienation — in both the *Reactions* and *Comments networks*. People who leave the active part of the community could have previously changed their position (from core to periphery, and vice versa) and then stopped communication or just left the active part of the community from their stable (core or periphery) position.

Thus, in this study, we empirically tested the model of trajectories proposed by Lave and Wenger [1991] and confirmed that all these trajectories can be found in the online format in both types of communication. The proposed trajectories have three main perspectives of development during different time periods: staying at the same position (foothold), switching the position (from core to periphery, and vice versa), and alienation (leaving the active part of the community). All these perspectives can characterize the entry trajectories in both types of networks, which is rather logical: people entering the community may find it interesting and either stay in the periphery, enter the core, or leave the cluster from lack of interest. This is also true for those taking an internal position (core of the group) in the *Reactions networks*. For members in the same position, in the *Comments networks*, the perspective of alienation is unpopular (however, there are some cases). This is a rather interesting observation, meaning

that the core members of the online community have chances to either stay in their position or change it to the periphery, but not directly leave the community. Similar perspectives on switching and alienation can be found in both types of networks for members with alienation trajectories. The perspective of alienation is also one way of trajectory development for those in a peripheral position. We found that the members of the periphery could also stay at the same position (*Reactions networks*) and switch to the core position (*Comments networks*). We propose that this is due to the difference in relation. However, this argument should be examined in further studies. Finally, the borderline trajectory found in both networks was taken by only one community member, the creator, and the leader of this community.

Based on previous studies, we assumed a possible separation of sociologists in the online community into several groups (such as academics and practitioners, nationally and internationally oriented). Structural analysis does not support the assumption of division into several groups. Thus, we can conclude that the community under study can unite various sociologists from different offline groups and provide a means of communication for those who would like to communicate. Our initial assumption that this community can be a platform for bringing different people together and forming a joint community was confirmed.

Another important aspect is the feature of the “bridging” actor, who appears to be the creator of the community. The role of the community leader is highly important for the community, as he actively participates in community activities in all periods under study. With some fluctuations, this is the “bridging” actor, who brings stability to the network structure. The role of such leaders is extremely important in other professional online communities and CoPs.

One of the limitations of this study is that the subject of its empirical study is only one online community of sociologists, although very popular and large. Such analysis could be more disaggregated in periods, for example, using the temporal quantities approach recently proposed by Batagelj [Batagelj, Maltseva, 2020]; it will remain in the plans for further research.

References

- Barkhatova L. A. (2020) Structural Features of Russian Sociologists' Communication: An Online Community Case Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>. (In Russ.)
- Бархатова Л. А. Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>.
- Batagelj V., Mrvar A., Ferligoj A., Doreian P. (2004). Generalized Blockmodeling with Pajek. *Metodoloski Zvezki*. Vol. 1. No. 2. P. 455—467.
- Batagelj V., Maltseva D. (2020) Temporal Bibliographic Networks. *Journal of Informetrics*. Vol. 14. No. 1. P. 1—14. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2020.101006>.

Batigin G. (ed.) (1999) *Russian Sociology of the 60s in Memoirs and Documents*. St. Petersburg: RGHI. (In Russ.)

Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. Батыгин Г. С. СПб.: РГХИ, 1999.

Batigin G., Deviatko I. (1994) *Sociology and Power: Episodes of Soviet History*. In: *Totalitarianism and Post-Totalitarianism (Articles and Preparatory Materials)*. Moscow: Institute of Sociology, RAS. P. 174—201. (In Russ.)

Батыгин Г. С., Девиатко И. Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы). М.: ИС РАН, 1994. С. 174—201.

Batigin G., Gradoselskaya G. (2001) *Network Connections in the Professional Community of Sociologists: Methods of Content-Analytical Study of Biographies*. *Sociological Journal*. No. 1. P. 88—109. (In Russ.)

Батыгин Г. С., Градосельская Г. В. Сетевые взаимосвязи в профессиональном сообществе социологов: методика контент-аналитического исследования биографий // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 88—109.

Connelly B. L., Certo S. T., Ireland R. D., Reutzel C. R. (2011) *Signaling Theory: A Review and Assessment*. *Journal of Management*. Vol. 37. No. 1. P. 39—67. <https://doi.org/10.1177/0149206310388419>.

Cugmas M., Ferligoj A., Kronegger L. (2016) *The Stability of Co-Authorship Structures*. *Scientometrics*. Vol. 106. P. 163—186.

Cugmas M., Ferligoj A. (2018) *Comparing Two Partitions of Non-Equal Sets of Units*. *Metodološki zvezki — Advances in Methodology and Statistics*. Vol. 15. No. 1. P. 1—21. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1805.07996>.

Doktorov B. Z. *Contemporary Russian Sociology: Historical and Biographical Searches*. In 9 vols. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing. (In Russ.)

Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски: в 9 т. М.: ЦСПИМ, 2016.

Ferligoj A., Doreian P., Batagelj V. (2014). *Positions and Roles*. In: Scott J., Carrington P. J. (eds.) *The SAGE Handbook of Social Network Analysis*. London: SAGE. P. 434—446.

Firsov B. (2012) *History of Soviet Sociology: 1950–1980*. St. Petersburg: European University. (In Russ.)

Фирсов Б. История советской социологии: 1950—1980-е годы. Очерки. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2012.

Gorshkov M. K. (2017) *Sociology in Russia: Formation and Development*. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 5. No. 2. P. 7—29. <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5147>. (In Russ.)

Горшков М. К. Социология в России: становление и развитие // Социальная наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 2. С. 7—29. <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.2.5147>.

Hara N., Hew K. F. (2007) Knowledge-Sharing in an Online Community of Health-Care Professionals. *Information Technology & People*. Vol. 20. No. 3. P. 235–261. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1522515>.

Hur J. W., Brush T. A. (2009). Teacher Participation in Online Communities: Why Do Teachers Want to Participate in Self-Generated Online Communities of K-12 Teachers? *Journal of Research on Technology in Education*. Vol. 41. No. 3. P. 279–303. <https://doi.org/10.1080/15391523.2009.10782532>.

Kim A. V., Maltseva D. V. (2022) Professional Online Community of Russian Sociologists: Topics of Discussion and Structure of Social Interactions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 151–174. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2106>. (In Russ.)

Ким А. В., Мальцева Д. В. Профессиональное онлайн-сообщество российских социологов: тематики обсуждений и структура социальных взаимодействий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 151–174. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2106>.

Kronegger L., Ferligoj A., Doreian P. (2011) On the Dynamics of National Scientific Systems. *Quality & Quantity*. Vol. 45. No. 5. P. 989–1015. <https://doi.org/10.1007/s11135-011-9484-3>.

Korpachev A. Yu. (2006) Representation of Network Interactions in the Professional Community of Russian Sociologists. A Bachelor Thesis. Moscow: HSE University. (In Russ.)
Корпачев А. Ю. Репрезентация сетевых взаимодействий в профессиональном сообществе российских социологов. ВКР бакалавра. М.: НИУ ВШЭ, 2006.

Kozlova L. (2018) Creation of the First Academic Institute of Sociology — ICSI of the USSR Academy of Sciences, 1968: Atmosphere and Participating subjects. *Sociological Journal*. Vol. 3. P. 117–140. (In Russ.)

Козлова Л. Создание первого академического института социологии — ИКСИ АН СССР, 1966: атмосфера и участвующие субъекты // Социологический журнал. 2018. № 3. С. 117–140.

Lave J., Wenger E. (1991) *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*. Cambridge: Cambridge University Press.

MacNair R. H. (1996). A Research Methodology for Community Practice. *Journal of Community Practice*. Vol. 3. No. 2. P. 1–19. https://doi.org/10.1300/J125v03n02_01.

Maltseva D., Moiseev S., Shirokanova A., Brik T. (2017) Network Analysis of Biographical Interviews: Opportunities and Limitations. *Teleskop: Journal of Sociological and Marketing Research*. Vol. 1. No. 121. P. 29–36. (In Russ.)

Мальцева Д. В., Моисеев С. П., Широканова А. А., Брик Т. Сетевой анализ биографических интервью: возможности и ограничения // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2017. № 1. С. 29–36.

Maltseva D., Moiseev S. (2018) Network Analysis of Biographical Interviews: The Case of T. I. Zaslavskaya. *Teleskop: Journal of Sociological and Marketing Research*. Vol. 2. No. 128. P. 15–24. (In Russ.)

Мальцева Д. В., Моисеев С. П. Сетевой анализ биографических интервью: кейс Т. Ю. Заславской // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 2. С. 15—24.

Mazina N. A. (2013) Structural and Semantic Features of the Representation of Academic Schools and Building Networks (On the Example of the Russian Sociological Community). A Bachelor Thesis. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Мазина Н. А. Структурно-семантические особенности представления научных школ и построение сетей (на примере российского социологического сообщества). Выпускная квалификационная работа бакалавра. М.: НИУ ВШЭ, 2013.

McEwan B. (2016) Communication of Communities: Linguistic Signals of Online Groups. *Information, Communication & Society*. Vol. 19. No. 9. P. 1233—1249. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2016.1186717>.

Nonnecke B., Preece J. (2003) Silent Participants: Getting to Know Lurkers Better. In: Lueg C., Fisher D. (eds.) *From Usenet to CoWebs: Interacting with Social Information Spaces*. London: Springer. P. 110—132. https://doi.org/10.1007/978-1-4471-0057-7_6.

Osipov G. V., Moskvichev L. M. (2008) *Sociology and Power (As It Really Was)*. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Осипов Г. В., Москвичев Л. М. Социология и власть (как это было на самом деле). М.: Экономика, 2008.

Rafaeli S., Ravid G., Soroka V. (2004) De-Lurking in Virtual Communities: A Social Communication Network Approach to Measuring the Effects of Social and Cultural Capital. In: Sprague R. H. Jr. (ed.) *Proceedings of the 37th Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. Los Alamitos, CA: IEEE. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2004.1265478>.

Reich S., Subrahmanyam K., Espinoza G. (2012) Friending, IMing, and Hanging Out Face-to-Face: Overlap in Adolescents' Online and Offline Social Networks. *Developmental Psychology*. Vol. 48. No. 2. P. 356—368. <https://doi.org/10.1037/a0026980>.

Rheingold H. (1993) *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Rykov Y. (2016) Structure of Social Networks in Virtual Communities: Comparative Analysis of Online Groups in Social Media “VKontakte”. PhD thesis. Moscow: HSE University. (In Russ.)

Рыков Ю. Г. Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальных сетей «ВКонтакте». Дисс. на соиск. степ. канд. социол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

Sokolov M. M., Bocharov T. Y., Guba K. S., Safonova M. A. (2010) Institutional Dynamics, Economic Adaptation and Points of Intellectual Growth in the Local Academic Community: St. Petersburg Sociology after 1985. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 8. No. 3. P. 66—82. (In Russ.)

Соколов М. М., Бочаров Т. Ю., Губа К. С., Сафонова М. А. Проект «институциональная динамика, экономическая адаптация и точки интеллектуального роста в локальном академическом сообществе: Петербургская социология после 1985 года» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 8. № 3. С. 66—82.

Titarenko L., Zdravomyslova E. (2017) *Sociology in Russia: A Brief History*. Cham: Palgrave Macmillan.

Wasserman S., Faust K. (1994) *Social Network Analysis: Methods and Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wellman B. (1979) The Community Question: The Intimate Networks of East Yorkers. *American Journal of Sociology*. Vol. 84. No. 5. P. 1201–1231. <https://doi.org/10.1086/226906>.

Wellman B., Boase J., Chen W. (2002) The Networked Nature of Community: Online and Offline. *Society*. Vol. 1. No. 1. P. 151–165.

Wenger E., McDermott R., Snyder W. (2002) *Cultivating Communities of Practice: A Guide to Managing Knowledge*. Boston, MA: Harvard Business School Press.

Wirth L. (1938) Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology*. Vol. 44. No. 1. P. 1–24. <https://doi.org/10.1086/217913>.

Zadorin I. V., Maltseva D. V. (2013) The Study of Information Culture and Professional Communication in the Sociological Community. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 3. P. 41—52. (In Russ.)

Задорин И. В., Мальцева Д. В. Исследование информационной культуры и профессиональной коммуникации в социологическом сообществе // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. No. 3. С. 41—52.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2441](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2441)

О. Р. Михайлова, П. А. Гавриленко, А. С. Струкова, К. Н. Поливанова

РАЗРАБОТКА И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОПРОСНИКА УЧЕБНО-Организационной Самостоятельности Школьников НА ВЫБОРКЕ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Михайлова О. Р., Гавриленко П. А., Струкова А. С., Поливанова К. Н. Разработка и оценка качества опросника учебно-организационной самостоятельности школьников на выборке родителей в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 229—256. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2441>.

For citation:

Mikhailova O. R., Gavrilenko P. A., Strukova A. S., Polivanova K. N. (2024) Questionnaire of Learning Autonomy of Schoolchildren: Development and Quality Assessment Based on a Sample of Russian Parents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 229–256. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2441>. (In Russ.)

Получено: 20.06.2023. Принято к публикации: 11.12.2023.

РАЗРАБОТКА И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОПРОСНИКА УЧЕБНО-ОРГАНИЗАЦИОН- НОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬ- НИКОВ НА ВЫБОРКЕ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИИ

МИХАЙЛОВА Оксана Рудольфовна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: omikhailova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>

ГАВРИЛЕНКО Полина Алексеевна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Институт образования, аспирант Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: pagavrilenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0001-9433>

СТРУКОВА Александра Сергеевна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Институт образования, аспирант Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: alstrukova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5272-6290>

ПОЛИВАНОВА Катерина Николаевна — доктор психологических наук, научный руководитель Центра исследований современного детства Института образования, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: kpolivanova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7058-1232>

QUESTIONNAIRE OF LEARNING AUTON- OMY OF SCHOOLCHILDREN: DEVEL- OPMENT AND QUALITY ASSESSMENT BASED ON A SAMPLE OF RUSSIAN PARENTS

*Oxana R. MIKHAILOVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Researcher, the Centre for Modern Childhood Research, Institute of Education*
E-MAIL: omikhailova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0236-6992>

*Polina A. GAVRILENKO*¹ — *Research Intern at the Centre for Modern Childhood Research, Institute of Education; Post-graduate student, Institute of Education*
E-MAIL: pagavrilenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0001-9433>

*Alexandra S. STRUKOVA*¹ — *Research Intern at the Centre for Modern Childhood Research, Institute of Education; Post-graduate student, Institute of Education*
E-MAIL: alstrukova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5272-6290>

*Katerina N. POLIVANOVA*¹ — *Dr. Sci. (Psych.), Scientific Supervisor of the Centre for Modern Childhood Research of the Institute of Education; Tenured Professor*
E-MAIL: kpolivanova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7058-1232>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты онлайн-опроса 1966 родителей школьников из нескольких регионов РФ, проведенного в ноябре—декабре 2022 г. с целью разработки опросника учебно-организационной самостоятельности и оценки его качества. Полученный опросник включает 20 вопросов и обладает высокой внутренней согласованностью и конструктивной валидностью. Результаты исследования показали, что он может быть использован для оценки уровня учебно-организационной самостоятельности учеников до 6 класса включительно. Наиболее однородными по уровню развития учебно-организационной самостоятельности являются группы 1—2 и 3—6 классов. Девочки в этих группах обладают более высоким уровнем учебно-организационной самостоятельности, чем мальчики. Опросник может быть использован педагогами и родителями для создания портрета класса или школы по уровню развития учебно-организационной самостоятельности, а также для мониторинга индивидуального развития в сфере учебно-организационной самостоятельности среди детей 1—2 и 3—6 классов.

Ключевые слова: учебно-организационная самостоятельность, школьники, опрос, образовательные результаты, умение учиться, метапредметные навыки

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта РНФ, грант № 22-18-00416. Авторы благодарят студентов магистерской программы «Управление образованием» Института образования НИУ ВШЭ за помощь со сбором данных.

Abstract. The paper presents the results of an online survey of 1966 parents of schoolchildren from several regions of the Russian Federation, conducted in November—December 2022. The survey aimed at developing a questionnaire of educational and organizational independence and at assessing its quality. The developed questionnaire includes 20 questions and is characterized by high internal consistency and construct validity. The results of the assessment showed that the questionnaire could be used to assess the level of educational and organizational independence of students up to grade 6. The most homogeneous level of development of educational and organizational independence is observed for groups of grades 1–2 and 3–6. Girls in these groups have a higher level of educational and organizational independence compared to boys. The questionnaire could be used by teachers and parents to create a profile of a class or school, and to monitor individual development in the field of educational and organizational independence among children in grades 1–2 and 3–6.

Keywords: educational and organizational independence, school students, survey, educational outcomes, learning to learn, metasubject skills

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project, grant No. 22-18-00416. The authors thank the students of the master's program «Educational Management» at the Institute of Education of the HSE University of Economics for their assistance with data collection.

Введение

Задачи школы постепенно меняются: к традиционной — освоению академических дисциплин — добавляется задача развития метапредметных навыков и личностных черт, среди которых важную роль играет самостоятельность. В условиях высокой неопределенности, быстрого темпа развития технологий и постоянных изменений на профессиональном рынке особенно важным становится умение учиться самостоятельно [Luksha et al., 2018: 13—14].

Значимость навыка самостоятельного обучения отражена, среди прочего, в законодательных и нормативных актах, касающихся образования. Требования к результатам освоения образовательной программы в РФ согласно Федеральным государственным образовательным стандартам начального, основного и среднего общего образования (например, ФГОС НОО¹) включают в себя формирование универсальных учебных действий (далее УУД). УУД отнесены к блоку метапредметных результатов и в совокупности образуют сложный навык — умение учиться [Асмолов, 2009: 18—22].

Однако в исследованиях образования в России и за рубежом нет единых методов оценки способности ребенка учиться самостоятельно и организовывать свой учебный процесс дома и в школе. В литературе складывается мозаичная картина понятия «умение учиться» из-за большого количества теоретических подходов. К умению учиться самостоятельно относят навыки и способности разного уровня: от способности решать конкретную учебную задачу до планирования своего учебного расписания. Проанализировав существующие работы, мы обнаружили, что в основе метапредметных и личностных результатов, описанных во ФГОС, лежат отечественные теория деятельности и теория осознанной регуляции, не имеющие инструментального воплощения. То есть результаты описаны, а компактного инструмента для их измерения в системе школы нет. Предлагающийся опросник опирается на несколько конструктов, имеющих схожие характеристики поведения: само- и саморегулируемого обучения, агентности, учебной самостоятельности. Данные конструкты покрывают большую часть перечисленных во ФГОС результатов, связанных с умением учиться самостоятельно.

Таким образом, цели настоящей статьи:

1) разработать инструмент измерения учебно-организационной самостоятельности (УОС) школьников на основе перечня метапредметных и личностных результатов ФГОС;

2) протестировать опросник и оценить его качество.

Опросник адресован родителям школьников 1—6 классов, состоит из 20 пунктов. Пилотирование и оценка качества опросника проводились в ноябре — декабре 2022 г. на выборке из 1966 родителей российских школьников.

Теоретические подходы к определению самостоятельности в обучении и их связь с ФГОС

Самостоятельность — прежде всего термин обыденного языка. Однако в научной литературе встречаются конструкты, принадлежащие к разным теориям,

¹ Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/> (дата обращения: 11.06.2023).

но сходные по содержанию со смыслами обыденного языка. Предлагаются следующие варианты концептуализации самостоятельности в учебном процессе: саморегулируемое обучение, автономное обучение, учебная самостоятельность, агентность учащихся. Рассмотрим основные подходы к самостоятельности в обучении, инструменты ее измерения и соотнесем с результатами ФГОС. При обзоре мы выделяли те элементы, которые отражают наблюдаемые признаки поведения, соответствующие требованиям ФГОС. Сначала обсудим отечественные исследования, затем сопоставим их с зарубежными.

Самостоятельность как результат овладения учебной деятельностью

Эмпирически факт овладения учебной деятельностью может отражаться в способности ребенка обнаружить собственный дефицит в знаниях и навыках и преодолеть его, например, запрашивая помощь у взрослого или обращаясь к дополнительным ресурсам [Давыдов, Маркова, 1981: 13—26]. Разработанного диагностического инструментария для оценки уровня сформированности учебной самостоятельности нет. В рамках проведенного в 1970-е годы лонгитюдного исследования по развитию учебной самостоятельности фокус был сделан на получение свидетельств качественного изменения психики в ходе учебной деятельности с применением батареи тестов. Использовались инструменты оценки уровня сформированности теоретического мышления, наблюдения и экспертная оценка динамики изменений в поведении учеников на уроках [Цукерман, Венгер, 2010].

Самостоятельность как осознанная регуляция деятельности

При овладении учебной деятельностью большую роль играет навык осознанной регуляции деятельности. Модель осознанной регуляции также принадлежит отечественной школе [Конопкин, Прыгин, 1984: 42—52]. Она включает целеполагание, планирование, анализ условий, корректировку, оценку результатов и теоретически базируется на теории деятельности Л. Рубинштейна. Для измерения саморегуляции учебной деятельности в России применяются такие инструменты, как созданные В. Моросановой и коллегами ССУДМ-2010 (стиль саморегуляции учебной деятельности) для подростков средней и старшей школы и ССПМД (стиль саморегуляции поведения) для детей начальной и средней школы [Моросанова, Бондаренко, 2015].

Самостоятельность как саморегулируемое обучение

Схожие структурные элементы и соответствующие индикаторы поведения близки стратегиям саморегулируемого обучения — зарубежного аналога понятия самостоятельности в учебе. Во время обучения используются многочисленные процессы саморегуляции: планирование, активизация знаний и оценка их уровня, регулирование поведения и рефлексия [Azevedo, 2009]. Все модели саморегулируемого обучения включают эти компоненты, но акцентируют внимание либо на метакогнитивных стратегиях [Winne, Hadwin, 1998], либо на совместной регуляции [Hadwin et al., 2017], либо на используемых средствах совладания со стрессом — копинг-стратегиях [Boekaerts, 1992].

При выборе моделей в качестве теоретической основы для разрабатываемого опросника выбор был сделан в пользу тех, которые не противоречили отечественной теории осознанной регуляции или конструкту «учебной самостоятельности» и описывали феноменологию, близкую к той, что обозначена во ФГОС. Это модель совместной регуляции деятельности Э. Хадвин. Согласно этой модели, ребенок овладевает саморегулируемым обучением в том числе через взаимодействие с другими (co-regulated learning). А также модель SRL, предложенная Д. Шунк и Б. Циммерман (self-regulation learning theory, SRL) [Panadero, 2017]. В этой модели выделяются такие значимые компоненты, как совместная регуляция и со-владание, и такие этапы, как планирование, контроль, рефлексия.

Зарубежные исследователи для измерения уровня развития саморегулируемого обучения в большинстве случаев используют количественные опросники с опорой на теоретическую рамку П. Пинтрича [Pintrich, De Groot, 1990] и модель SRL в связи с мотивацией — MSLQ (Motivated strategies for learning questionnaire [Pintrich, 1991]. Эти опросники предназначены для заполнения самими обучающимися. Кроме того, опросник LASSI (learning and study strategies inventory), сфокусированный на выбираемых учениками образовательных стратегиях, позволяет измерить уровень саморегулируемого обучения у учащихся старшей школы [Weinstein et al., 1988]. Опросники MSLQ и LASSI имеют высокую предсказательную валидность и переведены на различные языки, за исключением русского, они подразумевают самоотчет подростков старшей школы о ходе обучения. Утверждения данных опросников направлены на измерение уровня мотивации, навыков обучения, самоофективности, ориентации на внутренние цели и т. д. и, как следствие, сложны для восприятия детьми начальной и средней школы.

Самостоятельность как агентность учащегося

Еще одна грань феномена самостоятельности в процессе обучения описывается через понятие агентности учащихся (student agency). В общем виде агентность подразумевает способность ребенка вносить вклад в ход урока, влиять на образовательные практики [OECD, 2018]. Наиболее убедительными психометрическими свойствами обладает инструмент AES (agentic engagement scale) [Mameli, Passini, 2018]. Он представляет собой опросник из десяти утверждений для самоотчета подростков и измеряет конструктивный вклад учащихся в процесс обучения: активные действия на уроке с целью создания для себя более эффективных условий обучения через влияние на учительские практики.

Мы выделили и сравнили основные конструкты, описывающие самостоятельность во время обучения, рассмотрели зарубежные и отечественные школы, показали, что они не противоречат друг другу, но имеют пробелы в части измерения. Обращение к зарубежным моделям восполняет дефицит инструментов измерения на отечественном теоретическом поле, который решается представленным исследованием.

Разработка опросника учебно-организационной самостоятельности

За основу для формулирования утверждений об умении учиться самостоятельно в нашем опроснике были взяты результаты из действующих ФГОС, связанные

с учебной самостоятельностью², — как наиболее универсальные для всей территории РФ. Эти стандарты основаны на системно-деятельностном педагогическом подходе, формирование умения учиться самостоятельно — важная ценность этого подхода [Асмолов, 2009].

Образовательные результаты, связанные с развитием умения учиться, упоминаются в двух блоках ФГОС:

1) в блоке «Метапредметные результаты» — универсальные учебные познавательные, коммуникативные и регулятивные функции;

2) в блоке «Личностные результаты» — способность действовать в ситуации неопределенности, адаптироваться к меняющимся условиям, самоопределение, выбор своего профессионального пути, «саморазвитие, самовоспитание, самодисциплина».

Мы сфокусировали внимание на выделении конкретных наблюдаемых действий, по которым можно было бы оценить уровень развития навыка самостоятельного обучения. В отличие от учебной самостоятельности, которая опирается на специально организованную учебную деятельность, мы обращали внимание на универсальные учебные действия, зафиксированные в стандарте, которые можно было бы наблюдать в любой ситуации обучения, независимо от того, на основе какой педагогической модели выстроена школа.

Для того чтобы избежать смешения терминов, мы использовали термин «учебно-организационная самостоятельность», а не «учебная самостоятельность». Учебно-организационная самостоятельность — это общее понятие для группы навыков, необходимых для осуществления обучения согласно требованиям ФГОС (поиск информации, умение аргументировать свою позицию, саморегуляция и т. д.).

На первом этапе мы выделили пять широких категорий результатов, в которых упоминаются результаты образования, связанные с умением учиться самостоятельно: универсальные познавательные действия (поиск информации, поиск эффективных стратегий решения учебных заданий и др.), универсальные коммуникативные действия (умение работать в группе и др.), универсальные регуляторные действия (самоконтроль, самооценка, принятие решений), саморазвитие и самообучение, адаптация к условиям неопределенности. Затем для каждой группы результатов мы выбрали действия ребенка, которые проще всего заметить и которые позволяют оценить степень помощи, необходимой ребенку от взрослых. Мы использовали формулировки, которые встречались в интервью и на фокус-группах с родителями и педагогами, чтобы сделать анкету более понятной для респондентов. Так как личностные результаты ФГОС сформулированы достаточно широко, то для разработки утверждений по этим блокам мы дополнительно применили рамку социально-эмоциональных навыков (СЭН) ОЭСР, в которой встречаются похожие результаты и которая была использована в 2019 г. в исследовании уровня развития СЭН в московских школах [OECD, 2021].

Опросник предназначен для заполнения родителями ребенка. Это имеет как свои ограничения, которые мы рассмотрим в разделе «Дискуссия», так и свои достоинства: большая часть разработанных прежде опросников адресована учите-

² Федеральные государственные стандарты (ФГОС). URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 01.06.2022).

лям, но важно учесть и мнение родителей, которые наблюдают за тем, как ученик организует учебный процесс дома. Кроме того, это снижает трудоемкость оценки для учителя, так как ему не приходится заполнять опросник на основе поведения большого количества детей. Это делает возможным использование опросника для измерения как профиля класса, так и каждого ученика. Шкала опросника была разработана так, чтобы отразить градацию степени независимости от родителей [Soenens et al., 2017], с которой ребенок может осуществлять ту или иную задачу, связанную с учебой, например «находит в учебнике или в интернете нужную информацию или ответ на вопрос, если чего-то не знает или хочет выяснить». Разработанный опросник мы разместили в приложении 1.

Пилотное исследование опросника УОС и оценка его качества

Предварительные гипотезы и исследовательские задачи

Для пилотного исследования свойств УОС мы ставили перед собой следующие задачи:

- 1) оценить надежность — внутреннюю согласованность;
- 2) проанализировать конструктивную валидность;
- 3) оценить гендерно-возрастные распределения для его применения на практике.

Перед пилотным использованием опросника мы выдвинули две гипотезы о будущих результатах: а) с возрастом уровень УОС растет и б) существуют гендерные различия в уровне УОС.

Предположение о разных возрастных нормах самостоятельности опирается на теорию развития Д. Эльконина [Эльконин, 1989]. Согласно этой теории каждому возрасту соответствует определенный набор задач, которые ребенок последовательно осваивает в совместной деятельности со взрослым, развивая в этой деятельности способность к самостоятельному действию. Однако эта теория, во-первых, разработана более пятидесяти лет назад, и многие характеристики развития могли измениться, во-вторых, масштаб описания психологических новообразований не вполне соответствует задачам педагогики, когда важно конкретизировать уровень, например, произвольности ребенка-первоклассника. Кроме того, она предусматривает различие только между возрастными группами детей, не учитывая гендерные различия. Однако современные исследования образования, такие как PISA, выявили гендерные различия как в академической сфере [OECD, 2019], так и в сфере социально-эмоционального развития [OECD, 2021]. Существуют аналогичные исследования в сфере саморегулируемого обучения, которые указывают на существование разницы по возрастам и гендеру [Chung, 2000; Zimmerman, Martinez-Pons, 1990]. На основе этих данных мы выдвинули предположение, что уровень самостоятельности будет различаться не только между группами детей разного возраста, но и между мальчиками и девочками внутри каждой возрастной группы. С возрастом уровень самостоятельности будет расти. А также девочки предположительно имеют более сформированные навыки учебно-организационной самостоятельности, чем мальчики.

Сбор данных

Сбор данных проходил в ноябре — декабре 2022 г. Выборка была набрана методом снежного кома, сбор данных проходил через онлайн-платформу «1ка» (<https://>

www.1ka.si/d/si). Такой тип выборки был использован в целях получения как можно большего числа респондентов для тестирования психометрических свойств опросника. Цели достигнуть репрезентативности по России с точки зрения ответов на вопросы опросника не ставилось. Имелось 32 точки входа в поле через директоров и учителей школ, которым было предложено помочь в проведении исследования в ходе занятий по курсу «Психологические теории как основание для проектирования образовательных систем» магистерской программы «Управление в образовании» НИУ ВШЭ. Получив ссылку на опросник, директора и учителя пересылали ее в родительские чаты, своим знакомым и коллегам, а те — своим знакомым и т. д.

Структура анкеты

Анкета, которая распространялась директорами и учителями, состояла из двух блоков вопросов: социально-демографического блока и блока вопросов по оценке УОС.

Социально-демографический блок включал 10 вопросов, уточняющих:

- возраст и пол родителя;
- возраст и пол ребенка;
- класс, в котором обучается ребенок;
- тип населенного пункта, в котором проживает родитель (село, город с населением до 100 тыс. жителей или поселок городского типа, город с населением от 100 до 1 млн жителей, город с населением свыше 1 млн жителей, мегаполис);
- место расположения школы ребенка (село, город с населением до 100 тыс. жителей или поселок городского типа, город с населением от 100 до 1 млн жителей, город с населением свыше 1 млн жителей, мегаполис).

Если у родителя несколько детей, было предложено заполнить анкету об одном из них. Благодаря этому возникало меньше затруднений при заполнении опросника: родителю нужно было сосредоточиться на оценке действий конкретного ребенка. Также это повысило сопоставимость информации, полученной в семьях с одним ребенком и в многодетных семьях.

Блок вопросов по оценке уровня развития УОС содержал 20 вопросов, направленных на оценку уровня УОС (см. приложение 1). Он включает 4 группы вопросов:

- универсальные познавательные действия (УПД) — 2 утверждения;
- универсальные коммуникативные действия (УКД) — 4 утверждения;
- универсальные регуляторные действия (УРД) — 8 утверждений;
- саморазвитие, самообучение (СС) — 3 утверждения;
- адаптация к условиям неопределенности (АУН) — 3 утверждения.

Респонденту-родителю предлагалось, оценить степень самостоятельности ребенка по каждому из утверждений, пользуясь порядковой пятибалльной шкалой:

- 1 — «только со взрослым, при его непосредственном участии»;
- 2 — «если взрослый опишет план действий, все подробности»;
- 3 — «если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь»;
- 4 — «при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале»;
- 5 — «ребенок делает сам без напоминаний и подсказок».

Минимальное количество баллов, которые родитель может присвоить ребенку, — 20 баллов (все действия ребенок выполняет только со взрослым), макси-

мальное — 100 баллов (все действия ребенок делает сам). Поскольку на этом этапе исследований мы не ставим перед собой задачу выведения общей половозрастной нормы, интерпретация результатов возможна лишь по относительным показателям (личный прогресс ученика, класса и т. д.). В этом случае ключевым является не суммарный показатель, а прогресс, зафиксированный в нескольких последовательных измерениях.

Анализ данных

Мы ставили перед собой задачу оценить надежность — внутреннюю согласованность опросника, проанализировать конструктивную валидность опросника и оценить гендерно-возрастные распределения для его применения на практике.

Для проверки надежности (внутренней согласованности) опросника учебной самостоятельности мы использовали метод расщепления и коэффициент альфа Кронбаха [Boateng et al., 2018; Kishore et al., 2021]. Конструктивная валидность оценивалась при помощи эксплораторного факторного анализа (ЭФА) методом главных компонент и конфирматорного факторного анализа (КФА) [Boateng et al., 2018; Kishore et al., 2021]. Для описания результатов опроса применялись меры средней тенденции. Анализ гендерно-возрастных распределений по опроснику осуществлялся с помощью *t* критерия Стьюдента, однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и значений квартилей по суммарному показателю опросника. Расчеты производились в программном обеспечении «R studio»³.

Выборка

Выборку составили 1966 родителей (10,1% — отцы и 89,9% — матери, $M_{\text{возраст родителей}} = 39,8$ лет, $SD = 5,95$; $M_{\text{возраст детей}} = 11,6$; $SD = 2,76$) российских школьников. Для того чтобы наши данные корректнее отражали гендерно-возрастную структуру РФ в связи с рождаемостью [Щербакова, 2021], мы включили в выборку только родителей от 21 года, детей от 5 до 19 лет. 50,38% — мальчики и 49,62% — девочки. Представленность учащихся разных классов в выборке приведена в таблице 1.

Таблица 1. Представленность в выборке родителей детей из разных классов обучения, $n = 1966$

Класс	% детей
1 класс	8,61
2 класс	8,31
3 класс	9,97
4 класс	8,46
5 класс	13,55
6 класс	8,97
7 класс	10,13
8 класс	16,93
9 класс	8,46
10 класс	3,83
11 класс	2,77

³ Дополнительно к встроенным в R studio пакетам по умолчанию использованы пакеты lavaan (<https://cran.r-project.org/package=lavaan>) и psych (<https://cran.r-project.org/package=psych>).

Информация о типе населенного пункта приведена в таблице 2.

Таблица 2. Тип населенного пункта
в котором проживают респонденты-родители, $n = 1966$

Тип населенного пункта	% респондентов
До 100 тыс. жителей	50,18
В городе с населением от 100 до 1 млн жителей	28,00
Мегаполис	9,68
Город с населением свыше 1 млн	6,62
Село	5,52

Результаты

Оценка надежности — внутренней согласованности и структура опросника

При расщеплении шкалы была обнаружена ее высокая внутренняя согласованность (коэффициент расщепления варьировался от 0,84 до 0,94). Значение коэффициента альфа Кронбаха находится на уровне 0,91, что также подтверждает высокий уровень внутренней консистентности шкалы. Все переменные обладают положительной корреляционной связью средней силы (более 0,4), являясь сонаправленными.

Удаление любой из переменных практически не приводит к улучшению значения коэффициента альфа Кронбаха, следовательно, обоснованно сохранение исходного набора переменных. Опросник учебной самостоятельности обладает высокой надежностью (внутренней согласованностью). Это значит, что такие показатели дают нам право подсчитывать сумму баллов учебной самостоятельности по каждому из респондентов для выяснения учебной самостоятельности его ребенка.

Анализ структуры опросника учебной самостоятельности

Для анализа конструктивной валидности опросника УОС мы применили ЭФА и КФА. Критерий Бартлетта ($\chi^2(19) = 990$; $p < 0,00$) и Кайзера — Мейера — Олкина (КМО = 0,95) показали пригодность данных для проведения ЭФА методом главных компонент (ортогональное вращение — «эквиماك»). Параллельный анализ позволил выделить пять факторов (см. табл. 3), объясняющих 48 % дисперсии.

Таблица 3. Факторные нагрузки, $n = 1966^*$

Утверждения	Факторные нагрузки				
	Номер фактора				
	1	2	3	4	5
Решает трудности, которые возникают при выполнении учебных заданий (УПД)	0,29	0,18	0,64**	0,24	0,12
Проверяет свою работу по ответам, находит ошибки и исправляет их (УРД)	0,52	0,28	0,38	0,17	0,14
Безошибочно выполняет задания по инструкции, может сориентироваться, если инструкции меняются и появляются новые вводные (УРД)	0,48	0,21	0,32	0,28	0,19

Утверждения	Факторные нагрузки				
	Номер фактора				
	1	2	3	4	5
Контролирует свою успеваемость (смотрит оценки в электронном дневнике, следит, чтобы не было долгов, плохих отметок) (УРД)	0,47	0,35	0,32	0,15	0,12
Соблюдает режим, составляет собственное расписание (УРД)	0,46	0,45	0,25	0,16	0,1
Выполняет задания к назначенному сроку (УРД)	0,46	0,43	0,24	0,24	0,11
Берется выполнять сложные задания, пробует новые занятия (АУН)	0,45	0,09	0,23	0,25	0,34
Может спланировать и выполнить проект по образцу (склеить поделку, нарисовать рисунок, сделать доклад, презентацию) (УРД)	0,38**	0,22	0,29	0,24	0,2
Планирует работу над домашним заданием и решает, что сделать в первую очередь, а что можно вообще не делать (УРД)	0,31	0,53	0,32	0,2	0,12
Интересуется чем-то за пределами школьной программы (выбирает и просит купить новые книги, сходить на мероприятие, находит кружки) (СС)	0,25	0,02	0,12	0,19	0,56
Когда работает в группе — проявляет инициативу, предлагает идеи (УКД)	0,24	0,12	0,17	0,53	0,25
Выполняет свою часть групповой работы, даже если не вполне согласен с ней, чтобы достичь общей цели (УКД)	0,23	0,23	0,25	0,55	0,13
Находит в учебнике или в интернете нужную информацию или ответ на вопрос, если чего-то не знает или хочет выяснить (УПД)	0,18	0,24	0,68	0,27	0,12
Собирает портфель в школу, сверяясь с расписанием уроков, и берет все необходимое для занятий (УРД)	0,18	0,64	0,22	0,17	0,16
Слышит аргументы других и адекватно отвечает на них или меняет свою точку зрения (УКД)	0,15	0,22	0,27	0,55	0,2
Если забыл что-то дома, может решить проблему (АУН)	0,1	0,4	0,16	0,21	0,35
Договаривается, «торгуется», аргументирует свою позицию (УКД)	0,09	0,12	0,31	0,57	0,18
Принимает решение о том, чтобы бросить неинтересные занятия/продолжить интересные (СС)	0,08	0,1	0,09	0,1	0,52
Если отменили урок, уведомляет родителей об этом, находит себе занятие на это время (АУН)	0,07	0,4	0,15	0,15	0,46
Заявляет о своих интересах родителям и друзьям (я люблю динозавров, хочу пойти в музей про динозавров) (СС)	0,06	0,14	0,08	0,16	0,65
Собственные значения	1,98	1,96	1,96	1,89	1,82
Доля объясняемой дисперсии	0,1	0,1	0,1	0,09	0,09

* Используемые аббревиатуры:

УПД — универсальные познавательные действия;

УКА — универсальные коммуникативные действия;

УРД — универсальные регуляторные действия;

СС — саморазвитие, самообучение;

АУН — адаптация к условиям неопределенности.

** Полу жирным шрифтом выделены нагрузки более 0,4 по модулю. Полу жирным курсивом — те, что составляют менее 0,4; но их максимальное значение приходится на данный фактор.

Первый фактор образован действиями некоторые из которых входили, согласно нашим теоретическим предположениям, в категорию УРД (2—6, 8), и действиями, которые используются для АУН (7).

Второй фактор включает также действия УРД (5, 6, 9, 14).

Так как первый и второй факторы включают пересекающиеся пункты, то при проведении КФА мы попробовали модель и с четырьмя факторами, объединив первый и второй, и с пятью — без объединения этих факторов между собой.

Третий фактор вместил, как и предполагалось, оба суждения, соответствующие УПД (1, 13).

Четвертый фактор — УКД (11, 12, 15, 17), что опять же совпало с изначальными теоретическими предположениями.

Пятый фактор был сконцентрирован на вопросах, соответствующих конструкции СС (10, 18, 19, 20), но в данном факторе находится утверждение, изначально причисленное к концепту АУН (16).

Таким образом, можно утверждать, что наши первоначальные предположения о структуре опросника частично подтвердились при помощи ЭФА: практически все изначальные факторы были воспроизведены, за исключением АУН, который распределился по двум факторам. Однозначно соотнести с факторами утверждения, касающиеся регуляторных действий, было также затруднительно. В результате ЭФА были выделены факторные нагрузки, снижена размерность. С целью подтверждения гипотез и проверки нескольких моделей был проведен КФА.

Четыре альтернативные модели:

- 1) однофакторная;
- 2) пятифакторная (оригинальная теоретическая);
- 3) пятифакторная, которая получилась в итоге ЭФА;
- 4) четырехфакторная, которую можно получить при помощи совмещения первого и второго факторов в ЭФА.

Показатели моделей приведены в таблице 4. По показателю RMSEA достойными параметрами ($\leq 0,05$) обладают обе пятифакторные модели, однако ему не соответствуют однофакторная и четырехфакторная. Также только эти модели обладают $CFI < 0,97$. Неудовлетворительным показателем $TLI < 0,9$ обладает однофакторная модель, все остальные модели имеют TLI выше 0,9. У всех моделей $SRMR < 0,08$ [Purdon, 2015]. Наиболее удачными показателями обладают пятифакторные модели. Поскольку одна из этих моделей была предложена на основе теоретических предположений, мы предлагаем придерживаться ее в будущих исследованиях. Показатели надежности — внутренней валидности каждой из субшкал несут удовлетворительный характер. Альфа Кронбаха: УПД — 0,76; УКД — 0,77, УРД — 0,87, СС — 0,65, АУН — 0,59. Следовательно, мы не рекомендуем рассчитывать субпоказатели у респондентов по подшкалам, входящим в опросник, потому что по отдельности они обладают низкой внутренней согласованностью. Таким образом, на основании как КФА, так и ЭФА опросник УОС можно считать сложным конструктом, а наш опросник является конструктно валидным, то есть действительно измеряющим УОС. Однако психометрические свойства его подшкал требуют дальнейшей доработки и уточнения в будущих исследованиях, если имеется задача использования элементов опросника как самостоятельных групп вопросов.

Таблица 4. Результаты оценки и сравнения альтернативных КФА моделей на основе опросника УОС, n = 1966

Модель	χ^2	df	p	CFI	TLI	RMSEA	SRMR
Однофакторная	2121,26	170	0,00	0,86	0,84	0,08	0,057
Пятифакторная (теоретическая)	807,26	160	0,00	0,95	0,94	0,05	0,03
Пятифакторная (ЭФА)	766,2	157	0,00	0,96	0,95	0,05	0,04
Четырехфакторная (преобразование ЭФА)	959,5	163	0,00	0,94	0,93	0,05	0,04

Оценка распределения суммарных показателей баллов по опроснику и анализ в гендерно-возрастном разрезе

Средняя сумма баллов опросника УОС составляет 83,19, SD = 15,14, асимметрия = -1,27, эксцесс = 1,77. Распределение баллов в выборке имеет выраженную отрицательную асимметрию и положительный эксцесс. Все это может свидетельствовать о том, что шкала не подходит для всей выборки в целом и, возможно, требует ограничения целевой аудитории, на которой будет измеряться УОС по возрасту и по полу.

Для того чтобы проверить, имеет ли шкала возрастную специфику и варьируются ли ее показатели в зависимости от пола ребенка, мы воспользовались однофакторным дисперсионным анализом (в качестве переменной фактора использовался класс обучения ребенка) (ANOVA). Результаты продемонстрировали наличие значимых различий в средних показателях УОС между классами ($F = 65,94$, p value = 0,00, 95% уровень доверительной вероятности). Апостериорные множественные сравнения при помощи критерия Тьюки позволили выделить три группы школьников, сходных по своим показателям УОС: 1—2 классы; 3—6 классы; 7—11 классы. Было выяснено, что средние значения УОС, при уровне доверительной вероятности 95% практически не различаются в 1—2 классах и ученики этих классов могут быть объединены в одну группу. При этом показатели 3—6 классов выше показателей школьников 1—2 классов и ниже показателей 7—11 классов (см. табл. 5).

По описательным статистикам для классов, приведенным в таблице 5, заметно, что наиболее близким к стандартному распределению можно считать распределение для 1—2 классов. В 3—6 классах распределение более скошено в правую сторону и баллы опросника УОС имеют повышенный характер. Наименее приемлемо распределение баллов УОС среди учеников 7—11 классов: оно сильно отличается от нормального, поскольку асимметрия и эксцесс превышают 2 по модулю [Kim, 2013].

Таблица 5. Описательная статистика по УОС в разрезе по укрупненным возрастным группам, n = 1966

Возрастная группа	Среднее значение суммы по опроснику	Стандартное отклонение	Асимметрия	Эксцесс
1—2 классы	69,28	16,6	-0,63	0,08
3—6 классы	81,21	13,9	-1,06	1,59
7—11 классы	90,71	10,48	-2,38	9,43

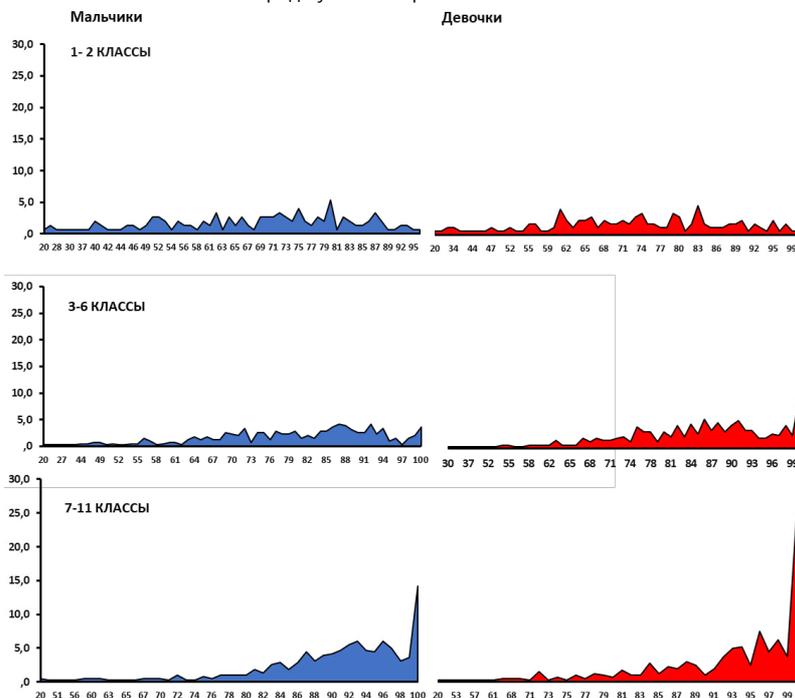
После сопоставления по классам и определения однородных по УОС возрастных групп мы выяснили, имеется ли внутри выделенных групп гендерная специфика показателей опросника. Для всех возрастных категорий были выявлены гендерные различия. Девочки всех возрастов показывают более высокие показатели самостоятельности, чем мальчики (см. табл. 6). Распределения показателя «Сумма по опроснику» в разрезе классов и пола учащихся представлены на рисунке 1.

Таблица 6. Сравнение значений суммы по опроснику по гендерно-возрастным группам, $n=1966$

Возрастная группа	Мужской		Женский		Оценка различий*
	Среднее значение суммы по опроснику	Стандартное отклонение	Среднее значение суммы по опроснику	Стандартное отклонение	
1—2 классы	66,8	16,8	71,69	16,12	$t(299,42) = -2,59$, $p = 0,01$
3—6 классы	78,9	14,56	83,67	12,56	$t(740,57) = -4,9$, $p = 0,00$
7—11 классы	89,5	10,8	91,89	10,03	$t(752,26) = -3,11$, $p = 0,02$

* Для оценки различий использовался t-критерий Стьюдента с поправкой на неравенство дисперсий.

Рис. 1. Процентное распределение баллов по УОС из 100 баллов, среди учеников разных классов

Поскольку распределения баллов для 7—11 классов имеют сильно выраженное смещение в сторону высоких баллов, то мы считаем, что опросник УОС не подходит для учащихся этой возрастной группы. Предположительно учащимся 7—11 классов стоит предлагать самим заполнить опросники УОС и содержание опросника должно отличаться от того, что предлагается ученикам до 6 класса включительно, так как после 6 класса перед школьниками стоят иные возрастные задачи [Mastrotheodoros et al., 2019; Szkody, Rogers, McKinney, 2022]. Кроме того, отношения старших подростков с родителями, как правило, менее плотные и доверительные, и поэтому родителям сложнее дать достоверную оценку УОС своего ребенка. Квартильные значения опросника для групп 1—2 и 3—6 классов приведены в таблице 7.

Таблица 7. Квартильные значения опросника УОС с учетом возраста и гендера ребенка

Гендер	25% квартиль	50% квартиль (медиана)	75% квартиль
1—2 классы			
Мальчики	56	73	88
Девочки	61	71	80
3—6 классы			
Мальчики	70	83	89
Девочки	73	84	92

Обсуждение

Цель статьи — описать процедуру разработки опросника по измерению УОС школьников, представить результаты пилотного исследования психометрических свойств опросника по измерению УОС школьников. Обнаружено, что:

- опросник УОС, обладает надежностью (внутренней согласованностью);
- подтверждена конструктивная валидность;
- выявлена гендерно-возрастная специфика поведения суммы баллов по опроснику.

Произведена первичная психометрическая оценка получившегося опросника, но в будущем мы планируем продолжить работу, проведя психометрический анализ полученного инструмента с использованием моделей семейства Раша, что позволит получить более детальную характеристику опросника и доработать его.

Анализ результатов пилотного исследования показал, что опросник может быть использован для оценки уровня УОС детей до 6 класса. Для школьников 7—11 классов необходим опросник УОС с иным содержанием, который будет заполнять не родитель, а сам ребенок.

Опросник основан на представлениях родителей о поведении их ребенка, поэтому не является исчерпывающим свидетельством его поведения. В немалой степени, как показывают исследования, основанные на опросах родителей о поведении их детей и родительских практиках [Mastrotheodoros et al., 2019; Mikelson, 2008; Szkody et al., 2022], достоверность ответа родителей может отличаться в зависимости от меры вовлеченности в жизнь ребенка и от того, кто заполняет опрос — мать или отец.

Гендерные особенности проявления УОС

В результате данного исследования было обнаружено, что учебная самостоятельность школьников имеет гендерно-возрастную специфику. Девочки во всех возрастных группах показали более высокую учебную самостоятельность, нежели мальчики, что согласуется с множеством российских и зарубежных исследований образовательной деятельности школьников (распределения времени на учебу, успешности в обучении и образовательной автономии) и может объясняться сразу несколькими обстоятельствами [Бессуднов, 2016; Богданов, Малик, 2020; Gracia и др., 2022; Herrera et al., 2020; Lietaert et al., 2015].

Интерпретируя полученные результаты, стоит обратить внимание на то, что мы измеряли представления родителей о самостоятельности детей, а потому полученные гендерные различия должны рассматриваться через линзу родительских стереотипов-установок касательно УОС детей разных гендеров [Koenig, 2018]. Родители интенсивнее культивируют в девочках послушность, в том числе в учебной сфере. У мальчиков, в особенности у ребят из неблагополучных семей, усердие и трудолюбие рассматриваются родственниками и сверстниками как проявление феминности, слабости и считается постыдным, немужским поведением [Араканцева и др., 2015: 6—13; Бессуднов, 2016: 135—167; Бочавер, 2021: 393—409].

Гендерные стереотипы и ожидания от мальчиков и девочек могут транслировать не только родители и сверстники, но и учителя [Бессуднов, 2016]. Преобладание женщин среди учителей в школе показывает мало примеров состоявшихся и образованных мужчин среди взрослых, что может быть следствием меньшей учебной самостоятельности мальчиков [Бессуднов, 2016; Заиченко, Савельева, 2020].

Гендерная специфика опросника УОС может объясняться и психофизиологическими различиями, которые могут сказываться на развитии мотивации, самоконтроля, настойчивости и других важных для образовательных результатов психических функций [Бессуднов, 2016].

Результаты нашего исследования позволяют задать вопрос, насколько сходны мотивы учебной самостоятельности у девочек и мальчиков и является ли самостоятельность в обучении ценностно важной для школьников или проявляется лишь в поведении. Так, работы Т. Гордеевой и коллег неизменно демонстрируют, что успешные в обучении девочки руководствуются иными мотивами, нежели мальчики [Гордеева, 2022]. Интересным представляется вопрос, сохранится ли разница в зависимости от социально-экономического статуса семьи ребенка, поскольку некоторые исследования, в том числе на российских выборках, показывают, что в зависимости от места проживания семьи и статуса школы разрыв в образовательных результатах девочек и мальчиков разнится [Богданов, Малик, 2020; Bessudnov, Makarov, 2015].

Возрастные особенности проявления УОС

В описании результатов мы выделяем две группы: 1—2 класс и 3—6 класс, между тем, как уровни образования подразумевают иное деление: 1—4 класс и 5—6 класс. В отечественной практике 5—6 класс считается первыми классами основной школы, тогда как в ряде зарубежных и альтернативных систем образования 6-й класс воспринимается как заключительный класс начальной шко-

лы [McGee et al., 2003]. Одним из практических приложений результатов этого опросника может быть разработка рекомендаций по поддержанию и развитию самостоятельности у учеников 5—6 класса, которая позволила бы обеспечить преемственность в становлении самостоятельности между начальной и основной школой.

С другой стороны, увеличение показателей УОС в связи с возрастом может объясняться не только объективным ростом самостоятельности, но и представлениями родителей, поскольку самостоятельность в учебе и успешность позитивно окрашены в публичном дискурсе; считается, что чем взрослее ребенок, тем более он должен быть независим от поддержки родителей [Кравцова, Кузинер, 2022; Нартова и др., 2022; Нартова, Фатехов, 2021].

Заключение

Для оценки уровня УОС на основе существующих требований ФГОС мы разработали опросник для родителей, состоящий из пяти блоков (универсальные познавательные действия, универсальные коммуникативные действия, универсальные регуляторные действия, саморазвитие, самообучение и адаптация к условиям неопределенности) и соответствующих им 20 вопросов. В дальнейшем может быть произведена триангуляция опросных данных по родителям, детям, учителям и наблюдению за поведением детей. Кроме того, при опросе остаются непонятными множественные характеристики контекста, смыслов, которые вкладывает сам человек в свое поведение, и поэтому мы не можем быть уверенными, что, к примеру, отсутствие инициативы при работе в группе связано только с низким уровнем самостоятельности. В числе открытых вопросов для будущих исследований остается вопрос о равномерности развития самостоятельности у школьников в разных сферах их жизни: важно понять, действительно ли расширение самостоятельности в одной из сфер жизни ребенка сопутствует расширению в другой. Например, если ребенок становится более самостоятельным в учебе, растет ли его самостоятельность в быту в то же время и с сопоставимой скоростью? Среди ограничений стоит отметить, что наша выборка не была репрезентативной по РФ, и потому мы не можем распространять результаты на генеральную совокупность родителей детей-школьников РФ. В будущих исследованиях возможно сделать выборку репрезентативной и протестировать культурную специфичность опросника УОС, поскольку образовательные культуры разных регионов, стран, маргинальных групп предположительно могут вести к асинхронным траекториям развития самостоятельности в сфере учебы у школьников из разных культур.

Опросник может быть полезен учителям, школьным психологам, администрации — для выявления общего портрета класса/школы с точки зрения уровня учебной самостоятельности их учеников, для оценки индивидуального прогресса отдельно взятого ученика. Для практического применения мы не рекомендуем использовать квартильные значения. Опросник может быть использован для наблюдения за личным прогрессом конкретного ученика, класса, для сравнения классов в рамках одной параллели и т. д. То есть могут быть сопоставлены последовательные результаты оценки уровня развития УОС у одного и того же ребенка, у класса / нескольких классов и т. д.

Список литературы (References)

Араканцева Т. А., Бобылева И. А., Заводилкина О. В. Исследование гендерных различий готовности к самостоятельной жизни воспитанников детских домов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 4. С. 6—13.

Arakantseva T. A., Bobyleva I. A., Zavodilkina O. V. (2015) Gender Differences in Readiness for Independent Living of Inmates of Orphanages. *Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences*. No. 4. P. 6—13. (In Russ.)

Асмолов А. Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. 2009. № 4. С. 18—22.

Asmolov A. G. (2009) System Activity Approach to the Development of New Generation Standards. *The Pedagogy*. No. 4. P. 18—22. (In Russ.)

Бессуднов А. Р. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135—167.

Bessudnov A. R. (2016) Socio-Economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Educational Studies*. No. 1. P. 135—167. (In Russ.)

Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 392—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>.

Bogdanov M. B., Malik V. M. (2020) Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 391—421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>. (In Russ.)

Бочавер А. А. Последствия школьной травли для ее участников // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 2. С. 393—409.

Vochaver A. A. (2021) Consequences of School Bullying for Its Participants. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. No 2. P. 393—409. (In Russ.)

Гордеева Т. Психология мотивации достижения. М.: Литрес, 2022.

Gordeeva T. (2022) Psychology of Motivational Achievement. Moscow: Litres. (In Russ.)

Давыдов В. В., Маркова А. К. Концепция учебной деятельности школьников // Вопросы психологии. 1981. Т. 6. С. 13—26.

Davydov V. V., Markova A. K. (1981) The Concept of Educational Activity of Schoolchildren. *Questions of Psychology*. Vol. 6. P. 13—26. (In Russ.)

Заиченко Н. А., Савельева Е. А. Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 50—74. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3>.

Zaichenko N. A., Savelyeva E. A. (2020) Gender Discourse in the Perceptions of Educational Relations Participants in the St. Petersburg Schools. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 3. P. 50—74. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3>. (In Russ.)

Конопкин О. А., Прыгин Г. С. Связь учебной успеваемости студентов и индивидуально-типическими особенностями их саморегуляции // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 42—52.

Konopkin O. A., Prygin G. S. (1984) Relationship between the Educational Progress of Students and Individual-Typical Features of Their Self-Regulation. *Questions of Psychology*. No. 3. P. 42—52. (In Russ.)

Кравцова А. Н., Кузинер Е. Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>.

Kravtsova A. N., Kuziner E. N. (2022) Being and/or Knowing How to Be an Adult: The Growing Up Patterns of Early Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 120—139. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2141>. (In Russ.)

Моросанова В. И., Бондаренко И. Н. Диагностика саморегуляции человека. М.: Когито-Центр, 2015.

Morosanova V. I., Bondarenko I. N. (2015) Diagnosis of Human Self-Regulation. Moscow: Cogito center. (In Russ.)

Нартова Н. А., Саблина А., Кузинер Е., Петрунина Д. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22>.

Nartova N., Sablina A., Kuziner E., Petrunina D. (2022) Analysis of Discursive Regimes of Transition to Adulthood in the Normative Documents of Youth Policy in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 20. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22>. (In Russ.)

Нартова Н. А., Фатехов А. М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

Nartova N. A., Fatekhov A. M. (2021) The Transition Into Adulthood of Russian Millennials: On the Way From Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>. (In Russ.)

Цукерман Г. А., Венгер А. Л. Развитие учебной самостоятельности. М.: ОИРО, 2010. Tsukerman G. A., Wenger A. L. (2010) Developing Learning Independence. Moscow: OIRO. (In Russ.)

Щербакова Е. М. Демографические итоги I полугодия 2021 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2021. № 911—912.

Shcherbakova E. M. (2021) Demographic results of the first half of 2021 in Russia (part I). *Demoscope Weekly*. No. 911—912. (In Russ.)

Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. Москва: Педагогика, 1989.
Elkonin D. B. (1980) Selected Psychological Writings. Moscow: Pedagogy. (In Russ.)

Azevedo R. (2009) Theoretical, Conceptual, Methodological, and Instructional Issues in Research on Metacognition and Self-Regulated Learning: A Discussion. *Metacognition and Learning*. Vol. 4. No. 1. P. 87—95. <https://doi.org/10.1007/s11409-009-9035-7>.

Bessudnov A., Makarov A. (2015) School Context and Gender Differences in Mathematical Performance among School Graduates in Russia. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 25. No. 1. P. 63—81.

Boateng G. O., Neilands T. B., Frongillo E. A., Melgar-Quiñonez H. R., Young S. L. (2018) Best Practices for Developing and Validating Scales for Health, Social, and Behavioral Research: A Primer. *Frontiers in Public Health*. Vol. 6. P. 1—18. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2018.00149>.

Boekaerts M. (1992) The Adaptable Learning Process: Initiating and Maintaining Behavioural Change. *Applied Psychology*. Vol. 41. No. 4. P. 377—397.

Chung M. (2000). The Development of Self-Regulated Learning. *Asia Pacific Education Review*. No. 1. P. 55—66.

Gracia P., Garcia-Roman J., Oinas T., Anttila T. (2022) Gender Differences in Child and Adolescent Daily Activities: A Cross-National Time Use Study. *Acta Sociologica*. Vol. 65. No. 1. P. 41—65.

Hadwin A., Järvelä S., Miller M. (2017) Self-Regulation, Co-regulation, and Shared Regulation in Collaborative Learning Environments. In: *Handbook of Self-Regulation of Learning and Performance*. Routledge. P. 83—106.

Herrera L., Al-Lal M., Mohamed L. (2020) Academic Achievement, Self-Concept, Personality and Emotional Intelligence in Primary Education. Analysis by Gender and Cultural Group. *Frontiers in Psychology*. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.03075>.

Kim H.-Y. (2013) Statistical Notes for Clinical Researchers: Assessing Normal Distribution (2) Using Skewness and Kurtosis. *Restorative Dentistry & Endodontics*. Vol. 38. No. 1. P. 52—54.

Kishore K., Jaswal V., Kulkarni V., De D. (2021) Practical Guidelines to Develop and Evaluate a Questionnaire. *Indian Dermatol Online*. Vol. 12. No. 2. P. 266—275.

Koenig A. M. (2018) Comparing Prescriptive and Descriptive Gender Stereotypes about Children, Adults, and the Elderly. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Art. 1086.

Lietaert S., Roorda D., Laevers F., Verschueren K. and De Fraine B. (2015) The Gender Gap in Student Engagement: The Role of Teachers' Autonomy Support, Structure, and Involvement. *British Journal of Educational Psychology*. Vol. 85. No. 4. P. 498—518.

Luksha P., Cubista J., Laszlo A., Popovich M., Ninenko I. (2018) Global Education Futures Report. Educational Ecosystems for Societal Transformation.

Mameli C., Passini S. (2018) Development and Validation of an Enlarged Version of the Student Agentic Engagement Scale. *Journal of Psychoeducational Assessment*. Vol. 37. P. 450—463.

Mastrotheodoros S., Van der Graaff J., Deković M., H. J. Meeus W., J. T. Branje S. (2019) Coming Closer in Adolescence: Convergence in Mother, Father, and Adolescent Reports of Parenting. *Journal of Research on Adolescence*. Vol. 29. No. 4. P. 846—862.

Mikelson K. S. (2008) He Said, She Said: Comparing Mother and Father Reports of Father Involvement. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 70. No. 3. P. 613—624.

OECD (2021) Beyond Academic Learning: First Results from the Survey of Social and Emotional Skills. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/92a11084-en>.

OECD (2019) PISA 2018 Results (Volume III): What School Life Means for Students' Lives. Paris: OECD Publishing.

OECD (2018) Future of Education and Skills 2030 Concept Note. Paris: OECD Publishing.

Panadero E. (2017) A Review of Self-Regulated Learning: Six Models and Four Directions for Research. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. P. 1—28. doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00422.

Prudon P. (2015) Confirmatory Factor Analysis as a Tool in Research Using Questionnaires: A Critique. *Comprehensive Psychology*. Vol. 4. P. 1—19. <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.2466/03.CP4.10>.

Pintrich P. R. (1991) A Manual for the Use of the Motivated Strategies for Learning Questionnaire (MSLQ). Ann Arbor, MI: The University of Michigan.

Pintrich P. R., De Groot E. V. (1990) Motivational and Self-Regulated Learning Components of Classroom Academic Performance. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 82. No. 1. P. 33—40.

Soenens B., Vansteenkiste M., Van Petegem S. (eds.) (2017) *Autonomy in Adolescent Development: Towards Conceptual Clarity*. Abingdon, N.Y.: Routledge.

Szkody E., Rogers M. M., McKinney C. (2022) Discrepancy Analysis of Emerging Adult and Parental Report of Psychological Problems and Relationship Quality. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. Vol. 44. P. 444—455. <https://doi.org/10.1007/s10862-021-09949-1>.

Winne P. H., Hadwin A. F. (1998) Studying as Self-Regulated Engagement in Learning. In Metacognition in Educational Theory and Practice. In: Hacker D. J., Dunlosky J., Graesser A. C. (eds.) *Metacognition in Educational Theory and Practice*. Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 277—304.

Weinstein C. E., Zimmermann S. A., Palmer D. R. (1988) Assessing Learning Strategies: The Design and Development of the Lassi. In: Weinstein C. E., Goetz E. T., Alexander P. A.

(eds.) *Learning and Study Strategies. Issues in Assessment, Instruction, and Evaluation*. Elsevier. P. 25—40. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-742460-6.50009-8>.

Zimmerman B. J., Martinez-Pons M. (1990) Student Differences in Self-Regulated Learning: Relating Grade, Sex, and Giftedness to Self-Efficacy and Strategy Use. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 82. No. 1. P. 51—59.

Приложение 1. Опросник учебно-организационной самостоятельности

Данный опросник может быть использован на практике для оценки УОС родителями младших классов до 6 класса включительно. В данном приложении анкета размещена в том виде, в котором могла бы быть использована специалистами. Для получения информации об уровне УОС у школьника необходимо суммировать ответы на все вопросы опросника. Также чтобы при дальнейших исследованиях была возможность сравнивать новые результаты с полученными в нашем исследовании, мы приводим таблицу с квартильными значениями (см. табл. 7), полученными на нашей выборке, существенным ограничением которой является ее нерепрезентативность. Поэтому полученные значения следует трактовать не как показатели нормы, а скорее как один из возможных результатов, с которым можно сопоставить вновь полученные данные для более полной интерпретации или постановки новых исследовательских вопросов. Кроме того, важно отметить, что формирование навыков самостоятельности, как и любых других навыков, не происходит линейно и последовательно, и может варьироваться во времени: то принимая более высокие, то более низкие значения. Т.е. при практическом использовании опросника неверно будет судить, что низкие баллы по опроснику — это неизменная и устойчивая характеристика того или иного ребенка. Этот опросник призван помочь учителям и родителям заметить некоторые важные навыки, которые могут сказываться на академических результатах, и обеспечить ребенку поддержку для их развития.

Пожалуйста, оцените по шкале, насколько самостоятельно ваш ребенок выполняет данные действия.

Универсальные познавательные действия (базовые логические действия, базовые исследовательские действия, работа с информацией)

Решает трудности, которые возникают при выполнении учебных заданий (когда что-то не получается — пробует по-разному решить задание, звонит другу, чтобы спросить, как он сделал, спрашивает у родителей или учителя, ищет в учебнике)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Находит в учебнике или в Интернете нужную информацию или ответ на вопрос, если чего-то не знает или хочет выяснить

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Универсальные коммуникативные действия (общение, совместная деятельность)

Когда работает в группе — проявляет инициативу, предлагает идеи

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Выполняет свою часть групповой работы, даже если не вполне согласен с ней, чтобы достичь общей цели

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Договаривается, «торгуется», аргументирует свою позицию

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Слышит аргументы других и адекватно отвечает на них или меняет свою точку зрения

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Универсальные регуляторные действия (самоконтроль, самоорганизация)

Соблюдает режим, составлять собственное расписание (сегодня вечером делаю домашнее задание на два дня вперед и завтра я свободен, иду в гости)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Выполняет задания к назначенному сроку (например, нет ситуаций, когда внезапно перед сном вспоминает, что нужно что-то срочно сделать до завтра)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,

- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Собирает портфель в школу, сверяясь с расписанием уроков, и берет все необходимое для занятий

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Планирует работу над домашним заданием и решает, что сделать в первую очередь, а что можно вообще не делать (русский сделаю, потому что его всегда проверяют, а окружающий мир перед уроком прочитаю быстренько)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Безошибочно выполняет задания по инструкции, может сориентироваться, если инструкции меняются и появляются новые вводные

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Может спланировать и выполнить проект по образцу (склеить поделку, нарисовать рисунок, сделать доклад, презентацию)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Контролирует свою успеваемость (смотрит оценки в электронном дневнике, следит, чтобы не было долгов, плохих отметок)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Проверяет свою работу по ответам, находит ошибки и исправляет их

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Саморазвитие, самообучение

Интересуется чем-то за пределами школьной программы (выбирает и просит купить новые книги, сходить на мероприятие, находит кружки)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Заявляет о своих интересах родителям и друзьям (я люблю динозавров, хочу пойти в музей про динозавров)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Принимает решения о том, чтобы бросить неинтересные занятия/продолжить интересные

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Адаптация к условиям неопределенности

Если забыл что-то дома, может решить проблему, попросить поделиться одноклассников, учителя, придумать выход (вырву листочек и у меня останется чистая тетрадь, прочерчу ровную линию по корешку учебника вместо линейки)

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Если отменили урок, уведомляет родителей об этом, находит себе занятие на это время

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,

- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

Берется выполнять сложные задания, пробует новые занятия

- 1) только со взрослым, при его непосредственном участии,
- 2) если взрослый опишет план действий, все подробности,
- 3) если взрослый неподалеку и готов прийти на помощь,
- 4) при напоминании, просьбе, контроле взрослого в начале,
- 5) ребенок делает сам без напоминаний и подсказок

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2460](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460)**М. Н. Желизнык****ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА НЕОКОНЧЕННЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗОВ «ГЕРОЯ»
И «АНТИГЕРОЯ» НАШЕГО ВРЕМЕНИ****Правильная ссылка на статью:**

Желизнык М. Н. Опыт использования метода неоконченных предложений в изучении образов «героя» и «антигероя» нашего времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 257—275. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460>.

For citation:

Zheliznyk M. N. (2024) Using the Method of Unfinished Sentences in Studying the Images of the “Hero” and “Anti-Hero” of Our Time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 257–275. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2460>. (In Russ.)

Получено: 21.07.2023. Принято к публикации: 26.01.2024.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗОВ «ГЕРОЯ» И «АНТИ-ГЕРОЯ» НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ЖЕЛИЗНЫК Мария Николаевна — аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; старший специалист по исследованиям отдела по работе с Ленинградской областью, АНО «Диалог Регионы», Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: marzhel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8481-2123>

Аннотация. Статья описывает результаты эксперимента по использованию метода неоконченных предложений в изучении проблематики героизма среди старшеклассников. На основе большого эмпирического материала (анкет более 10 тыс. школьников Ленинградской области) автор анализирует коммуникативную и когнитивную адекватность использованных неоконченных предложений, рассматривает специфику административного контекста выборки и его влияние на данные, уделяя особое внимание качеству полученных данных. Автор приводит структуру понятий «герой нашего времени» и «антигерой нашего времени» в представлениях школьников, пирамиду обобщений, а также предлагает типологию героев и антигероев, сформированную на основе смысловых магистральных характеристик, выделенных в процессе анализа эмпирических данных. В основе предлагаемых типов преимущественно лежит социальная функция героя и антигероя нашего времени. По итогам проведенного анализа автор работы заключает, что неоконченное предложение о герое нашего времени

USING THE METHOD OF UNFINISHED SENTENCES IN STUDYING THE IMAGES OF THE “HERO” AND “ANTI-HERO” OF OUR TIME

Maria N. ZHELIZNYK^{1,2} — Graduate Student; Senior Specialist of Leningrad Region Department
E-MAIL: marzhel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8481-2123>

¹ St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Autonomous Non-profit Organization “Dialog Regions”, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article describes the results of an experiment on using the method of incomplete sentences in studying the issues of heroism among high school students. Based on a large amount of empirical material (questionnaires of more than 10 thousand schoolchildren in the Leningrad region), the author analyzes the communicative and cognitive adequacy of using incomplete sentences, considers the specifics of the administrative context of the sample and its impact on the data, paying special attention to the quality of the data obtained. The author provides the structure of the concepts “hero of our time” and “antihero of our time” in the ideas of schoolchildren, the pyramid of generalizations, and proposes a typology of heroes and antiheroes, formed on the basis of the main semantic characteristics identified in the process of analyzing empirical data. The proposed types are primarily based on the social function of the hero and antihero of the time. Based on the analysis, the author concludes that an incomplete sentence is a working tool for determining the structure of a concept, which makes it possible to obtain meaningful

является рабочим инструментом для определения структуры понятия, который позволяет получать содержательный материал с допустимым количеством иррелевантных ответов.

Ключевые слова: герой нашего времени, антигерой, метод неоконченных предложений, пирамида обобщения, типы героев, типы антигероев

Благодарность. Автор выражает благодарность М. Павлову за критический взгляд и важные замечания по рукописи данной работы.

material with an acceptable number of irrelevant answers.

Keywords: hero of our time, antihero, method of incomplete sentences, pyramid of generalizations, types of heroes, types of antiheroes

Acknowledgments. The author thanks Maxim Pavlov for his critical view and valuable comments on the manuscript of this article.

Введение

Изучение героев и антигероев на современном этапе становится все более актуальным в связи со стремительным изменением социокультурной реальности. Герои, будучи выразителями аксиологического стандарта общества, транслируют систему ценностей, очерчивают социально одобряемое и социально порицаемое поведение.

Понятие «герой» междисциплинарное, оно используется в философии, литературе, культурологии, психологии и социологии. Его можно рассматривать как категорию массового сознания. В медиаполе понятие «герой нашего времени» имеет, как правило, следующий синонимичный ряд: герои современности, герои сегодня, современные герои, главные герои, — то есть преобладает не лермонтовская трактовка, а синонимичное использование понятий.

При кажущейся простоте темы на стадии разработки дизайна исследования перед учеными возникает ключевой вопрос, кого считать героями. Дискуссии на этот счет активизировались с появлением термина «селебрити», продолжают они и сегодня [Povedak, 2009; Drake, Miah, 2010]. Широкое семантическое поле понятия «герой» детерминирует смысловую многозначность. Некоторые исследователи [Allison, Goethals, 2011; Franco, Blau, Zimbardo, 2011] выражают сомнения в возможности сконструировать объективное определение героизма, так как критерии героического субъективны. М. Салливан и А. Вентер описывают параметры, на основе которых ученые идентифицируют индивидов как героев: для одних герои выражают принятые в обществе ценности, другие рассматривают героев через их достижения, третьи — как пример и образец для подражания и т. д. [Sullivan, Venter, 2010: 472]. Ф. Зимбардо совместно с З. Франко посредством обзоров литературы и дискуссий создал классификацию с 12 подкатегориями героизма [Зимбардо, 2018: 656]. Данная классификация не базируется на эмпирических данных, но, как отмечают ученые, она отражает срез мнений «взрослых представителей среднего класса европейско-американского происхождения»,

обусловленных культурой и временем [там же: 656]. На основе фокус-группового исследования были предложены концепции героического, а также характеристики и функции героев в восприятии подростков [Kinsella, English, McMahon, 2020].

Наша статья посвящена методическим вопросам в изучении героического. нас интересует структура понятий «герой» и «антигерой» нашего времени в представлениях молодежи — то, как школьники определяют современных героев и антигероев, какие смыслы и значения они вкладывают в эти понятия. Проведя в 2021 г. фокус-групповое пилотажное исследование среди молодежи по изучению героев нашего времени [Желизнык, 2022], мы сформулировали следующие выводы:

1) имеет смысл исключить исследователя из коммуникативной ситуации, чтобы минимизировать воздействие на респондентов;

2) имеет смысл провести количественное исследование с жестким инструментарием, чтобы в массиве данных определить наиболее частотные эмпирические индикаторы героического, на основе которых можно разрабатывать аналитическую категорию.

В январе и феврале 2023 г., проводя ежегодное онлайн-исследование среди старшеклассников по профориентации¹, в анкету в качестве методического эксперимента мы добавили два неоконченных предложения: 1) «Героем нашего времени можно назвать только того, кто всегда...»; 2) «Антигерой — это тот, кто...». Данные предложения разработала М. В. Субботина [Субботина, 2021: 210], одно из них мы доработали под свои задачи — вместо «героя» указали «герой нашего времени». Привязка ко времени нам была необходима, чтобы избежать исторических отсылок, перед нами стояла задача определить представления о современных героях и антигероях. В исследовании приняли участие 10 727 учеников 9—11-х классов Ленинградской области, что составляет 39% генеральной совокупности. Собранный массив данных актуализировал для нас следующие методические вопросы:

1) насколько адекватны для выявления структуры понятий героя и антигероя использованные неоконченные предложения?

2) насколько надежны полученные данные?

3) есть ли влияние административного контекста выборки на результаты, и если да, то как его можно минимизировать?

Эти вопросы будут рассмотрены в данной статье. Кроме того, проведенное нами исследование позволило выделить типы героев и антигероев нашего времени в представлениях подростков — учеников 9—11-х классов — на основе эмпирических данных. Изначально мы не ставили себе задачу разработать типологию, но анализ собранного материала позволил это сделать.

Метод неоконченных предложений в изучении героизма

Метод неоконченных предложений ранее уже применялся для изучения героев [Рягузова, 2014]. Для определения образа и структуры понятий героя и антигероя М. В. Субботина предложила серию неоконченных предложений [Субботина, 2021: 210], а также обосновала преимущества использования этого метода

¹ Исследование проводится Центром управления регионом Ленинградской области.

для изучения понятий со сложной коннотацией, коими являются «герой» и «антигерой» нашего времени [Trotsuk, Subbotina, 2021; Субботина, 2021: 119].

Выделяют три стратегии использования метода неоконченных предложений [Татарова, Бурлов, 1999: 125]. Наше исследование, которое мы рассматриваем как методический эксперимент, относится к первой, когда неоконченные предложения играют роль открытых вопросов [Бурлов, 2001: 65]. При этом неоконченные предложения, будучи стимулами, ограничивают смысловое поле ответа и задают вектор движения мысли. В нашем случае фраза *«Героем нашего времени можно назвать только того, кто всегда...»* имеет два стимула: «герой нашего времени» и «всегда». Неоконченное предложение *«Антигерой — это тот, кто...»* предполагает более широкую область для ответов, стимулом выступает само понятие «антигерой».

Специфика административного контекста выборки

Проведенное нами исследование было реализовано через комитет общего и профессионального образования Ленинградской области: запрограммированная ссылка на анкету была передана в комитет, тот, в свою очередь, направил ее в администрации районов, а те — уже в школы. То есть имеет место административный контекст выборки, под которым мы понимаем несколько факторов: 1) исследование реализуется через некий административный орган (например, орган исполнительной власти), таким образом, между исследователем и респондентами есть «посредник»; 2) согласие школьника на заполнение анкеты — это результат просьбы или некоторого «давления» со стороны учителей, несмотря на то что информированное согласие о прохождении опроса было помещено в начало анкеты (данную ситуацию можно рассматривать как своего рода «институциональное принуждение», обусловленное социальными ролями учителя и ученика); 3) заполнение анкеты может происходить в классе, на перемене в школе, что создает ситуации обсуждения вопросов между школьниками, совместного поиска ответов.

Наш массив данных позволяет определить несколько маркеров воздействия административного контекста. Во-первых, социальная роль ученика в некоторых случаях превалировала над социальной ролью респондента. Данный тезис подтверждают ответы старшеклассников — некоторые школьники пытались ответить на наши стимульные фразы о героях и антигероях «правильно» и вопросительным знаком уточняли верен ли ответ. Таких ответов со знаком вопроса в массиве данных оказалось менее 1%. Во-вторых, в базе мы обнаружили скопированные предложения из «Википедии», электронных ресурсов «100 баллов», «Учи.ру», «Инфоурок», «Сочинялка», «Решалка», «Добро.ру», интернет-службы «Ответы Mail.ru», электронных статей Российского движения школьников. Мы также рассматриваем это как ситуацию «институционального давления». Заполнение анкеты для учащихся — это своего рода «домашнее задание» от учителей, которое некоторые ученики пытаются выполнить при помощи интернет-сайтов. Для обнаружения скопированных ответов, помимо очевидно повторяющихся, важно обращать внимание на несколько деталей.

1) Архитектура ответов. В нашем случае подавляющее большинство ответов в базе не имели точки как пунктуационного знака в конце предложения, что ха-

рактально для языка интернет-общения. Наличие точки, как показал анализ массива, свидетельствует о копировании определения, гораздо реже — о попытках респондентов тщательно выразить свою мысль или следовать нормам русского языка. Кроме того, встречались как полностью скопированные определения героя и антигероя, так и частично — ученики выбирали какую-то часть и иногда дописывали что-то свое. Например, исходное определение героя нашего времени на сайте «100 баллов» звучит так: «Человеколюбие, искренность, самоотверженность, нравственность — это те черты, которые присущи „героям нашего времени“»². Школьник указал следующее: «Человеколюбие, нравственность и самоотверженность — черты героя любого времени». Подобные основания мы кодировали как «скопированные», поскольку они поддаются разнонаправленной интерпретации. Нельзя однозначно утверждать, что это некая попытка школьника осмыслить стимульную фразу или способ адаптировать определение из интернета, дабы избежать прямого заимствования.

2) Характер лексики. Слова и фразы «самоотверженность», «исключительная смелость», «наделен чертами», «лишен черт» нехарактерны для подросткового нарратива, что мы можем заключить на основе анализа более 20 тыс. ответов на две стимульные фразы. Это скопированные определения из указанных выше источников.

3) Грамматическая конструкция ответа. В общей базе менее 2 % ответов не согласованы со стимульной фразой, из них значительная часть — полностью скопированы из интернет-ресурсов («Человека можно назвать героем только в том случае, если он стремится сделать мир лучше и посвящает этому делу всего себя»³. Ну и остальных»).

Всего среди ответов на стимульную фразу о герое нашего времени было 2,2 % скопированных предложений/фраз, в абсолютных значениях это 201 респондент, в ответах на неоконченное предложение об антигерое — 5,3 % (563 респондента).

Появление ответов со знаком вопроса и скопированных из интернета определений, на наш взгляд, также связано с тем, что мы не предваряли инструкцией неоконченные предложения, в анкете было указано следующее: «Закончите, пожалуйста, предложения». З. В. Сикевич рекомендует писать небольшую рекомендацию, как отвечать на такие вопросы [Сикевич, 2019: 320], А. В. Бурлов считает, что ложная цель исследования позволяет снизить бдительность респондентов [Бурлов, 2001: 43]. Опасаясь большого количества иррелевантных ответов от учащихся, мы отказались и от первого, и от второго сценария, ограничившись короткой формулировкой. В дальнейшем мы планируем разработать специальную инструкцию для школьников, которая не будет включать часто используемые фразы «напишите первое, что приходит в голову», «первое, что приходит на ум» [Сикевич, 2019: 320; Бурлов: 2001: 43], так как, с нашей точки зрения, у учеников такая рекомендация может вызывать составительский момент, побуждая их писать больше ситуативных («поможет с домашкой») и иррелевантных («ест бананы») ответов,

² Кого можно считать героем нашего времени? Готовое итоговое сочинение 2021 // Сто баллов. URL: <https://clck.ru/37JxjG> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Источник: <https://bank-argumentov.info/kakogo-cheloveka-mozhno-nazvat-geroem-argumenty-dlja-itogovogo-sochinenija/> (дата обращения: 01.02.2024).

особенно с учетом того, что анкета может заполняться на перемене в школе. Для школьников требуются более «строгие» формулировки, исключающие или минимизирующие возможный игровой посыл.

В-третьих, в массиве данных мы встречали повторяющиеся ответы, расположенные друг за другом или недалеко друг от друга, притом что переменные «класс», «район», а также параданные (дата и время начала заполнения анкеты) совпадали. Такие повторы, имеющие разную орфографию и пунктуацию, наводят на мысль, что школьники обсуждали между собой ответы и, придя к какому-то заключению, вписывали их в электронную форму анкеты. В общем массиве данных повторяющихся ответов не более 2 %.

Следующий фактор, который необходимо рассмотреть в рамках административного контекста, это непосредственно сами стимульные фразы. Произведение М. Ю. Лермонтова изучают в девятом классе, поэтому неудивительно, что часть учеников вспомнили писателя и его героя Печорина. Любопытно другое — количество таких ответов в базе не более 1,5 % для двух понятий (герой нашего времени и антигерой). Подавляющее большинство школьников рассматривали героя нашего времени как героя, эти понятия синонимичны для опрошенных учащихся.

Таким образом, можно заключить следующее: 1) централизованные опросы школьников, осуществляемые через какой-то административный орган, всегда имеют административный контекст, конструируется ситуация некоего «институционального давления»; 2) такое давление влияет на полученные данные, поэтому собранный массив следует анализировать на предмет выявления маркеров «институционального принуждения». В нашем случае это ответы со знаком вопроса, скопированные определения и повторяющиеся обоснования. Поскольку таких ответов в нашей базе оказалось в пределах «нормы», совокупно для двух понятий не более 10 %, мы оценивали собранные данные как адекватные для дальнейшей работы, при этом исключили из анализа скопированные определения. Вопрос о наличии социально одобряемых ответов на неоконченные предложения в силу специфики выборки мы рассмотрим далее. Для этого приведем процентное распределение ответов и пирамиду обобщений.

Специфика использованных неоконченных предложений

Для неоконченных предложений крайне важна ширина области поиска ответов, стимул не должен блокировать реакции респондентов [Бурлов, 2001: 35]. Неоконченные предложения, использованные нами, имели широкие семантические поля, давая пространство для ответов в рамках заданных смысловых контуров. Оба неоконченных предложения включали в себя явное («всегда») и скрытое («тот, кто») обобщение, таким образом, в стимульной фразе содержалась интенция определить культурную норму в представлениях старшеклассников.

Как отмечает С. Г. Климова, «обоснования имеют атрибутивную природу и анализировать их следует с тех же позиций, с каких изучаются другие виды атрибуций: приписывание ответственности, чувств, качеств личности» [Климова, 1995: 54], поэтому методика выявления этих обоснований должна соотноситься с живой беседой, спонтанными реакциями индивидов [там же], конструировать ситуации свободного проявления мыслительных реакций. Наше предложение о герое

нашего времени соответствует этому требованию, сложнее оказалась ситуация с антигероем. Как показал массив данных, значительная часть смысловых оснований, приведенных респондентами при ответе на стимульную фразу об антигерое, имеет небольшую аналитическую глубину: «...не прав», «...плохой человек», «...врет», «...ленится», «...не поможет», «...эгоист». С одной стороны, мы видим более низкий уровень понимания понятия, с другой — попытки прояснить образ: «...лицемерит и подлизывается к другим», «...надеется на русский авось, ничего не делает для саморазвития и пускает свою жизнь на самотек», «...несправедливо получил то, что имеет, и хвастается этим» и др. Эти обоснования характеризуют рефлексивные процессы учащихся, «запущенные» неоконченным предложением. На этапе дизайна исследования мы понимали, что понятие «антигерой» не является категорией массового сознания и, скорее всего, вызовет затруднения у учащихся, тем не менее мы ввели его, чтобы оценить «обратную сторону» героя нашего времени, определить его смысловой полюс для последующего конструирования эмпирических индикаторов. Наше решение оказалось правильным и оправданным в том смысле, что, несмотря на значительную часть ответов и неответов, которые мы исключили из анализа, собранный массив позволил выделить смысловые магистральные характеристики и дал возможность сформировать пирамиду обобщений, определить структуру понятия «антигерой» в представлениях школьников.

Заканчивая предложения, респонденты использовали различные смысловые основания, или обоснования [Бурлов, 2001: 100], которые являются «нравственными предписаниями, заданными культурой стереотипными образцами целей, мотивов» [Климова, 1995: 53]. Для работы с этими обоснованиями требуется четко определить предмет исследования, а на этапе первичного анализа — сформировать категориальную систему, в рамках которой будет осуществляться кодирование и проводиться дальнейший анализ и интерпретация данных. В нашем случае предметом исследования выступают представления учащихся о понятиях «герой» и «антигерой» нашего времени. Категориальная сетка была сформирована в первый день исследования, когда анкету заполнили около 500 школьников.

Пирамида обобщений понятий «герой» и «антигерой» нашего времени

В таблицах 1 и 2 мы приводим процентное распределение элементов и компонентов понятий «герой» и «антигерой» нашего времени соответственно. Будучи ограниченными рамками статьи, мы опускаем элементарные обоснования, оставляя только элементы и компоненты.

Таблица 1. «Герой» нашего времени

№	Компоненты	Элементы	Частота, %
1	Отношение к другим	Бескорыстная помощь другим	22,7
		Уважение к другим	0,2
		Благо других	3,2
		Сочувствие другим	0,4
		Поддержка, верность	0,6
		Защита других	0,4
	По группе		27,5

№	Компоненты	Элементы	Частота, %
2	Качества	Человек чести, живет по совести, за правду	7,8
		Милосердный	3,5
		Смелчак	1,0
		Готовность к самопожертвованию и подвигам	1,9
		Идеалист	1,5
<i>По группе</i>			15,7
3	Герой достигающий	Целеустремленность, желание добиться	7,8
		Успех, большие достижения	1,5
		Труд, упорная работа	4,0
<i>По группе</i>			13,3
4	Патриотизм (герой-патриот)	Польза стране / Родине / государству / обществу	1,6
		Участие в развитии страны	0,6
		Верность и любовь к Родине	2,1
		Защита страны, народа, Отечества	3,4
		Помощь народу, обществу, Родине	0,7
		Приоритет общественного над личным	0,4
		Готовность к самопожертвованию ради Родины	0,5
<i>По группе</i>			9,3
5	Герой-лидер	Уверенность в себе	4,5
		Развитие, преодоление своих слабостей	2,4
		Лидер, пример для подражания	1,3
<i>По группе</i>			8,2
6	Герой-созидатель	Делает добро	1,6
		Сделать мир лучше, созидание	1,1
<i>По группе</i>			2,7
7	Герой-трикстер	Находчивость, адаптация к переменам	0,2
		Идет в ногу со временем	0,9
<i>По группе</i>			1,1
8	Герой-профессионал	Профессионализм, любимое дело	0,5
9	Герой-новатор	Создает новое	0,3
10	Отношение к семье, близким, друзьям	Любовь и верность семье, друзьям	0,8
11	Отношение к себе	Самоуважение	0,2
12	Ум, интеллект		0,7
13	Материальная свобода, статус		0,6
14	Отражение эпохи		0,3
15	Свобода, независимость		0,1
16	Оптимист	Позитивный	0,3
17	Конкретные личности		2,3
18	Другое, «странности»		8,1
19	Никто		0,5
20	Скопировано		1,9
21	Прочерк, затруднились		15,9
Всего			110,3

Система подсчета результатов дискусионна, существуют разные взгляды на двойные, тройные ответы респондентов. Мы присваивали единицу каждому смысловому основанию, поэтому ответов получилось большее 100%. При возникновении затруднений, к какой категории относить высказывания респондентов (например, герой нашего времени — «...музыкант», «...молодец» и т. п.), мы кодировали их как «странности». В эту же категорию попали ответы, содержащие многоплановую информацию: герой нашего времени «...сделает все, что нужно», «...все понимает», «...поступает правильно», антигерой «...мешает», «...позади» и т. п. и ответы, которые носили иррелевантный характер по отношению к предложенным нами понятиям: «Героем нашего времени можно назвать только того, кто всегда...» «...люблю маму»; «Антигерой — это тот, кто...» «...не пьет воду по утрам». Кроме того, сюда же мы отнесли ответы, которые подчеркивают ситуативность, эмоции, текущие цели и ценности старшеклассников: герой нашего времени «...поможет с домашкой», «...ходит на нулевые уроки», «...круто битбоксит» и т. п., антигерой «...пользуется телефоном на занятиях», «...не может сдать устный русский» и т. п.

В процессе кодирования ответов встречались обоснования, которые можно было отнести к разным группам. Например, герой нашего времени «...готов прийти на помощь людям, своей стране и близким». В данном смысловом основании присутствуют два акцента: ситуация помощи и указание адресатов помощи. Для решения спорных вопросов мы использовали стратегию обсуждения. Если не возникало единодушия, куда отнести подобные ответы, то мы относили их к разным элементам, присваивая каждому обоснованию один балл. Данные верифицировались двумя этапами кодирования — закодированные ответы были повторно проанализированы на предмет их соответствия элементам. Объединение в компоненты осуществлялось через обсуждения.

На основе элементарных обоснований понятия «герой нашего времени» было выделено 40 элементов (не учитывается «Никто», «Странности, другое», «Скопировано», «Прочерк, затруднились»), после чего данные элементы были сгруппированы в компоненты на основании выделенных смысловых магистральных характеристик. Из последующего анализа мы исключили «затруднившихся», «странности», скопированные определения, персоналии, категорию «Никто», а также часть компонентов, имеющих менее 0,8%, за исключением героя-новатора и героя-профессионала, так как они представляли собой четко очерченный образ. Таким образом, мы рассматривали 78,6% ответов из 110,3%.

При анализе полученных компонентов мы обратили внимание, что они логично делятся на содержательные блоки, представляющие собой типы героев. Иными словами, в массиве данных содержится типология современных героев или антигероев нашего времени в представлениях учащихся. Мы выделили следующие типы: «герой-альтруист»; «герой-патриот», куда входит воин-защитник; «обыкновенный герой», который определяется денотативным значением понятия «герой»; «герой-созидатель»; «герой-лидер», «герой достигающий», «герой-новатор», «герой-профессионал» (или герой-мастер в типологии В. Д. Плахова [Плахов, 2008: 48]) и «герой-трикстер». В основе предложенной типологии — социальные функции героя нашего времени по оценкам старшеклассников. Например, «герой достигающий» определяется через успехи, социально-экономическое развитие

и достижения: «...сам добивается успехов», «...может добиться высот и при этом остаться человеком», «...поднялся с низов», «...стремится к успеху, гарантированно сможет достичь большего, чем остальные» и др. Для героя-патриота это защита Родины, участие в развитии страны и др. (см. элементы в табл. 1), что важно — преобладает деятельностный, а не созерцательный акцент. Для героя-трикстера характерно умение «...подстраиваться под ситуацию и всегда выходить „сухим из воды“», «...выкручиваться из любой ситуации», это «ловкач», который «...находит выход из любой ситуации, знает, что делать, подстраивается под изменяющиеся условия». В данном случае можно говорить об адаптивной функции указанного типа и его амбивалентности, которая лежит в основе архетипа трикстера. В смысловых основаниях героя-трикстера мы не обнаружили однозначно деструктивных или негативных коннотаций, скорее, речь идет о гибкости и готовности к переменам, высокой адаптивности к обстоятельствам, характерным для человека XXI века. Именно эта смысловая характеристика легла в основу предложенного нами названия — «герой-трикстер». Кроме того, школьники практически не приводили негативных смысловых оснований для понятия «герой нашего времени» (единичные негативные ответы мы отнесли к «Странностям»), однако тип «герой-трикстер» может считаться пограничным в силу его амбивалентной структуры, которая нашла отражение в отдельных обоснованиях старшеклассников («...выходит сухим из воды»).

Тип «обыкновенный герой» соотносится с идеей повседневного героизма (everyday hero [Keczer et al., 2016]), имплицитно выражает тезис Ф. Зимбардо о «банальности героизма» [Зимбардо, 2018], то есть возможности каждого человека быть героем при совершении определенных поступков в предлагаемых обстоятельствах. В обоснованиях школьников это «...помочь в трудную минуту», «...выручить», «...оставаться человеком в любой ситуации», «...поступить смело, справедливо, разумно для блага всех людей» и т. д.

Антигерой

Понятие «антигерой» оказалось сложным для школьников 9—11-х классов. 20,4 % опрошенных учащихся ничего не ответили на предложенную нами стимульную фразу об антигерое. 7,4 % описали антигероя как антипода герою и иногда антагониста со ссылкой на литературные произведения: «...не герой», «...стоит по разные баррикады с героем», «...поступает в противоположность герою», «...имеет большое значение в рассказах, но на самом деле не герой». Подавляющее большинство всех обоснований имели негативную коннотацию, то есть антигерой определялся старшеклассниками через отрицательные качества и поступки. 0,5 % респондентов привели положительные трактовки антигероя («честен», «спасает всех» и др.), которые мы отнесли в «странности». В целом понятие «антигерой» чаще рассматривалось школьниками как литературное в сравнении с понятием «герой нашего времени». Объединив схожие по смыслу элементарные основания в группы, мы получили 37 элементов, которые отражают какую-либо характеристику понятия «антигерой». После чего они были сгруппированы в десять компонентов на основе того же принципа — смысловой магистральной характеристики (см. табл. 2).

Таблица 2. «Антигерой» нашего времени

№	Компоненты	Элементы	Частота, %
1	Качества	Эгоистичный	4,6
		Неуверенный в себе	0,9
		Ведомый	
		Безответственный	0,8
		Беспринципный	0,2
		На негативе	0,2
		Лживый	2,7
		Ленивый	5,6
		Безнравственный, аморальный	3,4
		Трусливый	0,5
		Отсутствие целей и устремлений	1,8
		Предатель	2,3
		Готов на все ради выгоды	2,9
<i>По группе</i>			25,9
2	Отношение к обществу и стране	Не любит страну, не патриот	1,7
		Не приносит пользу и вредит стране / обществу / Родине	4,0
		Идет против народа, страны	1,6
		Преступник	1,6
		Коррупционер	0,4
<i>По группе</i>			9,3
3	Отношения к другим	Не поможет, бросит в беде	3,6
		Против всех, выше других, плохо относится к людям	5,4
<i>По группе</i>			9,0
4	Злодей	Плохой	2,3
		Разрушитель	0,6
		Поступает плохо	3,3
<i>По группе</i>			6,2
5	Неудачник	Сдавшийся	2,2
		Ничего не добившийся в жизни	
		Не достигший своих целей	0,2
		Не реализуется	
<i>По группе</i>			2,4
6	Демотиватор	Подает плохой пример	1,3
		Тянет на дно	
<i>По группе</i>			1,3
7	Отношение к себе	Против себя	0,4
		Не хочет развиваться, становится лучше	0,7
<i>По группе</i>			1,1
8	Отношение к семье, близким	Против семьи	0,2
		Не ценит семью, не готов защитить близких	0,2
<i>По группе</i>			0,4
9	Антипод	Поступает противоположно герою	7,4
10	Конкретные личности, персонажи		3,1
11	Другое, «странности»		11,7
12	Никто		0,6
13	Скопировано		5,3
14	Прочерк, затруднились		20,4
<i>Всего</i>			104,1

В рамках данной статьи рассмотрим 55,2% ответов, представляющие содержательные обоснования, из 104,1% ответов. Из анализа были исключены следующие компоненты: «отношение к семье, близким», «другое, странности», «никто», «конкретные личности, персонажи», «скопированные определения», «затруднившиеся ответить» и «антипод», который имеет низкий аналитический потенциал.

Анализ ответов школьников дает основания заключить, что понятия «герой» и «антигерой» нашего времени рассматривались учащимися как дихотомия, а не смысловой континуум. Испытывая трудности при определении антигероя, старшеклассники зачастую отталкивались от противопоставлений. Если герой «... всегда придет на помощь», то антигерой «...не поможет» или «...поможет за деньги», если герой «...честен и действует по совести», то антигерой «...врет» и «...поступает против законов морали и нравственности». Смысловой континуум присутствовал в типах «герой-патриот» и «обыкновенный герой», в частности, элементы помощи и защиты были представлены вплоть до их высшей степени — самопожертвование, подвиг, помощь ценой жизни. Для антигероя характерны более однозначные обоснования, превосходная степень встречалась в компоненте «злодей», который можно описать как тотальное зло.

Чаще всего школьники описывали антигероя через качества (25,9%), в то время как герой нашего времени в большей степени определялся ими через отношение к другим, поступки (27,5%). И если типология героев нашего времени была, по сути, очевидной, каждый компонент логично «превращался» в тип на основе его социальной функции, то выделить типы антигероев оказалось гораздо сложнее. Однозначными представляются «антигерой-неудачник», «антигерой-демотиватор» и «антигерой-злодей». Первый связан с реализацией в социуме, точнее с ее отсутствием: «...ничего не добившийся в жизни человек», «...винит кого-то в своих неудачах и не прилагает никаких усилий». Второй — с плохим примером для окружающих, деструктивными проявлениями: «...негативно влияет на других», «...тащит тебя ко дну», «...демотивирует людей и направляет их в ненужное русло». Третий — с категориями добра и зла, разрушением, вселенским злом. Элементы «плохой», «плохо поступает» — это начальная ступень, ее развитием является элемент «разрушитель», представленный такими смысловыми основаниями, как «...сеет хаос», «...рушит все на своем пути», «...уничтожает мир», «...на стороне зла», и т. п. Компонент «отношение к себе» мы рассматриваем как тип «антигерой-саморазрушитель», так как смысловые основания, приведенные старшеклассниками, отражают деструктивный вектор, направленный внутрь: «...не уважает себя», «...вредит себе», «...стоит на месте, деградирует», «...не готов бороться со своими внутренними и внешними проблемами».

Большую сложность для определения типов вызвали наиболее многочисленные в процентном отношении компоненты — это качества антигероя, его отношение к другим, к стране, обществу. При попытках обозначить типы антигероев для данных компонентов, сохраняя приведенный уровень абстракции, мы теряли аналитическую глубину. Указанные сгруппированные данные (см. табл. 2) иллюстрируют структуру понятия «антигерой», для выделения типов мы спустились на ступень ниже по уровню обобщения, то есть работали с элементами. В этом заключается одно из важнейших преимуществ метода неоконченных предложе-

ний — можно использовать ту степень абстракции, которая необходима для целей и задач конкретного исследования. Итак, в компоненте «отношение к обществу и стране» мы выделили типы «антигерой-непатриот», «антигерой-вредитель» и «антигерой-преступник», каждый из которых имеет свои смысловые основания. Например, антигерой-непатриот — это «...тот, кто стыдится, что он русский», «...покидает страну, не собираясь помочь ее развитию», «...бежит из своей страны» и т. д. Антигерой-вредитель описывается как человек, который «...несет вред обществу», «...мешает стране развиваться» и т. д. Антигерой-преступник «...нарушает законы РФ», «...коррупционер при власти», «...убивает людей», «...террорист» и др.

Компоненты «качества» и «отношения к другим» мы перекомпоновали, в результате чего выделили такие типы, как «антигерой-эгоист», «антигерой-бездельник» и «меркантильный». Данные типы характеризуются скорее принципами поведения и чертами характера: «...считает себя выше остальных, которому наплевать на окружающих людей», «...не трудится», «...мечтает, лежа на диване», «...наживается на других людях», «...добивается успеха, идя по головам», — нежели социальной функцией. Выделение этих типов оправдано в качестве смысловых полюсов «героя-альтруиста» и «героя достигающего», а также за счет частотности их упоминания школьниками.

Часть элементов (безответственный, беспринципный, трусливый, аморальный, лживый и др.) мы не включили ни в какой тип. Наиболее подходящее название для их объединения — это «аморальный тип». Но данное название вызывает больше вопросов, чем дает ответов, так как категория морали соотносится с историческим этапом развития общества и не может быть объективной.

Предложенная нами типология не претендует на всеохватность и объективность, она не является исчерпывающей и окончательной. Ценность данной типологии заключается в ее эмпирических основаниях, она отражает представления опрошенных школьников 9—11-х классов, обусловленные культурой и временем (начало 2023 г.). Масштаб выборки (10 727 респондентов) обеспечил наполненность сегментов — элементов, благодаря чему мы имели возможность более полно описать типы героев и антигероев нашего времени и конкретизировать эмпирические индикаторы для будущих исследований, что остается за рамками данной статьи.

Надежность данных

Главный критический вопрос к результатам нашего исследования — в какой мере полученные ответы школьников являются социально одобряемыми? Иными словами, что превалирует в обоснованиях — искренность или эффект социальной желательности вследствие административного контекста выборки? Попробуем прояснить ситуацию. Во-первых, рассмотрим специфику метода. Метод неоконченных предложений имеет проективный характер, он позволяет сделать слепок неосознаваемых представлений индивидов о том или ином социальном феномене, явлении, социальных установках и т. д. Как указывает С. Г. Климова, «стимул срабатывает как своего рода экран, на который человек проецирует характерные для него способы мышления, настроения, потребности» [Климова, 1995: 50]. По мнению М. В. Субботиной, данный метод более релевантен для изучения со-

циальных феноменов в том контексте, который подразумевают сами респонденты, поэтому он «представляется более надежным и валидным решением» в изучении проблематики героизма по сравнению с использованием уточняющих открытых вопросов [Субботина, 2021: 117]. А. П. Пахомов со ссылкой на М. Холедея отмечает, что валидность и надежность этого метода достаточно высоки [цит. по: Пахомов, 2012: 101]. Кодируя ответы школьников, мы не могли не обратить внимания на детский нарратив. Обоснования учащихся, стилистика ответов, используемая лексика свидетельствовали в пользу эффективности метода неоконченных предложений.

Во-вторых, проанализируем полученные смысловые основания. Короткие ответы, например герой нашего времени «...поможет», «...правдив», антигерой «...не поможет», «...врет», представляются любопытными в следующем ракурсе. Если это попытка быстро завершить анкету, то выполняется важное требование метода неоконченных предложений — писать первое, что приходит в голову. Таким образом, мы получаем не автоматизм при заполнении опросника, а спонтанные реакции респондентов, отражающие их неосознанные, неотрефлексированные представления, обусловленные культурными нормами. То есть понятия «герой» и «антигерой» нашего времени предстают как своего рода социальные стереотипы. Если школьники обдумали стимул и тем не менее были крайне лаконичны в своих обоснованиях, то мы, возможно, имеем дело с контекстом личностных значений, субъективного восприятия понятий. Развернутые обоснования учеников, содержащие аргументацию, объяснения и свидетельствующие о рефлексии, скорее всего, также относятся к выражению индивидуального ценностного аспекта, собственной позиции. В качестве примера сравним два обоснования, приведенные девятиклассниками: «Героем нашего времени можно назвать только того, кто всегда...» «...готов помочь» и «...поможет бедным и будет отправлять пособия или же просто помогать детским домам, храмам и людям, которые попали в трудную жизненную ситуацию». Оба ответа относятся к элементу «помощь другим», компоненту «отношение к другим». Первый ответ более стереотипен и однозначен, второй очерчивает не только способ реагирования, но и контекст, условия и адресатов помощи. Данное обоснование, судя по всему, отражает субъективную значимость определенных деталей, нюансов для конкретного респондента, возможно, в силу индивидуальных жизненных обстоятельств. Таким образом, в обоснованиях респондентов мы видим как личностные аспекты, значимые для конкретного индивида, так и отражение общих культурных норм. В этой связи представляется целесообразным говорить не о социально желательных ответах, а о стереотипных представлениях, обусловленных культурными рамками.

В-третьих, проанализируем ход исследования. Выборка собиралась в течение трех недель, в среднем в день приходило от 300 до 700 анкет. Кодируя ответы на неоконченные предложения каждый день, мы обратили внимание, что структура их распределений оставалась неизменной. Иными словами, доминантные варианты, пропорции «странностей» и затруднившихся обозначились сразу и уже не менялись. Следуя логике С. Г. Климовой, мы проверили данные на надежность [Климова, 1995: 51]: произвольно разделили массив данных из 10 727 анкет на две части так, чтобы пропорции учащихся по 9—11-м классам соответствова-

ли общей выборке. Мы выбрали только один параметр, так как распределение учеников по классам практически точно воспроизводило структуру генеральной совокупности. В полученных подвыборках, состоящих из 5 363 респондентов, мы снова провели подсчет ответов школьников и в итоге получили такое же распределение элементов понятий «герой» и «антигерой» нашего времени, как и в общей выборке, разность показателей оказалась в пределах 0,5%. Проведенный эксперимент свидетельствует о надежности полученных данных: подвыборка, составленная случайным образом, но сохранившая пропорции по классам, показала практически идентичные результаты, которые были получены на общей выборке.

Мы не можем напрямую говорить о триангуляции методов, например, рассматривая исследования ФОМ⁴ (2002 г.) и/или ВЦИОМ⁵ (2019 г.), в рамках которых задавались открытые вопросы о герое нашего времени, но в иллюстративных целях возможно сравнить результаты. Так, доля затруднившихся в 2002 г. составила 49% по России (открытый вопрос: «Наверное, Вам приходилось слышать выражение „герой нашего времени“. Как Вы понимаете это выражение, что оно означает?»⁶). В 2019 г. эта доля стала ниже — 31% опрошенных затруднились ответить («Есть такое выражение „герои нашего времени“. Скажите, пожалуйста, как Вы понимаете это выражение, что оно означает?»⁷). В нашем исследовании 15,9% школьников затруднились ответить, еще 8,1% были отнесены к категории «Другое, „странности“», 1,9% скопировали определение из интернета, совокупно это 25,9%. При этом обоснования старшеклассников, структура понятия, доминантность смыслов в целом коррелируют с ответами, полученными в рамках общероссийских исследований, несмотря на различные выборки, демографические группы респондентов, исследовательские методы и географию.

Заключение

Проведение методического эксперимента с применением двух неоконченных предложений для изучения понятий «герой» и «антигерой» нашего времени среди старшеклассников Ленинградской области позволило сформировать тезаурус, общее смысловое пространство для каждого из этих понятий, характерное для опрошенных старшеклассников. Выделенные типы героев и антигероев имеют эвристический потенциал для дальнейшей работы. Оценивая коммуникативную и когнитивную адекватность использованных стимулов, мы можем заключить, что неоконченное предложение о герое нашего времени представляется рабочим инструментом для определения структуры понятия, позволяет получать содержательный материал с допустимым количеством иррелевантных ответов. Стимул об антигерое в рамках нашего исследования можно считать обоснованным, он позволил решить поставленные задачи. Частично это связано с большим объе-

⁴ Герой нашего времени // База данных ФОМ. 2002. 28 февраля. URL: https://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominant2002/364_2499/d020822 (дата обращения: 01.02.2024).

⁵ Врач, спасатель и военный: герой нашего времени // ВЦИОМ. 2019. 6 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrach-spasatel-i-voennyj-geroj-nashego-vremeni-> (дата обращения: 01.02.2024).

⁶ Герой нашего времени // База данных ФОМ. 2002. 28 февраля. URL: https://bd.fom.ru/report/map/dominant/dominant2002/364_2499/d020822 (дата обращения: 01.02.2024).

⁷ Врач, спасатель и военный: герой нашего времени // ВЦИОМ. 2019. 6 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vrach-spasatel-i-voennyj-geroj-nashego-vremeni-> (дата обращения: 01.02.2024).

мом выборки: в рамках элемента всегда встречались развернутые обоснования, даже если значительную часть смысловых оснований составляли короткие ответы («...злой», «...пакостит» и др.). В целом мы считаем, что с понятием «антигерой» следует работать как с аналитической категорией, через эмпирические индикаторы и напрямую не использовать его в общении с респондентами или информантами.

Вследствие особенности сбора данных наша выборка имела административный контекст. Определив маркеры «институционального давления», мы приняли аргументированное решение, с какими элементами и компонентами работать, а какие исключить из анализа. Эта операция позволила улучшить качество данных, отсеяв, в частности, скопированные из интернета ответы, хотя в целом увеличила время обработки материала. Для наших будущих исследований мы видим большой потенциал метода неоконченных предложений в изучении проблематики героизма среди молодежи.

Список литературы (References)

Бурлов А. В. Метод неоконченных предложений в социологии: стратегии использования и логика анализа данных. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М.: ИС РАН, 2001.

Burlov A. V. (2001) The Method of Incomplete Sentences in Sociology: Usage Strategies and Logic of Data Analysis. PhD Thesis. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Желизнык М. Н. «Герой нашего времени» в представлениях молодежи Ленинградской области. Методологические размышления // Socio Time / Социальное время. 2022. № 3. С. 57—71. <https://www.doi.org/10.25686/2410-0773.2022.3.57>.

Zheleznyk M. N. (2022) A Hero of Our Time for the Young People of the Leningrad Region. Methodological Thinking. *Socio Time*. No. 3. P. 57—71. <https://www.doi.org/10.25686/2410-0773.2022.3.57>. (In Russ.)

Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Zimbardo F. (2018) Lucifer Effect. Understanding How Good People Turn Evil. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)

Климова С. Г. Опыт исследования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 1995. № 5—6. С. 43—64.

Klimova S. G. (1995) The Experience of Using the Methodology of Unfinished Sentences in a Sociological Study. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (4M)*. No. 5—6. P. 43—64. (In Russ.)

Пахомов А. П. Методика «незаконченные предложения» Сакса — Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 4. С. 99—116.

Pakhomov A. P. (2012) The Sentence Completion Test (Sacks & Levy) as a Training Manual. *Ekspperimental'naâ psihologîâ = Experimental Psychology (Russia)*. Vol. 5. No. 4. P. 99—116. (In Russ.)

Плахов В. Д. Герои и героизм: опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб.: КАРО. 2008.

Plahov V. D. (2008) Heroes and Heroism. Current Understanding of the Centuries-Old Problem. Saint Petersburg: KARO. (In Russ.)

Рягузова Е. В. Герой как культурное означающее // Известия Саратовского университета. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2014. Т. 3. № 2. С. 122—125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2014-3-2-120-125>.

Ryaguzova E. V. (2014) Hero as a Cultural Signifier. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. Vol. 3. No. 2. P. 122—125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2014-3-2-120-125>. (In Russ.)

Сикевич З. В. Опыт применения процедуры неоконченных предложений в социологическом исследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 4. С. 317—328. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.402>.
Sikevich Z. V. (2019) The Experience of Applying the Procedure of “Unfinished Sentences” to Sociological Research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 12. No. 4. P. 317—328. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.402>. (In Russ.)

Субботина М. В. Теоретическая и эмпирическая трактовка героизма в социологии (на примере кинематографических репрезентаций): дисс. ... канд. социол. н. М.: Российский университет Дружбы народов. 2021.

Subbotina M. V. (2021) Theoretical and Empirical Interpretation of Heroism in Sociology (on the Example of Cinematic Representations). PhD Thesis. Moscow: RANEPa. (In Russ.)

Татарова Г. Г., Бурлов А. В. Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 123—133.

Tatarova G. G., Burlov A. V. (1999) Logical Organization of Data Analysis Obtaining by the Method of Incomplete Sentences. *Sociological Studies*. No. 8. P. 123—133. (In Russ.)

Allison S. T., Goethals G. R. (2011) Heroes: What They Do and Why We Need Them. New York, NY: Oxford University Press.

Drake Ph., Miah A. (2010) The Cultural Politics of Celebrity. *Cultural Politics*. Vol. 6. No. 1. P. 49—64. <https://doi.org/10.2752/175174310X12549254318746>.

Franco Z., Blau K., Zimbardo P. (2011) Heroism: A Conceptual Analysis and Differentiation between Heroic Action and Altruism. *Review of General Psychology*. Vol. 15. No. 2. P. 99—113.

Keczer Z., File B., Orosz G., Zimbardo P. G. (2016) Social Representations of Hero and Everyday Hero: A Network Study from Representative Samples. *PLoS ONE*. Vol. 11. No. 8. P. 1—17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0159354>.

Kinsella E. L., English A., McMahon J. (2020) Zeroing in on Heroes: Adolescents' Perceptions of Hero Features and Functions. *Heroism Science*. Vol. 5. No. 2. Art. 2. <https://doi.org/10.26736/hs.2020.02.02>.

Povedak I. (2009) Heroes and Celebrities. PhD Dissertation Summary. Budapest: Szeged. URL: <http://doktori.btk.elte.hu/folk/povedakistvan/thesis.pdf> (accessed: 10.12.2023).

Sullivan M. P., Venter A. (2010) Defining Heroes Through Deductive and Inductive Investigations. *The Journal of Social Psychology*. Vol. 150. No. 5. P. 471—484. <https://doi.org/10.1080/00224540903366602>.

Trotsuk I. V., Subbotina M. V. (2021) Three Questions to Start the Sociological Study of Heroism. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 169—180. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180>.

DOI: [10.14515/monitoring.2024.1.2525](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2525)**С. Г. Ушкин**

**ЛЕВИАФАН 2.0: КАК ТОМАС ГОББС ПРЕДУГАДАЛ РЕВОЛЮЦИЮ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И БОЛЬШИХ ДАННЫХ?
РЕЦ. НА КН.: RUNCIMAN D. THE HANDOVER: HOW WE GAVE
CONTROL OF OUR LIVES TO CORPORATIONS, STATES AND AIS.
LONDON: PROFILE BOOKS, 2023**

Правильная ссылка на статью:

Ушкин С. Г. Левиафан 2.0: как Томас Гоббс предугадал революцию искусственного интеллекта и больших данных? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1. С. 276—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2525>. Рец. на кн.: Runciman D. The Handover: How We Gave Control of Our Lives to Corporations, States and AIs. London: Profile Books, 2023

For citation:

Ushkin S. G. (2024) Leviathan 2.0: How Did Thomas Hobbes Predict the Artificial Intelligence and Big Data Revolution? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 276–283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2525>. Book Review: Runciman D. (2023) The Handover: How We Gave Control of Our Lives to Corporations, States and AIs. London: Profile Books. (In Russ.)

Получено: 22.11.2023. Принято к публикации: 11.12.2023.

ЛЕВИАФАН 2.0: КАК ТОМАС ГОББС ПРЕДУГАДАЛ РЕВОЛЮЦИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И БОЛЬШИХ ДАННЫХ? РЕЦ. НА КН.: RUNCIMAN D. THE HANDOVER: HOW WE GAVE CONTROL OF OUR LIVES TO CORPORATIONS, STATES AND AIS. LONDON: PROFILE BOOKS, 2023

УШКИН Сергей Геннадьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия; исследовательский менеджер, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия; младший научный сотрудник института корпоративного обучения и непрерывного образования, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, Саранск, Россия
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

Аннотация. Рецензия написана на книгу британского интеллектуала Дэвида Рансимена, посвященную размышлениям о будущем людей в эпоху искусственного интеллекта и больших данных. В своих рассуждениях он опирается на теоретические конструкции Томаса Гоббса о государстве как Левиафане и переносит их на тренды развития современного общества. Главный аргумент Рансимена заключается в том, что сегодня мы не наблюдаем ничего фундаментально нового, поскольку процесс отчуждения власти от человека и ее передачи внешним субъектам продолжается на протяжении нескольких сотен лет. Понятийный аппарат остался прежним, трансформация коснулась только субъектов — если раньше это были государства

LEVIATHAN 2.0: HOW DID THOMAS HOBBS PREDICT THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BIG DATA REVOLUTION? BOOK REVIEW: RUNCIMAN D. (2023) THE HANDOVER: HOW WE GAVE CONTROL OF OUR LIVES TO CORPORATIONS, STATES AND AIS. LONDON: PROFILE BOOKS

Sergey G. USHKIN^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Department for Monitoring Social Processes; Research Manager; Junior Researcher at the Institute for Corporate Education and Continuing Education*
E-MAIL: ushkinsergey@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4317-6615>

¹ Scientific Center for Socio-Economic Monitoring, Saransk, Russia

² Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

³ National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article reviews a book dedicated to the future of people in the era of artificial intelligence and big data and written by British intellectual David Runciman. In his reasoning, Runciman relies on the theoretical constructions of Thomas Hobbes about the state as a Leviathan and transfers them to the development trends of modern society. Runciman's main argument is that today we are not seeing anything fundamentally new, since the process of alienation of power from people and its transfer to external actors has been going on for several hundred years. The conceptual apparatus remained the same, and the transformation affected only the subjects; previously these were states and corporations, now they are being replaced by artificial intelligence.

и корпорации, то теперь им на смену приходит искусственный интеллект.

Ключевые слова: Дэвид Рансимен, Томас Гоббс, Левиафан, искусственный интеллект, большие данные

Keywords: David Runciman, Thomas Hobbes, Leviathan, Artificial Intelligence (AI), Big Data

Благодарность. Работа подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01288 <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>.

Проблематика искусственного интеллекта и больших данных вызывает все больший интерес социальных исследователей, особенно в части влияния технологий на властные структуры и реализацию власти [Коваль, 2023: 265]. При этом многие теоретики рассматривают цифровую революцию и возникновение сетевых алгоритмических форм мышления, происходящих за пределами человеческого мозга, как нечто принципиально инородное, то, с чем человечество столкнулось впервые, а для непосвященных — и вовсе наделенное магическими, сакральными формами [Finn, 2017].

В своей недавней книге «Передача: как мы отдали контроль над нашими жизнями корпорациям, государствам и искусственному интеллекту» британский публичный интеллектual, профессор Кембриджского университета Дэвид Рансимен развенчивает некоторые, как ему кажется, мифы о нашем цифровом будущем. Он настаивает на том, что искусственный интеллект не привносит ничего принципиально нового в социальную теорию и является лишь итерацией двух предшествующих ему форм господства — государств и корпораций [Runciman, 2023].

В ней автор последовательно развивает теоретические традиции, сформированные Томасом Гоббсом [Гоббс, 2022]. Государства в этих построениях, а имплицитно и корпорации, представляют собой не что иное, как огромные, могущественные и долгоживущие нечеловеческие (сверх)разумы. Коллективное в них противопоставляется индивидуальному, их способы мышления несравнимы с тем, как думают обычные люди. При этом и государства, и корпорации заметным образом ограничивают спонтанность человеческих действий, полностью или частично подчиняя нашу жизнь бюрократическим правилам и формам (см., например, [Вебер, 2020; Фуко, 2022]).

Рансимен уверен, что наш путь к неконтролируемому искусственному интеллекту начался не с персонального компьютера, а с создания в XVII веке первых национальных государств и появления на рубеже XVIII—XIX веков современных корпораций. Более того, он отмечает, что государства и корпорации имеют намного больше общего с умными машинами, нежели со своими предшественниками. Поясняя эту мысль, Рансимен использует элегантную метафору: современные властные структуры связаны с более ранними государствами и корпорациями

ровно так же, как алгоритмы глубокого обучения XXI века — с мейнфреймами начала XX века.

Для того чтобы придать своим размышлениями академическую стройность, Рансимен предлагает переосмыслить гоббсовский терминологический аппарат. Он утверждает, что если бы слово «робот» появилось раньше, то именно оно, а не использованный Гоббсом термин «автомат», стало бы определяющим при описании механистических функций государства или корпораций. Семантическое различие употребляемых понятий в том, что первое (робот) подразумевает большую вариативность, похожую на естественность, но не являющуюся ей, в то время как второе (автомат) — лишь следование определенным строго запрограммированным функциям. Вот каким образом в гоббсовском «Левиафане» описаны механистические предпосылки государственного аппарата:

*Человеческое искусство (искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им) является подражанием природе как во многих других отношениях, так и в том, что оно умеет делать искусственное животное. Ибо, наблюдая, что жизнь есть лишь движение членов, начало которого находится в какой-нибудь основной внутренней части, разве не можем мы сказать, что все автоматы (механизмы, движущиеся при помощи пружин и колес, как, например, часы) имеют искусственную жизнь? В самом деле, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не такие же нити, а суставы — как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу так, как этого хотел мастер? Впрочем, искусство идет еще дальше, имитируя разумное и наиболее превосходное произведение природы — человека. Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к седалищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, *salus populi*, безопасность народа, — его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (*reason*) и воля; гражданский мир — здоровье, смута — болезнь, и гражданская война — смерть [Гоббс, 2022: 9].*

Парадокс, который подмечает Рансимен и о котором не устаёт говорить, заключается в следующем: пока едва ли не в геометрической прогрессии множатся вполне оправданные опасения по поводу будущего искусственного интеллекта, многие забывают, что на протяжении нескольких столетий большая часть стратегически важных решений была делегирована крупным, непрозрачным и обезличенным организациям. Говоря языком Гоббса, эти «искусственные люди», созданные по образу и подобию человека, оказались настолько могущественными, что

практически полностью вытеснили из политики все человеческое. Им мы обязаны как прогрессом человеческой цивилизации, так и крупномасштабными войнами, унесшими миллионы жизней представителей нашего рода.

Сегодня мы наблюдаем, как люди разочаровываются в государствах и корпорациях, по всему миру фиксируется кризис доверия. Исследования в разных странах фиксируют существенное увеличение противозлитной активности масс — настолько, что петиции, демонстрации, бойкоты и другие формы подобных действий уже не считаются «неортодоксальными», а стали нормой для значительной части граждан постиндустриальных обществ [Инглхарт, Вельцель, 2011: 176]. Едва ли не ключевой точкой преткновения становится разрыв между провозглашаемой гуманистической перспективой и наблюдаемым алгоритмическим мышлением современных Левиафанов, для которых человеческая жизнь — не более чем нейрон в системе строго организованных отношений власти.

Похожее переосмысление Гоббсовой проблемы практически одновременно с Рансименом предлагает другой британский политический философ, профессор Лондонской школы экономики Джон Грей в работе «Новые Левиафаны: мысли после либерализма» — ее также пронизывает некое разочарование [Gray, 2023]. Грей предлагает читателям попытаться повзрослеть и признать, что будущее больше не принадлежит человечеству, которому предлагается выступить исключительно в роли наблюдателя за естественным для государств и корпораций ходом развития истории. Любые попытки усовершенствовать мир посредством крупномасштабных проектов спасения человечества, будь то либерализм, коммунизм или социализм, неминуемо обречены на провал и представляют собой не более чем религию политически верующего.

Сложность заключается в том, что образ мышления и действий государств и корпораций враждебен по отношению к человеческому процветанию, а идеи всеобщего благосостояния оборачиваются тем, что богатые богатеют в то время, когда бедные беднеют — об этом подробно пишет французский экономист, профессор Высшей школы социальных наук и Парижской школы экономики Тома Пикетти [Пикетти, 2016]. Примечательно, что по мере усиления роли властных институтов голоса об их ограничении звучали все отчетливее, например, к этому призывал Нобелевский лауреат по экономике, профессор Чикагского университета Милтон Фридман. Как он указывал, хотя государства и необходимы для сохранения человеческой свободы, они же и представляют главную угрозу для последней [Фридман, 2006].

Тот факт, что государства и корпорации все больше расчеловечиваются, Рансимен изящно использует в своей объяснительной модели трансформации выборных институтов. По его мнению, избиратели на Западе все чаще голосуют не за типичных представителей истеблишмента, а за ярких, харизматичных, похожих на простых людей со всеми их достоинствами и недостатками политиков и общественных деятелей, которые за счет своего образа пытаются абстрагироваться от обезличенных механизмов поддержания власти — вспомнить хотя бы движение за «новую искренность» [D'Ambrosio, Moeller, 2021]. Но нужно понимать, что это не более чем контролируемая иллюзия: в действительности каждый, пусть даже самый амбициозный политик не может вырваться из «железной клетки».

Как отмечает Рансимен, мы построили государства и корпорации, а государства и корпорации построили мир, в котором мы сейчас живем.

Гоббсова проблема, или вопрос, о том, как возможно современное общество, состоящее из множества рациональных акторов, преследующих свои частные интересы и часто имеющих противоположные цели [Кильдюшов, 2016], возводится Рансименом на принципиально иной уровень. По его мнению, искусственный интеллект существенно расширил возможности государств — и особенно США и Китая — по слежке за своими гражданами, а корпорациям дал возможность — здесь упоминаются в первую очередь Meta¹ и Google — поставлять большие данные о поведении граждан и манипулировать потребителями в своих целях. Важно понять не то, как люди будут относиться к машинам, а то, как мыслящие машины — государство, корпорация или искусственный интеллект — будут относиться друг к другу.

Рансимен подводит к тому, что главным страхом техноскептиков должно быть не то, что искусственный интеллект вырвется на свободу и приумножит господство властных институтов, а то, что он это господство в конечном счете подорвет, взяв на себя ответственность за регулирование человеческой деятельности. Безусловно, с одной стороны, это выглядит зловеще и представляет собой вариант антиутопии, о котором бесконечно говорят не только политики и ученые, но и простые обыватели. С другой стороны, искусственный интеллект может спасти человечество от целого ряда проблем, которые мы сами себе создаем. Например, британский независимый исследователь, эколог и футурист Джеймс Лавлок считает, что, поскольку машины думают в тысячи раз быстрее нас, то они видят людей точно так же, как мы видим растения — и как подобное расхождение не мешает нам хорошо относиться к растениям, так и искусственный интеллект может хорошо относиться к человечеству [Lovelock, Appleyard, 2019].

По мнению Рансимена, государства и корпорации вызвали первую сингулярность, под которой он понимает используемый технологами термин для описания безудержного сверхразума и потери человеческого контроля. Вторая сингулярность связывается им с эпохой искусственного интеллекта, который может прийти на смену традиционным властным институтам. Но ключевой его вопрос (как, впрочем, и главные опасения) сводится к тому, с кем нам будет лучше: с машиноподобными человеческими существами или же с человекоподобными машинами? Выбор стороны может стать определяющим для развития человечества (или его гибели), но у автора рецензируемой работы нет простых ответов — сам он пока настаивает на своеобразном тайм-ауте, во время которого можно несколько ограничить возможности искусственного интеллекта, пока это еще представляется возможным.

Более того, Рансимен сосредоточен скорее на постановке вопросов, нежели на попытке разобраться в происходящем. На всем протяжении работы он тщательно развешивает ружья, которые, впрочем, никогда не выстрелят. По прочтении книги остается ощущение, что Гоббсова проблема никуда не делась, а человеческому роду не стоит почивать на лаврах самоуспокоения. Подводя итог своей

¹ Признана в России экстремистской.

работы, Рансимен пишет, что мы не должны забывать, насколько странна современность по сравнению с тем, что было раньше: здесь есть свои монстры, наделенные потусторонними, сверхъестественными качествами. Бесчеловечные алгоритмы могут предугадать наше поведение на основе больших данных или же как минимум заставить нас поверить в это, поэтому у нас остается один-единственный выход, а именно попробовать заново «подружиться» с детищами первой сингулярности и быть готовыми ко второй.

Список литературы (References):

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2020.

Weber M. (2020) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: AST, 2020. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: New Publisher. (In Russ.)

Гоббс Т. Левиафан. Человеческая природа. О свободе и необходимости. СПб.: Азбука, 2022.

Hobbes T. (2022) *Leviathan. Human Nature. About Freedom and Necessity*. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)

Кильдюшов О. В. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 122—149. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-122-149>.

Kildyushov O. V. (2016) The Problem of Social Order (a Hobbesian Problem): Towards the Heuristics and Pragmatics of the Constitutive Question of Contemporary Social Theory. *Russian Sociological Review*. Vol. 15. No. 3. P. 122—149. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-3-122-149>. (In Russ.)

Коваль Е. А. Новые алгоритмы власти в мире алгоритмов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 262—282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2463>. Рец. на кн.: Hasselbalch G. *Data Ethics of Power: A Human Approach in the Big Data and AI Era*. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar, 2021.

Koval E. A. (2023) New Algorithms of Power in the World of Algorithms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 262—282. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2463>. Book Review: Hasselbalch G. (2021) *Data Ethics of Power: A Human Approach in the Big Data and AI Era*. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar. (In Russ.)

Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2016.

Piketty T. (2016) *Capital in the XXI Century*. M.: Ad Marginem. (In Russ.)

Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.

Friedman M. (2006) *Capitalism and Freedom*. Moscow: New Publisher. (In Russ.)

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2022.

Foucault M. (2022) *Surveiller et punir: Naissance de la Prison*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

D'Ambrosio P. J., Moeller H.-G. (2021) Political New Sincerity and Profilicity: On the Decline of Identity Politics and Authenticity. *Philosophy Today*. Vol. 65. No. 1. P. 105—123. <https://doi.org/10.5840/philtoday2021217386>.

Gray J. (2023) *The New Leviathans: Thoughts After Liberalism*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.

Finn E. (2017) *What Algorithms Want: Imagination in the Age of Computing*. Cambridge, MA: MIT Press.

Lovelock J., Appleyard B. (2019) *Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence*. London: Allen Lane.

Runciman D. (2023) *The Handover: How We Gave Control of Our Lives to Corporations, States and AIs*. London: Profile Books.

